

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 1 (65)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2022

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 1 (65). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 191 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (зам. главного редактора) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.А. Вахрушина –
д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации);
Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab.,
Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф.
(ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН);
Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто,
Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская –
д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD,
Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО);
Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН);
Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н.,
проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 1 (65)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2022

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 1 (65). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2022. – 191 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Власов М.В., Качан Я.В.</i> Влияние электронного правительства на человеческий капитал: динамика взаимодействия	7
<i>Горбунова М.Л., Ливанова Е.Ю., Маковецкая Т.В., Хазан М.Ю.</i> Статистический анализ показателей функционирования ведущих российских экспортеров	16
<i>Корнилов Д.А., Зайцев Д.А.</i> Оценка оборотов рекламы в русскоязычных телеграм-каналах	28
<i>Мизиковский И.Е.</i> Разработка контрольно-оценочных инструментов системы бухгалтерского управленческого учета промышленного предприятия	36
<i>Оборин М.С.</i> Влияние региональных программ на развитие агропромышленного комплекса	43
<i>Юрлов Ф.Ф., Яшин С.Н., Плеханова А.Ф.</i> Методика комплексного применения набора принципов оптимальности при выборе эффективных решений при наличии неопределенности внешней среды и многокритериальности	49

Социологические науки

<i>Авдеев Е.А., Ерохина М.Е.</i> Ценностные основания идентичности молодежи Северного Кавказа	56
<i>Багирова А.П., Бледнова Н.Д.</i> Содержание и результаты прародительского труда в оценках уральских родителей	66
<i>Бекарев А.М., Пак Г.С.</i> Цифровая компетентность и возраст преподавателя в условиях префигуративной культуры	74
<i>Ермилова А.В., Захаров Д.В.</i> Ресурсность представителей пожилого возраста: теоретический аспект	82
<i>Киенко Т.С., Певная М.В., Птицына Н.А.</i> Практики самоорганизации и социальной активности россиян старшего возраста как расширяющие возможности («empowerment») технологии	89
<i>Минь Ю.</i> Трудовая деятельность пенсионеров: сравнение опыта Китая и России	99
<i>Прохорова М.В.</i> Адаптационный потенциал к социальному старению	110
<i>Рассолова Е.Н.</i> Хобби или профессия? Особенности профессионализации направления сайнс-арт	117
<i>Сорокин Г.Г., Фокина Е.Н.</i> Технология управления проектами геронтообразования Российской Федерации	125
<i>Софронова Ю.Л.</i> Старшее поколение села Ключищи Шатковского района Нижегородской области: качество жизни, ресурсность, практики потребления и питания (на основе биографических интервью)	134

Педагогические науки

<i>Ангелова О.Ю., Подольская Т.О., Марики В.В.</i> Факторы, определяющие выбор образовательной игры одаренной молодежью	146
<i>Евсина Е.В.</i> Подготовка преподавателей университета к работе в поликультурной среде	153
<i>Котельникова М.В., Аустов А.В.</i> Совершенствование содержания программ математического цикла для экономистов-бакалавров на примере дисциплины «Линейная алгебра»	157
<i>Митрофанов В.В.</i> «О Москве пока ни слуху, ни духу»: главная мечта Н.Н. Шамонина	166
<i>Orlova E.S.</i> A binary reference frame of language acquisition theory	179
<i>Осокин И.В.</i> Индивидуальные образовательные маршруты как средство персонифицированного повышения квалификации учителей школ с низкими результатами обучения в 2020 году	184

CONTENTS

Economic sciences

Vlasov M.V., Kachan Ya.V. Impact of electronic government on human capital: dynamics of interaction.....	7
Gorbunova M.L., Livanova E.Yu., Makovetskaya T.V., Khazan M.Yu. Statistical analysis of leading Russian exporters' performance	16
Kornilov D.A., Zaitsev D.A. Evaluation of advertising turnover in Russian Telegram channels	28
Mizikovskiy I.E. Development of control and evaluation tools of the system of accounting management accounting of industrial enterprise.....	36
Oborin M.S. The impact of regional programs on the development of the agro-industrial complex	43
Yurlov F.F., Yashin S.N., Plekhanova A.F. The method of complex application of a set of principles of optimality in the selection of effective solutions in the presence of uncertainty of the external environment and multicriteriality	49

Sociological sciences

Avdeev E.A., Erokhina M.E. Value-semantic basis of the North Caucasus youth identity	56
Bagirova A.P., Blednova N.D. Contents and results of grandparental labour in the assessments of Ural parents	66
Bekarev A.M., Pak G.S. Digital competence and teacher age in a pre-figurative culture	74
Ermilova A.V., Zakharov D.V. Resourcefulness of the elderly: a theoretical aspect.....	82
Kienko T.S., Pevnaya M.V., Ptitsyna N.A. Practices of self-organization and social activity of older Russians as empowerment technologies.....	89
Min You Labor activity of retirees: comparing the experience of China and Russia	99
Prokhorova M.V. Adaptive capability to social ageing.....	110
Rassolova E.N. Hobby or profession? Features of professionalization of the science art direction.....	117
Sorokin G.G., Fokina E.N. Technology of senior citizens' education projects management in the Russian Federation.....	125
Sofronova Y.L. The elder generation of the Klyuchischi village (the Shatkovsky district, the Nizhny Novgorod region): quality of life, resource, consumption and food practices (based on biographic interviews).....	134

Pedagogical sciences

Angelova O.Yu., Podolskaya T.O., Mariko V.V. Factors determining the choice of an educational game for gifted youth	146
Evsina E.V. Preparation of university lecturers for work in multicultural environment	153
Kotelnikova M.V., Aistov A.V. Improving the content of mathematical cycle programs for undergraduate economists on the example of the discipline «Linear Algebra».....	157
Mitrofanov V.V. «About Moscow until hearing or spirit»: The main dream of N.N. Shamonin	166
Orlova E.S. A binary reference frame of language acquisition theory	179
Osokin I.V. Individual educational routes as a means of personalized professional development of teachers of schools with low learning outcomes in 2020	184

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 351/354

DOI 10.52452/18115942_2022_1_7

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2022 г.

М.В. Власов, Я.В. Качан

Власов Максим Владиславович, к.э.н.; старший научный сотрудник Центра экономической теории
Института экономики УрО РАН;
доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
MVlassov@mail.ru

Качан Ян Викторович, аспирант, младший научный сотрудник Центра экономической теории
Института экономики УрО РАН, Екатеринбург
kachan.yanf@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 04.12.2021**Статья принята к публикации 28.01.2022*

В современной экономике наблюдается повышенный интерес к электронному государству, его роли в социально-экономическом развитии человеческого капитала и общества в целом. Данная работа изучает существующие исследования общественной ценности электронного правительства для исследования текущего состояния электронного правительства и того, какую ценность оно должно принести. Целью исследования является оценка влияния динамики цифровых технологий в государственном управлении на динамику развития факторов человеческого капитала. В качестве объекта исследования выступает электронное правительство и его общественная ценность. Два вопроса, которыми руководствовались авторы в ходе исследования: каково текущее состояние исследований общественной ценности электронного правительства? Какую ценность должно принести электронное правительство в рамках градаций уровней человеческого капитала? В качестве предметов исследования выступают обнаруженные ценности электронного правительства: качественные услуги со стороны государства; административная эффективность; открытое правительство; соблюдение этических норм поведения и профессионализм; доверительные отношения с правительством; социальная ценность и благополучие, выявленные корреляционные зависимости между определенными факторами человеческого капитала и цифровой экономики, и как они вместе формируют то, что мы называем сегодня электронным правительством. В качестве методологии исследования использовался анализ работ, посвященных ценности электронного правительства, и корреляционный анализ для оценки зависимостей. Полученные в ходе исследования выводы были разделены на три составляющих измерения общественной ценности: улучшенные государственные услуги, улучшенное администрирование и повышенная социальная ценность. Полученные отрицательные и положительные корреляционные зависимости приводят к выводам, которые могут улучшить наше понимание общественной ценности электронного правительства с разных точек зрения, а также пересечения между ними в реальных проектах и реализациях электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство, информационно-коммуникационные технологии, человеческий капитал, цифровая экономика, цифровое государство, ценность электронного правительства.

Введение

Электронное правительство обычно понимается как процесс использования государством инструментов цифровой экономики, направленных на улучшение организационных структур и операций государства [1]. Кроме того, ожидается, что внедрение электронного правительства поможет государствам предоставлять услуги и преобразовывать отношения с гражданами, предприятиями и другими государственными структурами [2]. В настоящее время, в отличие от развитых стран, где электронное правительство находится на высоком уровне, в наименее

развитых странах перед электронным правительством стоит множество проблем. Эти проблемы включают, помимо прочего, большой цифровой разрыв, неадекватную электронную инфраструктуру и отсутствие навыков и компетенций для разработки, внедрения, использования систем электронного правительства и управления ими. Высокий процент неудач электронного правительства в наименее развитых странах был определен на основании оценок, согласно которым 35% проектов являются полным провалом, 50% – частичным провалом и только 15% являются успешными [3]. Провал электронного правительства влечет за собой

Таблица 1

Определения электронного государства

Источник	Определение
Статья «Электронное правительство: динамика взаимодействия государства и российского общества в XXI в.»	Электронное правительство можно определить как электронное взаимодействие (транзакции и обмен информацией) между правительством, общественностью (гражданами и бизнесом) и сотрудниками [5]
World Bank	Электронное правительство – это государственные системы информационных и коммуникационных технологий, которые преобразуют отношения с гражданами, частным сектором и/или другими государственными учреждениями, чтобы способствовать расширению прав и возможностей граждан, улучшать предоставление услуг, усиливать подотчетность, повышать прозрачность или эффективность государственного управления [6]
Статья «Технологии межведомственного электронного взаимодействия в государственном и муниципальном управлении»	Электронное правительство – это преобразование внутренних и внешних отношений государственного сектора посредством сетевых операций, информационных технологий и коммуникаций с целью улучшения предоставления государственных услуг [7]
Статья «Использование показателей индекса развития электронного правительства в государственном управлении: методология расчета и статистический учет»	Электронное правительство – это правительство, работающее через Интернет, которое связывает новые технологии с правовыми системами внутри и, в свою очередь, связывает такую государственную информационную инфраструктуру извне со всеми – налогоплательщиками, поставщиками, бизнес-клиентами, избирателями и всеми другими учреждениями в обществе [8]
Статья «Электронное правительство в России: проблема определения критериев эффективности и достижения показателей»	Электронное правительство – это использование государственным сектором самых инновационных информационных и коммуникационных технологий, таких как Интернет, для предоставления всем гражданам улучшенных услуг, надежной информации и более глубоких знаний в целях облегчения доступа к процессу управления и поощрения более активного участия граждан [9]

множество негативных последствий, таких как потеря времени и денег, потеря хорошего имиджа вовлеченных субъектов и увеличение будущих затрат.

Например, неудачные проекты электронного правительства мешают будущим проектам из-за потери доверия к нему как к инструменту модернизации государственного сектора. Несмотря на высокий процент неудач, за последние несколько лет интерес к этой теме значительно вырос [4].

Целью данной работы является анализ существующих исследований общественной ценности электронного государства для изучения текущего состояния и того, какую ценность должно приносить электронное государство, и на примере данных Российской Федерации выявление зависимости между факторами цифровой экономики в контексте электронного государства и факторами человеческого капитала.

Вопросы исследования:

1. Каково текущее состояние исследований общественной ценности электронного государства?

2. Какую ценность должно принести электронное государство?

Авторы отвечают на эти вопросы, опираясь на данные существующих работ, в которых исследуются концепции ценностей электронного государства, которые могут служить ориентиром для исследований и практики в органах государственной власти, а также выявляют корреляции между основными факторами цифровой экономики, задействованными в электронном правительстве, и факторами человеческого капитала.

Определение электронного государства

В таблице 1 представлены наиболее популярные определения электронного государства.

Как мы видим из таблицы 1, электронное государство в разных источниках понимается с разных точек зрения. Прежде всего стоит выделить, что данное определение рассматривается на разных уровнях, одни авторы просто описывают данное определение как информацию о государстве на электронных ресурсах, другие же ав-

торы рассматривают это определение более подробно и утверждают, что электронное правительство – это не просто использование государством информационно-коммуникационных технологий для информирования, а использование передовых технологий для предоставления гражданам более качественных услуг. Следующие авторы [7] выходят за рамки одного государства и описывают электронное правительство как использование цифровых технологий для внутренних и внешних отношений государства. К плюсам этих определений можно отнести то, что они являются узкоспециализированными, с помощью чего мы можем точнее определить проблемы, которое решает электронное правительство, но данный узкий фокус в этих определениях одновременно является и их минусом, потому что происходит лимитирование возможностей, которые может предложить электронное правительство [10]. Узкое определение и недопонимание общей концепции электронного правительства ведет к частым провалам инициатив государств во внедрении ИКТ и переходе от обычного правительства к электронному. Авторы данной статьи считают, что электронное правительство – это комплексное понятие с множеством переменных, которое требует глубокого понимания для разработки и реализации успешных стратегий электронного государства, куда, безусловно, входит использование информационно-коммуникационных технологий, с одной стороны, для более эффективного функционирования самого электронного государства, и с другой стороны, для предоставления более качественных услуг гражданам и всем структурным единицам конкретной страны.

Общественная ценность электронного правительства

Понимание электронного правительства и его ценности требует понимания и опыта в управлении процессами на государственном уровне. При разделении организаций на частные и государственные основная цель у них остается одна и та же, которая состоит в службе людям, однако каждая группа выполняет это разными способами [11]. Частные организации служат людям в качестве клиентов и стремятся к максимальному увеличению прибыли, в то время как организации государственного сектора рассматривают каждого человека как гражданина определенного государства. Как результат мы получаем организации государственного сектора, которые, с одной стороны, действуют в интересах получения денежного дохода для

своей устойчивости, с другой стороны, испытывают дополнительные опасения по поводу общественной ценности [12].

В этой статье описывается понятие общественной ценности, в основе которого лежит теория Марка Мура [13]. Данная теория неразрывно связана с государственным управлением, основной ее фокус – это создание ценности нового государственного управления, куда внесены критерии эффективности, заимствованные у организаций из частного сектора. Основная концепция общественной ценности состоит во внесении вклада в общественное благосостояние через предпринимательскую активность.

По мнению автора статьи «A stakeholder based approach to public value» [14], при рассмотрении отдельных составляющих общественной ценности особое внимание нужно уделять конкретным группам людей, которые так или иначе участвуют в цепочке общественной ценности. Автор утверждает, что неправильно рассматривать гражданина как отдельную единицу, имеет смысл рассматривать граждан, разделенных на подгруппы по различным критериям, граждан, задействованных в государственном секторе, граждан, задействованных в политике, граждан, имеющих прямое отношение к частному сектору, и т.д.

Авторы исследования в статье «Assessing the drivers of the regional digital divide and their impact on e-Government services: evidence from a South American country» утверждают, что основным драйвером создания общественной ценности являются общественные организации. Данные организации в той или иной степени содействуют развитию ценностей в обществе [15]. Термин общественной ценности – это своего рода описание способов решения сложных социально-экономических последствий внедрения ИТ-технологий в государственном секторе. Структура общественной ценности включает в себя способность систем электронного правительства обеспечивать повышенную эффективность государственных органов, улучшенные услуги для граждан и защиту социальных ценностей, таких как свобода, демократия, равноправие, а последствия этих изменений будут зависеть от текущего социально-экономического контекста [16].

Результативность электронного правительства может быть оценена на основе его способности создавать общественную ценность не просто для всех граждан, но и для граждан, которых можно рассматривать как потребителей, и граждан, которые влияют на политику, задействованных в органах власти. В контексте реформ государственного сектора с помощью

ИКТ теория общественной ценности [17], изначально или в результате ее адаптации, все чаще использовалась для изучения этих реформ. При создании общественной ценности государства мы в первую очередь учитываем цели, которые экономически никак не выгодны, но попадают в разряд социальных целей, например результативность действий со стороны государства, равноправие, социальное взаимодействие, относительная самостоятельность, прозрачность, благосостояние общества [18]. Авторы М.С. Панг, Г. Ли, и В.Х. Делоне [19] в своем исследовании подробно описывают, как государство может создавать общественную ценность, используя информационно-коммуникационные технологии применительно только к 5 областям: доступ к государственным услугам, доступность открытого взаимодействия с обществом, потенциал совместного производства, накопление и приумножение ресурсов и инновационная составляющая в государственном управлении.

Таким образом, авторы делают вывод, что создание и вывод на качественный уровень общественной ценности в рамках электронного государства необходимо понимать как способность эффективного взаимодействия отдельных юнитов электронного правительства между собой и за своими пределами, при этом сохранив социальные ценности, такие как свобода, демократия, равноправие.

Структура электронного государства

Структура электронного государства согласно автору статьи «E-government for developing countries: Opportunities and challenges» V. Ndou [20] детализирована и включает в себя все основные компоненты. Согласно данной структуре, существующая сеть определений электронного правительства поддается трем основным компонентам, которые характеризуют структуру электронного правительства, а именно:

- 1) области трансформации;
- 2) пользователи, заинтересованные стороны и их взаимоотношения;
- 3) области применения.

Можно выделить следующие области трансформации электронного правительства: внутреннее, внешнее и относительные. Под внутренней имеется в виду использование передовых технологий внутри правительственных структур, направленных на увеличение показателей эффективности. К примеру, с использованием технологий в такой структуре легко можно связать отдельные департаменты и подразделения между собой путем внедрения внутреннего документооборота, что значительно ускоряет обмен информацией [21].

Что касается внешней области трансформации, то сюда можно отнести процессы, связанные с внешними игроками данной структуры в рамках одного государства, а именно обеспечивающие более эффективную и прозрачную связь с гражданами и бизнесом в частном секторе.

Относительные области говорят о том, как внедрение ИКТ может способствовать фундаментальным изменениям во взаимоотношениях между гражданами и государством с последствиями для демократического процесса и структурирования правительства.

Согласно структуре электронного правительства V. Ndou, в компонент «Пользователи, заинтересованные стороны и их взаимоотношения» входят 4 фундаментальные составляющие: граждане данного государства, частные организации, государственные организации и сотрудники частных и государственных организаций. Соответственно, правительство отдельно взаимодействует с каждой из этих 4 групп: G2C (government to citizens) – государство с гражданами, G2B (government to business) – государство с частными организациями, G2G (government to government) – государство с государственными организациями, G2E (government to employees) – государство с сотрудниками частных и государственных организаций.

Согласно структуре электронного правительства V. Ndou, полное использование и реализация сложных сетей взаимосвязей, описанных во втором компоненте (пользователи, заинтересованные стороны и их взаимоотношения), влечет за собой три основные области применения и распространения для электронного правительства: электронное администрирование, электронные граждане и электронные услуги, электронное общество.

В результате теоретического исследования авторы изменили описанные выше прикладные области электронного правительства. Как описывается в работе G. Sumeet «Future framework of eGovernance architecture: A structural equation modeling perspective» [22], мы отделили друг от друга концепции электронных граждан и электронных услуг, чтобы сделать электронные услуги самостоятельными, и в связи с их близостью по объему электронные граждане теперь объединены с электронным обществом, чтобы стать отдельным юнитом, куда включается все общество как одно целое. Таким образом, авторы пришли к следующим прикладным областям электронного правительства. Электронное администрирование – оцифровка всех внутренних задач государства путем автоматизации процессов между отдельными компонентами государственных структур. Электронные

услуги – оцифровка связей и предоставления услуг между государственными структурами, гражданами и частными организациями. Электронные граждане и электронное общество – установление отношений и взаимодействия между государственными учреждениями, гражданами и гражданским сообществом в целом.

Методология

Для выявления значимости влияния цифровых технологий, используемых в органах государственной власти, на факторы человеческого капитала были проанализированы показатели цифровых технологий (доля ОГВ и ОМС, использовавших Интернет; доля ОГВ и ОМС, имевших скорость передачи данных через Интернет не менее 2 Мбит/сек; доля размещенных заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд с использованием электронных торговых площадок; доля электронного документооборота между органами государственной власти) и факторы человеческого капитала (среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации; доля внутренних затрат на научные исследования и разработки сектора ИКТ в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки; численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике).

Для определения взаимосвязей между факторами цифровых технологий и факторами человеческого капитала авторы осуществили корреляционный анализ.

Авторами был проведен анализ источников о ценности электронного правительства, опубликованных в академических журналах и на конференциях в 2005–2020 гг.

Результаты

В качестве примера были взяты 4 фактора цифровой экономики, напрямую относящиеся к электронному государству, а именно доля органов государственной власти (ОГВ) и органов местного самоуправления (ОМС), использовавших Интернет, в общем числе обследованных организаций ОГВ и ОМС; доля ОГВ и ОМС, имевших скорость передачи данных через Интернет не менее 2 Мбит/сек; доля размещенных заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд с использованием электронных торговых площадок в общем объеме размещаемых заказов, по количеству тор-

гов; доля электронного документооборота между органами государственной власти в общем объеме межведомственного документооборота. Также рассмотрены 3 фактора, относящихся к человеческому капиталу, а именно среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации (рублей в месяц); доля внутренних затрат на научные исследования и разработки сектора ИКТ в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки; численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике. На примере Российской Федерации и 8 федеральных округов РФ были просчитаны корреляционные зависимости между вышеописанными факторами.

По таблице 2 мы видим, что при положительном изменении доли ОГВ и ОМС в использовании ИКТ, в частности Интернета, наблюдается положительная корреляция с таким фактором человеческого капитала, как доходы населения, но здесь стоит отметить, что в период с 2012 по 2018 год изменение первого фактора было незначительно (~ 1.5% в год), соответственно, можно сделать вывод, что напрямую увеличение первого фактора никак не влияет на увеличение второго.

В таблице 3 имеется очень похожий фактор цифровой экономики – доля ОГВ и ОМС, имевших скорость передачи данных через Интернет не менее 2 Мбит/сек, что тоже относится к ИКТ, и к Интернету в частности. Здесь также наблюдается положительная корреляция (0.9) по отношению к денежным доходам населения. Здесь можно утверждать, что первый фактор влияет на второй, т.к. первый с каждым годом изменяется на ~4%. Другими словами, скорость Интернета в ОГВ и ОМС положительно влияет на доходы населения.

По таблицам 2–4 стоит отметить, что такой фактор человеческого капитала, как «Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки», везде имеет отрицательные корреляции (от – 0.5 до – 0.99), кроме формата «Доля электронного документооборота между органами государственной власти». По мнению авторов, это никак не связано со скоростью Интернета в государственных учреждениях и с долей государственных организаций, осуществляющих сделки через электронные торговые площадки, скорее всего, здесь играет свою роль один или несколько других факторов, не имеющих прямого отношения к электронному государству.

По таблице 5 можно подробнее рассмотреть такой фактор цифровой экономики, как «Доля электронного документооборота между органа-

Таблица 2

Коэффициенты корреляции показателя «Доля ОГВ и ОМС, использовавших Интернет, в общем числе обследованных организаций ОГВ и ОМС» с показателями человеческого капитала

Год	Доля ОГВ и ОМС, использовавших Интернет, в общем числе обследованных организаций ОГВ и ОМС (%)	Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации (рублей в месяц)	Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки сектора ИКТ в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки (%)	Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике (человек)
2010			1.3	54.6
2011			1.5	55.3
2012	93		2.9	54.8
2013	94.6	25 684	2.2	54.3
2014	95	27 412	2.3	55.1
2015	94.5	30 254	3.7	52.5
2016	95.5	30 865	3.6	51.4
2017	94.8	31 897	2.5	50.1
2018	95.3	33 266	2.4	48.6
Коэффициент корреляции		0.47	-0.02	-0.55

Таблица 3

Коэффициенты корреляции показателя «Доля ОГВ и ОМС, имевших скорость передачи данных через Интернет не менее 2 Мбит/сек, в общем числе обследованных организаций ОГВ и ОМС» с показателями человеческого капитала

Год	Доля ОГВ и ОМС, имевших скорость передачи данных через Интернет не менее 2 Мбит/сек, в общем числе обследованных организаций ОГВ и ОМС	Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации (рублей в месяц)	Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки сектора ИКТ в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки (%)	Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике (человек)
2010			1.3	54.6
2011			1.5	55.3
2012	45.7		2.9	54.8
2013	50.3	25 684	2.2	54.3
2014	51.5	27 412	2.3	55.1
2015	53.1	30 254	3.7	52.5
2016	57.2	30 865	3.6	51.4
2017	60.1	31 897	2.5	50.1
2018	63.9	33 266	2.4	48.6
Коэффициент корреляции		0.93	-0.06	-0.95

ми государственной власти»: здесь положительная корреляция выявилась с таким фактором человеческого капитала, как «Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки». В этом случае все неоднозначно: доля электронного документооборота начиная с 2012 года уменьшилась на 1.4% и составила 50.1% в 2017 году, в то же время фактор численности исследователей плавно уменьшался с 2010 года, когда он составлял 54.6 человек, до 50.1 человек в 2017 году. В этом случае наблюдается положительная корреляция, но прямой связи между этими двумя факторами не наблюдается.

Заключение

Согласно статье «The understanding of ICTs in public sector and its impact on governance» [23], концепция открытого электронного государства будет означать, что действия и политика государства должны разрабатываться и осуществляться в условиях открытости, прозрачности, равноправия и сотрудничества. Особое внимание будет уделяться концептуализации электронного правительства, то есть, на практике, государство, используя цифровые технологии, ставит себе цель улучшить внутренние взаимоотношения, а именно взаимоотношения

Таблица 4

Коэффициенты корреляции показателя «Доля размещенных заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд с использованием электронных торговых площадок в общем объеме размещаемых заказов, по количеству торгов» с показателями человеческого капитала

Год	Доля размещенных заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд с использованием электронных торговых площадок, в общем объеме размещаемых заказов, по количеству торгов	Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации (рублей в месяц)	Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки сектора ИКТ, в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки (%)	Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике (человек)
2010	18.4		1.3	54.6
2011	80.1		1.5	55.3
2012	94.2		2.9	54.8
2013	95.1	25 684	2.2	54.3
2014	93.7	27 412	2.3	55.1
2015		30 254	3.7	52.5
2016		30 865	3.6	51.4
2017		31 897	2.5	50.1
2018		33 266	2.4	48.6
Коэффициент корреляции		-1	-0.29	-0.99

Таблица 5

Коэффициенты корреляции фактора «Доля электронного документооборота между органами государственной власти в общем объеме межведомственного документооборота» с факторами человеческого капитала

Год	Доля электронного документооборота между органами государственной власти в общем объеме межведомственного документооборота	Среднедушевые денежные доходы населения по Российской Федерации (рублей в месяц)	Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки сектора ИКТ, в общем объеме внутренних затрат на исследования и разработки (%)	Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки, на 10000 занятых в экономике (человек)
2010			1.3	54.6
2011			1.5	55.3
2012	51.5		2.9	54.8
2013	49.2	25 684	2.2	54.3
2014	61.7	27 412	2.3	55.1
2015	44.9	30 254	3.7	52.5
2016	40.4	30 865	3.6	51.4
2017	50.1	31 897	2.5	50.1
2018		33 266	2.4	48.6
Коэффициент корреляции		-0.48	-0.74	0.6

между различными органами власти и их сотрудниками, и внешние взаимоотношения, а именно с гражданами государства и частными организациями.

В ходе корреляционного анализа удалось найти как положительные, так и отрицательные зависимости, что в дальнейшем при разработке концепции внедрения определенных ИКТ в государственный сектор поможет выбрать наиболее эффективные инструменты. Результаты также показали преобладание стремления правительства использовать ИКТ для улучшения отноше-

ний между гражданами и государством, что в итоге приведет к улучшению показателей человеческого капитала на уровне страны.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в идентификации факторов цифровой экономики в рамках электронного государства, оказывающих влияние на развитие человеческого капитала, что может выступить основанием для проведения последующих исследований влияния цифровизации государственных структур на уровень развития человеческого капитала.

Практическая значимость связана с возможностью использования полученных результатов при внедрении ИКТ в организационные структуры с целью улучшения показателей отдельных компонентов человеческого капитала на разных уровнях, от индивидуального гражданина до целого сообщества.

Что касается текущего состояния исследований общественной ценности, данная статья выявила недостаток научных работ, направленных на изучение общественной ценности электронного правительства. Также отсутствуют сравнительные исследования на национальном, региональном и проектном уровнях.

В ходе исследования авторами было проанализировано текущее состояние и уровень исследований, посвященных общественной ценности электронного государства. Авторы пришли к заключению, что наблюдается заметный рост количества как теоретических, так и практических исследований, посвященных ценности электронного государства. Соответственно, направление дальнейших исследований авторов будет направлено на еще более глубокое изучение вопроса ценности электронного государства и его влияния на человеческий капитал.

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2021 год.

Список литературы

1. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство как вектор инновационных государственных преобразований в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 121–129.
2. Grönlund A., Horan T.A. Introducing e-Gov: History, Definitions, and Issues // Communications of the Association for Information Systems. Vol. 15. Article 39.
3. Heeks R. Most eGovernment-for-Development Projects Fail: How Can Risks be Reduced? 2003, iGovernment Working Paper no. 14. IDPM, 2003.
4. Nkohkwo Q., Islam M.S. Challenges to the successful implementation of e-government initiatives in Sub-Saharan Africa: A literature review // Electronic Journal of e-Government. 2013. Vol. 11(2). P. 253–267.
5. Артёмова П.В., Камолов С.Г., Константинова А.Н. Электронное правительство: динамика взаимодействия государства и российского общества в XXI в. // Власть. 2019. 27 (3). С. 57–62.
6. e-Government [Электронный ресурс]: Информационный ресурс WorldBank. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/topic/digitaldevelopment/brief/e-government>.
7. Тюшняков В.Н. Технологии межведомственного электронного взаимодействия в государственном и муниципальном управлении // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2012. 133 (8). С. 195–200.
8. Шкурят И.В., Сидоренко Н.О. Использование показателей индекса развития электронного правительства в государственном управлении: методология расчета и статистический учет // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2014. № 2. С. 7–19.
9. Мамай Е.А. Электронное правительство в России: проблема определения критериев эффективности и достижения показателей // Legal Concept. 2018. 17 (4). С. 35–44.
10. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство России в новых условиях // PolitBook. 2015. № 2. С. 6–32.
11. Laizah S.M., Tiko L. Conceptualizing The Integration of eHealth With eGovernance in a Developing Country // Information Resources Management Journal (IRMJ), IGI Global. 2021. Vol. 34(3). P. 64–78.
12. Koskinen J., Vermanen M., Rantanen M., Hyrynsalmi S. Ethical Governance of eGovernment Ecosystems. BLED 2020 Proceedings № 29.
13. Положихина М.А. Электронное правительство: опыт Запада и России // Россия и современный мир. 2017. № 1 (94). С. 182–196.
14. Castelnovo W. A stakeholder based approach to public value. Paper presented at the 13th European Conference on eGovernment ECEG 2013. 2013. Como, Italy.
15. Mónica P-S., Mijail N-Z., Frederico C.J. Assessing the drivers of the regional digital divide and their impact on eGovernment services: evidence from a South American country // Information Technology and People. 2021. <http://doi.org/10.1108/ITP-09-2020-0628>.
16. Gabriel K., Agnes W. Evaluating the public value of e-government services // Global Scientific Journals, 2015. Vol. 5. Issue 9.
17. Moore M.H. Creating public value: Strategic management in government. Harvard University Press, 1995.
18. Murray S., William D., William G. Measuring eGovernment success: A public value approach // European Journal of Information Systems. 2015. № 25 (3). P. 187–208.
19. Pang M.S., Lee G., DeLone W.H. IT resources, organizational capabilities, and value creation in public sector organisations: A public-value management perspective // Journal of Information Technology. 2014. Vol. 29 (3). P. 187–205.
20. Ndou V. E-government for developing countries: Opportunities and challenges // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2004. № 18.
21. Antonio S.-B., Miguel A.G. Trends in eBusiness and eGovernment. 2021.
22. Sumeet G. Future framework of eGovernance architecture: A structural equation modeling perspective // Indian Journal of Science and Technology. 2020. № 13(36). P. 3754–3761.
23. Jansen A. The understanding of ICTs in public sector and its impact on governance. Paper presented at the Electronic Government: Proceedings of the 11th IFIP WG 8.5 International Conference, EGOV 2012 Kristiansand, Norway. 2012.

IMPACT OF ELECTRONIC GOVERNMENT ON HUMAN CAPITAL: DYNAMICS OF INTERACTION***M.V. Vlasov, Ya.V. Kachan***

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

In the modern economy, there is an increased interest in the electronic state, its role in the socio-economic development of human capital and society as a whole. This paper examines existing research on the social value of e-government in order to study the current state and what value e-government should bring with the help of data from the Russian Federation, reveals the relationship between the factors of the digital economy in the context of e-government and the components of human capital. The object of research is e-government and its social value. The two questions that guided the authors during the study were: what is the current state of e-government public value research? And what value should e-government bring within the gradations of levels of human capital? The subjects of the study are 6 discovered values of e-government: quality services from the state; administrative efficiency; open government; enhancing ethical behavior and professionalism; trusting relationship with the government; social value and well-being, and the identified correlations between certain factors of human capital and the digital economy, and how they together form what we call e-government today. As a research methodology, the authors used a literature analysis of works on the value of e-government, and correlation analysis was used to assess the dependencies. The findings of the study were divided into three dimensions of societal value: improved public services, improved administration, and increased social value. The obtained negative and positive correlations lead to conclusions that can improve our understanding of the social value of e-government from different points of view, as well as the intersection between them in real projects and e-government implementations.

Keywords: e-government, information and communication technologies, human capital, digital economy, digital state, value of e-government.

УДК 339.564

DOI 10.52452/18115942_2022_1_16

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ ЭКСПОРТЕРОВ

© 2022 г. *М.Л. Горбунова, Е.Ю. Ливанова, Т.В. Маковецкая, М.Ю. Хазан*

Горбунова Мария Лавровна, д.э.н.; доц.; заведующий кафедрой мировой экономики и таможенного дела
Института экономики и предпринимательства

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
gorbunova@iee.unn.ru

Ливанова Елена Юрьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела
Института экономики и предпринимательства

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
livanova@iee.unn.ru

Маковецкая Татьяна Валерьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела
Института экономики и предпринимательства

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
makovetskaya@iee.unn.ru

Хазан Мария Юрьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела
Института экономики и предпринимательства

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
m_u_khazan@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 25.12.2021

Статья принята к публикации 28.01.2022

В ходе исследования авторы провели анализ показателей выручки и товарно-географической диверсификации ведущих российских экспортеров на основе материалов делового еженедельника «Эксперт», на основании которого можно сделать следующие выводы. Во-первых, экспортные доходы добывающих компаний менее волатильны. Во-вторых, результаты исследований подтверждают, прямо или косвенно, большую эффективность и склонность экспортеров ресурсов к географической (страновой) диверсификации, тогда как диверсификация товаров является инструментом экспортной стратегии несырьевых компаний. Модель линейной регрессии показала, что добавление нового продукта с использованием 4-значного кода HS приведет к большему увеличению экспортных доходов, чем выход на новый национальный рынок. Таким образом, официальные органы должны поддерживать диверсификацию продукции экспортеров как сырьевых товаров, так и продукции обрабатывающей промышленности, поощряя инновации.

Ключевые слова: рейтинг экспортеров, сырьевой экспорт, несырьевой экспорт, диверсификация бизнеса, товарно-географическая диверсификация, теория гетерогенных экспортеров.

Введение

Исследование влияния товарно-географической диверсификации ведущих экспортеров на их выручку имеет важное прикладное значение, с одной стороны, позволяет определить направление мер поддержки наиболее конкурентоспособных отечественных компаний на внешних рынках, с другой – дает возможность выработать рекомендации компаниям в сфере международного стратегического менеджмента.

Проблемы российского экспорта усугубляются его сырьевым характером, ухудшение условий торговли (падение цен на ресурсы) приводит к росту его напряженности (необходимости вывозить больше товаров в физическом выражении). Продвижение на внешнем рынке несырьевых товаров позволит укрепить позиции России в машиностроении (в первую

очередь атомном и оборонном), химической и пищевой промышленности. В условиях значительной отраслевой концентрации опыт ведущих компаний, по нашему мнению, не только представляет исследовательский интерес, но и обладает высокой степенью репрезентативности. Авторы полагают, что товарно-географическая диверсификация является наиболее перспективным направлением исследования внешнеэкономических связей предприятий, что обусловлено (1) провозглашенной правительством ориентацией на импортозамещение, направленное на улучшение торгового баланса страны, (2) неблагоприятной конъюнктурой на сырьевых рынках и (3) ухудшением отношений с традиционными торгово-инвестиционными партнерами. Необходимость диверсификации российского экспорта в направлении роста удельного веса высокотехнологичных отраслей

была заявлена приоритетной задачей и во Внешнеэкономической стратегии Российской Федерации до 2020 г. [1]. Новейшие Основные направления деятельности правительства до 2024 г. также опираются на стратегию экспортно ориентированного роста национальной экономики, в первую очередь за счет несырьевых компаний, продающих продукцию за рубежом.

Таким образом, цель данного исследования – обобщение и дескриптивный анализ ряда показателей функционирования ведущих российских экспортеров, представленных в рейтинге еженедельника «Эксперт», в рамках которого помимо отраслевых и региональных аспектов особое внимание уделяется товарно-географической диверсификации зарубежных продаж 162 сырьевых и 85 несырьевых экспортеров. Для достижения данной цели авторы предполагают, во-первых, провести группировку имеющихся показателей, во-вторых, изучить взаимосвязь доступных для оценки параметров товарной и географической диверсификации и выручки предприятий с учетом сырьевого или несырьевого характера их деятельности, а также отраслевой принадлежности.

Кроме того, анализ данных открытого рейтинга предприятий-экспортеров, в отличие от изучения и моделирования анонимизированных бизнес-показателей, позволяет оценить стратегический и операционный контекст интернационализации ведущих компаний страны.

Научная новизна исследования определяется тем, что, во-первых, его объектом является довольно крупная выборка крупнейших экспортеров страны, данные о которых, собранные еженедельником «Эксперт» в рамках тематического рейтинга, введены авторами в научный оборот. Во-вторых, характер данных позволил авторам выдвинуть предположение о разной значимости географической и товарной диверсификации для сырьевых и несырьевых экспортеров.

1. Интернационализация и товарно-географическая диверсификация российского бизнеса: обзор исследований

В настоящее время в стране сложилось несколько направлений изучения внешней торговли, зарубежных инвестиций и других аспектов интернационализации российского бизнеса в постсоветский период.

Значительный блок исследований участия отечественных предприятий в мирохозяйственных связях фокусируется на крупнейших российских корпорациях (акционерных обществах) – наиболее открытых в информационном отноше-

нии хозяйствующих субъектах, показательна здесь монография А.Ю. Панибратова, рассматривающая широкий спектр вопросов генезиса российских ТНК [2]. В существенном количестве работ анализируются стратегические аспекты функционирования российских корпораций на внешних рынках. Количественное эмпирическое исследование А.Ю. Панибратова, А.С. Веселовой и Л.А. Ермолаевой [3] посвящено анализу динамики прямых зарубежных инвестиций лидеров российского бизнеса с учетом разных видов межстрановой дистанции, в то же время в работах А.Ю. Панибратова [4], В.С. Катыкало и А.Г. Медведева [5] в рамках case-study изучается конфигурация (формы выхода и дальнейшего функционирования) зарубежной деятельности российских корпоративных образований.

А.В. Кузнецов [6–8] обобщает в своих исследованиях данные отчетности российских корпораций о реализуемых ими зарубежных проектах, объединяя микро- и макроуровень инвестиционного процесса и формируя эмпирическую картину отечественных капиталовложений за рубежом с точки зрения динамики, отраслевого и географического распределения. Современные геополитические процессы, неблагоприятно сказывающиеся на положении России в мире и оказывающие влияние на инвестиционные риски ее хозяйствующих субъектов за рубежом, отражены в его новейшем исследовании, сфокусированном на оценке потенциала диверсификации российских зарубежных инвестиций за счет африканских и азиатских стран [9].

Некорпоративный сектор российской экономики и его экспортная деятельность исследуется главным образом в работах А.Ю. Юданова [10] и периодических аналитических обзорах еженедельника «Эксперт» [11], основу которого составляет база данных совместного исследования фирм-«газелей» (быстрорастущих фирм несырьевого сектора среднего размера) Финансового университета при Правительстве РФ – Медиахолдинга «Эксперт». Данная группа исследований позволяет оценить такие качественные параметры функционирования данной группы компаний, как стратегическая ориентация, типы и источники их конкурентных преимуществ, факторы выбора зарубежных товарно-географических рынков, а также лучше понять проблемы, с которыми сталкиваются фирмы-«газели» в ходе интернационализации.

Актуальная проблематика экспортной диверсификации в большей степени изучается на макроэкономическом уровне, в разрезе товарных групп и стран – импортеров продукции, главным образом с использованием статистики

базы ООН (UN Comtrade Database) и данных ФТС России. Работа А.А. Гнидченко [12] синтезирует несколько методик оценки экспортного потенциала, основанных на актуальных зарубежных подходах, и выявляет значительные перспективы роста зарубежного присутствия предприятий машиностроительного и химического комплекса.

Н.А. Пискулова [13] в ходе проведенного анализа товарно-географической структуры внешней торговли РФ делает вывод о том, что недостаточный уровень географической диверсификации российского экспорта обусловлен его сырьевой направленностью, то есть по сути низкой товарной диверсификацией.

В аналитической работе Ю. Шурыгина [14], опубликованной в еженедельнике «Эксперт», традиционно для данного издания актуализирована тематика развития несырьевого экспорта РФ, при этом автор выявил 28 6-значных товарных позиций (с оборотом в интервале 2.43 млрд долл. – 2.5 млн долл.), по которым РФ является крупнейшим в мире экспортером, при этом на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье приходится 4 товарные позиции (на сумму 728.4 млн долл.), продукцию ТЭК – 1 (596 млн долл.), продукцию химической промышленности и каучук – 8 (1862.7 млн долл.), древесину и целлюлозно-бумажные изделия – 0, металлы и изделия из них – 10 (2514.2 млн долл.); машины, оборудование и транспортные средства – 2 (860.9 млн долл.), не входят в укрупненные товарные группы 4 позиции (фосфаты кальция, природные размолотые; асбест, изделия из асбоцемента, шкурки животных целые – на сумму 473.9 млн долл.).

В исследовании А.Н. Спартака и А.В. Хохлова [15], непосредственно посвященном диверсификации, говорится о росте товарной диверсификации за счет увеличения в 2013–2015 гг. количества 6-значных товарных позиций в экспорте страны и за счет расширения географии экспорта по многим товарным позициям. По мнению исследователей, перспективными регионами для российского экспорта являются страны Африки к югу от Сахары и Азиатско-Тихоокеанского региона, в то время как происходит снижение экспорта в страны Европейского союза, страны Северной Африки и Северной Америки (в том числе в страны «трейдеры и офшоры» – Швейцария, Кипр, Виргинские острова). Исследовательский коллектив в составе Е.Л. Андреевой, А.О. Соболева и А.В. Ратнера [16] на примере показал роль ЕАЭС, ШОС и ряда других развивающихся азиатских стран в географической диверсификации несырьевого экспорта на примере Свердловской области.

Ряд исследований диверсификации экспорта связан с анализом специализации и кластеризации регионов. В работе Н.Н. Евченко и В.П. Губанова [17] делаются выводы не только о неблагоприятной для экономики в целом сырьевой структуре экспорта, но и о росте монопродуктивности – наличии в структуре экспортных поставок субъектов федерации и федеральных округов укрупненных групп товаров ТН ВЭД с удельным весом более 50% в разрезе данных, распространяемых Росстатом РФ: продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (группы 1–24); продукция топливно-энергетического комплекса (группа 27), продукция химической промышленности, каучук (группы 28–40); древесина и целлюлозно-бумажные изделия (группы 44–49), металлы и изделия из них (группы 72–83) и машины, оборудование и транспортные средства (группы 84–90).

Внимания заслуживает ряд работ С.М. Кадочникова и А.А. Федюниной, посвященных анализу перспективной структуры, в определенном смысле диверсификации, экспорта регионов, основанных на анализе массива микроданных, представленных в генеральной совокупности деклараций на товары участников ВЭД, обрабатываемых ФТС. Так, в исследовании 2015 г. [18] выявлено, что благополучные регионы характеризуются ростом экспорта за счет интенсивных факторов (при сохранении экспортной специализации), в то время как развитие за счет новых рынков и товарных позиций отличает регионы с худшими экономическими показателями, подчеркивая неустойчивость их роста. Таким образом, диверсификация рассматривается здесь как неоднозначное для бизнеса явление. В более поздней работе 2017 г. указанный исследовательский коллектив [19] выявил пять кластеров несырьевых отраслей, имеющих большой потенциал расширения экспорта, связанных с электротехническим оборудованием, обработкой черных металлов, продукцией органической и неорганической химии и оптическими, измерительными инструментами и аппаратами.

На микроуровне к числу новейших исследований относятся, во-первых, работа С.М. Кадочникова и А.А. Федюниной [19] о влиянии прямых зарубежных инвестиций на экспорт малого и среднего бизнеса, работающего в обрабатывающей промышленности; во-вторых, исследование конкурентоспособности российских экспортеров, проведенное А.А. Федюниной и Ю.В. Аверьяновой [20] на основе данных проекта НИУ ВШЭ RuFIGE «Российские предприятия в глобальной экономике» по предприятиям обрабатывающей промышленности России в

2014 г., в результате которого выявлена положительная связь между долей экспорта в выручке и долей импортных закупок в переменных и постоянных расходах. А.Ю. Кнобель и Д.Е. Кузнецов [21], исследуя тактику установления экспортных цен российских фирм, обнаружили их зависимость от размера и уровня подушевого дохода страны-импортера, увязывая это с необходимостью обеспечения повышенного качества продукции.

На основании анализа работ отечественных авторов можно прийти к выводу, что, несмотря на усиление интереса к сырьевому и несырьевому экспорту и появление исследований с высоким качеством математического моделирования, вопросы внешнеторговой диверсификации российских хозяйствующих субъектов рассматриваются главным образом на уровне страны в целом, а также регионов и отраслей. Кроме того, в рассмотренных работах большее внимание уделяется товарной, в первую очередь несырьевой, а не географической диверсификации, что, скорее всего, определяется исследовательской актуальностью стоящей перед экономикой задачи ускоренного роста несырьевого экспорта, который подразумевает создание технологичных рабочих мест и инновационное развитие. На микроуровне российские ученые проверяют гипотезы о факторах успешности и интернационализации экспортеров.

2. Зарубежные исследования товарно-географической диверсификации

Процессы международной экспансии фирм привлекают зарубежных исследователей – выявленные эмпирические факты и закономерности определяются структурой данных, доступных авторам. А.Б. Бернارد и Дж.Б. Дженсен в раннем исследовании 1999 г. [22] изучают причинно-следственные связи, возникающие вокруг экспортной деятельности, в частности доказывая, что экспортерами становятся скорее успешные и быстрорастущие фирмы, при этом экспорт обеспечивает рост занятости и вероятность выживания, однако в долгосрочном периоде не ведет к дополнительному росту производительности труда и заработной платы. По мнению Дж. Итона, С. Кортума и Ф. Крамарца [23], данная статья привела к новому поколению теорий экспорта, основанных на анализе неоднородности производителей.

А.Б. Бернارد, Дж.Б. Дженсен, С.Дж. Реддинг, П.К. Шотт – авторы обзорной статьи «Фирмы в международной торговле» (Firms in International Trade) [24] – еще раз подчеркивают важность анализа поведения фирм-экспортеров

для развития общетеоретической базы данного вида мирохозяйственных связей, обращая внимание на конкурентные параметры экспортеров по отношению к генеральной совокупности фирм, необходимость их дифференциации при выявлении стратегий и результатов их выхода на внешние рынки (теория гетерогенных экспортеров). Кроме того, указанные исследователи обобщают результаты эмпирических исследований американских компаний относительно общей доли экспортеров, степени концентрации, связи экспортной и импортной деятельности компаний.

В недавней работе М. Лоулесс, Ю. Сидшлаг и З. Студницка [25] исследовались параметры экспортной диверсификации ирландских компаний, которыми владеют местный и зарубежный капитал. На массиве данных, охватывающих 20-летний период, показано, что в краткосрочном и среднесрочном периодах деятельности компании склонны обеспечивать рост экспорта за счет расширения продаж разработанных ранее товаров на рынках, где компании уже присутствуют. В долгосрочном периоде рост обеспечивается за счет товарно-географической диверсификации в формате развития рынка или обновления товарного предложения.

Исследование экспорта французских фирм Дж. Итона, С. Кортума и Ф. Крамарца [23] фокусировалось не на внутренних характеристиках фирм, а на внешних, рыночных параметрах. В результате было выявлено, что предприниматели склонны экспортировать на рынки, по емкости сопоставимые с рынком Франции, при этом рост продаж на внутреннем рынке коррелирует с ростом продаж на непопулярных зарубежных рынках и количеством обслуживаемых зарубежных стран.

Среди исследователей не существует единого мнения о форме зависимости между диверсификацией и результатами предприятий, если рассматривать более широкий контекст общей интернационализации, включающей не только внешнюю торговлю, но и зарубежные инвестиции: «более ста эмпирических исследований по деятельности ТНК так и не смогли дать устойчивых представлений» [26] о том, является ли данная связь между эффективностью и диверсификацией линейной, U- или S-образной. Как отмечают Д.М. Бое и А. Хименес [27], это связано с тем, что географическая (международная) диверсификация бизнеса чаще всего исследуется хаотично – сочетаются разные формы выхода и мотивы (market-seeking или resource-seeking), а также присутствует путаница между диверсификацией и степенью интернационализации. В таком контексте интернационализация

бизнеса рассматривается как элемент географической диверсификации по отношению к деятельности предприятия.

Таким образом, изучение экспортной диверсификации предприятий представляется актуальным с точки зрения зарубежных исследований, однако их структура – гипотезы и результаты – во многом определяется структурой имеющихся данных об экспорте компаний. Поэтому авторы полагают, что анализ показателей ведущих экспортеров РФ на основе появившегося в 2015 г. рейтинга еженедельника «Эксперт», охватывающих период 2013–2014 гг., представляется одной из немногих возможностей дать количественную оценку диверсификации внешней торговли на уровне отдельных фирм и сделать обобщения и выводы не только позитивного, но и нормативного характера для разработки экспортных стратегий предприятий и программ поддержки экспорта.

3. Данные и методология исследования

Авторы используют в качестве объекта исследования рейтинг 200 ведущих экспортеров РФ делового еженедельника «Эксперт» [28] 2015 г. Порядок предприятий в рейтинге соответствует экспортной выручке за 2014 г. Кроме того, отдельно был составлен аналогичный рейтинг 85 несырьевых экспортеров (38 из которых входят в общий рейтинг).

Методические комментарии рейтинга. Таблицы рейтинга составлены на основе данных ФТС России, отчетности и опроса компаний [28].

Рейтинг 200 ведущих экспортеров России начинает свою историю с выборки 2015 г., анализируемой авторами. Последующие рейтинги – 2016–2018 гг. – также представляют исследовательский интерес, но имеют отличный формат данных, который не позволяет провести сквозной анализ, кроме того, именно в 2015 г. еженедельником был представлен наиболее широкий перечень несырьевых экспортёров.

Введение в научный оборот и обработка данных рейтинга представляет несомненный исследовательский интерес, не только из-за доступности и наглядности данных, но также и потому, что в отличие от микроданных, которые анонимизируются после обработки, позволяет детализировать результаты по важнейшим компаниям с целью оценки, например, их стратегических решений.

Вместе с тем рейтинг имеет ряд уязвимых мест. Во-первых, в нем отсутствуют экспортеры услуг, и можно только предполагать, какое место получили бы в нем наиболее конкурентоспособные ИТ- и транспортные компании. Во-

вторых, рейтинг составляется путем добровольного опроса компаний, поэтому анализируемая выборка, скорее всего, не совпадает с генеральной совокупностью ведущих экспортеров. Исходя из анализа данных других рейтингов еженедельника «Эксперт», в перечне 200 ведущих экспортеров могут присутствовать не все ключевые представители зарубежного бизнеса, формирующие новое ядро международной конкурентоспособности страны. В-третьих, отраслевая принадлежность ряда компаний небесспорна. Например, холдинги «Мечел» и «Евраз» представляют в рейтинге черную металлургию, в то время как, по данным обзора итогов работы угольной промышленности в 2014 г. И.Г. Таразанова [Таразанов И.Г., 2015], угольные предприятия, входящие в данные бизнес-группы, занимают 4-е и 7-е места в списке крупнейших экспортеров отрасли.

Отраслевое распределение предприятий основной выборки (в скобках указано количество предприятий с ростом выручки по сравнению с 2013 г.): нефтяная и нефтегазовая промышленность – 35 (11) предприятий, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность – 26 (19); химическая и нефтехимическая промышленность – 26 (10), машиностроение – 22 (12), черная металлургия – 21 (15), угольная промышленность – 18 (7), пищевая промышленность – 17 (13), цветная металлургия – 11 (8), промышленность драгоценных металлов и алмазов – 9 (2), промышленность строительных материалов – 4 (2), табачная промышленность – 3 (2). По одному предприятию с приростом экспорта представляют легкую промышленность, науку, приборостроение, транспорт; с падением выручки – фармацевтическую промышленность, машиностроение/науку, многоотраслевой холдинг, электроэнергетику. В подрейтинг экспортеров несырьевых товаров в рейтинге 2015 г. вошли компании, в структуре экспорта которых не менее 50% объема приходилось на несырьевые товары и продукцию начальной переработки [28].

Отраслевое распределение предприятий несырьевого сектора (в скобках указано количество предприятий с ростом выручки от экспорта в 2013–2014 гг.): машиностроение – 47 (29) предприятий, химическая и нефтехимическая промышленность – 9 (4), пищевая промышленность – 7 (5), табачная промышленность – 7 (5), приборостроение – 3 (3), машиностроение/наука – 3 (2), наука – 2 (1). По одному предприятию с положительной динамикой представляют легкую, фармацевтическую, лесную, деревообрабатывающую и целлюлозно-бумажную промышленность; металлообработку, промышлен-

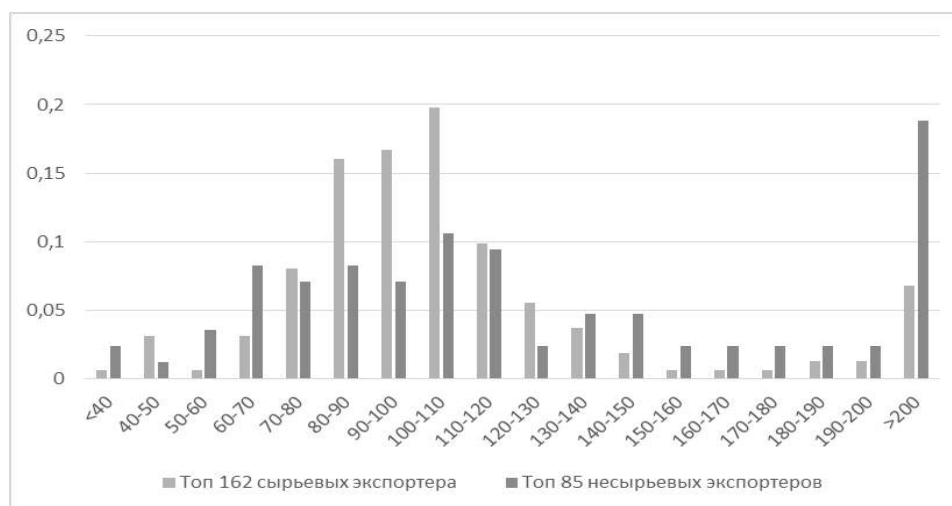

Рис. 1. Распределение ведущих 162 сырьевых и 85 несырьевых российских экспортеров по темпам изменения экспортной выручки в 2013–2014 гг., % (нормировано по числу участников рейтинга)

ность строительных материалов и черную металлургию; единственное предприятие с падением выручки – промышленность драгоценных металлов и алмазов.

Региональное распределение сырьевых и несырьевых экспортеров говорит о высокой концентрации ведущих представителей (экспортеров) российского бизнеса в городах федерального подчинения, где зарегистрированы управляющие компании подавляющего большинства сырьевых холдингов, а также несырьевых государственных компаний. Исключение составляют металлургические компании Урала и угольные предприятия Кемерово. Показательно, что в Сибири и на Дальнем Востоке зарегистрированы всего четыре представителя несырьевого экспорта – «Вертолеты России», «Шлюмберже Лоджелко Инк», Алтайский шинный комбинат, «Катод».

По расчетам Г. Жоги [28], структура отечественного экспорта характеризуется высокой концентрацией: около 75% суммарной выручки предприятий рейтинга сформировано экспортом нефти, нефтепродуктов и газа; далее следуют черная металлургия (5,2% суммарной экспортной выручки), цветная металлургия (3,6%) и продукты химии и нефтехимии (5%; правда, этот сектор весьма неоднороден); 1–2% приходится на экспорт угля и кокса, леса и древесины, алмазов и драгметаллов (сырьевой по характеру); машиностроение – даже с учетом объединения производства средств транспорта, спецтехники, станков, приборов, оптики и электроники – занимает в суммарной выручке 200 ведущих российских экспортеров менее одного процента.

4. Результаты исследования

Построим диаграммы распределения изменения экспортной выручки, количества стран и

экспортируемых товарных позиций в относительном выражении для 162 сырьевых экспортеров, входящих в 200 ведущих экспортеров, и 85 несырьевых экспортеров РФ в 2014 г. (рис. 1–5).

Данные рис. 1 показывают, что в 2014 г. только у половины сырьевых экспортеров выросла выручка по сравнению с 2013 г., доля несырьевых экспортеров с положительным ростом выручки составила более 60%. Из графика также следует, что изменение выручки сырьевых экспортеров более устойчиво и колеблется вокруг 100%, наибольшее количество участников рейтинга имеют рост продаж на зарубежных рынках в интервале 100–110%, в то время как для несырьевых экспортеров наибольшую частоту имеет рост выручки более чем в 3 раза (сюда относятся случаи, когда компании экспортировали продукцию только в 2014 г.).

Данные рис. 2 показывают, что и для сырьевых, и для несырьевых экспортеров характерна низкая товарная диверсификация – до пяти 4-значных позиций по ТН ВЭД: среди сырьевых компаний на данную категорию приходится около 74% предприятий, в то время как несырьевых – 54%.

Относительные частотные показатели изменения товарной номенклатуры, представленные на рис. 3, показывают, что сырьевые экспортеры менее склонны к товарной диверсификации (доля консерваторов приближается к 65%), что обусловлено технологическими особенностями и высокой степенью однородности продуктов, типичными для отраслей первичной переработки. Для несырьевых компаний данный показатель составляет около 27%, в то время как доля нарастивших количество экспортируемых позиций хотя бы на одну составляет 57%.

Данные рис. 4 показывают, что сырьевые компании характеризуются большей степенью

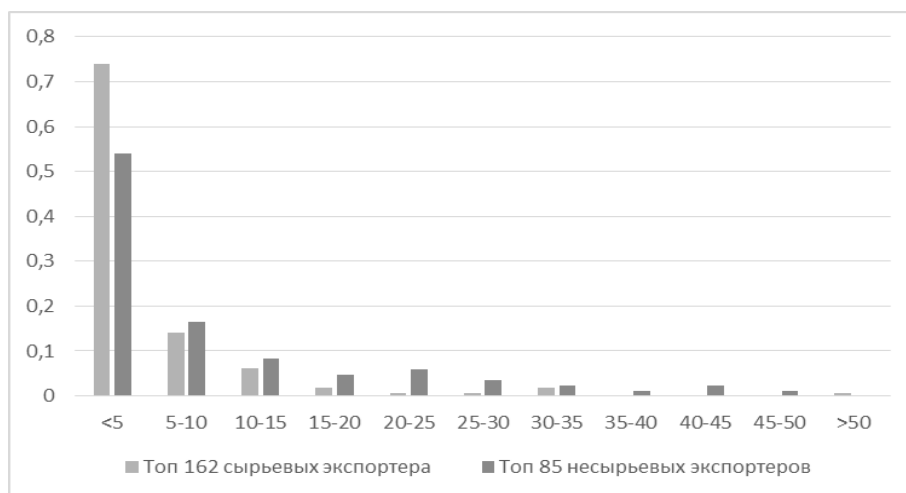

Рис. 2. Распределение ведущих 162 сырьевых и 85 несырьевых российских экспортеров по количеству экспортируемых товарных позиций в 2014 г., % (нормировано)

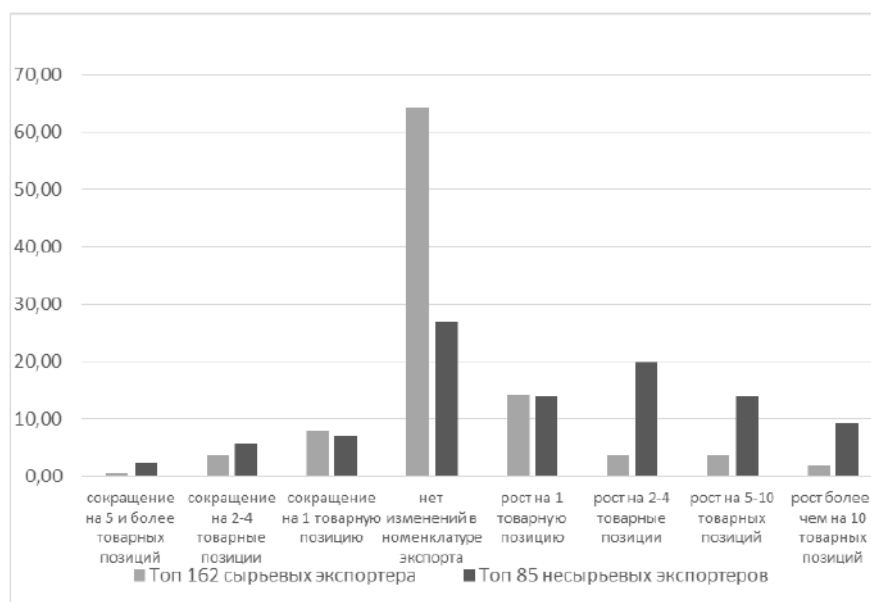

Рис. 3. Распределение ведущих 162 сырьевых и 85 несырьевых российских экспортеров по изменению количества экспортируемых товарных позиций в 2013–2014 гг., % (нормировано)

географической диверсификации, что определяется универсальным характером их конкурентного преимущества, связанного с богатыми недрами страны и развитой производственной и сбытовой инфраструктурой.

Около 90% несырьевых экспортеров работают менее чем на 20 зарубежных рынках, в том числе менее чем на 10 рынках – более 60%, что неудивительно, учитывая, что экспортерами чаще всего являются компании, появившиеся в 1990-х гг. или дочерние структуры иностранных производителей, бум инвестиций которых пришелся на 2000-е гг. Таким образом, данные компании имеют, по мнению авторов, неплохие перспективы дальнейшей экспансии в силу относительно небольшого периода их существования и возможности использовать преимущества базирования на крупном и конкурентном

российском рынке. Данные рис. 5 в целом показывают, что несырьевые экспортеры имеют больший консерватизм в отношении географической экспансии по сравнению с сырьевыми, удельный вес компаний, не изменивших количество зарубежных рынков присутствия, составляет около 60%. И в данном случае чуть более 50% сырьевых экспортеров, входящих в рейтинг, увеличило количество стран – торговых партнеров, для лидеров несырьевого экспорта данный показатель составляет около 26%.

В определенном смысле данные, представленные на рис. 3 и 5, доказывают «от противного» большую склонность сырьевых экспортеров к страновой (географической) диверсификации, в то время как внешнеторговая экспансия несырьевых компаний подразумевает маневрирование количеством товарных позиций.

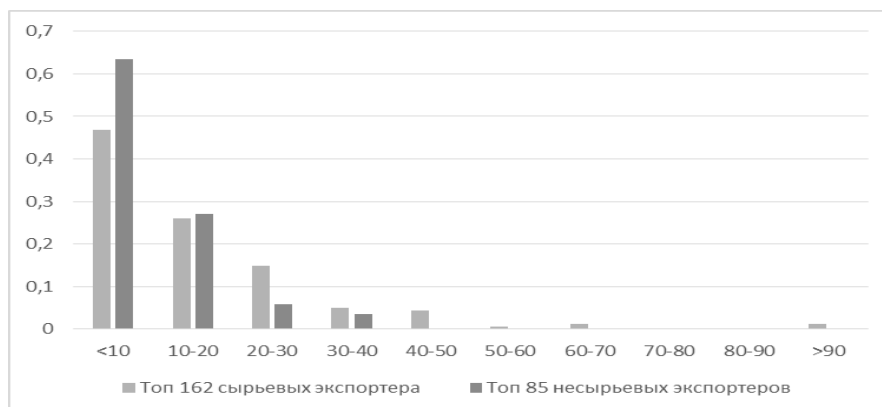

Рис. 4. Распределение ведущих 162 сырьевых и 85 несырьевых российских экспортеров по количеству стран-партнеров в 2014 г., % (нормировано)

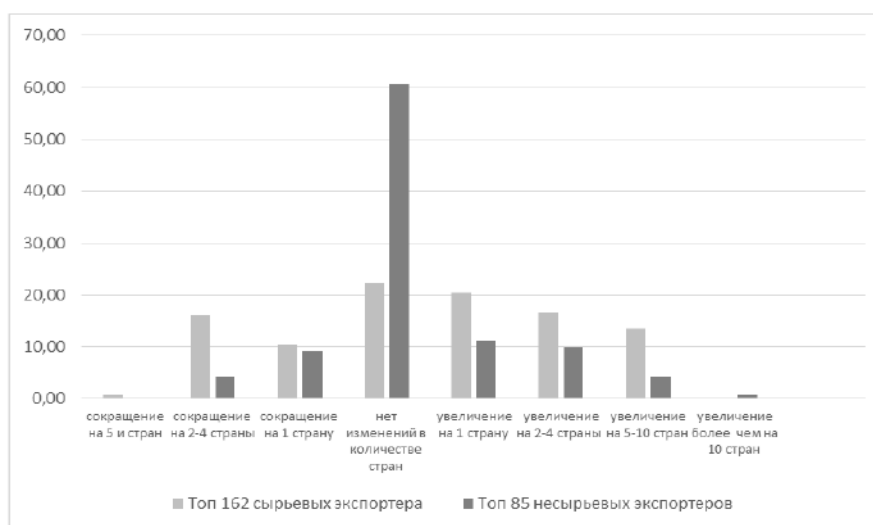

Рис. 5. Распределение ведущих 162 сырьевых и 85 несырьевых российских экспортеров по изменению количества стран-партнеров в 2013–2014 гг., % (нормировано)

В рамках исследования авторы построили зависимость между индексом выручки и индексами товарной и географической диверсификации предприятий для массивов данных по 200 ведущим экспортерам (в том числе 162 сырьевым экспортерам, представленным в общем рейтинге) и 85 несырьевым экспортерам. Результаты анализа представлены в таблице 1. В фактическую выборку попали 198 из 200 ведущих экспортеров (по двум компаниям не было предоставлено данных, одна компания не осуществляла экспорт в 2013 г.), 76 в 2013 г. и 81 в 2014 г. (по ТН ВЭД) и 77 в 2013 г. и 82 в 2014 г. (по странам) из 85 несырьевых экспортеров.

Корреляционный анализ выявил три значимых положительных взаимосвязи между показателями экспортной выручки, с одной стороны, и параметрами товарно-географической диверсификации, с другой. Во-первых, это касается географической экспансии (для участников общего рейтинга корреляция составляет 0.593), обеспеченной в первую очередь экспортерами сырья (коэффициент корреляции между измене-

нием экспортной выручки и изменением количества рынков присутствия – 0.625), чья продукция уникальна, а ценовые преимущества бесспорны.

Во-вторых, у несырьевых экспортеров существует значимая связь между абсолютным значением экспортной выручки и количеством 4-значных товарных позиций, лучше проявлявшаяся в 2013 г. (коэффициент корреляции равен 0.620), чем в 2014 г. (коэффициент корреляции – 0.409). Однако наличие указанной значимой связи определяется учетом в рейтинге участника с аномально высокими объемами экспорта – ГК «Росатом». При его исключении из оценки данный значимый показатель исчезает.

В целях регрессионного анализа используется модель аддитивной регрессии для абсолютных и логарифмических значений экспортной продукции (ExpOutput и LNExpOutput), рассматриваемых как зависимая переменная, и параметров диверсификации, таких как код 4-значных позиций по ТН ВЭД (ComLinesNum и LNComLinesNum) и количество обслуживаемых стран (CountrNum и LNCountrNum), рас-

Таблица 1

**Результаты корреляционного анализа экспортной выручки
200 ведущих экспортеров и 85 несырьевых экспортеров РФ**

Показатель	Период		
	2014 г.	2013 г.	Изменение 2014 г. к 2013 г.
Рейтинг 200 ведущих экспортеров			
Количество 4-значных товарных позиций по ТН ВЭД	0.262	0.249	–0.021
Количество стран – торговых партнеров	0.334	0.328	0.593
Рейтинг 162 ведущих сырьевых экспортеров			
Количество 4-значных товарных позиций по ТН ВЭД	0.425	0.375	–0.024
Количество стран – торговых партнеров	0.341	0.330	0.625
Рейтинг 85 ведущих несырьевых экспортеров			
Количество 4-значных товарных позиций по ТН ВЭД	0.409	0.620	0.265
Количество стран – торговых партнеров	0.383	0.421	0.415
Рейтинг 84 ведущих несырьевых экспортеров (без ГК «Росатом»)			
Количество 4-значных товарных позиций по ТН ВЭД	0.284	0.347	0.264
Количество стран – торговых партнеров	0.184	0.284	0.415

Источник: расчеты авторов.

смаатриваемых как независимые (инструментальные) переменные:

$$\text{ExpOutput} = \alpha_0 + \alpha_1 \text{ComLinesNum} + \alpha_2 \text{CountrNum} + \varepsilon.$$

Эта модель линейной регрессии подразумевает, что экспортный выпуск компании является линейной функцией обеих переменных диверсификации, 4-значных товарных позиций экспортируемых товаров и количества обслуживаемых стран. С определенным упрощением мы можем предположить, что α_1 и α_2 представляют собой абсолютный вклад в экспортную продукцию, произведенную новой обслуживаемой страной, или новую товарную позицию, добавленную к ассортименту продукции.

Для логарифмической модели:

$$\text{LNExpOutput} = \alpha_0 + \alpha_1 \text{LNComLinesNum} + \alpha_2 \text{LNCountrNum} + \varepsilon.$$

Регрессия логарифмических значений (Log-Logmodel) имеет следующую интерпретацию: α_1 и α_2 показывают взаимосвязь эластичности между изменением объема экспорта и изменением рассматриваемых параметров диверсификации. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 2.

Обе полученные регрессионные модели показывают, что разделение анализа экспортеров на сырьевых и несырьевых оправдало себя, поскольку объясняющая сила (скорректированный R-квадрат) моделей, построенных для отдельных наборов данных экспортеров, превышает объяснительную силу регрессии, основанной на общем наборе данных. Относительно низкая общая объясняющая сила всех составленных регрессионных уравнений может быть объяснена невозможностью включения других независимых переменных в модель из-за формата рейтинга журнала «Эксперт». Тем не менее коэффициенты регрессии, полученные для анализи-

руемых параметров товарной и географической диверсификации, оказались значимыми для характеристики экспортных доходов.

Тот факт, что уравнения для несырьевых экспортеров в обоих случаях показали более высокую объясняющую силу, может быть связан с более низкой зависимостью их экспорта от изменений цен, как это происходит для экспортеров сырья. Таким образом, несырьевые экспортеры, в отличие от сырьевых, должны обращать больше внимания на маркетинг и инновации. Линейная модель показала, что добавление нового продукта приведет к большему увеличению экспортных доходов, чем выход на новый национальный рынок. Для экспортеров сырья вклад расширения ассортимента на одну товарную позицию ведет к росту выручки на 480 млн долларов, для несырьевых – на 11 млн долларов, добавление новой страны – на 105.63 млн долларов и 8.253 млн долларов соответственно.

Результаты логарифмической модели частично подтвердили результаты корреляционного анализа, поскольку экспортная выручка сырьевых экспортеров оказалась более эластичной с точки зрения диверсификации продукции (коэффициент эластичности по страновым рынкам – 0.3525, по товарам – 0.5391), в то время как экспортная продукция несырьевых компаний более эластична с точки зрения географической диверсификации (коэффициент эластичности по страновым рынкам – 0.32314, по товарам – 0.05484).

Заключение

Исследование ряда внешнеторговых показателей ведущих российских сырьевых и несырьевых экспортеров было выполнено в русле теории гетерогенных экспортеров за счет введения в научный оборот данных рейтингов еже-

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Параметры	Все участники рейтинга	Сырьевые экспортеры	Несырьевые экспортеры
Линейная модель			
Свободный коэффициент	–1539.24**	–1596.45*	–76.921**
Количество 4-значных товарных позиций	167.66**	480.01***	11.075***
Количество экспортных рынков	135.64***	105.63**	8.253***
Adjusted R-squared	0.1241	0.1743	0.3686
Логарифмическая модель			
Свободный коэффициент	3.44075***	4.2184***	2.76328***
Количество 4-значных товарных позиций	–0.01732	0.3525***	0.32314***
Количество экспортных рынков	0.80659***	0.5391**	0.05484***
Adjusted R-squared	0.1936	0.2202	0.2801
Наблюдения	475	323	152

Уровни значимости: 0 ***, 0.001 **, 0.01 *.

недельника «Эксперт» 2015 г. 200 ведущих экспортеров и 85 ведущих несырьевых экспортёров России.

Результаты исследования выявили высокую волатильность доходов от экспорта рассмотренных компаний, в большей степени характерную для несырьевых экспортеров. В ходе исследования выявлены важные отличия в диверсификации сырьевых и несырьевых компаний: товарная диверсификация и склонность к маневрированию ею несырьевых экспортеров выше, чем у сырьевых, в то время как по географической диверсификации ситуация противоположная. Корреляционный анализ также выявил значимую взаимосвязь между ростом выручки и географической диверсификации на выборке 200 ведущих экспортеров (показатель обеспечен сырьевыми экспортерами).

Полученные регрессионные модели, несмотря на их простоту, указали на приемлемость раздельного моделирования деятельности экспортеров сырьевых товаров и продукции обрабатывающей промышленности. Их относительно низкая объясняющая способность может быть вызвана невозможностью включения других независимых переменных, несмотря на то, что рассматриваемые параметры товарной и географической диверсификации оказались значимыми для характеристики экспортного дохода. Линейные модели, полученные для обеих групп экспортеров, показали, что добавление нового продукта в виде 4-значного кода ТН ВЭД приведет к большему увеличению экспортных доходов, чем выход на новый национальный рынок.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать рекомендации прикладного характера для сырьевых и несырьевых экспортеров и органов поддержки регионального и федерального уровня. Усилия государства должны

быть направлены на поддержку продуктовой диверсификации экспортеров – инноваций и обновления товарного ряда линейки. Что касается конкретных инструментов поддержки экспорта, правительству через зарубежные торговые представительства следует содействовать переговорам, направленным на новый выход на рынок экспортеров товаров. Для несырьевых экспортеров необходимо использовать компенсацию расходов на международный маркетинг, таких как выставочные сборы или затраты на регистрацию бренда за рубежом – данные формы поддержки уже применяются. Дальнейшие перспективы исследования ограничены доступностью и сопоставимостью данных о ведущих экспортерах страны.

Список литературы

1. Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 г. (одобрена Правительством РФ в 2008 г.). URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreignEconomicActivity/vec2020> (дата обращения: 01.10.2016).
2. Panibratov A. Russian multinationals: From regional supremacy to global lead. London, New York: Routledge, 2012.
3. Панибратов А.Ю., Веселова А.С., Ермолаева Л.А. Институциональные и макроэкономические факторы географического направления российских международных сделок слияния и поглощения // Российский журнал менеджмента. 2015. Т. 13 (3). С. 59–78.
4. Panibratov A. Russian multinationals: entry strategies and post-entry operations // Electronic Publications of Pan-European Institute. 2010. Vol. 15. URL: http://www.utu.fi/fi/yksikot/tse/yksikot/PEI/raportit-ja-tietopakettit/Documents/Panibratov_netiti_final.pdf
5. Катяло В.С., Медведев А.Г. Интернационализация российских компаний и конфигурация их деловых операций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. 2011. № 2. С. 7–38.

6. Кузнецов А.В. Изучение транснациональных корпораций в ИМЭМО: достижения и новые задачи // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60 (12). С. 111–117.
7. Kuznetsov A. Urgent tasks for research on Russian TNCs // *Transnational Corporations*. 2010. Vol. 19 (3). P. 81–95.
8. Kuznetsov A. The development of Russian multinational corporations // *International Studies of Management and Organization*. 2011. Vol. 41 (4). P. 34–50.
9. Кузнецов А.В. Перспективы диверсификации российских прямых инвестиций за рубежом // *Проблемы прогнозирования*. 2017. № 1. С. 103–113.
10. Юданов А.Ю. Покорители «голубых океанов» (фирмы-«газели» в России) // *Современная конкуренция*. 2010. Т. 2 (20). С. 27–48.
11. Эксперт (ред. статья). Проснуться экспортером // *Эксперт*. 2015. № 13. С. 15.
12. Гнидченко А.А. Совершенствование методов оценки структуры и базы экспортного потенциала за счет диверсификации экспорта // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2014. № 1 (21). С. 83–109.
13. Пискулова Н.А. Современные тенденции и особенности развития российской внешней торговли // *Вестник МГИМО Университета*. 2015. Т. 6 (45). С. 225–235.
14. Шурыгин Ю. Дикий провал и большие возможности // *Эксперт*. 2017. № 3. С. 32–37.
15. Спартак А.Н., Хохлов А.В. Российский экспорт в 2015 году: застой или прогресс? // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 3. С. 3–12.
16. Андреева Е.Л., Соболев А.О., Ратнер А.В. Внешнеторговые связи Свердловской области и их перспективы с учетом новых ориентиров развития сырьевого экспорта // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2017. № 2. С. 55–70.
17. Евченко Н.Н., Губанов В.П. Диверсификация экспорта регионов России: тенденция роста монопродуктивности // *Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география*. 2013. Т. 1 (6). С. 068–075.
18. Кадочников С.М., Федюнина А.А. Несырьевой экспорт российских регионов: в поисках наиболее динамичных отраслей и рынков // *Вопросы экономики*. 2015. № 10. С. 132–150.
19. Кадочников С.М., Федюнина А.А. Влияние компаний с иностранными инвестициями на экспортную активность российских фирм: размер имеет значение // *Вопросы экономики*. 2017. № 12. С. 96–119.
20. Федюнина А.А., Аверьянова Ю.В. Эмпирический анализ факторов конкурентоспособности российских экспортеров // *Экономическая политика*. 2018. № 13 (6). С. 102–121.
21. Кнобель А.Ю., Кузнецов Д.Е. Закономерности формирования российскими фирмами цен на экспортных рынках // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2019. № 1 (41). С. 100–127.
22. Bernard A.B., Jensen J.B. Exceptional exporter performance: cause, effect, or both? // *Journal of International Economics*. 1999. Vol. 47 (1). P. 1–25.
23. Eaton J., Kortum S., Kramarz F. An anatomy of international trade: Evidence from French firms // *Econometrica*. 2011. Vol. 79 (5). P. 1453–1498.
24. Bernard A.B., Jensen J.B., Redding S.J., Schott P.K. Firms in international trade // *Journal of Economic Perspectives*. 2007. Vol. 21 (3). P. 105–130.
25. Lawless M., Siedschlag I., Studnicka Z. Firm strategies in expanding and diversifying exports // *The World Economy*. 2018. Vol. 42 (2). P. 1–25.
26. Hennart J.-F. The theoretical rationale for a multinationality-performance relationship // *Management International Review*. 2007. Vol. 47 (3). P. 423–452.
27. Boehe D.M., Jiménez A. How does the geographic export diversification–performance relationship vary at different levels of export intensity? // *International Business Review*. 2016. Vol. 25 (6). P. 1262–1272.
28. Жога Г. Специальный доклад «Российский экспорт» – как обмануть конъюнктуру // *Эксперт*. 2015. № 40. URL: http://expert.ru/expert/2015/40/spetsialnyiy-doklad--rossijskij-eksport-kak-obmanut-kon_yunkтуру/.
29. Основные направления деятельности правительства до 2024 г. Videоблог Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева. URL: <http://government.ru/news/34153/> (дата обращения: 28.09.2018).
30. Юданов А.Ю. О формуле успеха среднего бизнеса в мире и в России // *Российский журнал менеджмента*. 2013. Т. 11 (3). С. 119–128.

STATISTICAL ANALYSIS OF LEADING RUSSIAN EXPORTERS' PERFORMANCE

M.L. Gorbunova, E.Yu. Livanova, T.V. Makovetskaya, M.Yu. Khazan

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Promoting the country's competitiveness amid global turbulence is an important task at every level of the economy's management. In the circumstances of Russia's shrinking trade balance, which is due to the unfavorable resource market environment, studying the businesses of Russian exporters becomes a relevant research problem. The focus is placed on the dilemma of commodity/non-commodity exports, which is important to emerging markets. During the research, the authors conducted an analysis of revenue indicators and commodity and geographical diversification indicators of the leading Russian exporters based on materials from Expert Business Weekly, which may yield the following conclusions. First, resource companies' export revenues are less volatile. Second, research results confirm, in a direct or an indirect way, the greater inclination and efficiency of resource exporters towards geographical (country-wise) diversification, whereas commodity diversification is an export strategy tool of non-resource companies. Third, the authors identified a positive correlation between foreign trade revenues, on the one hand, and the number of countries served, and trade items offered, on the other hand, for mineral and energy companies; moreover, a higher elasticity of export revenue on a number of markets served was revealed. For the manufacturing exporters representing

chemical, petrochemical, and food industries, a positive correlation between export revenues and the number of HS 4-digit commodity lines was identified in some years and industries alongside a higher elasticity of export income on number of commodity lines. The linear regression model showed that the addition of a new product in terms of HS 4-digit code would lead to a bigger increase in export income than a new national market entry. So, the authorities should support a product diversification of both commodity and manufacturing exporters encouraging the innovation. Thus, the performed analysis is of great practical importance, since Russia is the largest trading country in Central Europe. And the results shed light on export performance of its leading companies.

Keywords: exporters rating, raw materials export, export of manufactured goods, business diversification, geographical and product diversification, Heterogeneous-firm trade theories.

УДК 338.1

DOI 10.52452/18115942_2022_1_28

ОЦЕНКА ОБОРОТОВ РЕКЛАМЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕЛЕГРАМ-КАНАЛАХ

© 2022 г.

Д.А. Корнилов, Д.А. Зайцев

Корнилов Дмитрий Анатольевич, д.э.н.; проф.; профессор кафедры управления
инновационной деятельностью

Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева

kornilov-d@yandex.ru

Зайцев Дмитрий Александрович, к.э.н.; ведущий канала «Активный Пиар», визионер сервиса Telega.in,
Paperjet technologies Ltd, Cyprus

qwertyy89@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.11.2021

Статья принята к публикации 24.01.2022

В XXI веке коммуникации через социальные сети и мессенджеры стали неотъемлемой частью продвижения компаний и их продукции. Уровень вовлеченности населения в процесс коммуникации через социальные сети и мессенджеры постоянно растет. Растет их влияние на сознание пользователей, что обеспечивает приток рекламодателей и увеличение оборотов рекламы. Реклама в свою очередь является важной частью монетизации платформ, пользователей и их контента. На текущий момент отсутствует открытая методика по оценке оборотов рекламы в телеграм-каналах, но рынок явно растет, формируется процесс монетизации как отдельных телеграм-каналов, так и самой кросс-платформы «Телеграм». Цель исследования состоит в опубликовании открытого инструментария для оценки рынка рекламы в русскоязычных телеграм-каналах. Определение оборотов рекламы и их динамика позволят оценить эффективность «Телеграм», перспективы его развития на высококонкурентном рынке социальных сетей и мессенджеров.

В статье представлена авторская методика по оценке оборотов рынка рекламы в русскоязычных телеграм-каналах, в соответствии с которой объем рынка рекламы был рассчитан двумя методами: 1) на основе средних значений (без учета корректировок); 2) с учетом корректировок, основная задача которых заключалась в уточнении параметра CPM, объемов «взаимного пиара» и доли естественных упоминаний. Определена динамика ключевых характеристик и объема рынка рекламы в русскоязычных телеграм-каналах за 2020 год, за 1–3 квартала 2021 года, проведена их сравнительная оценка.

Методы исследования: контент-анализ процессов монетизации социальных сетей и мессенджеров, сортировка и фильтрация данных телеграм-каналов; применение методов сравнения, обобщения, анализа, синтеза и структурирования при выявлении оборотов рекламы в русскоязычных телеграм-каналах. Онлайн-опрос администраторов телеграм-каналов для определения доли «взаимного пиара» и популярности репостов в качестве рекламы на канале.

Ключевые слова: «Телеграм», телеграм-каналы, социальные сети и мессенджеры, оборот рекламы, монетизация, коэффициент вовлеченности, рекламный пост, конверсия, подписчики, просмотры.

Введение

Материалы, представленные в данной статье, основаны на результатах открытого исследования, проведенного авторами по заказу биржи рекламы в телеграм-каналах Telega.in [1–4]. Обзору мирового и российского рынка рекламы посвящены работы В. Евстафьева, А. Крылова, Ю. Сеиной, И. Рожкова, И. Гольмана, А. Назайкина, Ч. Сендидж, У. Уэллс, Дж. Бернет и множества других авторов. Ежегодно выпускаются десятки аналитических обзоров мирового рынка активных пользователей и приложений социальных сетей от известных международных агентств, консалтинговых и аналитических компаний, специализирующихся на исследованиях в области соцмедиа (App Annie, Deloitte, GlobalWebIndex, We Are Social, Hootsuite, Statista, GSMA Intelligence, Locowise, SimilarWeb,

DataReportal, Mediascope, Ex Libris). Однако обзоров и исследовательских работ по оценке оборотов рекламы в телеграм-каналах практически нет. Это связано с проблемами сбора информации для таких оценок, а также со спецификой формирования тренда на развитие рекламы именно в русскоязычных телеграм-каналах.

В 2020 году более 3.6 млрд человек во всем мире использовали социальные сети, что привлекает инвестиции на этот рынок и обеспечивает постоянный рост объемов рекламы и контента. По состоянию на январь 2020 года уровень использования социальных сетей в мире составил 49%. Ожидается увеличение показателя за счёт развития инфраструктуры и доступности дешевых мобильных устройств на рынках развивающихся стран [5].

Среднестатистический пользователь в 2020 году проводил в Интернете более 6 часов в день,

при этом треть времени приходится на социальные сети [6, 7]. Самые популярные социальные сети и мессенджеры по количеству пользователей – Facebook, YouTube и WhatsApp. Лидером рынка социальных сетей является Facebook, который насчитывает более 2.7 млрд активных пользователей в месяц [8].

Однако конкуренция на рынке социальных сетей и мессенджеров достаточно высокая. Основная борьба идет за подписчиков, интернет-трафик и приток рекламодателей. Обороты рекламы обеспечивают приток контента на платформы и окупаемость инвестиций для всех стейкхолдеров. В 2020 году, по данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), объем рекламы без НДС в средствах ее распространения превысил 473 млрд руб. Более 50% всей рекламы связано с сегментом интернет-рекламы [9–11].

С марта 2018 года по январь 2021 года число активных пользователей Telegram в мире выросло с 200 до 500 миллионов, т.е. наблюдается рост в 2.5 раза за 2.5 года. Согласно данным компании, российская аудитория Telegram в августе 2020 года достигла 26.7 млн человек, а в сентябре 2021 года – уже 50 млн человек (по официальным данным телеграм-канала П. Дурова <https://t.me/durov>).

Популярность Telegram стала особенно активно расти за последние пять лет. Эти исследования подтверждаются данными компании App Annie – по количеству скачиваний в России из iOS App Store и Google Play (в категориях «Социальные сети», «Фото/Видео» и «Развлечения») Telegram уверенно набирает популярность: 2018 год – 6-е место, 2019 год – 5-е место, 2020 год – 3-е место, 2021 год – 2-е место. В 2021 году Telegram уступил по этому показателю лишь TikTok [4].

Консалтинговая компания Deloitte в исследовании «Медиапотребление в России в 2021 году» выделяет, что аудитория Telegram впервые превысила половину всех пользователей Рунета. Согласно данным опроса 1600 респондентов в восьми федеральных округах, в 2021 г. по популярности среди всех используемых в России мессенджеров Telegram вышел на второе место. На первом месте по-прежнему остается WhatsApp, но процент его использования снизился на 2 п.п. «Хотя этот мессенджер и остается самым популярным, но уступает по индексу роста Telegram, который стремительно превратился в активный сервис для коммуникации, перегнав по охвату Viber. Telegram в этом году установлен у 61% респондентов, что выше на 11 п.п. по отношению к 2020 году», – пишет в исследовании Deloitte. Также в исследовании

указывается, что среди возрастных групп наивысший индекс использования Telegram наблюдается у людей 14–29 лет (72%) [12].

Особенно заметно в 2020–2021 гг. увеличилась активность пользователей в русскоязычном сегменте, в том числе за счет роста оборотов рекламы. С 2021 года мессенджер Telegram начинает процесс монетизации за счет появления дополнительных функций для бизнес-команд и пользователей с расширенными потребностями. На рынке четко обозначился сильный игрок с быстрым приростом активных пользователей, у которого уже сейчас оборот рекламы только в русскоязычных телеграм-каналах, по нашим оценкам, составляет порядка 20 млрд рублей в год (оценка на 2021 год) [13].

Основная цель исследования – определить объем и перспективы рынка рекламы в русскоязычных телеграм-каналах, используя исключительно объективные данные.

Теоретико-методологические подходы

Точный метод расчета объема рынка рекламы в Telegram предполагает определение суммы доходов всех телеграм-каналов от рекламы за период. У каждого телеграм-канала есть базовая цена за стандартный рекламный пост формата 1/24. Соответственно, умножение цены на количество позволяет оценить доход канала от рекламы за анализируемый период. В идеале следует также учесть формат рекламного поста (1/24, 2/48, 3/72, без удаления, репост и др.), индивидуальные скидки и наценки. Рассчитав таким образом доход всех телеграм-каналов за период, мы получим объем рынка рекламы в «Телеграме». Однако сделать аналогичные расчеты по всем русскоязычным телеграм-каналам достаточно сложно из-за ограниченности информации по ним.

В исследовании [1] были применены два метода расчета объема рынка рекламы в Telegram на основе данных сервиса Telemetr и биржи Telega.in:

- через цену за рекламный пост;
- через CPM (цена за тысячу показов).

По этим двум формулам была проведена оценка оборота рекламы для достаточно популярных категорий среди рекламодателей «Бизнес и финансы» и «Образование».

Формула через цену за рекламный пост позволила получить точное значение оборота рекламы в категориях «Бизнес и финансы» и «Образование», а формула через CPM на основе средних значений – приблизительное. Сравнив результаты расчетов в топ-50 каналов по оборо-

Рис. 1 Динамика изменения объема рынка рекламы в русскоязычных телеграм-каналах в 2020–2021 гг., млрд руб. Составлено авторами на основе данных [1, 14–16]

ту рекламы, авторы сделали вывод, что значения получились очень близкие (погрешность в пределах 3–5%).

Чтобы рассчитать точное значение по обороту рекламы во всех каналах через стоимость рекламного поста, необходимо было собрать по каждому каналу данные о ценах за рекламный пост и их количестве за год, что достаточно проблематично, так как на данный момент не существует соответствующих скринеров по Telegram. При этом вторая формула через CPM позволяет, используя средние значения по рынку, сделать примерную оценку.

В итоге расчеты по оценке объема рынка рекламы в «Телеграме» были сделаны на основе средних значений: определены средние значения по CPM (стоимость 1000 просмотров или показов) и ER (активность аудитории) по русскоязычным телеграм-каналам, а также определены количество рекламных постов за период (квартал, год) и средние значения на канал по ПДП (подписчикам) и просмотрам. Источником данных были ресурсы <https://telega.in> и <https://telemetr.me>.

В результате расчетов оценка объема русскоязычного рынка рекламы в телеграм-каналах за 2020 год составила 12,8 млрд рублей [1].

В 2021 году для повышения точности расчетов в разработанную методику были добавлены корректирующие коэффициенты: $K_{Ц}$ – поправка на изменение цен рекламы в категориях, $K_{ВП}$ – поправка на «взаимный пиар», $K_{ЕУ}$ – поправка на учет естественных упоминаний. Результаты расчетов за первые три квартала 2021 года с учетом корректирующих коэффициентов представлены на рис. 1 и на сайте биржи [Telega.in](https://telega.in) [2–4].

На рис. 1 представлена динамика изменения объема рынка рекламы в русскоязычных телеграм-каналах (с учетом корректировок за 2021 год поквартально и нарастающим итогом), а также справочно приведена оценка за 2020 год.

Суммарный объем рекламы за 1–3-й кварталы 2021 года оценивается в 14,27 млрд руб., и это значение уже на 11,5% превышает оценки, сделанные в 2020 году. Такой интенсивный рост оборотов рекламы объясняется увеличени-

ем российской аудитории Telegram до 50 млн человек, а также ростом стоимости рекламы. По сравнению с 2020 годом за три квартала 2021 года в среднем CPM по большинству тематик вырос в 2 и более раза [1, 14–16].

Результаты и обсуждение

Методика для оценки оборота рекламы в телеграм-каналах (акцент на русскоязычном сегменте) изначально была апробирована на топ-50 каналах (определяли по просмотрам) в категориях «Бизнес и финансы» (на рис. 2 представлен фрагмент данных) и «Образование».

Расчеты проводятся с 2020 года. Далее представлен пример расчетов за 3-й квартал 2021 года (табл. 1, 2). Более подробно результаты расчетов и сама методика приведены в открытом исследовании авторов [4, 16].

Оборот рекламы в табл. 1 был определен по формуле (1) (через цену за пост):

$$\text{Стоимость рекламы за 3-й квартал} = \sum_{i=1}^n (C_i * K_i), \quad (1)$$

где C_i – цена размещения рекламы на i -м канале за рекламный пост, K_i – количество рекламных постов на i -м канале за квартал, n – количество телеграм-каналов (в данном случае $n=50$).

Для определения эффективности рекламы может использоваться множество показателей от самых общих (ROI – Return On Investment), до более специализированных (CPV (Cost Per Visitor) – стоимость одного показа, CPC (Cost Per Click) – стоимость клика, CPA (Cost Per Action) – стоимость целевого действия пользователей на сайте рекламодателя, CTR (Click Through Rate) – «кликабельность», охват (Reach) – общее число пользователей, которым хотя бы один раз показывался рекламный материал и др.) [17–20].

Для поставленной цели наиболее интересны два показателя – CPM (Cost Per Mille) и ER (Engagement Rate).

CPM (Cost Per Mille) – один из популярных инструментов определения стоимости рекламной кампании. Cost Per Millenium – это цена за

Категория «Бизнес и финансы»										
ИТОГО ТОП-50										
кол-во каналов	Канал	Ссылка	Цена/пост	ПДП***	Просмотры	Просмотры н.и.**	ER	Кол-во размещений рекламы за 3-й кв 2021 (К)*	Стоимость рекламы за 3-й кв 2021	СРМ
1	Игорь, начинайте работу	https://t.me/oplata-skoro-bud	19 000	66 694	53 379	53 379	80,0%	31	589 000	356
2	Банкста	https://t.me/banksta	77 500	181 736	50 844	104 223	28,0%	101	7 827 500	1 524
3	Быть Или	https://t.me/ToBeOrOfficial	15 000	101 758	39 081	143 304	38,4%	99	1 485 000	384
4	InvestFuture	https://t.me/investfuture	80 000	212 579	34 745	178 049	16,3%	72	5 760 000	2 302
5	headlines	https://t.me/headlines-for-tra	62 000	126 081	33 427	211 476	26,5%	47	2 914 000	1 855
6	Coin Post – Деньги, инвестиции	https://t.me/Coin_Post	36 000	159 788	28 679	240 255	17,9%	86	3 096 000	1 255
7	Наблюдатель инвестора	https://t.me/investingcorp	60 000	150 571	25 599	265 854	17,1%	65	3 900 000	2 335
8	Лимон на чай	https://t.me/lemonfora	120 000	216 072	24 953	290 807	11,5%	20	3 000 000	6 011
9	If Stocks	https://t.me/if_stocks	50 000	119 219	24 929	315 736	20,9%	13	650 000	2 006
10	Ринки денег и злости	https://t.me/AK47pf	145 000	148 569	23 967	339 703	16,1%	133	19 285 000	6 050
11	ProfitGate – экономика, трейдинг	https://t.me/ProfitGate	60 000	55 808	20 765	360 468	37,2%	11	660 000	2 889
12	MarketTwits	https://t.me/markettwits	60 000	152 041	19 724	380 192	13,0%	60	4 800 000	4 054
13	Сам ты инвестор!	https://t.me/zaifinvestor	120 000	71 441	19 030	399 222	26,6%	70	8 400 000	6 306
14	Профита нет. А если найдут? /Ф	https://t.me/profitanet	45 000	78 000	18 984	418 206	24,3%	103	4 635 000	2 370
15	Сигналы P/LB	https://t.me/corestocks	86 000	87 413	17 562	435 768	20,1%	174	23 564 000	4 897
16	На пенсию в 35 лет	https://t.me/pensiva35	43 000	61 860	17 516	453 284	28,3%	40	1 720 000	2 455
17	Дивиденды онлайн	https://t.me/divonline	30 000	58 625	17 268	470 552	29,5%	13	390 000	1 737
18	Оправдания для заказчика	https://t.me/olegizvini	9 000	53 204	17 152	487 704	32,2%	71	639 000	525
19	Нубышка Финансы	https://t.me/Bizlike	140 000	54 205	16 517	504 221	30,5%	8	1 120 000	8 476
20	Инвестиции на диване	https://t.me/div_invest	52 000	80 143	16 513	520 734	20,6%	25	1 300 000	3 149
21	ДИВИДЕНДЫ INVESTMINT	https://t.me/investmint	35 000	40 074	16 310	537 044	40,7%	8	280 000	2 146
22	NMI	https://t.me/russianmacro	45 000	102 440	16 207	553 251	15,8%	39	1 755 000	2 777
23	Фининди	https://t.me/Finindie	38 000	60 338	15 323	568 574	25,4%	12	456 000	2 480
24	ФИНАНСОВЫЕ ДУМКИ	https://t.me/MarketDumki	40 000	53 223	15 150	583 724	28,5%	44	1 760 000	2 640
25	Media SiGEN.pro	https://t.me/SiGEN_Media	100 000	132 547	14 542	598 266	11,0%	22	2 200 000	6 877

Рис. 2. Характеристики топ-50 каналов по количеству просмотров из категории «Бизнес и финансы» за 3-й квартал 2021 года (фрагмент из 25 каналов) [4]

* Количество размещений рекламы по данным <https://telemetr.me>

** н.и. – в этих столбцах значения рассчитаны нарастающим итогом;

*** ПДП – количество подписчиков на канале;

**** в табл. применено условное форматирование в категориях по столбцам: цена/пост, ПДП, ER, количество размещений рекламы и СРМ (зеленый – минимум, желто-оранжевый – средние значения, красный – максимум).

Составлено авторами на основе данных исследования [4]

тысячу показов баннера, объявления или любого другого коммерческого блока. В данном случае СРМ – это стоимость 1000 просмотров поста на телеграм-канале.

ER (Engagement Rate) – коэффициент вовлеченности в социальных сетях. Коэффициент вовлеченности бывает трех основных видов: ER в пересчете на день (Daily Engagement Rate, или ER day), ER в пересчете на пост (Engagement Rate, или ER post) и ER в пересчете на охват (Engagement Rate by Reach, или ERR).

$$\begin{aligned} \text{Стоимость рекламы за 3-й квартал} &= \\ &= \sum_{i=1}^n (\text{CPM}_i * K_i * P_i / 1000) = \\ &= \sum_{i=1}^n (\text{CPM}_i * K_i * \text{ПДП}_i * \text{ER}_i / 1000), \quad (2) \end{aligned}$$

где CPM_i – стоимость 1000 просмотров рекламного поста на телеграм-канале, K_i – количество рекламных постов на i -м канале за 3-й квартал, $P_i = \text{ПДП}_i \text{ER}_i$ – просмотры одного рекламного поста на i -м канале, ПДП_i – количество подписчиков на i -м канале, ER_i – активность подписчиков i -го телеграм-канала.

ER, или активность подписчиков канала, – это отношение количества просмотров рекламы на канале к общему количеству подписчиков канала. (По нашему опыту, для рекламодателей рекомендуемое ER > 20%.)

С одной стороны, формулы (1) и (2) идентичны, т.к. $\text{CPM}_i = (\text{C}_i / P_i) * 1000$.

С другой стороны, просмотры каждого поста на i -м телеграм-канале разные и постоянно меняются в зависимости от изменения количества подписчиков и их активности. Рекламодатели

смотрят на текущий CPM_i для оценки эффективности рекламы в i -м телеграм-канале. Чем меньше СРМ, тем лучше для рекламодателя. Конкуренция среди телеграм-каналов приводит к постепенному выравниванию показателя СРМ в каждой из категорий (тематик) телеграм-каналов при прочих равных. В табл. 2 представлены результаты расчетов по формуле (2), но уже на основе средних значений в топ-50 телеграм-каналов в двух популярных категориях:

$$\begin{aligned} \text{Стоимость рекламы за 3-й квартал} &= \\ &= \text{CPM}_{\text{ср}} * K * \text{ПДП}_{\text{ср}} * \text{ER}_{\text{ср}} / 1000. \end{aligned}$$

В табл. 2 при расчетах были использованы средние величины, полученные при анализе оборота рекламы в категориях «Бизнес и финансы» и «Образование».

Формула (1) (через цену за пост) позволяет получить точное значение оборота рекламы, а формула (2) (через СРМ) на основе средних значений – приближительное. Сравнивая результаты расчетов по топ-50 каналов (табл. 1, 2) по обороту рекламы по формуле (1) (через цену за пост) и по формуле (2) (через СРМ) можно сделать вывод, что значения получились очень близкие (погрешность в пределах –3,1% по категории «Бизнес и финансы» и в пределах 3,4% по категории «Образование»).

Для того чтобы применить формулу (1) для определения оборота рекламы по всем телеграм-каналам, понадобится точная информация по стоимости рекламных постов и их количеству в каждом из каналов. Такой информации, к

Таблица 1

Оборот рекламы в категориях «Бизнес и финансы» (см. рис. 2) и «Образование» по топ-50 телеграм-каналам (по формуле (1) через цену за пост)

Показатель	Категория «Бизнес и финансы»	Категория «Образование»
Всего подписчиков (ПДП) в топ-50 каналов по просмотрам	3 982 073	11 212 391
Всего просмотров в топ-50 каналов	881 900	1 135 321
Средний ER по топ-50 каналам, %	22.1	10.1
Оборот рекламы по топ-50 каналам за 3-й квартал (млн руб.)	≈ 132.3	≈ 56.2
Оборот рекламы по топ-50 каналам в пересчете на год (млн руб.)	≈ 529.2	≈ 224.8

Составлено авторами на основе данных [4, 16].

Таблица 2

Расчет оборота рекламы в категориях «Бизнес и финансы» и «Образование» по топ-50 телеграм-каналам (по формуле (2) через CPM) на основе средних значений

№	Показатель	Категория «Бизнес и финансы»	Категория «Образование»
1	Средневзвешенный по кол-ву рекламных постов CPM по топ-50 каналам (руб./1000 просмотров)	2 529	285
2	Среднее количество подписчиков на канал в топ-50	79 641	224 248
3	Средний ER по топ-50 каналам, %	22.1	10.1
4	Среднее количество просмотров на канал в топ-50	17 638	22 706
5	Количество рекламных постов за 3-й кв. 2021 года в топ-50 каналов	2 874	8 978
6	Оборот рекламы за 3-й кв. 2021 года в топ-50 каналов (руб./квартал) = (стр.1 × стр.4 × стр.5)/1000	128 177 339	58 049 898
7	Оборот рекламы в топ-50 каналов в пересчете на год (млн руб./год) = (стр.6) × 4	≈ 512.7	≈ 232.2

Составлено авторами на основе данных [4, 16].

Таблица 3

Данные по активности телеграм-каналов на 1.10.2021

Показатель	Значение
Всего постов за 3-й квартал 2021 года	61 308 267
Рекламных постов за 3-й квартал 2021 года	14 895 464
Количество каналов	225 148
Количество подписчиков (ПДП)	1 098 460 727

Составлено авторами на основе данных [4, 16], источник <https://telemetr.me>

сожалению, нет. Поэтому мы можем воспользоваться формулой (2) с использованием средних значений для определения оборотов рекламы сразу по всем категориям на основе данных (табл. 3, 4).

Поэтому попробуем применить формулу (2) (через CPM) на основе средних значений для определения оборота рекламы (табл. 3, 4).

Определим оборот рекламы для всех каналов через CPM на основе средних значений (табл. 4) по данным табл. 3 и на основе алгоритма, представленного в табл. 2.

Оборот рекламы в телеграм-каналах (акцент на русскоязычном сегменте) за 3-й квартал 2021 года с учетом корректировки.

Для повышения точности расчетов по обороту рекламы в телеграм-каналах необходимо учесть факторы, которые влияют на появление погрешностей, и уйти от множества допущений.

На текущий момент это является достаточно сложной задачей.

Для этой цели команда Telega.in уже начала работу в рамках исследовательско-аналитического проекта по обороту рекламы в телеграм-каналах:

- исследование «объем рынка рекламы в русскоязычных телеграм-каналах в 2020 году» [1];
- 12.8 млрд руб – объем рынка рекламы в русскоязычных Telegram-каналах в 2020 г.;
- аналитика телеграм-каналов (источник <https://telega.in>);
- статистика тематик телеграм-каналов (источник <https://telega.in>);
- опрос для владельцев Telegram-каналов (итоги опроса приведены в приложении 2 [15]).

Следует отдельно выделить, что доля естественных упоминаний среди репостов по результатам опроса получилась достаточно высо-

Таблица 4

**Расчет оборота рекламы по всем русскоязычным телеграм-каналам
(по формуле через CPM на основе средних значений)**

Показатель	Значение
Средний CPM (руб./1000 просмотров)	300*
Среднее количество подписчиков на канал	4 879
Средний ER по всем каналам, % **	14.5
Среднее количество просмотров на канал	707
Количество рекламных постов за 3-й квартал 2021 года	14 895 464
Оборот рекламы за 3-й квартал 2021 года по всем каналам (руб./кв.)	3 161 256 491
Оборот рекламы за год по всем каналам (млрд руб./год)	≈12.65

* CPM-значение принято на основе средних значений по данным биржи рекламы <https://telega.in> и экспертных оценок на 2020 год (интервью с создателем Telemetr: <https://youtu.be/IjokCJUOnUs>). Далее будет проведена корректировка CPM с учетом динамики цен.

** Средний ER рассчитан [4].

Составлено авторами на основе данных исследования [4, 16].

Таблица 5

**Расчет поправок и корректирующих коэффициентов.
Оборот рекламы по всем русскоязычным телеграм-каналам
(по формуле через CPM на основе средних значений)**

Поправки к расчету оборота рекламы	Расчет поправки	Корректирующие коэффициенты
Поправка на изменение цен рекламы в категориях	В 2020 году использовался средний CPM = 300 руб./1000 просмотров (экспертная оценка, см. табл. 4). Текущий средний CPM = 855 руб./1000 просмотров (рассчитывается ежемесячно на основе реальных данных по обороту рекламы Telega.in) [4]	$K_{Ц} = 855/300 = 2.85$
Поправка на «взаимный пиар»	По результатам опроса доля «ВП» составляет 23.9% [4]	$K_{ВП} = 1 - 23.9\%/100\% = 0.761$
Поправка на учет естественных упоминаний	$K_{ЕУ} = 1 - \text{доля естественных упоминаний в общем количестве репостов} \times \text{доля репостов в общем количестве рекламных постов}$ (коэффициенты определяется экспертно с учетом программных средств, опыта специалистов Telega.in и по результатам опроса) [4]	$K_{ЕУ} = 1 - 0.607 \times 0.2 = 0.879$
Корректирующий коэффициент (Кк)	Итоговый корректирующий коэффициент будет равен $K_k = K_{Ц} * K_{ВП} * K_{ЕУ}$	$K_k = 2.85 * 0.761 * 0.879 = 1.905$

Составлено авторами на основе данных исследования [4, 16].

кая – 60.7% [4], что явно снижает расчетное значение по обороту рекламы в «Телеграме».

Объем рынка рекламы в русскоязычных телеграм-каналах (см. табл. 4) с учетом корректирующего коэффициента (см. табл. 5) за 3-й квартал 2021 года будет равен $1.905 \times 3161256491 = 6022193615$ руб. или в пересчете на год $6022193615 \times 4 = 24088774461$ руб. или ≈24 млрд руб./год.

В рамках данного исследования объем русскоязычных телеграм-каналов был подсчитан двумя методами.

1. Без учета корректировок на допущение погрешностей (по аналогии с 2020 годом).

Согласно этому методу общий объем рынка рекламы в русскоязычных телеграм-каналах за 3-й квартал 2021 года составил ≈3.161 млрд руб., что в пересчете на год даёт ≈12.65 млрд руб.

Эта цифра практически совпадает с оценкой, которую аналитики коллектива Telega.in рассчитали в конце 2020 года.

2. С учетом корректировок, основная задача которых заключалась в уточнении параметра CPM, объемов «взаимного пиара» и доли естественных упоминаний.

Согласно этому методу общий объем рынка рекламы в русскоязычных телеграм-каналах с учетом корректирующего коэффициента за 3-й квартал 2021 года равен ≈ 6 млрд руб., что в пересчете на год даёт ≈ 24 млрд руб.

Заключение

Анализ тенденций и оборотов рекламы в Telegram говорит о перспективности этого инструмента. Также следует сказать, что тренд монетизации телеграм-каналов за счет рекламы сформировался именно в русскоязычном сегменте и сейчас наблюдается активное распространение этого тренда на английском и хинди (Индия). Рынок находится в преддверии запуска рекламной платформы Telegram, который раз-

работал платный инструмент для продвижения сообщений с учетом конфиденциальности пользователей. В настоящее время рекламные сообщения находятся в тестовом режиме. Запуск рекламной платформы Telegram ожидается в ноябре-декабре 2021 года, и после запуска на рынке рекламы «Телеграм» вполне возможны резкие скачки.

Факторы, влияющие на образование погрешностей и допущений:

- расчет произведен на основе средних значений через СРМ;
- за I–III кварталы 2021 года «взаимный пиар» учитывался в соответствии с результатами опроса, который может иметь свои погрешности;
- для расчета использовались данные ресурса <https://telemetr.me>, на котором отражены не все существующие в России каналы и не все рекламные компании;
- на ресурсе <https://telemetr.me> имеются каналы, созданные для аудитории бывших стран СНГ (большинство каналов – русскоязычные);
- не учитывались рекламные ссылки на внешние ресурсы;
- не учитывалась сезонность оборота рекламы (за основу были приняты данные по обороту за 3-й кв. 2021 года);
- не учитывался ежемесячный интенсивный рост количества подписчиков, каналов и оборотов рекламы;
- учитывался только один формат размещения рекламы (1 час в топе / 24 часа в ленте), что занижает общую стоимость размещения;
- некоторые каналы покупают рекламу «оптом» и по более низкой стоимости;
- естественные упоминания учитывались как коммерческие.

Дополнительные выводы из исследования

1. При прогнозе оборотов рекламы в будущем следует учитывать, что за 3-й кв. 2021 года количество рекламных постов в русскоязычных телеграм-каналах выросло на 31.7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года: с 11 307 709 до 14 895 464, а по сравнению с 3-м кв. 2019 года – более чем в 2.5 раза (с 5 898 237 до 14 895 464). При этом за 3-й кв. 2021 года количество всех видов постов в русскоязычных телеграм-каналах выросло на 42.8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года: с 42 937 938 до 61 308 267, а по сравнению с 3-м кв. 2019 года – в 3 раза (с 20 337 738 до 61 308 267).

2. Самые дорогие по СРМ категории: «Криптовалюты», «Трейдинг», «Инвестиции», «Недвижимость», «Маркетинг и PR», «Экономика и финансы», а самый высокий уровень вовлеченности с ERR более 25% в категориях «Региональные», «Спорт», «Ставки и азартные игры», «Политика» [4, 16].

3. На топ-10 категорий по обороту рекламы («Инвестиции», «Бизнес и стартапы», «Интернет-технологии», «Маркетинг и PR», «Криптовалюты», «Новости и СМИ», «Спорт», «Дети и родители», «Авторские блоги») приходится порядка 55.9% от общей стоимости рекламных постов [4, 16].

Исследование проведено при поддержке биржи рекламы в телеграм-каналах Telega.in.

Список литературы

1. Корнилов Д.А., Райцин М.А., Зайцев Д.А. и др. Исследование «Объем рынка рекламы в русскоязычных Телеграм-каналах в 2020 году» // Сайт биржи рекламы в Telegram «Telega.in» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://telega.in/blog/ob-em-rynka-reklamy-v-russkoyazychnyh-telegram-kanalah-v-2020-godu> (дата обращения: 26.10.2021).
2. Корнилов Д.А., Райцин М.А., Зайцев Д.А. и др. Исследование «Рынок рекламы в русскоязычных Телеграм-каналах, 1 квартал 2021» // Сайт биржи рекламы в Telegram «Telega.in» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://telega.in/blog/issledovanie-rynok-reklamy-v-russkoyazychnyh-telegram-kanalah-1-kvartal-2021> (дата обращения: 26.10.2021).
3. Корнилов Д.А., Райцин М.А., Зайцев Д.А. и др. Исследование «Рынок рекламы в русскоязычных Телеграм-каналах, 2 квартал 2021» // Сайт биржи рекламы в Telegram «Telega.in» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://telega.in/blog/issledovanie-rynok-reklamy-v-russkoyazychnyh-telegram-kanalah-2-kvartal-2021> (дата обращения: 26.10.2021).
4. Корнилов Д.А., Райцин М.А., Зайцев Д.А. и др. Исследование «Рынок рекламы в русскоязычных Телеграм-каналах, 3 квартал 2021» // Сайт биржи рекламы в Telegram «Telega.in» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://telega.in/blog/issledovanie-rynok-reklamy-v-russkoyazychnyh-telegram-kanalah-3-kvartal-2021> (дата обращения: 26.10.2021).
5. Digital 2020: обзор глобального цифрового рынка. Часть 3. О социальных сетях и мессенджерах // Сайт blog.sibirix.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://blog.sibirix.ru/2020/04/09/global-digital-report-3/> (дата обращения: 26.10.2021).
6. Самые важные цифры из глобального отчета Digital 2020 // Сайт web-canape.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/> (дата обращения: 26.10.2021).
7. Digital 2020: global digital overview // Сайт [datareportal](https://datareportal.com) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (дата обращения: 26.10.2021).
8. Statista [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.statista.com/search/> (дата обращения: 26.10.2021).
9. Реклама в Telegram-каналах стоит миллиарды // Сайт делового журнала «Инвест-Форсайт» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.if24.ru/reklama-v-telegram-kanalah-stoit-milliardy/> (дата обращения: 26.10.2021).

10. Рынок рекламы в русскоязычных Telegram-каналах // Сайт делового журнала «Инвест-Форсайт» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.if24.ru/rynok-reklamy-v-russkoyazychnyh-telegram-kanalah/> (дата обращения: 26.10.2021).
11. Объем рекламы в средствах ее распространения в 2020 году // Сайт АКАР [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id9555 (дата обращения: 26.10.2021).
12. Медиапотребление в России – 2021 // Сайт deloitte.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/mediaconsumption-in-Russia-2021.html> (дата обращения: 26.10.2021).
13. Истомина М. Telegram как рекламоноситель перерос прессу и радио, вместе взятые // Сайт vedomosti.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2021/10/27/893353-telegram-reklamonositel> (дата обращения: 26.10.2021).
14. 3.33 млрд руб – объем рынка рекламы в русскоязычных Telegram-каналах в 1 квартале 2021 г. // Сайт биржи рекламы в Telegram «Telega.in» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://telega.in/blog/3-33-mlrd-rub-ob-em-rynka-reklamy-v-russkoyazychnyh-telegram-kanalah-v-1-kvartale-2021-g> (дата обращения: 26.10.2021).
15. 4.94 млрд руб – объем рынка рекламы в русскоязычных Telegram-каналах в 2 квартале 2021 г. // Сайт биржи рекламы в Telegram «Telega.in» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://telega.in/blog/4-94-mlrd-rub-ob-em-rynka-reklamy-v-russkoyazychnyh-telegram-kanalah-vo-2-kvartale-2021-g> (дата обращения: 26.10.2021).
16. 6 млрд руб – объем рынка рекламы в русскоязычных Telegram-каналах в 3 квартале 2021 г. // Сайт биржи рекламы в Telegram «Telega.in» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://telega.in/blog/6-mlrd-rub-ob-em-rynka-reklamy-v-russkoyazychnyh-telegram-kanalah-v-3-kvartale-2021-g> (дата обращения: 26.10.2021).
17. Беляев Н.А., Савельева И.П., Кузменко Ю.Г., Трофименко Е.Ю. Анализ состояния российского рынка рекламы и маркетинговых коммуникаций // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2020. Т. 14. № 4. С. 162–169.
18. Лебедев Н.А., Добрынина К.Б. Экономическая составляющая средств массовой информации: динамика и возможные тенденции // Экономика образования. 2020. № 6 (121). С. 88–95.
19. Матюшкина И.А., Семионова К.С. Основные тенденции развития рынка рекламных услуг в России // Экономика и предпринимательство. 2021. № 1(126). С. 840–843.
20. Воронов А.Г., Воронов Г.Б., Воронов Д.Г. Методика подбора телеграм-каналов для размещения рекламы // ФЭС: Финансы. Экономика. 2021. Т. 18. № 4. С. 60–67.
21. Digital 2021: local country headlines // Сайт datareportal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-local-country-headlines> (дата обращения: 26.10.2021).
22. Digital 2021: global overview report // Сайт datareportal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения: 26.10.2021).

EVALUATION OF ADVERTISING TURNOVER IN RUSSIAN TELEGRAM CHANNELS

D.A. Kornilov¹, D.A. Zaitsev²

¹Nizhny Novgorod State Technical University

²Telega.in Advertising Exchange, Paperjet technologies Ltd

In the 21st century, communication through social networks and instant messengers has become an integral part of the promotion of companies and their products. The level of population involvement in the communication process through social networks and instant messengers is constantly growing. Their influence on the consciousness of users is growing, which ensures an influx of advertisers and an increase in advertising turnover. Advertising, in turn, is an important part of the monetization of platforms, users and their content. At the moment, there is no open methodology for assessing advertising turnover in Telegram channels, but the market is clearly growing, a process of monetization of both individual Telegram channels and the Telegram platform itself is being formed. The purpose of the study is to publish an open toolkit for assessing the advertising market in Russian-language Telegram channels. Determination of advertising turnover and their dynamics will allow assessing the effectiveness of Telegram, the prospects for its development in the highly competitive market of social networks and instant messengers. Research methods: content analysis of the processes of monetization of social networks and instant messengers, sorting and filtering data from Telegram channels (subscribers, views, engagement rate (ER), cost per mille (CPM), cost of advertising, total number of posts, number of advertising posts); application of methods of comparison, generalization, analysis, synthesis and structuring when identifying advertising turnovers in Russian-language Telegram channels. Online survey of Telegram channel administrators to determine the share of "Mutual PR" and the popularity of reposts as advertising on the channel. Results. The article presents the author's methodology for assessing the turnover of the advertising market in Russian-language Telegram channels, according to which the volume of the advertising market was calculated by two methods: 1) based on average values (excluding adjustments); 2) taking into account the adjustments, the main task of which was to clarify the CPM parameter, the amount of "mutual PR" and the share of natural references. The dynamics of the key characteristics and volume of the advertising market in Russian-language Telegram channels for 2020, for the 1–3 quarters of 2021 was determined, and their comparative assessment was carried out.

Keywords: Telegram, Telegram channels, social networks and messengers, advertising turnover, monetization, engagement rate, advertising post, conversion, subscribers, views.

УДК 657

DOI 10.52452/18115942_2022_1_36

РАЗРАБОТКА КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ СИСТЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО УЧЕТА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

© 2022 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 08.10.2021**Статья принята к публикации 26.01.2022*

Технология управления промышленным предприятием, усложняемая нарастанием кризисных явлений экономической среды, по-прежнему входит в число фундаментальных проблем современной экономической науки. Среди наиболее весомых негативных факторов влияния на систему менеджмента современного хозяйствующего субъекта обрабатывающих отраслей следует назвать существенное повышение стоимости ресурсов на мировых и отечественных рынках; падение уровня производства; низкую платежеспособность потребителей и ставшие систематическими ограничения вследствие пандемии COVID-19. Достижение уровня финансовой устойчивости и развития предприятий в таких условиях требует перманентного наращивания управленческого потенциала, внесения изменений в состав информационно-инструментальных средств, прежде всего принятия управленческих решений. Система бухгалтерского управленческого учета является одним из наиболее эффективных средств управления, ориентирована на информационное обслуживание руководства предприятий и также нуждается в систематических улучшениях. Целью исследования является разработка комплекса контрольно-оценочных инструментов, объектом которых служит набор ключевых показателей эффективности работы данной системы. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач, в том числе обоснование подходов к структурированию набора ключевых показателей эффективности работы системы бухгалтерского управленческого учета; средств формирования и анализа результатов ее экспертной оценки. В основе исследования лежат методы, связанные с проведением опроса (интервьюирования) лиц, принимающих управленческие решения, и коллективных экспертных оценок, структурно-функционального объектно-ориентированного и сравнительного видов анализа, наблюдения, формализации, обобщения, декомпозиции и графической визуализации. Предложенный автором подход к структуризации комплекса контрольно-оценочных инструментов, объектом которых является система бухгалтерского управленческого учета, позволит значительно улучшить не только процесс ее совершенствования, но и в целом позитивно повлиять на выработку оптимальных управленческих решений в условиях нарастания кризисных явлений.

Ключевые слова: экспертная оценка, оценочная шкала, принятие управленческих решений, промышленное предприятие, бухгалтерский управленческий учет, система управления, SNW-анализ, процесс оценивания.

Введение

Развитие современной экономики по-прежнему предполагает в качестве основного «локомотора» промышленное производство, что, безусловно, налагает на субъектов последнего особые требования, ставит перед ними новые, постоянно усложняющиеся задачи. Решение этих задач осуществляется в условиях роста конкуренции на фоне существенного повышения стоимости ресурсов на мировых и отечественных рынках; падения уровня производства; низкой платежеспособности потребителей и ставших систематическими ограничений вследствие пандемии COVID-19. Нарастание негативных факторов влияния на финансовую устойчивость и доходность бизнеса предполагает внесение

существенных изменений в технико-экономическую парадигму предприятий реального сектора экономики, в том числе в части управленческих технологий и средств их реализации.

Проведенные автором исследования показали наличие запроса менеджмента на структуризацию эффективного информационно-инструментального пространства управления организацией в условиях нестабильной, турбулентно меняющейся макроэкономической среды. Вполне очевидно, что полное удовлетворение данного запроса априори является длительным и непростым процессом, предполагающим, как правило, поэтапное внедрение инновационных методов в течение относительно длительного календарного периода. Надо отметить, что данный подход в целом соответствует концепции по-

Рис. 1. Контекстная диаграмма ведения бухгалтерского управленческого учета на промышленном предприятии

стоянного улучшения и оптимизации бизнес-процессов организации [1, 2].

Анализ проведенных исследований показал, что на большинстве предприятий реального сектора экономики в состав наиболее значимого управленческого инструментария входит система бухгалтерского управленческого учета (БУУ) финансово-хозяйственной деятельности. Сложный процесс инкорпорирования данной системы в управленческое пространство организации предполагает относительно развитую информационную инфраструктуру хозяйствующего субъекта, основное формирование которой, как правило, осуществляется на этапе зрелости жизненного цикла предприятия. Эксплуатация системы БУУ предполагает обработку значительных по объему массивов первичных данных, как правило, по сложным алгоритмам, открытым в том числе для внесения ситуационно ориентированных изменений, вызванных нестабильностью экономической среды. Основной функцией системы БУУ является информационно-справочное (информационно-сервисное) обслуживание лиц, принимающих управленческие решения (ЛПУР), путем структуризации набора сведений, релевантных информационно-управленческим запросам последних. Укрупненная схема практического применения рассматриваемой системы представлена на рис. 1.

Не требует доказательств обязательность использования в работе системы информационно-коммуникационных средств, соответствующих требованиям цифровой трансформации процессов принятия управленческих решений и разработки кратко- и среднесрочных стратегий хозяйственной деятельности промышленных предприятий.

По существу, система БУУ является внутренним клиент-ориентированным управленческим инструментом, продуктивная работа и развитие которого напрямую зависят от степени удовлетворения информационных потребностей ЛПУР. Вполне очевидно, что мнение данной

категории пользователей является решающим в оценке качества данной системы и в определении путей ее дальнейшего совершенствования. Исходя из данного постулата, целью представленного в статье исследования является разработка комплекса контрольно-оценочных инструментов (КОИ), объектом которых служит набор ключевых показателей эффективности. Соответственно, в задачи входит обоснование подходов к структурированию данного набора, оценочной шкале качества системы БУУ; к формированию и анализу результатов ее экспертной оценки, используемых, в свою очередь, в процессе непрерывного совершенствования средств управленческого учета.

Теоретико-методологические подходы

Ключевыми методами исследования, представленного в статье, являются опрос (интервьюирование) ЛПУР и коллективные экспертные оценки качества информационного обеспечения систем БУУ, реализованных на ряде промышленных предприятий г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области. В процессе проведения данного исследования также использовались методы структурно-функционального объектно-ориентированного и сравнительного видов анализа, наблюдения, формализации, обобщения, декомпозиции и графической визуализации.

Методологической основой исследования послужили научные труды ведущих ученых-экономистов в области управленческого учета. Нельзя не согласиться с авторами [3], утверждающими, что «управленческий учет является сложной, многоплановой и неоднородной по структуре и направленности системой, требующей четкой формулировки концептуальных основ, в рамках которых возможно ее функционирование». Позиционирование постулата о сложности и многослойности системы управленческого учета имеет место в работах ряда авторитетных ученых [4–6]. Касаясь вопроса о

функциях системы, авторы [7] отмечают, что «управленческий учет обеспечивает передачу, контроль и координацию организационных оперативных мер». Важность реализации контрольной функции подчеркивается в [8], где говорится, что «роль управленческого учета состоит в том, чтобы действующей управленческой информационной системой эффективно выполнялась функция контроля как процесса измерения и оценки информации».

Приоритетность решения контрольно-аналитических задач подчеркивается Т.А. Круковской, утверждающей, что управленческий учет как «часть системы управления организацией ... занимается подготовкой информации о текущем и перспективном развитии организации, ее анализом и определением мер по устранению выявленных отклонений от планов» [9]. Аналогичной позиции придерживаются авторы в [10], представляющие управленческий учет в качестве сегмента системы управления предприятием, генерирующего «информацию для обеспечения контроля посредством количественного сопоставления фактических результатов с расчетными в соответствии с организационной структурой организации или сегментами предпринимательства; для принятия управленческих решений и планирования с помощью количественных данных, для оценки альтернативного направления действий».

Несколько иной позиции придерживаются исследователи в [11], подчеркивая, что управленческий учет представляет собой систему внутренней аналитической информации о доходах и расходах предприятия, представленной по заранее определенным признакам. Аналогичного мнения придерживается целый ряд исследователей, в том числе в работах [12–21]. Намного шире представляют предметную область управленческого учета авторы [22], по мнению которых в функции управленческого учета входят «поддержка стратегического развития и планирования; поддержка принятия решений в таких областях, как инвестиционные проекты, приобретение нового бизнеса и запуск новой продукции; принятие решений по ценообразованию; необходимость отвечать все увеличивающимся потребностям рынка на предмет информации о результатах деятельности, как фактических, так и прогнозируемых; и необходимость понимать сравнительные результаты деятельности различных частей бизнеса, чтобы принимать взвешенные и обоснованные решения в отношении будущего направления развития каждого отдельного бизнеса». Автор [23] придерживается сходного профессионального суждения, отмечая, что «наряду с методами

калькулирования (имманентно присущими управленческому учету. – И.М.), действенными механизмами ... (управленческого учета. – И.М.) были признаны процессы бюджетирования, анализа, прогнозирования как затрат, так и других ресурсов предприятия».

Приведенные выше теоретико-методологические подходы, общим вектором которых является возможность многовариантного структурирования системы БУУ в соответствии с семантикой и организационно-технологическими параметрами информационных запросов ЛПУР конкретного хозяйствующего субъекта, подтверждают сформулированную автором и изложенную выше гипотезу о том, что профессиональное (экспертное) суждение руководства организации является решающим в оценке качества функционирования системы БУУ и в определении путей ее развития. По мнению автора, наиболее предпочтительным инструментом оценивания в контексте предмета проводимого исследования должна стать порядковая шкала оценивания [24].

В качестве средства интерпретации результатов экспертного оценивания качества работы системы БУУ целесообразно применить метод SNW-анализа [25, 26], отражающего: S (сильные стороны), N (нейтральные стороны) и W (слабые стороны) объекта. В свою очередь, результаты проведения данного вида анализа могут быть использованы в процессе непрерывного совершенствования системы БУУ предприятия на основе цикла Шухарта–Деминга [27–29]. Данный цикл объединяет четыре стадии (рис. 2), в контексте представленного исследования они будут следующими:

- 1) планирование, на которой определяются цели и задачи совершенствования;
- 2) действия, предполагающие реализацию запланированных целей и задач;
- 3) проверка результатов действий, на которой используются КОИ;
- 4) корректирование объекта совершенствования на основе результатов проверки.

Результаты

Анализ материалов проведенного автором опроса ЛПУР исследуемых промышленных предприятий показал, что, по общему мнению, набор ключевых показателей эффективности (КПЭ) системы БУУ образуют следующие параметры качества ее работы:

– релевантность генерируемой информации процессам принятия управленческих решений (в т. ч. отсутствие избыточности данных);

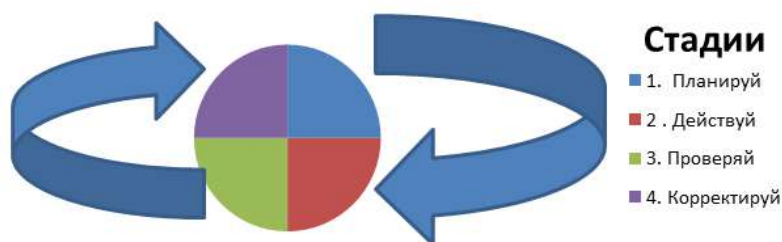

Рис. 2. Цикл Шухарта–Деминга

Таблица 1

**Оценочная шкала качества системы бухгалтерского управленческого учета
промышленного предприятия**

Оценка	Процентное содержание баллов (%)	Показатель оценивания (степень соответствия требованиям качества)
0	0	полное несоответствие
1	1 ÷ 24	существенное несоответствие
2	25 ÷ 49	частичное несоответствие
3	50 ÷ 74	условно допустимое соответствие
4	75 ÷ 99	допустимое соответствие
5	100	полное соответствие

Источник: разработка автора.

- своевременность реализации информационных запросов менеджеров;
- надежность средств формирования и информационная безопасность данных;
- понятность представления данных для широкого круга пользователей;
- возможность накопления, систематизации и длительного хранения данных;
- наличие информационно-логических связей с другими задачами управления;
- перспективность дальнейшего развития, интегрированность в систему внутрихозяйственного учета.

В качестве объекта оценивания рассмотрим систему БУУ, реализованную на предприятии ООО «XXXX», представляющую собой наиболее репрезентативный вариант из числа аналогичных систем, реализованных на исследуемых предприятиях. Для оценки качества функционирования данной системы предлагается использовать пятибалльную порядковую шкалу, представленную в табл. 1.

Процесс оценивания в данном контексте имманентно носит субъективный характер, основанный на эмпирических знаниях одного эксперта. Мы полагаем, что для повышения качества конечного результата данного процесса следует использовать коллективное мнение нескольких экспертов, при условии их максимальной компетенции в сфере управленческого учета. Необходимо подчеркнуть, что работа системы БУУ в соответствии с заданным набором КПЭ зависит от многих информационно-коммуникационных, интеллектуальных, орга-

низационных и иных факторов, в том числе от вероятности безотказной работы технических средств, надежности программного обеспечения, квалификации персонала, а также от различных событий случайного, непредвиденного характера. Следовательно, экспертную оценку О качества реализации i -го показателя из набора КПЭ целесообразно рассчитывать по формуле:

$$O_i = B_i \times P_i, \quad (1)$$

где B_i – балл, выставляемый экспертом; P_i – вероятность успешной реализации процессов, обеспечивающих соответствие работы системы БУУ запланированному уровню i -го показателя из набора КПЭ.

Средний балл качества ОQ реализации i -го показателя из набора КПЭ рассчитывается по формуле:

$$OQ_i = \frac{1}{M} \sum_{i=1}^M O_i, \quad (2)$$

где M – число экспертов, участвующих в оценивании.

Интегрированная экспертная оценка SQ системы БУУ рассчитывается по формуле (3):

$$SQ = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N OQ_i, \quad (3)$$

где N – количество оцениваемых показателей.

Результаты оценивания системы БУУ, реализованной на предприятии ООО «XXXX», представлены в табл. 2, их SNW-анализ – в табл. 3.

Исходя из полученных результатов использования КОИ, образуемых путем комплексного использования средств экспертного оценивания и SNW-анализа КПЭ рассматриваемой системы

Таблица 2

Результаты экспертной оценки системы бухгалтерского управленческого учета предприятия ООО «XXXX»
Дата 22.04.2021

Дата: 22.04.2021

№ п/п	Наименование показателей	Вероятность успешной реализации	Эксперты					Средние оценочные показатели
			А	Б	В	Г	Д	
			Оценки					
1	Релевантность генерируемой информации процессам принятия управленческих решений (в т. ч. отсутствие избыточности данных)	0.90	4.50	4.50	3.60	2.70	2.70	3.60
2	Своевременность реализации информационных запросов менеджеров	0.95	3.80	4.75	4.75	2.85	2.85	3.37
3	Надежность средств формирования и информационная безопасность данных	0.95	3.80	3.80	4.75	3.80	3.80	3.61
4	Понятность представления данных для широкого круга пользователей	0.75	3.75	3.75	3.00	3.00	2.25	3.15
5	Возможность накопления, систематизации и длительного хранения данных	0.80	2.40	4.00	4.00	4.00	3.20	3.52
6	Наличие информационно-логических связей с другими задачами управления	0.70	2.80	2.10	2.10	2.10	3.50	2.94
7	Перспективность дальнейшего развития, интегрированность в систему внутрихозяйственного учета	0.60	2.40	3.00	3.00	3.00	3.00	2.88
8	Интегрированная экспертная оценка							3.29

Таблица 3

SNW-анализ результатов экспертной оценки системы бухгалтерского управленческого учета предприятия ООО «XXXX»

№ п/п	Наименование показателей	Слабые стороны		Нейтральные стороны		Сильные стороны	
		Средние оценочные показатели					
		0	1	2	3	4	5
1	Релевантность генерируемой информации процессам принятия управленческих решений (в т. ч., отсутствие избыточности данных)				3.6		
2	Своевременность реализации информационных запросов менеджеров				3.37		
3	Надежность средств формирования и информационная безопасность данных				3.61		
4	Понятность представления данных для широкого круга пользователей				3.15		
5	Возможность накопления, систематизации и длительного хранения данных				3.52		
6	Наличие информационно-логических связей с другими задачами управления			2.94			
7	Перспективность дальнейшего развития, интегрированность в систему внутрихозяйственного учета			2.88			

БУУ предприятия ООО «XXXX», в целях выхода в зону «сильных сторон», целесообразен очередной «виток» стадий, предусмотренных циклом Шухарта–Деминга.

Заключение

Эффективный менеджмент хозяйствующего субъекта обрабатывающих отраслей в условиях

нарастающих негативных факторов влияния экономической среды требует существенного изменения технико-экономической парадигмы, в том числе в части применяемых управленческих технологий. Одной из наиболее востребованных из числа последних является система бухгалтерского управленческого учета, имманентно ориентированная на удовлетворение наиболее сложных и значимых информацион-

ных запросов ЛПУР. Бухгалтерский управленческий учет относится, по существу, к сервисным инструментам, встроенным в сложную ткань информационного обслуживания руководства организации. Закономерно, что оценка качества реализации данной технологии именно этой категорией пользователей имеет решающее значение в определении критериев и параметров ее функционирования и дальнейшего развития. Вполне очевидно, что придание максимальной объективности процессу и результату оценивания требует продуманного и обоснованного комплекса контрольно-оценочных инструментов. Предложенный автором состав данного комплекса позволяет «точно» нацелить и сконцентрировать усилия управленческого персонала на улучшение именно тех показателей, которые, согласно экспертной оценке, нуждаются в выходе в зону «сильных сторон». Необходимо отметить важность обязательной институционализации предлагаемых средств в бухгалтерских практиках исследуемых предприятий.

Список литературы

1. Селиванова Ю.А. Концепции постоянного улучшения в оптимизации бизнес-процессов организации // Методы науки. 2017. № 1. С. 9–10.
2. Чайка В.А. Принципы формирования механизма непрерывного улучшения качества в российских компаниях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2006. № 2. С. 43–64.
3. Михайлушкин П.В., Баранников А.А. Формирование научной концепции управленческого учета: предмет, метод и задачи учета // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2012. № 1. С. 188–194.
4. Серебрякова Т.Ю., Бирюкова О.А., Кондрашова О.Р. Институциональные подходы к классификации управленческого учета // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 2 (440). С. 204–212.
5. Соколов А.Ю. Формирование информации о затратах в системе управленческого учета. М.: Бухгалтерский учет, 2007. 176 с.
6. Sokolov A.Y., Bismukhametova Ch.Z. Accounting for over-heads in Russia: historical aspects // Academy of Marketing Studies Journal. 2016. Vol. 20. Special Issue. P. 115–120.
7. Мамонтова Е.В., Фахрисламова Е.И. Управленческий учет на предприятии: организация и формирование социальных показателей управленческого учета // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2013. № 2. С. 232–242.
8. Вандина О.Г. Эволюция системы учета по центрам ответственности для руководства предприятия как части традиционной системы управленческого учета // Экономические и гуманитарные науки. 2013. № 11 (262). С. 77–80.
9. Круковская Т.А. Бухгалтерский учет и отчетность для целей управленческого учета на примере предприятий химической промышленности // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 5 (50). С. 134–136.
10. Вандрай Л.В., Ясыр Л.П., Боян Е.Г., Болдунова С.А. Сущность управленческого учета и его взаимодействие с бухгалтерским учетом // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2007. № 6. С. 31–53.
11. Глушенко А.В., Ермакова М.С. Элементы единой учетной политики в интересах управленческого учета агрохолдинга // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 3 (210). С. 29–33.
12. Управленческий учет: Учебное пособие / Под ред. Я.В. Соколова. М.: Магистр: НИЦ ИНФРА-М, 2013. 428 с.
13. Серебрякова Т.Ю., Бирюкова О.А., Гордеева О.Г. и др. Управленческий учет: Учебник / Под ред. Т.Ю. Серебряковой. М.: ИНФРА-М, 2018. 553 с.
14. Друри К. Управленческий учет для бизнес-решений: Учебник / Пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 655 с.
15. Кондраков Н.П., Иванова М.А. Бухгалтерский управленческий учет: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 352 с.
16. Демина И.Д. О соотношении управленческого учета и бухгалтерского управленческого учета в системе управления организацией // Современное состояние и перспективы развития бухгалтерского учета, экономического анализа и аудита: Материалы Междунар. научно-практич. конф. / Под научн. ред. Е.М. Сорокиной. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2016. С. 240–246.
17. Басова А.В., Нечаев А.С. Бухгалтерский (управленческий) учет: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2017. 324 с.
18. Каверина О.Д. Управленческий учет: системы, методы, процедуры: Монография. М.: Финансы и статистика, 2003. 352 с.
19. Вахрушина М.А. Бухгалтерский управленческий учет. М.: Омега-Л, 2007. 570 с.
20. Кротова А.Б. Управленческий учет затрат в организациях строительной отрасли: теория и методика: Монография. Йошкар-Ола: ООО «Стринг», 2012. 154 с.
21. Мизиковский И.Е. Бухгалтерский управленческий учет: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Магистр: «ИНФРА-М», 2021. 144 с.
22. Чая В.Т., Чупахина Н.И. Перспективы развития управленческого учета // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 22 (103). С. 2–14.
23. Иванова И.В. Эволюция управленческого учета как составной части мировой системы учета // Учет и статистика. 2013. № 1 (29). С. 21–29.
24. Орлов А.И. Организационно-экономическое моделирование: теория принятия решений: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению 220700 «Организация и управление наукоемкими производствами» специальности 220701 «Менеджмент высоких технологий». М.: КноРус, 2015. 568 с.
25. Филобокова Л.Ю. SNW-, STEP- и SWOT-анализ в системе стратегического управления малым предпринимательством // Экономический анализ: теория и практика. 2007. № 17 (98). С. 36–39.

26. Крылова С.А Теория и практика применения SNW-анализа // Сборник трудов IV межвузовской научно-практической конференции «Экономика сферы сервиса: проблемы и перспективы». Омск: Изд-во Омского государственного технического университета. 2018. С. 96–99.

27. Кузьмин А.М. Цикл Шухарта–Деминга У. Шухарт (США), 20-е гг. XX в. деятельности организации Э. Деминг (США), 30-е гг. XX в. Цикл

PDCA. Цикл PDSA. Цикл PDC(S)A // Методы менеджмента качества. 2010. № 2. С. 11.

28. Дмитриева П.С. Использование цикла Деминга и процессного подхода для повышения качества выпускаемой продукции // Успехи современного естествознания. 2006. № 6. С. 26–27.

29. Репин В.В., Елиферов В.Г. Процессный подход к управлению. Моделирование бизнес-процессов. М.: РИА «Стандарты и качество», 2008. 408 с.

DEVELOPMENT OF CONTROL AND EVALUATION TOOLS OF THE SYSTEM OF ACCOUNTING MANAGEMENT ACCOUNTING OF INDUSTRIAL ENTERPRISE

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The technology of industrial enterprise management, complicated by the growing crisis phenomena of the economic environment, is still among the fundamental problems of modern economics. Among the most significant negative factors affecting the management system of a modern business entity of the manufacturing industries should be called a significant increase in the cost of resources on world and domestic markets; a drop in production levels; low consumer solvency and systematic restrictions due to the COVID-19 pandemic. Achieving the level of financial stability and development of enterprises in such conditions requires a permanent increase in managerial potential, making changes to the composition of information and tools, first of all, making managerial decisions. The management accounting system is one of the most effective management tools, is focused on information services for the management of enterprises, and also needs systematic improvements. The purpose of the study is to develop a set of control and evaluation tools, the object of which is a set of key performance indicators of this system. Achieving this goal involves solving a number of tasks, including those involving the justification of approaches to structuring a set of key performance indicators of the management accounting system; means of forming and analyzing the results of its expert evaluation. The research is based on methods related to conducting a survey (interviewing) of managerial decision makers and collective expert assessments, structural and functional object-oriented and comparative types of analysis, observation, formalization, generalization, decomposition and graphical visualization. The approach proposed by the author to the structuring of a set of control and evaluation tools, the object of which is the management accounting system, will significantly improve not only the process of its improvement, but also, in general, positively affect the development of optimal management decisions in the conditions of increasing crisis phenomena.

Keywords: expert assessment, evaluation scale, management decision-making, industrial enterprise, accounting management accounting, management system, SNW-analysis, evaluation process.

УДК 332.6

DOI 10.52452/18115942_2022_1_43

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ НА РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

© 2022 г.

М.С. Оборин

Оборин Матвей Сергеевич, д.э.н.; профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета; профессор кафедры менеджмента Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова
recreachin@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 06.12.2021**Статья принята к публикации 27.01.2022*

Ситуационные макроэкономические условия актуализировали системное применение программного подхода к развитию агропромышленного комплекса и его важнейшего направления – сельского хозяйства. Стратегическое видение параметров отрасли способствует постоянному уточнению объемов финансирования, условий и факторов в регионах, оказывающих влияние на финансово-экономические и производственные показатели, разработке индикаторов, отражающих современное целеполагание и результативность на каждом запланированном этапе. Особенно интересно сравнивать динамику показателей по субъектам РФ с различным уровнем состояния сельского хозяйства и природно-климатическим потенциалом. В исследовании использовались данные анализа программ развития сельского хозяйства Ростовской области, Краснодарского края, Пермского края, а также данные мониторинга результатов реализуемых государственных программ по итогам 2020 года. *Цель исследования:* анализ региональных программ развития сельского хозяйства, их влияния на отрасль и социально-экономические показатели регионов. *Задачи исследования:* 1) анализ программ развития сельского хозяйства регионов России; 2) оценка промежуточных результатов выполнения государственных программ в выбранных субъектах РФ; 3) определение положительно влияющих, а также ограничивающих факторов стратегического развития отрасли. В результате анализа государственных программ были определены приоритетные направления повышения эффективности сельскохозяйственного производства, имеющие особенности в зависимости от состояния отрасли.

Ключевые слова: программы развития, показатели регионов, сельское хозяйство, инвестиционные проекты, анализ эффективности, современные технологии.

Введение

Сложные макроэкономические условия влияют на финансово-экономические и производственные показатели предприятий агропромышленного комплекса. Меры государственной поддержки реализуются на основе программного подхода, содержащего стратегические цели и комплекс мер по развитию агробизнеса, включая инвестиции. Ситуационные тенденции в отрасли зависят от региональной специализации и роли агропромышленного комплекса в формировании ВРП.

В Ростовской области реализуется государственная программа [1], направленная на количественный рост объемов производства продукции, решение проблем технологической и кадровой модернизации, а также комплекса социально-экономических задач. Отмечается, что одной из основных стратегических целей является оптимизация сельскохозяйственного зем-

лепользования, включая инфраструктурные и нормативно-правовые институты поддержки. Благоприятные природно-климатические условия в сочетании с финансово-инвестиционными факторами формируют потенциал дальнейшего интенсивного развития отрасли даже в сложных макроэкономических условиях и рисках, обусловленных геополитическими тенденциями и пандемией коронавируса [2].

Отметим приоритеты развития растениеводства в субъекте.

Сохранность плодородия и качества почвы [3–5]:

- достижение и сохранение высокого качества почвенного покрова земель, используемых в сельскохозяйственном производстве в целях выращивания продукции, обладающей ценностными характеристиками для потребителей;
- разработка комплекса эффективных мер стимулирования агробизнеса к применению зеленых технологий и технологий рационального природопользования, сохраняющих почву;

Рис. 1. Динамика посевных площадей сельскохозяйственных культур (в хозяйствах всех категорий) (тыс. га) [1, 12]

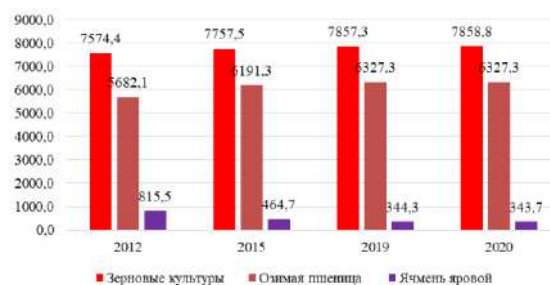

Рис. 2. Динамика валовых сборов сельскохозяйственных зерновых культур в первоначально-оприходованном весе, тыс. тонн [1, 12]

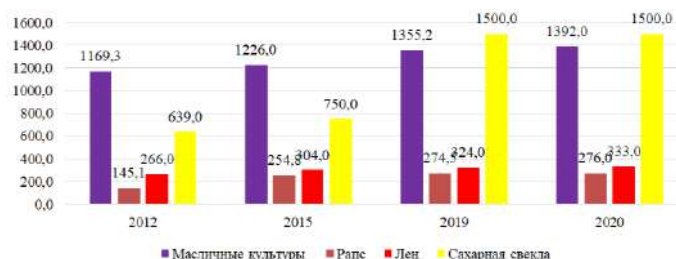

Рис. 3. Динамика валовых сборов сельскохозяйственных масличных и овощных культур в первоначально-оприходованном весе, тыс. тонн [1, 12]

– промывка отводов от ила, от растительного покрова и смещения почв, уплотнение плотин, исправление и ремонт поврежденных участков и построек;

– создание нормативной, правовой и методической базы оценки уровня плодородия почв и технологий, используемых в сфере сельскохозяйственного производства;

– *поручительство и гарантия права на землю*, защита *прав* и законных интересов *владельцев* земельных участков.

Повышение урожайности сельскохозяйственных культур [6–8]:

- обильная подкормка почв;
- внедрение селективных методов.

Повышение технического и технологического уровня развития АПК [9–11]:

– внедрение современных высоких технологий, обладающих ресурсосберегающими характеристиками;

– обеспечение производителей сельскохозяйственной продукции в Ростовском регионе современными ресурсосберегающими технологиями с целью повышения производительности, привлечение инвесторов для совершенствования и внедрения инновационных технологий в сельскохозяйственный процесс производства;

– стимулирование и инвестирование проектов, направленных на развитие научного направления по изучению генов и *генетических* вариаций, создания новых видов культурных растений, науки, направленной на модификацию свойств живых организмов, а также исследование процессов преобразования внешних ресурсов в биологически полезную работу в данной отрасли.

Методы

Основные методы исследования: 1) анализ показателей реализации государственных программ по развитию оценки сельского хозяйства в регионах РФ; 2) экономико-статистический анализ данных о состоянии сельского хозяйства в регионах России.

Результаты и их обсуждение

На рисунках 1–3 представлена динамика показателей посевных площадей сельскохозяйственных культур, а также валовых сборов сельскохозяйственных культур в первоначально-оприходованном весе. Представленные данные свидетельствуют о том, что предполагается рост земель в обороте за счет реализации природоохранных, мелиоративных мероприятий, упорядочения использования различными собственниками на нормативно-правовой основе.

За последние годы существенно увеличилась площадь под выращивание озимой пшеницы (на 12,5%), уменьшилась для выращивания ярового ячменя (на 59,6%, практически в три раза). Среди масличных культур отметим сокращение площади под подсолнечник, рост под выращивание рапса, льна. Наблюдается увеличение земель для производства сахарной свеклы (свыше чем в два раза) и плодово-ягодных насаждений – на 1 тыс. га.

Наблюдается закономерная взаимосвязь изменения посевных площадей и полученного урожая.

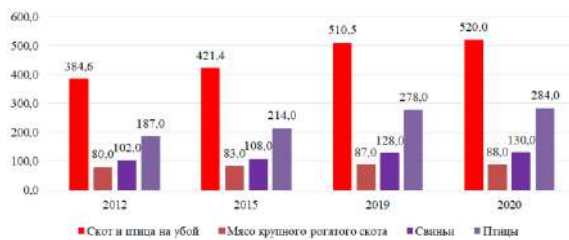

Рис. 4. Динамика производства скота и птицы на убой (в живом весе) в Ростовской области на период до 2020 года (тыс. тонн) [14]

Рис. 5. Динамика поголовья скота в Краснодарском крае на период до 2020 года (тыс. голов) [12]

Особенно заметно увеличение сбора сахарной свеклы, обусловленное динамикой потребительского спроса со стороны бизнеса и населения.

Рассмотрим показатели развития отрасли животноводства. В последнее время наблюдается тенденция реализации новой структуры в производстве мясных изделий. В производстве свинины отмечается некий спад, и, напротив, увеличивается доля производства птичьего мяса.

На рисунке 4 отражена динамика производства скота и птицы на убой в Ростовской области на период до 2020 года.

Мясо-молочное производство показывает стабильный ежегодный прирост. В целом, как отмечено в документе, ограничивающим фактором животноводческой отрасли является низкий уровень автоматизации и цифровизации производства, который необходим для удовлетворения спроса в сегментах диетической продукции и детского питания. Учитывая высокую долю частного агробизнеса, необходима комплексная поддержка малых форм хозяйствования в регионе. Следует усилить селекционную работу.

Одним из самых важных регионов Российской Федерации в сельскохозяйственном назначении является Краснодарский край, благодаря плодородным почвам, благоприятному климату и другим факторам, позволяющим эффективно развивать все направления и отрасли сельского хозяйства. В Краснодарском крае выращивают почти 150 разных сельскохозяйственных культур [13]. В соответствии со статистическими данными посев зерновых культур в 2020 году составил 68%, что на 8% выше в сравнении с 2010 годом; технические культуры составили 23%, снизив долю на один процент в сравнении с 2010 годом; урожай картофеля, овощных и бахчевых культур остался на прежнем уровне и составил 3%; кормовые посевы составили 7%, что на 5% меньше, чем в 2010 году. Посевные объемы риса в 2020 г. заняли 127 тыс. га [14, 15].

За 2020 год Краснодарский край занял лидерские позиции по производству зерновых культур, до 10% валового сбора страны было произведено в крае, а также риса – 73.6%, сахар-

ной свеклы – 17.2%, семян подсолнечника – 6.9% [16]. Сельскохозяйственные предприятия Краснодарского края, стабильно поддерживая традицию, являются основными производителями зерновых культур: в 2020 г. валовой сбор зерна составил 66%, 89% сахарной свеклы, 59% подсолнечника на зерно, 45% овощей; 72% картофеля [17]. Регион также славится производством винограда, чая и цитрусов, доля которых основная по всей стране. В последней четверти 2020 г. поголовье основных видов скота во всех отраслях составило: крупного рогатого скота – 554 тыс. голов (85% к концу 2010 г.), из него коров – 215 (83%); свиней – 640 (64%), овец и коз – 221 (145%) тыс. голов [14, 15, 18].

Структура поголовья скота, отведенная на отдельные хозяйственные единицы, составила 26% крупного рогатого скота, 0.2% свиней, 70% овец и коз. В 2020 году в Краснодарском крае выращено 558.8 тыс. тонн скота и птицы, что на 4 процента больше, чем в 2010 году; убойных животных 555.5 тыс. тонн, больше на 2 процента в сравнении с 2010 годом. За этот год производство молочной продукции достигло 1554.8 тыс. тонн, превысив долю производства в сравнении с 2010 годом на 11 процентов, яиц – 1540.7 млн штук (85%) [18].

Анализ эффективности региональной программы развития агропромышленного комплекса Пермского края показывает, что на 2020 год, согласно статистическим данным представителя Росстата на территории региона, объем валовой продукции сельскохозяйственного производства составил 46.1 млрд рублей, что на 10% выше в сравнении с 2019 годом, из которых непосредственно продукция сельского хозяйства составила 16.0 млрд рублей и животноводческая продукция 30.1 млрд рублей [19].

В рамках сельскохозяйственных производителей продукция аграрной промышленности в 2020 году показала следующие результаты: домашние хозяйства выпустили 31.9% продукции, 62.8% – предприятия сельскохозяйственного производства, 5.3% продукции выпустили фермерские хозяйства. В рамках возмещения расходов производителям сельскохозяйственной

продукции в 2020 году из федерального и региональных бюджетов на поддержку отдельных разделов отрасли растениеводства и животноводства и агрострахования выделено 1809.3 млн рублей, из которых исполнено 1744.9 млн рублей. В совокупности с частным финансированием доля средств на возмещение расходов производителям сельскохозяйственной продукции составила 19 581.5 млн рублей [20].

Для продуктивности роста выпуска молочной продукции реализуется содействие в рамках увеличения производительности в хозяйстве. Материальная помощь компенсированных расходов производителям сельскохозяйственной продукции на продуктивность молочного производства из федерального и краевого бюджетов составила 704.3 млн рублей, при поддержке 149 предприятий Пермского края. Всего в 2020 году все виды сельскохозяйственных производств выпустили 477.1 тыс. тонн молока [21].

Валовой сбор картофеля в сельскохозяйственных предприятиях, фермерских хозяйствах, ИП составил 79.7 тыс. тонн, что превысило урожай в сравнении с 2019 годом на 17.3 тысяч тонн. Валовой сбор овощей, выращенных на открытом грунте сельхозпредприятиями, фермерскими хозяйствами и ИП включительно, составил 24.7 тыс. тонн (95.4% к уровню 2019 г.). Сельхозпредприятия, индивидуальные предприниматели и фермеры собрали за 2020 год 261.8 тыс. тонн картофеля и 140.3 тыс. тонн овощей, что выше по показателям 2019 года на 22.3 тыс. тонны и 2.9 тыс. тонн соответственно. Главной специализацией сельскохозяйственных предприятий является производство животноводческой продукции, которая в 2020 году составила 78.3% – мяса, 94.3% – яиц, а также 82.7% молока [22].

Развитие земледелия на территории Пермского края имеет рискованное направление. Поэтому формой поддержки данной отрасли при потере урожая из-за засухи или иных непредвиденных климатических катаклизмов является страховая компенсация. В связи с тем, что страхование данной отрасли весьма дорогое удовольствие, государство предоставляет земледельцам субсидии на выплату 50% страховой премии, которая перечисляется на счет страховщика.

Через федеральное и региональное субсидирование производителям сельскохозяйственной продукции на частичную компенсацию расходов по страховым взносам по договорам агрострахования в области растениеводства и животноводства выделены 54.8 млн руб., что составляет 92% ежегодных бюджетных ассигнований. В сравнении с 2019 годом расходы сельскохозяйственных товаропроизводителей на страхование выросли на 69% [22].

Общий объем страховых договоров по урожаю сельскохозяйственных культур и сельскохозяйственных животных, на которые были выделены субсидии с государственной поддержкой в 2020 году, составил 39 договоров, количество застрахованных пахотных земель – 81.5 тыс. га, количество застрахованных сельскохозяйственных животных – 30.9 тыс. голов. В 2020 году показатель прямого результата основного плана «Доля застрахованных посевных площадей в общей посевной площади» реализован на 113.6% при плановом показателе 11.5%, фактическая реализация – 13.1%. Поскольку каждый год возрастают расходы производителей сельскохозяйственной продукции на один гектар посевной площади (за 2016–2018 гг. – 31%), убытки, вызванные климатическими катаклизмами в 2019 году, потерями семенных растений, нехваткой современного оборудования для посева в 2020 году, сельскохозяйственные производители получили дополнительные субсидии в размере 430 рублей на 1 гектар земли. А также на компенсацию доли расходов на производство зерновых и зернобобовых культур: на закупку топлива, семян, удобрений, фитосанитарных продуктов [22]. Субсидии были выделены 182 производителям сельскохозяйственной продукции в размере 81.8 млн рублей.

Заключение

Стратегической целью Минсельхоза в 2020 году являлись долгосрочные меры по увеличению продукции сельскохозяйственной отрасли путем модернизации технологических процессов в производстве, реализуемые согласно разработанному плану Государственной программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» в период 2020–2022 гг., а также через реализацию показателей Индикативного плана социально-экономического развития на 2020–2024 гг. отрасли «Сельское хозяйство» агропромышленного комплекса регионов, Соглашения о взаимодействии по реализации стратегических целей в сельскохозяйственном секторе в период до 2030 года.

Анализ государственных программ развития отрасли в выбранных субъектах в целом можно охарактеризовать положительно. В Ростовской области, Краснодарском крае, Пермском крае наблюдается количественный рост производства приоритетных видов продукции растениеводства и животноводства. Несмотря на сложные ситуационные макроэкономические условия, региональным властям удалось не допустить серьезного спада, поддержать производителей, реализовать необходимые меры поддержки.

Ограничивающим фактором интенсивного развития агропромышленного комплекса Ростовской области является сохранение качества земель сельскохозяйственного назначения, упорядочение механизмов их нормативно-правового регулирования; для Краснодарского края – системная модернизация, которая может в еще большей степени повысить экспортно-импортные объемы реализации; для Пермского края – инфраструктурные и рыночные ограничения, включая ценовые факторы.

Список литературы

1. Государственная программа «Государственная поддержка агропромышленного комплекса Пермского края» на период 2014–2024 гг. (утв. Постановлением Правительства Пермского края в ред. от 03.03.2021 г.). URL: <https://agro.permkrai.ru/programs/regionalnye/>
2. Алтухов А.И. Совершенствование организационно-экономического механизма устойчивого развития агропромышленного производства // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2016. № 7. С. 2–11.
3. Безпалов В.В. Развитие методологии управления внешнеторговой деятельностью в промышленном комплексе региона в условиях импортозамещения // Экономика и предпринимательство. 2018. № 1 (90). С. 353–359.
4. Зинченко А.П. Хозяйства населения по итогам Всероссийских сельскохозяйственных переписей // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2019. № 2. С. 119–128.
5. Папцов А.Г. Роль государства в аграрном секторе развитых стран // АПК: экономика, управление. 2017. № 4. С. 83–87.
6. Башмачников В.Ф., Дрокин В.В., Журавлев А.С. Вовлечение крестьянских хозяйств в решение задач импортозамещения // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 2. С. 663–675.
7. Безпалов В.В. Внешнеторговая безопасность: современные подходы к ее определению // Плехановский научный бюллетень. 2017. № 2 (12). С. 25–29.
8. Милосердов В.В. Проблемы импортозамещения в системе продовольственной безопасности России // Известия Международной академии аграрного образования. 2016. № 29. С. 41–47.
9. Воронин Б.А., Лоретц О.Г., Воронина Я.В. Система управления сельским хозяйством в современной России // Аграрный вестник Урала. 2019. № 6 (185). С. 59–63.
10. Гайсин Р.С. Причины диспаритета цен между сельским хозяйством и промышленностью в свете теории межотраслевого рыночного равновесия // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2015. № 10. С. 18–23.
11. Столярова О.А., Решеткина Ю.В. Инвестиции как фактор повышения эффективности сельскохозяйственного производства // Сурский вестник. 2019. № 1(5). С. 54–57.
12. Государственная программа Краснодарского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» на 2019–2025 гг. // Министерство сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Краснодарского края. URL: <https://msh.krasnodar.ru/gospodderzhka/otchyety/programma-2016/>
13. Дегтярев Д.С. Агропромышленный комплекс: итоги и планы // Нива Урала. 2018. № 5. С. 2–5.
14. Государственная программа Ростовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» на 2019–2030 годы // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/documents/9751/> (с изм. от 30.08.2021).
15. Краснодарский край в цифрах. 2020: Стат. сб. Краснодар: Краснодарстат, 2021. 274 с.
16. Кулистикова Т.Б. Год новых субсидий. Как работает реформированная система господдержки АПК // Агроинвестор. 2018. № 1 (123).
17. Строкин И.В. Чем плоха существующая система агрострахования с господдержкой // Агроинвестор. 2016. № 3 (98).
18. Отчет «О реализации мероприятий государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Ростовской области за 9 месяцев 2021 года» // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/result-report/1187/>
19. Максимова Е.А., Ганенко И.В. Агробизнесу нужны новые стратегии // Агроинвестор. 2018. № 6 (131).
20. Узун В.Я. Госпрограмма комплексного развития территорий: анализ проекта // Экономическое развитие России. 2019. № 5. С. 30–34.
21. Швандар Д.В., Фролова Е.М., Бурова Т.Ф. Перспективы стабилизации российского рынка молока // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 10. № 12. С. 1362–1379.
22. Отчет о реализации плана Государственной программы на 1 октября 2021 года // Министерство сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Краснодарского края. URL: <https://msh.krasnodar.ru/gospodderzhka/otchyety/otchyety/2021-god/>

THE IMPACT OF REGIONAL PROGRAMS ON THE DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

M.S. Oborin

Plekhanov Russian University of Economics, Perm branch;
Perm State National Research University;
State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov

Situational macroeconomic conditions actualized the systematic application of a programmatic approach to the development of the agro-industrial complex and its most important direction – agriculture. The strategic vision of the

parameters of the industry contributes to the constant refinement of financing volumes, conditions and factors in the regions that influence financial, economic and production indicators, the development of indicators reflecting modern goal-setting and effectiveness at each planned stage. It is especially interesting to compare the dynamics of indicators for the subjects of the Russian Federation with different levels of agriculture and natural and climatic potential. This report used data from the analysis of agricultural development programs of the Rostov Region, Krasnodar Krai, Perm Krai, as well as monitoring data on the results of 2020. The purpose of the study: analysis of regional agricultural development programs, their impact on the industry and socio-economic indicators of the regions. Research objectives: 1) analysis of agricultural development programs in the regions of Russia; 2) assessment of interim results of the implementation of state programs in selected subjects of the Russian Federation; 3) identification of positively influencing and limiting factors of the strategic development of the industry. As a result of the analysis of state programs, priority areas for improving the efficiency of agricultural production were identified, which have features depending on the state of the industry.

Keywords: development programs, regional indicators, agriculture, investment projects, efficiency analysis, modern technologies.

УДК 330

DOI 10.52452/18115942_2022_1_49

МЕТОДИКА КОМПЛЕКСНОГО ПРИМЕНЕНИЯ НАБОРА ПРИНЦИПОВ ОПТИМАЛЬНОСТИ ПРИ ВЫБОРЕ ЭФФЕКТИВНЫХ РЕШЕНИЙ ПРИ НАЛИЧИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ И МНОГОКРИТЕРИАЛЬНОСТИ

© 2022 г.

Ф.Ф. Юрлов, С.Н. Яшин, А.Ф. Плеханова

Юрлов Феликс Федорович, д.т.н.; проф.; академик РАЕН, профессор кафедры цифровой экономики
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
ffyurlov@gmail.com

Яшин Сергей Николаевич, д.э.н.; профессор кафедры менеджмента и государственного управления
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jashinsn@yandex.ru

Плеханова Анна Феликсовна, д.э.н.; профессор кафедры финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
docplekhanova@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 21.11.2021**Статья принята к публикации 24.01.2022*

Статья посвящена выбору эффективных решений по совокупности критериев в экономических и управленческих задачах при наличии неопределенности условий. При анализе эффективности систем различного назначения в условиях неопределенности внешней среды возникает необходимость комплексного применения нескольких принципов оптимальности. Авторами предлагается методика комплексного подхода к выбору эффективных решений, учитывающему совместное рассмотрение проблем многокритериальности и неопределенности. Особое внимание в работе уделяется проблеме применения различных принципов оптимальности, которые влекут за собой разные выводы относительно эффективности принимаемых решений. Особенностью предлагаемой методики является решение проблемы согласования результатов применения нескольких принципов оптимальности. В качестве способов согласования предлагается использование многокритериального подхода с учетом оптимизации каждого показателя по набору принципов. Также в методике учитывается, что в условиях многокритериальности необходимо согласование оптимальных решений не только по разным принципам оптимальности, но и по различным критериям. В работе рассмотрены показательные примеры реализации каждого этапа методики.

Ключевые слова: выбор эффективных решений, принципы оптимальности, многокритериальный выбор, условия неопределенности.

Введение

При анализе эффективности систем различного назначения в условиях неопределенности внешней среды возникает необходимость комплексного применения нескольких принципов оптимальности. Авторами предлагается методика комплексного подхода к выбору эффективных решений, учитывающему совместное рассмотрение проблем многокритериальности и неопределенности. Особое внимание в работе уделяется проблеме применения различных принципов оптимальности, которые влекут за собой разные выводы относительно эффективности принимаемых решений. Особенностью предлагаемой методики является решение проблемы согласования результатов применения нескольких принципов оптимальности. В качестве способов согласования предлагается ис-

пользование многокритериального подхода с учетом оптимизации каждого показателя по набору принципов.

Методология

В предлагаемой методике на первом шаге для анализа эффективности рассматриваемых систем формируется матрица эффективности $\|K = K(x, y)\|$, где x – управляемые факторы (финансовые, инновационные, организационные и т.п.), y – факторы, характеризующие внешнюю среду, K – показатель эффективности принимаемых решений. Если таких показателей несколько, то по каждому из них необходимо сформировать свою отдельную матрицу. Обозначим G_n – принципы оптимальности, применяемые при учете неопределенности внешней среды, G_m – принципы многокритериального выбора.

Таблица 1

Матрица выбора для критерия K_1

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	...	Y_m	$\text{Max}K_1$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{1\max}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{1\max}(X_2)$
...	...	...	...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{1\max}(X_n)$

Таблица 2

Матрица выбора для критерия K_2

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	...	Y_m	$\text{Max}K_2$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{2\max}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{2\max}(X_2)$
...	...	...	...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{2\max}(X_n)$

Таблица 3

Матрица выбора для критерия K_N

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	...	Y_m	$\text{Max}K_N$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{N\max}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{N\max}(X_2)$
...	...	...	...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{N\max}(X_n)$

При применении нескольких принципов оптимальности возникает проблема согласования решений по каждому из принципов [1].

Основные этапы предлагаемой методики следующие:

- этап выбора принципов оптимальности в условиях действия неуправляемых факторов;
- этап применения выбранных принципов оптимальности к критерию эффективности;
- этап согласования решений, получаемых в результате применения разных принципов оптимальности.

В условиях многокритериальности необходимо согласование оптимальных решений не только по разным принципам оптимальности (оптимизма, гарантированного результата, Сэвиджа и др.), но и по различным критериям [1–3]. Порядок действий в этом случае приобретает следующий вид:

- выбор принципов оптимальности в условиях неопределенности внешней среды;
- применение выбранных принципов к каждому из критериев K_i , определение оптимального варианта по каждому из критериев;
- применение принципов доминирования и Парето для формирования области эффективных решений по совокупности критериев по каждому из принципов G_n по отдельности;
- согласование решений, принятых по разным принципам G_n , построение общей области эффективных решений;
- окончательный выбор оптимального решения.

Рассмотрим теперь использование данного алгоритма подробнее.

1. Применение принципа оптимизма при максимизации показателей эффективности

Принцип оптимизма [1, 2] формулируется в виде:

$$K_{\text{опт}} = \max_x \max_y K(x, y).$$

Для применения указанного принципа формируются таблицы с критериями эффективности $K_1, K_2 \dots K_N$, представленные в таблицах 1–3.

В таблицах 1–3 в качестве показателей эффективности анализируемых систем могут выступать экономические, социальные и иные показатели. Управляемые факторы X представляют экономические системы различного назначения: предприятия, сложные интегрированные системы, бизнес-единицы предприятий и т.п. В качестве неуправляемых факторов Y могут выступать природные, рыночные, инфляционные, иные факторы.

При анализе таблиц 1–3 следует учесть, что возможны ситуации, когда ранжирования рассматриваемых систем не совпадают. Поэтому возникает необходимость согласования принимаемых решений.

Проведем согласование решений по совокупности критериев путем построения таблицы 4.

При использовании таблицы 4 для осуществления указанного согласования может быть применен многокритериальный подход. В качестве принципов оптимальности выступают принципы: доминирования, Парето, выделение главного показателя и перевод остальных в ряд ограничений.

Пример 1. В качестве управляемых факторов X выступают бизнес-единицы предприятия. Факторы Y представляют рыночные цены. В качестве показателя K_1 принимается показатель выручки. Показатель K_2 представляет рентабельность активов.

При максимизации первого показателя эффективности строится таблица 5.

При максимизации показателя K_2 строится таблица 6.

Из таблиц 5 и 6 следует, что ранжирование бизнес-единиц по показателям выручки и рентабельности активов не совпадает. Поэтому для выбора эффективного решения потребуется согласование указанных ранжирований.

Используя данные таблицы 5 и таблицы 6, для согласования решений строим таблицу 7.

Располагая таблицей 7, определяют эффективные решения с помощью принципов многокритериального выбора.

Таблица 4

Согласование решений по всей совокупности критериев

X \ y	Max K ₁	Max K ₂	...	Max K _N
X ₁	K _{1max} (X ₁)	K _{2max} (X ₁)	...	K _{Nmax} (X ₁)
X ₂	K _{1max} (X ₂)	K _{2max} (X ₂)	...	K _{Nmax} (X ₂)
...	...	...	...	...
X _n	K _{1max} (X _n)	K _{2max} (X _n)	...	K _{Nmax} (X _n)

Таблица 5

Применение принципа оптимизма для критерия

K ₁				
X \ y	y ₁	y ₂	y ₃	MaxK ₁
X ₁	10	5	3	10
X ₂	2	8	6	8
X ₃	4	5	9	9
X ₄	8	6	1	8

Таблица 6

Применение принципа оптимизма для критерия

K ₂				
X \ y	y ₁	y ₂	y ₃	MaxK ₂
X ₁	5	8	9	9
X ₂	10	3	2	10
X ₃	1	4	6	6
X ₄	4	5	3	5

Таблица 7

Согласование решений		
X \ K	Max K ₁	Max K ₂
X ₁	10	9
X ₂	8	10
X ₃	9	6
X ₄	8	5

Из таблицы 7 следует, что применение принципа доминирования не позволяет выбрать оптимальное решение.

Поэтому находит применение принцип Парето. На первом шаге область эффективных решений включает альтернативы X₁ и X₂, выделенные красным цветом. На втором шаге выделяется наиболее предпочтительная альтернатива X₃, выделенная голубым цветом. На третьем шаге выделяется наиболее эффективная альтернатива X₄.

Применение принципа выделения главного показателя и перевода остальных в разряд ограничений. В качестве главного показателя выбирается показатель K₁. В данном случае ранжирование альтернатив будет выглядеть следующим образом: X₁, X₂, X₃, X₄.

2. Применение принципа пессимизма для выбора оптимальных решений при максимизации показателей эффективности

Принцип пессимизма [1, 2] записывается в виде:

$$K_{\text{пес}} = \min_x \min_y K(x, y).$$

Для применения указанного принципа формируются таблицы с критериями эффективности K₁, K₂ ... K_N, представленные в таблицах 8–10.

Проведем согласование решений по совокупности критериев в таблице 11.

Пример 2. В качестве управляемых факторов X выступают инвестиционные проекты. Неуправляемые факторы представляют коэффициенты дисконтирования инвестора. В качестве показателей эффективности проектов K₁ и K₂ выступают показатели чистой текущей стоимости ЧТС и срока окупаемости инвестиций Ток.

Исходные данные для расчета приведены в таблице 12 и таблице 13.

Из таблиц 12 и 13 следует, что ранжирование проектов по показателям ЧТС и Ток не совпадают. Поэтому осуществляется согласование принимаемых решений.

Используя данные таблицы 12 и таблицы 13, для согласования решений строим таблицу 14.

Применение принципа доминирования на первом шаге позволяет выделить эффективное подмножество альтернатив X₃ и X₄, на втором шаге X₂ и на третьем шаге X₁. Выбрав в качестве главного показателя K₂, получим ранжирование X₃, X₄, X₂, X₁.

3. Применение принципа Сэвиджа для выбора оптимального решения при максимизации показателей эффективности

На основе исходной матрицы эффективности || K(x, y) || строится таблица ущербов (таблица 15), обусловленных выбором неоптимальных решений [1].

Величина ущерба определяется в виде разности оптимального значения показателя столбца и значения показателя в данной клетке.

Принцип гарантированного ущерба записывается в виде:

$$Y_{\Gamma} = \min_x \max_y Y(x, y).$$

Пример применения принципа Сэвиджа.

Матрица исходных значений показателя K₁ приведена в таблице 16, исходные значения критерия K₂ – в таблице 17.

На основании данных таблицы 16 и таблицы 17 составим матрицы ущерба по обоим критериям и представим в таблице 18 и таблице 19.

Составим результирующую матрицу ущербов для согласования решений и представим в таблице 20.

В данном случае принцип доминирования позволяет однозначно выбрать оптимальное решение: вариант X₁ доминирует над всеми остальными, обеспечивая наименьшее значение гарантированного ущерба по обоим критериям.

Таблица 8

**Применение принципа пессимизма
для критерия K_1**

$X \backslash y$	y_1	y_2	...	y_m	$\text{Min} K_1$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{1\min}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{1\min}(X_2)$
			...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{1\min}(X_n)$

Таблица 9

**Применение принципа пессимизма
для критерия K_2**

$X \backslash y$	y_1	y_2	...	y_m	$\text{Min} K_2$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{2\min}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{2\min}(X_2)$
			...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{2\min}(X_n)$

Таблица 10

**Применение принципа пессимизма
для критерия K_N**

$X \backslash y$	y_1	y_2	...	y_m	$\text{Min} K_N$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{N\min}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{N\min}(X_2)$
			...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{N\min}(X_n)$

Таблица 11

Согласование решений

$X \backslash y$	$\text{Min} K_1$	$\text{Min} K_2$	...	$\text{Min} K_N$
X_1	$K_{1\min}(X_1)$	$K_{2\min}(X_1)$	...	$K_{N\min}(X_1)$
X_2	$K_{1\min}(X_2)$	$K_{2\min}(X_2)$	...	$K_{N\min}(X_2)$
	...	...	...	...
X_n	$K_{1\min}(X_n)$	$K_{2\min}(X_n)$	...	$K_{N\min}(X_n)$

Таблица 12

**Применение принципа пессимизма
на основе критерия K_1**

$X \backslash y$	y_1	y_2	y_3	$\text{Min} K_1$
X_1	10	5	3	3
X_2	2	8	6	2
X_3	4	5	9	4
X_4	8	6	1	1

Таблица 13

**Применение принципа пессимизма
на основе критерия K_2**

$X \backslash y$	y_1	y_2	y_3	$\text{Min} K_2$
X_1	5	8	9	5
X_2	10	3	2	2
X_3	1	4	6	1
X_4	4	5	3	3

Таблица 14

Согласование решений

$X \backslash K$	$\text{Min} K_1$	$\text{Min} K_2$
X_1	3	5
X_2	2	2
X_3	4	1
X_4	1	3

Таблица 15

Таблица ущербов

$X \backslash y$	y_1	y_2	...	y_m
X_1	$y_{1,1}$	$y_{1,2}$	...	$y_{1,m}$
X_2	$y_{2,1}$	$y_{2,2}$	...	$y_{2,m}$
...	...	...	...	...
X_n	$y_{n,1}$	$y_{n,2}$	...	$y_{n,m}$

Таблица 16

Матрица значений критерия K_1

$X \backslash y$	y_1	y_2	y_3
X_1	10	5	3
X_2	2	8	6
X_3	4	5	9
X_4	8	6	1
$\text{Max } K_1$	10	8	9

Таблица 17

Матрица значений критерия K_2

$X \backslash y$	y_1	y_2	y_3
X_1	5	8	9
X_2	10	3	2
X_3	1	4	6
X_4	4	5	3
$\text{Max } K_2$	10	8	9

Таблица 18

Матрица ущербов для критерия K_1

$X \backslash y$	y_1	y_2	y_3	$\text{Max } y_1$
X_1	0	3	6	6
X_2	8	0	3	8
X_3	6	3	0	6
X_4	2	2	8	8

Таблица 19

Матрица ущербов для критерия K_2

$X \backslash y$	y_1	y_2	y_3	$\text{Max } y_2$
X_1	5	0	0	5
X_2	0	5	7	7
X_3	9	4	3	9
X_4	6	3	6	6

Таблица 20

Согласование решений по принципу Сэвиджа

$X \backslash y$	$\text{Max } y_1$	$\text{Max } y_2$
X_1	6	5
X_2	8	7
X_3	6	9
X_4	8	6

Таблица 21

Матрица эффективности для критерия K_1

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	...	Y_m	$\text{Min } K_1$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{1\min}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{1\min}(X_2)$
...	...	...	...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{1\min}(X_n)$

Таблица 22

Матрица эффективности для критерия K_2

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	...	Y_m	$\text{Min } K_2$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{2\min}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{2\min}(X_2)$
...	...	...	...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{2\min}(X_n)$

Таблица 23

Матрица эффективности для критерия K_N

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	...	Y_m	$\text{Min } K_N$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{N\min}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{N\min}(X_2)$
...	...	...	...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{N\min}(X_n)$

Таблица 24

Согласование решений

$X \backslash K$	$\text{Min } K_1$	$\text{Min } K_2$	...	$\text{Min } K_N$
X_1	$K_{1\min}(X_1)$	$K_{2\min}(X_1)$	...	$K_{N\min}(X_1)$
X_2	$K_{1\min}(X_2)$	$K_{2\min}(X_2)$	...	$K_{N\min}(X_2)$
...	...	...	...	...
X_N	$K_{1\min}(X_n)$	$K_{2\min}(X_n)$	...	$K_{N\min}(X_n)$

4. Применение принципа гарантированного результата при максимизации показателей эффективности

Для выбора эффективного решения применяется принцип гарантированного результата [1, 2]:

$$K_{ГР} = \max_x \min_y K(x, y).$$

Если критерий K требуется минимизировать, то принцип гарантированного результата приобретает вид:

$$K_{ГР} = \min_x \max_y K(x, y).$$

Для применения указанного принципа формируются таблицы с критериями эффективности $K_1, K_2 \dots K_N$, представленные в таблицах 21–23.

Проведем согласование решений по совокупности критериев в таблице 24.

Для согласования принимаемых решений, как и в предыдущих примерах, используются принципы многокритериального выбора.

Пример 3. Осуществляется сравнение промышленных предприятий по показателям: выручки, прибыли, рентабельности продукции. В качестве неуправляемых факторов выступают уровни инфляции за определенный период времени.

Таблица 25

Матрица эффективности для критерия K_1

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	Y_3	$\text{Min } K_1$
X_1	10	5	3	3
X_2	2	8	6	2
X_3	4	5	9	4
X_4	7	6	1	1

Таблица 26

Матрица эффективности для критерия K_2

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	Y_3	$\text{Min } K_2$
X_1	5	8	9	5
X_2	10	3	2	2
X_3	1	4	6	1
X_4	4	5	3	3

Таблица 27

Матрица эффективности для критерия K_3

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	Y_3	$\text{Min } K_3$
X_1	9	5	3	3
X_2	2	8	6	2
X_3	4	5	9	4
X_4	13	6	1	1

Таблица 28

Результирующая таблица по трем критериям

$X \backslash K$	$\text{Min } K_1$	$\text{Min } K_2$	$\text{Min } K_3$
X_1	3	5	3
X_2	2	2	2
X_3	4	1	4
X_4	1	3	1

Исходные данные по трем сравниваемым вариантам приведены в таблицах 25–27. Требуется осуществить выбор оптимального варианта с помощью принципа гарантированного результата.

Анализ таблиц 25, 26 и 27 показывает, что в данном примере ранжирования предприятий не совпадают. Поэтому возникает необходимость согласования принимаемых решений.

Результирующую матрицу для согласования решений представим в таблице 28.

Оптимальное решение по критерию K_1 совпадает с оптимальным решением по критерию K_3 , и это вариант X_3 . Оптимальный вариант по критерию K_2 – вариант X_1 . Эффективное множество на первом шаге анализа включает X_1 и X_3 . На втором шаге видим, что X_1 доминирует над вариантами X_2 и X_4 , поэтому в область эффективных решений входят два варианта. Если воспользоваться методом выделения главного показателя с переводом остальных в разряд ограничений и в качестве главного показателя принять показатель K_2 , то ранжирование будет выглядеть следующим образом: X_1, X_4, X_2, X_3 .

5. Применение принципа гарантированного результата при минимизации показателей эффективности

Таблица 29

Матрица эффективности для критерия K_1

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	...	Y_m	$\text{Max}K_1$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{1\max}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{1\max}(X_2)$
...	...	...	...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{1\max}(X_n)$

Таблица 30

Матрица эффективности для критерия K_2

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	...	Y_m	$\text{Max}K_2$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{2\max}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{2\max}(X_2)$
...	...	...	...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{2\max}(X_n)$

Таблица 31

Матрица эффективности для критерия K_N

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	...	Y_m	$\text{Max}K_N$
X_1	$K_{1,1}$	$K_{1,2}$	...	$K_{1,m}$	$K_{N\max}(X_1)$
X_2	$K_{2,1}$	$K_{2,2}$	...	$K_{2,m}$	$K_{N\max}(X_2)$
...	...	...	...	...	...
X_n	$K_{n,1}$	$K_{n,2}$	...	$K_{n,m}$	$K_{N\max}(X_n)$

Таблица 32

Согласование решений

$X \backslash K$	$\text{Max}K_1$	$\text{Max}K_2$	...	$\text{Max}K_N$
X_1	$K_{1\max}(X_1)$	$K_{2\max}(X_1)$	...	$K_{N\max}(X_1)$
X_2	$K_{1\max}(X_2)$	$K_{2\max}(X_2)$	...	$K_{N\max}(X_2)$
...	...	...	...	...
X_N	$K_{1\max}(X_n)$	$K_{2\max}(X_n)$	...	$K_{N\max}(X_n)$

Для применения указанного принципа формируются таблицы с критериями эффективности $K_1, K_2 \dots K_N$, представленные в таблицах 29–31.

Располагая приведенными выше матрицами, формируем результирующую таблицу для выбора эффективных решений по совокупности показателей (таблица 32).

Пример 4. Производится сравнение инжиниринговых компаний атомной отрасли. В качестве показателей эффективности K_1, K_2 и K_3 выступают показатели капитальных вложений, себестоимости электроэнергии, срока сооружения АЭС. Неуправляемые факторы представляют собой природные условия зарубежных стран, в которых осуществляется строительство АЭС.

Исходные данные по четырем сравниваемым компаниям приведены в таблицах 33–35. Требуется осуществить выбор оптимального варианта с помощью принципа гарантированного результата.

Из таблиц 33, 34, 35 следует, что ранжирование инжиниринговых компаний не совпадают.

Поэтому составляется результирующая матрица эффективности для согласования решений, представленная в таблице 36.

Таблица 33

Матрица эффективности для критерия K_1

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	Y_3	$\text{Max}K_1$
X_1	10	5	3	10
X_2	2	8	6	8
X_3	4	5	9	9
X_4	7	6	1	7

Таблица 34

Матрица эффективности для критерия K_2

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	Y_3	$\text{Max}K_2$
X_1	5	8	9	9
X_2	10	3	2	10
X_3	1	4	6	6
X_4	4	5	3	5

Таблица 35

Матрица эффективности для критерия K_3

$X \backslash Y$	Y_1	Y_2	Y_3	$\text{Max}K_3$
X_1	9	5	3	9
X_2	2	8	6	8
X_3	4	5	9	9
X_4	13	6	1	13

Таблица 36

Результирующая таблица по трем критериям

$X \backslash K$	$\text{Max}K_1$	$\text{Max}K_2$	$\text{Max}K_3$
X_1	10	9	9
X_2	8	10	8
X_3	9	6	9
X_4	7	5	13

Принцип доминирования не позволяет выбрать единственное оптимальное решение, поскольку по критерию K_1 и K_2 оптимальным вариантом будет являться X_4 , а по критерию K_3 – вариант X_2 . Применяв принцип Парето, видим, что область эффективных решений образуют варианты X_2, X_4 и X_3 , поскольку вариант X_3 доминирует над вариантом X_1 . Если применить метод выделения главного показателя с переводом остальных в разряд ограничений и в качестве главного показателя принять K_1 , то ранжирование будет выглядеть следующим образом: X_4, X_2, X_3, X_1 .

Заключение

На основе проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы.

1. При анализе эффективности систем различного назначения в условиях неопределенности внешней среды возникает необходимость комплексного применения нескольких принципов оптимальности.

2. Применение различных принципов оптимальности в общем случае приводит к различным выводам относительно эффективности принимаемых решений.

3. При использовании набора принципов оптимальности потребуется согласование принимаемых решений по каждому из принципов.

4. В качестве способов согласования целесообразно использование многокритериального подхода с учетом оптимизации каждого показателя по набору принципов.

5. При многокритериальном подходе потребуются применение принципов: доминирования, Парето, комплексных показателей, выделения главного показателя и перевода остальных в разряд ограничений.

Список литературы

1. Леонтьев Н.Я., Юрлов Ф.Ф. Классификация задач многокритериальной оценки эффективности производственных систем // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 127. С. 969–979.
2. Юрлов Ф.Ф., Ершова М.И. Формулирование и анализ подходов к оценке эффективности промышленных объектов атомной отрасли // Вестник НГИЭИ. 2020. № 10 (113). С. 108–118.
3. Яшин С.Н., Корнилов Д.А. Использование методов портфельного анализа при стратегическом планировании на предприятиях // Бизнес. Образование. Право. 2015. № 1. С. 14–19.
4. Ларичев О.И. Теория и методы принятия решений. М.: Логос, 2000. 296 с.
5. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003.
6. Силкина Г.Ю. Теория принятия решений и управление рисками: модели конфликтов, неопределенности, риска. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003.
7. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2020. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm (дата обращения: 10.11.2021).
8. ГК «Росатом». URL: <https://rosatom.ru/> (дата обращения: 12.11.2021).
9. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 15.11.2021).
10. АСЭ. Инжиниринговый дивизион ГК «Росатом» [Электронный ресурс]. URL: <https://ase-ec.ru> (дата обращения: 20.11.2021).

THE METHOD OF COMPLEX APPLICATION OF A SET OF PRINCIPLES OF OPTIMALITY IN THE SELECTION OF EFFECTIVE SOLUTIONS IN THE PRESENCE OF UNCERTAINTY OF THE EXTERNAL ENVIRONMENT AND MULTICRITERIALITY

F.F. Yurlov¹, S.N. Yashin², A.F. Plekhanova²

¹ Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R.E. Alekseev

² Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article is devoted to the selection of optimal solutions based on a set of criteria in economic and managerial tasks in the presence of uncertainty of conditions. When analyzing the effectiveness of systems for various purposes in the conditions of uncertainty of the external environment, there is a need for a comprehensive application of several principles of optimality. The authors propose a methodology dedicated to an integrated approach to the selection of effective solutions, taking into account the joint consideration of the problems of multicriteriality and uncertainty. Particular attention is paid to the problem of applying various principles of optimality, which entail different conclusions about the effectiveness of decisions. The peculiarity of the proposed methodology is the solution of the problem of matching the results of the application of several principles of optimality. The use of a multi-criteria approach is proposed as a means of coordination, taking into account the optimization of each indicator according to a set of principles. The methodology also takes into account that in conditions of multi-criteria it is necessary to coordinate optimal solutions not only according to different principles of optimality, but also according to different criteria. The paper considers illustrative examples of the implementation of each stage of the methodology.

Keywords: choice of effective solutions, principles of optimality, multi-criteria choice, uncertainty conditions.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.7

DOI 10.52452/18115942_2022_1_56

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

© 2022 г.

Е.А. Авдеев, М.Е. Ерохина

Авдеев Евгений Александрович, к.филос.н.; доцент кафедры философии
Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
ewg.avdeev@yandex.ru

Ерохина Мария Егоровна, аспирант кафедры философии
Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь
meerokhina@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 01.09.2021**Статья принята к публикации 24.01.2022*

Рассматривается дифференциация содержания ценностных оснований иерархии групповых идентичностей молодежи Северного Кавказа в зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Анализ дискурса идентичности применяется для понимания влияния региональных особенностей и глобального контекста на формирование ценностных оснований самосознания полиэтничной молодежи и осмысления потенциала ее идентичности как ресурса развития Северного Кавказа. Эмпирические данные, отражающие значимость для молодых людей основных традиционных и современных ценностей, а также групповых идентичностей, были получены методом социологического опроса. В целом для молодежи региона характерны идентичности, сочетающие в себе традиционные и современные ценности. При этом ряд современных ценностей приобрели в глазах молодых людей общезначимый характер. Результаты исследования подтверждают и определенную зависимость различия в приоритете ряда традиционных ценностей и групповых идентичностей от этнической и конфессиональной принадлежности. Значимым дифференцирующим фактором остается религиозная принадлежность. При этом общим трендом является возрастание роли и значения современных и индивидуалистических установок. Для представителей народов Северного Кавказа этническая, регионально-республиканская и конфессиональная идентичность имеют большее значение, чем для русской молодежи. Российское самосознание в целом сформировалось и важно для большинства молодых людей, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности. Сохраняется конфликтотенный потенциал, обусловленный различиями в приоритетах ценностных оснований идентичности, риск локальных межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: молодежь, Северный Кавказ, ценности, идентичность, этническая идентичность, национально-государственная идентичность, политика идентичности.

Введение

Кавказ – это регион, где проживают народы различной цивилизационной, этнокультурной и религиозной принадлежности. Здесь происходят сложные, разнонаправленные социокультурные процессы. Наряду с модернизацией имеют место и политизация этничности, этнизация политики, реактуализация ряда традиционных социально-политических институтов и практик, этноклановых и родовых идентичностей. На Северном Кавказе актуализируется проблема дальнейшей модернизации традиционной системы социально-политической организации общества, выработки модели развития на основе ее сочетания с современными цифро-

выми технологиями и управленческими практиками. Переосмысление традиционных и формирование современных надэтнических объединяющих ценностей, преемственность прошлого и настоящего могут стать социокультурными основаниями инновационного развития региона. Полиэтническая молодежная среда является своего рода «барометром» протекающих в регионе процессов. Предполагается, что современная молодежь, независимо от этнической принадлежности, в большей степени разделяет современные ценности. Для нее характерна смешанная идентичность. Молодые люди в основном включены в общероссийское культурное и образовательное пространство, их этническое самосознание проявляется преимуще-

ственно в социокультурной, а не политической плоскости. При этом продолжает сохраняться различие в приоритетах традиционных и современных ценностей в зависимости от этнической принадлежности. В сознании русской молодежи региона в большей степени преобладают современные ценности, а традиционные ценности имеют большее значение для молодых людей – представителей народов Северного Кавказа. Социальное неблагополучие, отсутствие перспектив самореализации на фоне сложных процессов трансформации и дезорганизации традиционных социальных норм и институтов, включенность молодежи в глобальные информационные потоки, транслирующие различный контент, в том числе и деструктивного характера, могут привести к утрате многих объединяющих нарративов российской идентичности. Это актуализирует риски конфликтности и формирования многочисленных разломов, носящих межпоколенческий, социальный, этнический и конфессиональный характер.

Методы

Рассматривая ценностные основания идентичности молодежи, авторы исходили из того, что процесс самоидентификации молодого человека с сообществом, в котором он существует, основывается на усвоении уже сложившихся социокультурных паттернов, норм, правил и ценностей. Это является ключом для вхождения в коммуникационное пространство того или иного сообщества. Социальная интеракция является неперенным условием формирования идентичности. В связи с тем, что индивид в процессе социальной интеракции включается в различные сообщества (этнокультурные, религиозные, национальные и др.) и соотносит себя с многочисленными референтными группами, ему присуща множественность идентичностей [1]. Осмысление феномена самоидентификации возможно через определение характера и специфики взаимодействия между личностями и социальными группами, в процессе которых и происходит определение себя через принадлежность к группе себе подобных [2, 3]. Современное общество наряду с растущим разнообразием идентичностей характеризуется и смешанными идентичностями, конфликтом различных ценностных идентификационных оснований.

Настоящее исследование основано на сочетании качественных («понимающих») и количественных методов. Качественная методология позволяет увидеть проекцию современности на идентичность. Ценности и смыслы жизненного мира молодого человека формируются посред-

ством его включения в современные процессы, носящие как универсальный, так и региональный характер. В обществе модернити идентичность индивида переживает перманентные процессы трансформации. Его «Я» становится ломким и фрагментированным, а сам человек находится в постоянном поиске идентификационных оснований. Его «экспрессия нарциссической поглощенности собой» проявляется, прежде всего, в форме «хронического поиска удовольствия», что приводит к исчезновению чувств собственного достоинства и гражданского долга [4]. В посттрадиционном обществе вследствие плюрализации ценностей и смыслов происходит увеличение спектра идентификационных оснований. Это снова и снова ставит современного человека перед проблемой самоидентификации, погружая его в ситуацию постоянного выбора жизненного пути [5]. Информационная революция, сетевые формы организации и развитие цифровых технологий, появление целого ряда новых общественно-политических движений, идеологий и норм социальных взаимодействий изменяют природу общественных отношений, формируют новую социальную морфологию общества. В идентичности отражается как состояние, так и изменение общественных настроений. В процессе самоидентификации происходит рефлексия по поводу социально-политических практик и политических действий. Быстроменяющееся индивидуализирующееся общество «текущей современности» характеризуется отрицанием прежних форм социальности, избеганием ответственности, что размывает семейную, этническую и национальную идентичности. Процесс формирования идентичности в таком обществе, по словам З. Баумана, испытывает нехватку «паттернов, кодексов и правил, которым можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых ориентиров и которыми впоследствии можно руководствоваться» [6, с. 13]. При этом сама идентичность превратилась из данности в проблему.

В современном обществе увеличивается разрыв между «абстрактным универсальным инструментаризмом» и «исторически укорененными партикуляристскими идентичностями». А идентичность «в исторический период, характеризующий широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, становится главным, а иногда и единственным источником смыслов» [7, с. 27]. Все это приводит к появлению целого ряда новых идентичностей, основанных как на традицион-

ных этнокультурных и религиозных нормах, так и новых идеологиях, социальных движениях. Социокультурная динамика современности часто обгоняет сложившуюся систему ценностей и социальных норм, увеличивая разрыв между сложившейся институциональной системой и все новыми общественными потребностями, что приводит к «эффекту запаздывания». «Мы-образ» оказывается «далеко позади реальности глобальных взаимозависимостей», а «захваченные этими изменениями люди в своей личностной структуре, в своем социальном габитусе еще продолжают оставаться на более ранней стадии» социальности [8, с. 294, 317].

Обращение к категории «идентичности» обусловлено ее высоким эвристическим потенциалом. Она позволяет произвести концептуальный синтез ценностных и рационально мотивированных оснований социальной деятельности человека, соединить индивидуальный и коллективный срезы социального опыта, дает возможность зафиксировать состояние и одновременно отразить динамику представлений человека о своем месте в мире и о своем «я» [9, с. 21]. Анализ дискурса трансформирующихся идентичностей позволяет адекватно интерпретировать многие аспекты современной социальной реальности. Современные социальные исследования направлены на изучение комплекса оснований идентичностей, включающего в себя ценностные основы (духовные ориентиры и нравственные установки человека), эмоциональные и рационально мотивированные компоненты, соединяющие как индивидуальный, так и коллективный срез социального опыта. Современные социокультурные конфликты, актуализирующиеся в результате кризисов и трансформаций идентичности, становятся конфликтами различных ценностных систем.

Выявление и интерпретации многоаспектных и зачастую разнонаправленных современных процессов формирования ценностей, составляющих основы групповых макроидентичностей в контексте государственной политики идентичности, основных акторов идентитарных процессов предполагает анализ содержания дискурса идентичности. Самосознание молодежи Северного Кавказа формируется под влиянием как доктринального курса российского государства, направленного на формирование общих ценностных оснований российской идентичности, перевода этнической и религиозной идентичностей из политической в социокультурную сферу, так и ряда региональных и зарубежных акторов, действия которых направлены на политизацию этих идентичностей и формирование конфликтных настроений.

Конструирование национально-государственной (русской) идентичности, выступающей в качестве макрополитической, основанной на объединяющих надэтнических нарративах, ценностях гражданственности и патриотизма, памяти об общем прошлом, остается важным элементом политики современных государств. Такая идентичность основывается на чувстве принадлежности либо к нации (определяемой по разным основаниям), либо к наднациональному сообществу [10]. Достаточно небольшой период истории современного русского государства, проблемы, вызванные распадом СССР, последовавшие за ним кризис идентичности и всплеск этнического национализма актуализировали задачу формирования русской идентичности на основе соотнесения гражданина с государственно-политической общностью, развития гражданственности, формирования преемственности историко-культурного наследия и общих ценностно-символических оснований русского самосознания. В научном и публичном дискурсе России происходит осмысление нации как гражданско-политической общности, продолжают процессы институциональных трансформаций, затрагивающих и сферу национальной политики. Сам процесс формирования государственно-гражданской идентичности не завершен, а попытки вынесения в публичное поле ряда законодательских инициатив, например проекта закона «О единстве русской нации», вызвали большой резонанс. По словам В.А. Тишкова, «на смену старой советской и регионально-этнической идентичностям в качестве приоритетного пришло самосознание общероссийское... В некоторых регионах (республиках) этническая принадлежность может превалировать над общероссийской» [11, с. 411]. В.А. Аникин считает, что основными конструктами русской национально-государственной идентичности по-прежнему выступают идеи державности: «за ощущением «державы» у русских стоит чувство общности как у представителей единого целого, существование которого основано на единстве взглядов на жизнь, норм и ценностей» [12, с. 225].

В современных идентитарных исследованиях широко применяются количественные методы. Отечественная наука имеет развитую социологическую традицию исследований трансформаций общественного сознания и идентичности русских. Большой вклад в исследования характеристик групповых идентичностей русских, контекста формирования этих идентичностей и направленности их трансформаций, а также в разработку инструментария социологических опросов внесли многочисленные коли-

чественные исследования, проводившиеся коллективом ученых Института социологии ФНИСЦ РАН [13–18].

Сбор эмпирических данных, представленных в настоящей статье, был осуществлен авторами методом социологического опроса (анкетирования). Объектом опроса стали студенты ведущих вузов Северного Кавказа в возрасте 18–24 года (Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорский государственный университет, Ставропольский государственный аграрный университет, Ставропольский государственный медицинский университет). Выбор этих вузов связан с полиэтничной молодежной средой, их значительной ролью в культурно-образовательном пространстве региона. Они аккумулируют представителей многих этнических и конфессиональных групп, проживающих на Северном Кавказе, формируя молодежную полиэтничную и поликультурную среду. Основой квот выборки молодых людей по полу и специальностям послужили данные Росстата по численности обучающихся по программам подготовки специалистов высшего звена, выпуску бакалавров, специалистов, магистров образовательными организациями высшего образования по группам специальностей и направлениям подготовки [19, с. 76–79; 20, с. 89–91]. Было опрошено 1027 респондентов – 46% юношей и 54% девушек. Статистическая погрешность $\pm 4\%$. Для анализа результатов исследования по этническому признаку, ответы на вопрос «Кем Вы считаете себя по национальности?» были объединены в две основные группы: русские и автохтонные народы Северного Кавказа (абазины, аварцы, балкарцы, даргинцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, кумыки, лезгины, ногайцы, осетины, рутульцы, табасаранцы, черкесы, чеченцы и др.). В выборку вошло 60% русских и 40% представителей народов Северного Кавказа. Разделение молодежи на две эти группы связано с существенными различиями социокультурных оснований идентичности. По религиозной принадлежности было выделено 3 группы: православные, мусульмане, атеисты и агностики или не относящие себя ни к какому вероисповеданию. В выборку было включено 48% православных, 25% мусульман и 27% не относящих себя ни к какому вероисповеданию. Опрос проводился в онлайн-формате.

Результаты и их обсуждение

Информационные технологии создали среду сетевых сообществ, которые способствуют дальнейшей фрагментации идентификационных оснований. Молодые люди имеют возможность

выйти за пределы своих локальных сообществ и государственных границ, идентифицируя себя с самыми различными группами. Сетевые коммуникации формируют новую реальность, мало зависящую от привычных социально-политических институтов и практик. Это дает возможность целенаправленного использования дискурсов идентичности для политических манипуляций молодыми людьми. Политика идентичности становится «мягкой силой» для продвижения групповых интересов. На Северном Кавказе сохраняются риски актуализации этноклановых, конфессиональных, радикалистских и сепаратистских групп, формируемых в сетевом пространстве. В условиях роста социального неравенства и углубления социокультурных размежеваний перед государством стоит задача повышения эффективности работы в информационном пространстве, формирования и развития через цифровые технологии не только мониторинга, но и широкого использования «мягкой силы» для формирования национально-государственной идентичности молодых людей полиэтничного региона. Молодежь, независимо от этнической принадлежности, стремительно усваивает современные представления о жизни, модели поведения и межличностных отношений. Для нее сегодня становятся актуальными проблемы, связанные с отсутствием возможностей успешной самореализации. Низкие темпы социально-экономического развития Северного Кавказа, безработица, социальная неустроенность и неблагоприятные условия для ведения бизнеса и общественной деятельности, размывание традиционных норм и отношений, недостаточная сформированность гражданских и национально-государственных интересов становятся основными рискогенными факторами радикализации молодежи, вовлечения ее в конфликты.

Вхождение России в современные глобализационные процессы, открытие границ, включение молодежи в современное глобальное инфокоммуникационное пространство привели к усилению влияния основных мировых и региональных социокультурных центров. Северный Кавказ оказался включенным не только в глобализацию западную, европейскую, но и в глобализацию исламскую. Так, А.А. Ярлыкапов отмечает, что «мусульмане всего мира постепенно вступают в эпоху «исламской глобализации», стремящейся стереть этнические и государственные границы между ними. В авангарде этого движения идет в первую очередь городская мусульманская молодежь» [21]. На Северном Кавказе продолжается миграция по линиям горы – равнина, село – город, стремительно растет население ведущих городских агломера-

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Важны ли для Вас такие традиционные ценности?» (СКФО, март–апрель 2021 г., % от числа опрошенных, ответы «Важно»)

Важны ли для Вас такие традиционные ценности?	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1027
	Русские	Народы Кавказа	Православие	Ислам	«Никакое»	
Уважение к людям труда	91	93	93	93	89	92
Сильное государство	78	77	81	80	71	78
Патриотизм	64	66	75	69	42	65
Традиционная семья	59	72	69	82	37	64
Религия	30	65	46	79	2	43
Коллективизм	37	44	43	47	27	40

ций: Махачкала, Ставрополь, Владикавказ, Грозный. По мнению И.В. Стародубовской, «перетекание сельского населения в города разрушает целостность городской культуры, усиливает аномию и конкуренцию за ресурсы» [22]. Эти процессы сопровождаются трансформацией в сознании молодого поколения традиционных ценностей, их замещением современными и индивидуалистическими установками.

На Северном Кавказе сохраняются риски дестабилизации сложившейся в настоящее время относительно стабильной социально-политической ситуации, а также актуализации со стороны региональных политических элит попыток пересмотра политико-правового статуса его субъектов. Ключевая роль в этом случае вновь перейдет к этническому фактору. Деструктивный потенциал этнизации политики и политизации этничности, риск мобилизации этнической идентичности этническими антрепренерами могут быть уравновешены обеспечением устойчивого социально-экономического развития субъектов региона, нивелированием разницы в уровне социально-экономического развития Северного Кавказа и остальных территорий России, а также дальнейшей интеграцией региона в общероссийское экономическое и социокультурное пространство.

Результаты эмпирического исследования подтверждают, что для молодежи Северного Кавказа характерна широкая палитра идентичностей (русская, этническая, регионально-республиканская и конфессиональная), которая находится в динамичном взаимодействии. Наиболее значимыми вопросами являются совместимость этих идентичностей, приоритетность для молодых людей общих ценностных оснований российского самосознания и поиск объединяющих все народы историко-культурных представлений, формирующих многонациональный российский народ. В регионе возможна реализация различных моделей развития этих идентичностей: от конкуренции и конфликта до гармоничного сочетания на основе разделяемых всеми общих ценностных основ.

Важным компонентом российской национально-государственной идентичности являются представления молодежи об общем прошлом, совместном сосуществовании разных народов в рамках единого государства. История Северного Кавказа сочетает в себе память как о насильственном присоединении, конфликтах и депортациях, так и об уважении к культуре, обычаям и традициям горских народов со стороны российского государства, его вкладе в социокультурное и социально-экономическое развитие региона. Посредством формирования общих ценностей, взглядов на жизнь и памяти об историческом прошлом у молодежи формируются и представления о национально-государственных интересах, любовь к своей стране и лояльность российскому государству. Для большинства опрошенных молодых людей продолжают оставаться значимыми ряд традиционных российских ценностей, таких как уважение к людям труда, сильное государство, патриотизм, традиционная семья. На важность ценностей религии и коллективизма указало меньшинство респондентов. При этом для представителей народов Северного Кавказа и мусульман ценность традиционной семьи, религии и коллективизма выше, чем для русской молодежи. Это связано с существенными различиями социокультурных оснований их идентичности (см. табл. 1).

В ценностном содержании идентичности молодежи региона, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности, большую роль играют и современные ценности, такие как демократия и права человека, свобода самовыражения, политическая свобода и автономия личности, толерантность, индивидуализм и права меньшинств. Несмотря на значимые различия социокультурных оснований молодежи региона, существенную роль в формировании ее идентичности играет глобальное инфокоммуникационное пространство и единая образовательная среда (см. табл. 2).

Можно заключить, что для отдельных групп городской молодежи определяющими становятся

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Важны ли для Вас такие современные ценности?» (СКФО, март–апрель 2021 г., % от числа опрошенных, ответы «Важно»)

Важны ли для Вас такие современные ценности?	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1027
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам	«Никакое»	
Демократия и права человека	88	89	89	85	92	90
Свобода самовыражения	85	81	84	78	88	85
Политическая свобода и автономия личности	81	79	80	76	85	82
Толерантность	72	73	72	70	73	73
Индивидуализм	71	71	69	66	80	73
Права меньшинств	53	54	52	51	60	55

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы, что власть должна обеспечивать потребности граждан, а граждане должны позволять власти регулировать все стороны своей жизни?» (СКФО, март–апрель 2021 г., % от числа опрошенных)

Считаете ли Вы, что власть должна обеспечивать потребности граждан, а граждане должны позволять власти регулировать все стороны своей жизни?	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1027
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам	«Никакое»	
Да	32	32	40	28	22	32
Нет	38	40	29	41	53	39
Затрудняюсь ответить	30	28	31	31	25	29

ся современные ценности, а для сельской молодежи наиболее значимы традиционные ценности. Исходя из этого возможно формирование конфликтной среды, усиление ценностных размежеваний, которое может перерасти в открытые конфликты между отдельными группами молодых людей. Это подтверждается и мнением респондентов, большинство которых (81%), независимо от этнической и конфессиональной принадлежности, указывали на возможность конфликтов среди молодежи между теми, кто разделяет традиционные и современные ценности.

Патернализм как одна из исторически важных, сформированных веками характерных черт менталитета россиян утрачивает свою значимость для молодых людей вне зависимости от этнической принадлежности. Так, считают, что власть должна обеспечивать потребности граждан, а граждане должны позволять власти регулировать все стороны своей жизни, только 32% респондентов (см. табл. 3).

Опрошенные молодые люди хотят самостоятельно выстраивать свою траекторию жизни и не рассчитывают на поддержку государства. Это подтверждается и мнением опрошенных, в подавляющем большинстве своем (95%), независимо от этнической и конфессиональной принадлежности, указавших на важность для

себя быть свободным и самостоятельно принимать решения, касающиеся их жизни. Характерной чертой, определяющей жизненную траекторию респондентов, является индивидуализм, который проявляется в приоритете для большинства индивидуального успеха, признания и благополучия над успехом и благополучием своего народа, величиим Родины. Можно предположить, что открытость и доступность интернет-среды, в которой молодые люди проводят достаточно много времени, делает ее одним из основных акторов формирования ценностных оснований идентичности (см. табл. 4).

Результаты исследования показывают, что ряд традиционных оснований этнической идентичности для молодых людей представителей народов Северного Кавказа имеет большое значение. Так, 74% респондентов, относящих себя к северокавказским народам, указали на важность следования национальным обычаям и традициям, среди русской молодежи таких лишь 44% (см. табл. 5). Можно предположить, что стираются традиционные ценностно-культурные основания этнической идентичности русской молодежи региона. В основе ценностно-символического наполнения ее идентичности начинают преобладать современные ценности и гражданские установки. В целом

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Что для Вас является более значимым?»
(СКФО, март–апрель 2021 г., % от числа опрошенных)**

Что для Вас является более значимым?	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1027
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам	«Никакое»	
Индивидуальный успех, признание и благополучие	66	55	60	50	75	62
Успех и благополучие Вашего народа и величие Родины	18	31	23	35	11	23
Затрудняюсь ответить	16	14	17	15	14	15

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Важно ли для Вас следовать национальным обычаям и традициям?»
(СКФО, март–апрель 2021 г., % от числа опрошенных)**

Важно ли для Вас следовать национальным обычаям и традициям?	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1027
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам	«Никакое»	
Важно	16	38	22	46	5	24
Скорее важно	28	36	37	36	16	31
Скорее не важно	26	9	21	5	32	20
Не важно	19	8	7	5	38	16
Затрудняюсь ответить	11	9	13	8	9	9

Таблица 6

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Важно ли для Вас следовать религиозным обычаям и традициям?»
(СКФО, март–апрель 2021 г., % от числа опрошенных)**

Важно ли для Вас следовать религиозным обычаям и традициям?	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1027
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам	«Никакие»	
Важно	13	44	20	56	3	24
Скорее важно	20	29	31	30	4	23
Скорее не важно	25	9	28	4	17	19
Не важно	31	13	8	5	71	25
Затрудняюсь ответить	11	5	13	5	5	9

для молодежи региона характерны смешанные формы идентичности, сочетающие традиционные и современные ценностные основания.

Имеются существенные различия в оценках важности следования религиозным обычаям и традициям между русской молодежью и представителями северокавказских народов. Роль религиозной идентичности для последних значительно выше. Только для 33% русской молодежи следование религиозным обычаям и традициям сохраняет свою важность (ответы «важно» и «скорее важно»), а среди молодых людей – представителей северокавказских народов таких респондентов 73%. Существенные различия выявлены и среди православных (51%) и мусульман (86%) (см. табл. 6).

Значимым маркером идентичности является осознание молодыми людьми своей связи, привязанности к той или иной социальной общности. Наиболее значимым для респондентов является осознание своей связи с ближайшими родственниками и малой Родиной. Далее значимой является эмоциональная связь со страной, людьми своей национальности и религии, при этом для представителей народов Северного Кавказа и мусульман осознание связи с людьми своей национальности и религии гораздо более значимо, чем для русской молодежи (см. табл. 7). По степени значимости для молодежи преобладает важность осознания их связи с малыми социальными группами (близкие родственники, малая Родина). Значимость этниче-

Таблица 7

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Насколько важно для Вас осознавать свою связь...»
(СКФО, март–апрель 2021 г., % от числа опрошенных, ответы «Важно»)**

Насколько важно для Вас осознавать свою связь...	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1027
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам	«Никакое»	
с ближайшими родственниками (родителями, братьями, сестрами, супругом, супругой, детьми)	92	91	92	92	90	91
с малой Родиной (место, в котором прошло Ваше детство и с которым Вы эмоционально связаны)	75	80	81	84	63	77
с моей страной	57	61	66	61	42	58
с людьми моей национальности	41	73	53	79	29	52
с людьми моей религии	28	59	41	69	9	39

Таблица 8

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Какие из идентичностей для Вас являются наиболее важными?»
(СКФО, март–апрель 2021 г., % от числа опрошенных, ответы «Важно»)**

Какие из идентичностей для Вас являются наиболее важными?	Национальность		Вероисповедание			Всего, n=1027
	Русские	Народы Северного Кавказа	Православие	Ислам	«Никакое»	
Российская идентичность (принадлежность к Российскому государству)	57	52	64	50	45	55
Региональная идентичность (чувство принадлежности к малой Родине)	51	64	57	67	43	55
Этническая идентичность (принадлежность к определенному народу)	39	73	51	76	30	51
Религиозная идентичность (принадлежность к определенной религиозной общности)	26	58	39	67	7	37

ского самосознания для молодых людей, разделяющих современные ценности, снижается. При этом для кавказских народов и мусульман оно по-прежнему имеет большое значение. При реализации негативного сценария развития региона это может стать определяющим дестабилизирующим фактором.

Российская идентичность является общим надэтническим консолидирующим фактором. Она основывается на осознании своей принадлежности к российскому государству, многонациональному народу Российской Федерации, российской истории и культуре. В структуру такой идентичности входит общая память о прошлом, совместных трудностях, лишениях, успехах и победах, а также уникальный опыт и многообразие этнических культур. Отечественные политологи в конструкт российской (национально-государственной) идентичности включают «многообразие национально-этнических групп, проживающих на территории страны, и восприятие образа Родины, а не только государ-

ства с его формальными институциональными признаками» [23, с. 99]. Исследование показало, что такая идентичность сформировалась у большинства респондентов, независимо от этнической принадлежности. При этом региональная, этническая и религиозная идентичность гораздо значимее для представителей народов Северного Кавказа и мусульман, чем для русской молодежи (см. табл. 8). Существенные различия в приоритетах национально-государственной, этнической, региональной и религиозной идентичности между молодыми людьми – представителями народов Северного Кавказа и русскими несут в себе риски конфликтности и могут спровоцировать переход бытовых конфликтов в локальные межэтнические конфликты.

В целом для полиэтнической молодежи региона характерно чувство принадлежности к России, своему народу и региону. Все это может стать ресурсом консолидации, формирования надэтнических и надгрупповых солидарностей в

молодежных сообществах. Общероссийское самосознание молодых людей региона по-прежнему основывается на сохраняющейся общности взглядов на жизнь, норм и ценностей, при этом основным консолидирующим фактором является чувство принадлежности к стране.

Заключение

Ценностное поле, лежащее в основе идентичности молодых людей Северного Кавказа, формируется на основе как традиционных, так и современных ценностей. В целом для молодежи региона характерны смешанные формы идентичности, сочетающие различные ценностные основания. При этом ряд современных ценностей приобрели для опрошенных молодых людей общезначимый характер. Значимым дифференцирующим фактором среди молодежи остается религиозная принадлежность. Меньше всего «модернистов» и больше «консерваторов» среди молодых мусульман и представителей северокавказских народов. Больше всего «модернистов» и меньше «консерваторов» среди не относящих себя ни к какому вероисповеданию и русских. При этом общим для молодежи трендом является возрастание роли и значения современных ценностей, толерантности и индивидуалистических установок. Эти тенденции связаны как с воздействием глобальных экономических и социокультурных процессов, включением молодежи в глобальное интернет-пространство, сетевые сообщества, так и с особенностями трансформации российского и регионального сообщества. Сохраняется вероятность конфликтов между теми, кто разделяет традиционные и современные ценности, риски их перехода на уровень локальных межэтнических столкновений. Можно предположить, что помимо этнической неоднородности и различий в ценностных приоритетах важными региональными факторами формирования идентичности выступают размежевания по линиям равнина и горы, город и село – жители горских селений в гораздо большей степени ориентированы на традиционные идентичности. Возрастают ценностные различия между молодежью, включенной в современное глобальное инфокоммуникационное пространство, стремительно усваивающей современные ценности, и старшими поколениями. Сегодня основной вектор социокультурных процессов в молодежной среде направлен на развитие современных ценностей, при сохраняющейся региональной специфике. Интерес молодых людей к этничности, религии и традициям проявляется преимущественно в социокультурном, а не политико-идеологическом контексте. Для представителей народов

Северного Кавказа этническая и регионально-республиканская идентичность имеют большее значение, чем для русских молодых людей. Значение конфессиональной идентичности снижается для молодежи, при этом сохраняются значимые различия в зависимости от этнической принадлежности. Российское самосознание в целом сформировалось и важно для большинства молодых людей, независимо от национальной принадлежности. При этом имеет место различие в приоритетах идентичности между русской и северокавказской молодежью, что сохраняет риски иррационализации конфликтов за счет апелляции к защите этнокультурных и конфессиональных ценностей, групповых идентичностей. Открытость и доступность интернет-среды превращает ее в один из основных акторов формирования ценностных оснований идентичности молодежи. Необходим дальнейший анализ деструктивных социокультурных и политических факторов идентификации молодых людей полиэтнического региона в контексте определения единых ценностных оснований российской самосознания и наполнения государственной политики идентичности ориентирами на личностное саморазвитие и моральные нормы, поддерживающие доверие и социальную солидарность в полиэтнических сообществах.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для молодых ученых – кандидатов наук № МК-431.2021.2.

Список литературы

1. Goffman E. Presentation of Self in Everyday Life. New York, Garden City: Doubleday, 1959. 255 p.
2. Social Identity and Intergroup Relations / Ed. H. Tajfel. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 532 p.
3. Turner J. Rediscovering the Social Group: A Self-Categorization Theory. Oxford: Basil Blackwell, 1987. 216 p.
4. Якушина О.И. Идентичность в социологической теории Э. Гидденса // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12685> (дата обращения: 27.08.2021).
5. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.
6. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
8. Элиас Н. 2001. Общество индивидов. М.: Практика, 336 с.
9. Идентичность: личность, общество, политика / Под науч. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 992 с.
10. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся

публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 1. С. 5–28.

11. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412.

12. Аникин В.А. Кризис и национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 203–232.

13. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 232–242.

14. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

15. Дробижева Л.М. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого будущего государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.

16. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.

17. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.

18. Ядов В.А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 47–50.

19. Женщины и мужчины России. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 239 с.

20. Труд и занятость в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 135 с.

21. Ярлыкапов А.А. Ислам и конфликт на современном Северном Кавказе // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. № 3. С. 115–128.

22. Стародубровская И. Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному // Сайт Московского Центра Карнеги. URL: https://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_62_96-105.pdf (дата обращения: 23.08.2021).

23. Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110.

VALUE-SEMANTIC BASIS OF THE NORTH CAUCASUS YOUTH IDENTITY

E.A. Avdeev, M.E. Erokhina

The North-Caucasus Federal University

The authors consider the differentiation of the value-semantic foundations of self-awareness and the hierarchy of group identities of the North Caucasus youth, depending on ethnic and religious affiliation. The methodology of this article combines of qualitative and quantitative research strategies. The analysis of the identity discourse is used to understand the impact of regional characteristics and the global context on the formation of value-semantic foundations of self-awareness of polyethnic youth and understanding the potential of their identity as a resource for the development of the North Caucasus. Empirical data reflecting importance of the main traditional and modern values for young people, as well as group identities were obtained through a sociological survey. In general, the regional youth is characterized by hybrid identities that combine different narratives. A number of modern values have become a generally valid and universal for young people. There is continued a certain dependence of the differentiation of the priorities of value narratives and group identities on ethnic and confessional affiliation. Today, the main vector of socio-cultural processes in the youth environment aims at the development of modern values, while maintaining regional specificity. Young people's interest in ethnicity, religion and traditions manifests primarily in the sociocultural, rather than political and ideological context. Further identity research of youth is needed in the context of defining common value-semantic foundations of Russian self-awareness and filling the state identity policy with guidelines for personal self-development and moral norms that support trust and supra-ethnic solidarity.

Keywords: youth, North Caucasus, values, identity, ethnic identity, national-state identity, identity politics.

УДК 316.356.2

DOI 10.52452/18115942_2022_1_66

СОДЕРЖАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПРАРОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА В ОЦЕНКАХ УРАЛЬСКИХ РОДИТЕЛЕЙ

© 2022 г.

А.П. Багирова, Н.Д. Бледнова

Багирова Анна Петровна, д.э.н., к.соц.н.; проф.; профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, заместитель директора по науке и инновациям Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
a.p.bagirova@urfu.ru

Бледнова Наталья Дмитриевна, специалист по аналитической работе Центра региональных экономических исследований Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
n.d.blednova@urfu.ru

*Статья поступила в редакцию 03.12.2021**Статья принята к публикации 28.01.2022*

Цель исследования – изучение представлений уральских родителей о содержании прародительского труда и его результатах для различных поколений семей. Под прародительским трудом понимается деятельность бабушек и дедушек, направленная на внуков, сопровождающаяся временными затратами прародителей, сокращающими соответствующие затраты родителей на осуществление родительского труда, в ходе которой осуществляются уход, развитие, помощь внукам. Авторы используют смешанную исследовательскую стратегию, строя выводы на основании результатов глубинного полуструктурированного интервью и социологического опроса родителей. Эмпирические исследования проведены в 2020–2021 гг. в Свердловской области. *Результаты:* прародительский труд связан с материальной поддержкой детям и внукам в разных формах, помощью внукам в учебе, организацией отдельных аспектов жизнедеятельности внуков; этот труд является гендерно-окрашенным – бабушки выступают его субъектами чаще дедушек, а прародители по материнской линии занимаются с внуками чаще, нежели прародители по линии отца ребенка; родители видят основные эффекты прародительского труда в укреплении межпоколенных отношений и усилении чувства «нужности», формирующегося у прародителей; почти половина опрошенных считают необходимым финансово вознаграждать прародительский труд со стороны государства. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования мероприятий, реализуемых в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография», а также могут расширить перечень его индикаторов, фиксируя динамику вовлеченности старшего поколения в реализацию функций прародительского труда.

Ключевые слова: прародительский труд, прародители, родители, социологический опрос, глубинные интервью, содержание труда, результаты труда.

Введение

Население старшего возраста в последнее время часто становится объектом социологических исследований [1–3]. Одна из тем, которая волнует как ученых, так и практиков, – вовлеченность представителей старшего возраста в процессы ухода за внуками [4, 5]. На протяжении как минимум последнего десятилетия подобная активность бабушек и дедушек даже стала рассматриваться в качестве одного из ресурсов повышения рождаемости в странах, переживающих падение показателей рождаемости. R. Sear, D. Coall, обобщив данные различных исследований на эту тему, показали, что по меньшей мере в 10 странах мира в разные временные периоды были получены результаты, свидетельствующие о взаимосвязи между вовлеченностью той или иной категории прароди-

телей в воспитание внуков с ростом рождаемости на исследуемой территории [6]. К таким странам, в частности, относятся Польша, Финляндия, Австралия, Малайзия.

Очевидно, что подобная связь может быть опосредована различными социальными, демографическими, экономическими факторами. Ее могут предопределять, помимо социально-культурных традиций участия бабушек и дедушек в воспитании внуков, те объективные условия, которые связаны с наличием институтов формальной заботы о детях в той или иной стране; важными факторами могут стать сами параметры вовлеченности прародителей – их объемы, содержание выполняемых функций, отношение к такой помощи в обществе. Другими словами, то, как реализуется прародительский труд, каковы его мотивы и содержание, а также отношение к нему и к его субъектам – все

Рис. 1. Этапы проведения серии исследований для изучения содержания и результатов родительского труда

это может предопределять результаты и эффекты прародительского труда для семей и общества в целом. В качестве одного из таких потенциальных эффектов и рассматривается повышение рождаемости [7–10]. Спектр полученных научных результатов здесь представлен достаточно широко – от общих выводов относительно того, что бабушки и дедушки становятся частью репродуктивных стратегий родителей, до конкретного подсчета числа и пола прародителей, обеспечивающих принятие семей решения о рождении следующего ребенка [11].

Другой возможный эффект от реализации прародительского труда для родителей (прежде всего матерей) – это снижение интенсивности конфликта «семья–работа» [12]. В настоящее время, когда женщины помимо традиционных функций по воспитанию детей и организации быта все активнее вовлекаются в экономическую деятельность, конфликт между семьей и работой становится особенно актуальным [13, 14]. Как правило, он обусловлен нехваткой временных, физических и эмоциональных ресурсов, которых требует одновременное выполнение профессиональных и семейных обязанностей [15]. Очевидно, проблемы, спровоцированные совмещением двух видов занятости, имеют свои негативные последствия – многие исследователи отмечают, что двойная нагрузка и дефицит времени могут стать причиной высокого уровня стресса, физических заболеваний и эмоциональных расстройств, в т.ч. депрессии или апатии [16–18]. Чаще всего в качестве инструментов, призванных смягчить конфликт между двумя жизненно важными сферами – семьей и работой, выступают меры, связанные с экономической поддержкой семей, развитием инфраструктуры детских учреждений и услуг по уходу за детьми и организацией режима труда сотрудников. Однако, по мнению целого ряда исследователей, наличие помощников в лице бабушек и дедушек, которые реализуют часть функций по воспитанию детей во время занятости родителей на рынке труда, тоже может стать одним из существенных факторов, снижающим напряженность конфликта «семья–работа» прежде всего для матери ребенка.

Цель нашего исследования – изучение представлений уральских родителей о содержании прародительского труда и его результатах для

различных поколений семей. Мы рассматриваем прародительство как трудовой процесс, поскольку бабушки и дедушки в современных обществах выполняют роль крупнейшего поставщика неформальных услуг по уходу за детьми [19], по сути, реализуя часть родительских функций, связанных не только с уходом за детьми, но и их развитием. Вслед за пониманием трудового характера родительства [20] с этих позиций мы рассматриваем и прародительство, идентифицируя прародительский труд как деятельность бабушек и дедушек, направленную на внуков, сопровождающуюся временными затратами прародителей, сокращающими соответствующие затраты родителей на осуществление родительского труда, в ходе которой осуществляются уход, развитие, помощь внукам.

Методы исследования

Для анализа содержания и результатов прародительского труда были использованы количественные и качественные исследовательские методы (рис. 1).

Результаты глубинного полуструктурированного интервью, проведенного в октябре–ноябре 2020 г., стали основой для изучения содержания прародительского труда. В ходе интервью было опрошено 7 работающих матерей в возрасте от 18 до 45 лет, проживающих на территории Свердловской области. Для проведения интервью были отобраны респонденты с одним ($N=3$) или двумя детьми ($N=4$) в возрасте от 0 до 10 лет, поскольку именно этот период развития ребенка принято отождествлять с наиболее интенсивным уровнем родительской нагрузки. Содержание прародительского труда было изучено на основе анализа ответов респондентов на вопрос о роли бабушек и дедушек в семье и их участии в процессе воспитания внуков.

Результаты прародительского труда оценивались на основании социологического опроса родителей, проведенного в Свердловской области в мае–июне 2021 г. Вопросы-фильтры контролировали, чтобы в число респондентов попадали люди, имеющие одновременно несовершеннолетних детей и ныне живущих своих родителей и(или) родителей супруга (прароди-

телей). Почти половина опрошенных родителей имеют двух детей, еще по 22% – либо одного, либо трех детей. Для опроса была использована потоковая выборка, при этом опросник был размещен сразу на нескольких площадках общественных организаций, которые ведут свою деятельность с семьями, родителями, детьми. Именно это и помогло обеспечить наибольший охват целевой совокупности. Прежде всего, были использованы сайты региональных средств массовой информации и виртуальные тематические сообщества в социальных сетях. Для повышения степени случайности отбора из общего числа ответивших (563) с помощью генератора случайной выборки были отобраны ответы 500 респондентов.

В ходе этого исследования на основании родительских оценок изучались результаты прародительского труда (для самих прародителей и их детей), а также оценивалась гипотеза о возможности повышения рождаемости за счет активизации прародительского труда. Для анализа были использованы процедуры описательной статистики и частотный анализ.

Результаты исследования

1) *Содержание прародительского труда*

Результаты глубинного полуструктуризованного интервью с работающими матерями позволили определить содержание прародительского труда. Почти все женщины признались, что им приходилось делегировать часть родительских функций бабушкам и дедушкам ребенка. Чаще всего потребность в помощи бабушек и дедушек была обусловлена особенностями работы респондентов и их интенсивной занятостью на рынке труда. При этом почти все женщины отметили, что бабушки и дедушки оказывают существенную поддержку как в процессе воспитания детей, так и в обеспечении семейного благополучия в целом.

Мы выделили основные категории и подкатегории прародительских функций, которые были упомянуты респондентами. Среди них – материальная поддержка, организационная и образовательная функции.

Функция материальной поддержки не ограничивается исключительно финансовой помощью, которую оказывают бабушки и дедушки своим детям. К этой же функции мы относим подарки, которые дарят прародители детям и внукам. Подарки, скорее, стоит рассматривать не в качестве элемента материальной поддержки

со стороны бабушек и дедушек, но как своего рода способ демонстрации прародительской любви, воплощенной в нечто материальное – подаренные детские игрушки, одежда, сладости, овощи, выращенные в собственных огородах. Помимо этого, старшее поколение может способствовать решению жилищных проблем детей – в таких случаях молодые семьи, как правило, проживают совместно со своими родителями.

Организационная функция включает в себя реализацию повседневных (рутинных) мероприятий и организацию досуга ребенка. К повседневным мероприятиям мы относим сопровождение ребенка в детский сад, школу, детские кружки или секции, а также времяпровождение с ребенком во время отсутствия родителей. Под досугом, в свою очередь, понимаются мероприятия развлекательного или познавательного характера, в которых принимают участие прародители и их внуки (например, совместные каникулы, походы в театры, на выставки).

Образовательную функцию мы рассматриваем с двух сторон. Во-первых, бабушки и дедушки наравне с родителями могут выступать в качестве субъектов, принимающих активное участие в развитии ребенка – формировании его умственных и физических способностей, базовых ценностей и психологических установок. Во-вторых, прародители, будучи обладателями большого жизненного опыта, являются хранителями ценных знаний, связанных с уходом за детьми и их воспитанием. Посредством советов они нередко делятся этой информацией с новоиспеченными родителями, которые могут столкнуться с рядом трудностей в начале своего родительского пути.

В таблице 1 и на рисунке 2 представлены основные категории и подкатегории прародительских функций, которые были выделены на основе высказываний респондентов.

2) *Результаты прародительского труда*

Представления об этом параметре прародительского труда изучались с помощью количественного анализа данных, собранных в ходе опроса родителей. В первом приближении прародительский труд, с точки зрения родителей, способствует:

- увеличению объема свободного времени для родителей – 54% опрошенных родителей;
- достижению профессиональных успехов – 16.8%;
- желанию родить следующих детей – 6.0%.

Почти четверть респондентов-родителей затруднились ответить на этот вопрос.

Таблица 1

Функции бабушек и дедушек ребенка в процессе его воспитания		
Категории	Подкатегории	Коды
Образовательная функция	Передача опыта	«Они могут мне сказать, что я не замечаю, у них же все равно... со своим жизненным опытом, как бы, нас вырастили – детей своих» (Вера, 36 лет, ребенок – 3 года)
	Развитие детей	«С Лизаветой делают уроки, если ей нужна помощь, и проверяют домашние задания, и... ну... вторые родители, можно сказать» (Марина, 35 лет, дети – 9 лет и 4 года) «Он с ним играет, общается, так как мы без папы живем, все равно детям нужно мужское какое-то внимание, мужские какие-то игры... свои... эм... в шахматы вот они тоже начали играть» (Юлия, 35 лет, дети – 9 и 6 лет)
Материальная поддержка	Подарки	«Ой, это вообще... Как сказать-то, приедешь в гости к маме – уедешь с полным чемоданом. И ему там подарки, и что-нибудь вкусненькое положат, ну то есть, это постоянно» (Ольга, 35 лет, дети – 7 и 10 лет) «Ну, естественно, подарки они ему какие-то дарят, одежду, например» (Вера, 36 лет, ребенок – 3 года)
	Финансовая помощь	«Изначально вообще мы жили на их средства, потому что я в декрете была. Сначала они полностью оплачивали детский сад, а потом половину» (Марина, 34 года, ребенок – 10 лет) «Так как мы живем все вместе, у нас быт-то, как бы, расписан в этом плане. Ну, мы с ним договариваемся, что, допустим, продукты вместе покупаем, коммуналку тоже мы с ним... этот месяц я плачу, следующий – он» (Юлия, 35 лет, дети – 9 и 6 лет)
Организационная функция	Времяпровождение с ребенком	«Ну то есть они сидели с ребенком, наверное, первый год. Я работала. Вот...бабушка сидела у меня с сыном» (Екатерина, 29 лет, ребенок – 5 лет) «Сейчас бабушка нам помогает во всем, то есть посидеть, остаться, забрать или из садика, или из школы» (Марина, 35 лет, дети – 9 лет и 4 года) «Приезжала бабушка, возилась с ней, пока я работала» (Ольга, 35 лет, дети – 7 и 10 лет) «Папа у нас сейчас работает в ночную смену. Днем он часто меня выручает. Если мне куда-то надо, он приедет, посидит с ними» (Татьяна, 33 года, дети – 6 лет и 2 года)
	Сопровождение в детский сад или школу	«У меня родители тут близко живут, в чем как бы плюс большой помощи от них, когда у меня не было машины, они его могли отвезти» (Марина, 34 года, ребенок – 10 лет) «...и погулять, и позаниматься, и в бассейн отвести, если надо будет» (Марина, 35 лет, дети – 9 лет и 4 года) «Ну, самая большая помощь – дедушка забирает их» (Юлия, 35 лет, дети – 9 и 6 лет)
	Выходные и каникулы у бабушки	«К бабушке и к дедушке ездит, потому он очень их любит, очень по ним скучает. И в выходные он у нас путешествует по бабушкам и дедушкам» (Екатерина, 29 лет, ребенок – 5 лет) «Ну вот было лето, мы каждый выходной ездили в деревню к бабушке» (Ольга, 35 лет, дети – 7 и 10 лет)
	Организация досуга	«Они водят его в зоопарк там, в цирк, в парк развлечений. То есть на такие мероприятия они берут его и уезжают» (Марина, 34 года, ребенок – 10 лет)

Отметим, что небольшая доля родителей, напрямую связавших помощь прародителей с репродуктивным решением относительно следующего ребенка, уже не кажется столь малой в ответах, например, на вопрос о тех членах семьи, которым бы они доверили воспользоваться законодательно разрешенным правом об отпуске по уходу за ребенком (табл. 2; как известно, в России, в отличие от ряда других стран, одновременно только один член семьи может иметь

отпуск по уходу за ребенком). Одна из бабушек выбирается в ответе на этот вопрос респондентами гораздо чаще, чем отец ребенка, – более половины респондентов заявили, что они готовы доверить ей право ухаживать за малолетним ребенком. С одной стороны, это может свидетельствовать о высоком доверии именно к этому члену семьи, а с другой – о значительном трудовом вкладе прародителей в уже имеющихся у опрошенных детей. Интересно и то, что

Рис. 2. Функции бабушек и дедушек ребенка

Таблица 2

Члены семьи, которым респонденты-родители доверили бы право воспользоваться отпуском по уходу за ребенком

Член семьи	Доля респондентов-родителей, ответивших положительно, %
Мать	81.8
Отец	34.0
Бабушка со стороны матери ребенка	52.0
Бабушка со стороны отца ребенка	13.8
Дедушка со стороны матери ребенка	5.0
Дедушка со стороны отца ребенка	1.4

родители намного чаще предпочитают видеть в данной роли бабушку по материнской, нежели по отцовской линии. Этот факт соответствует многочисленным результатам зарубежных исследований о гендерном аспекте прародительства (например, при изучении бабушек и дедушек в Нидерландах на основе двух волн исследований в 2002–2007 гг. был сделан вывод, что родители за поддержкой в уходе за ребенком в первую очередь обращаются к бабушкам и дедушкам по материнской линии, в то время как прародители со стороны отца ребенка в основном рассматриваются в качестве дополнительных поставщиков поддержки [21]).

Респонденты-родители, действительно, высоко оценивают помощь бабушек и дедушек своим внукам. Получаемую при этом «выгоду» они считают обоюдной. В таблице 3 приведены эффекты, которые, по мнению родителей, возникают для семьи в целом, а в таблице 4 – иерархия эффектов, возникающих для самих субъектов прародительского труда. Интересно отметить, что среди эффектов, возникающих для самих прародителей, чаще всего (и с большим отрывом от других) родители называют результаты, которые сложно или даже невозможно достигнуть какими-то другими, внесемейными механизмами: ощущение нужности кому-то, укрепление отношений с детьми и

внуками. Лишь далее и, заметим, с большим отрывом идут те результаты взаимодействия с внуками, которые можно получить и не реализуя прародительскую стратегию. Это, например, удовлетворение потребности в общении, снижение чувства одиночества, наполнение досуга, улучшение физического состояния, что может наступить и без различного рода затрат, связанных с прародительским трудом.

Почти половина из опрошенных родителей (49.4%) считают, что прародительский труд должен финансово вознаграждаться со стороны государства. Более того – респонденты-родители говорят о более высокой оценке материальных форм стимулирования прародительского труда в сравнении с нематериальными (табл. 5).

Обсуждение результатов

Результаты проведенных исследований позволяют говорить о важности роли бабушек и дедушек в семье. Широкий спектр прародительских функций свидетельствует об активной вовлеченности прародителей в процесс воспитания своих внуков. Эти функции могут быть делегированы бабушкам и дедушкам со стороны родителей в случае занятости последних (например, помощь в сопровождении ребенка в детский сад или школу) или реализованы по

Таблица 3

Мнения родителей об эффектах прародительского труда для семей в целом	
Эффекты	Доля респондентов-родителей, ответивших положительно, %
Укрепление семейных отношений	42.2
Усиление значимости бабушек и дедушек	25.8
Усиление ощущения семейного счастья	17.8
Рост материального благополучия семьи	5.0
Затрудняюсь ответить	9.2
Всего	100.0

Таблица 4

Мнения родителей об эффектах прародительского труда для прародителей	
Эффекты	Доля респондентов-родителей, ответивших положительно, %
Усиление ощущения необходимости	71.2
Улучшение отношений с детьми и внуками	55.8
Удовлетворение потребности в общении	19.4
Снижение чувства одиночества	15.8
Возможность заполнения досуга	14.6
Обретение смысла жизни	10.8
Улучшение физического состояния	9.0
Ощущение выполнения долга	7.0
Рост материального благополучия семьи	5.0

Таблица 5

Степень согласия родителей с формами стимулирования прародительского труда (по 5-балльной шкале: 1 – полное несогласие, 5 – полное согласие)			
Формы стимулирования	Медиана	Мода	Доля полностью или частично согласных, %
Вручение благодарственных писем и наград	3	1	31.2
Освещение в средствах массовой информации	2	1	23.2
Материальное поощрение от государства	3	5	41.4
Льготы и скидки при покупке товаров и услуг	4	5	60.6

собственному желанию прародителей (например, материальная поддержка в виде финансовой помощи или подарков).

Однако наши результаты пока не дают достаточных оснований говорить о взаимосвязи между активностью бабушек и дедушек в воспитании внуков и принятием семьей решения о рождении следующего ребенка. Тем не менее большая доля респондентов-родителей, выбирающих бабушек со стороны матери для отпуска по уходу за ребенком, свидетельствует о том, что, во-первых, к этой категории прародителей у родителей сформирована высокая степень доверия (что тоже соотносится с зарубежными тенденциями о гендерном аспекте активного прародительства [22]); а во-вторых, что они, пусть и косвенно, но рассматриваются родителями в качестве потенциального ресурса помощи в случае рождения в семье еще одного ребенка. Поскольку именно профессиональная деятельность матери часто является препятствием для рождения следующего ребенка [23], то понимание существования подобного запасного варианта способно, хотя и косвенно, при-

вести к принятию репродуктивных решений и последующему повышению рождаемости в нашей стране. Конечно, все это требует дополнительного изучения с помощью качественных методов – глубинных интервью, а также фокус-групповых исследований с бабушками и матерями. В частности, важным представляется в ходе такого глубинного анализа выявить факторы, которые предопределяют выбор одной из двух жизненных стратегий в случае наличия прародительской помощи: развитие профессиональной деятельности либо же продолжение реализации репродуктивной стратегии и рождение последующего ребенка.

Заключение

Проведенные исследования показали, что, во-первых, основное содержание прародительского труда связано с материальной поддержкой, выражающейся в финансовой помощи и дарении детям и внукам подарков, выполнении образовательной и организационной функций; во-вторых, прародительский труд имеет

четко выраженный гендерный аспект, который проявляется не только в том, что бабушки осуществляют этот труд чаще дедушек, но и в том, что прародители по материнской линии оказывают помощь чаще, нежели прародители по линии отца ребенка; в-третьих, родители выделяют целый ряд эффектов прародительского труда, основными из которых являются укрепление межпоколенных отношений и усиление чувства «нужности» у прародителей; в-четвертых, почти половина опрошенных родителей говорят о необходимости финансового вознаграждения прародительского труда со стороны государства, что свидетельствует о его высокой значимости как для самих родителей, так и для общества в целом. Результаты нашего исследования могут быть использованы в качестве информационно-аналитического сопровождения реализации федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» для разработки мер и индикаторов, фиксирующих динамику вовлеченности старшего поколения в реализацию функций прародительского труда.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280.

Список литературы

1. Захарова Л.Н., Саралиева З.Х., Махалин А.И. Трудовая вовлеченность и субъективное благополучие персонала старшего возраста: гендерный аспект // Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке: Колл. монография. М.: Изд-во НИИ ЮФО, 2020. С. 115–118.
2. Аникеева О.А., Фомина С.Н., Шимановская Я.В. Социальное и психическое здоровье женщин старшего возраста в контексте стратегии народосбережения: новые задачи социальной работы // Женщина в российском обществе. 2021. Специальный выпуск. С. 88–105.
3. Шабунова А.А., Россошанский А.И. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 7–19.
4. Саралиева З.Х., Судьин С.А., Янак А.Л. Прародительские отношения в современной российской семье: опыт пилотного исследования // I Российско-Иранский социологический форум. Сборник тезисов докладов участников форума. М., 2020. С. 509–521.
5. Курамшев А.В., Кутявина Е.Е., Судьин С.А. Бабушка в системе внутрисемейных отношений: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 70–79.
6. Sear R., Coall D. How much does family matter? Cooperative breeding and the demographic transition // Population and Development Review. 2011. Vol. 37. P. 81–112.
7. Zhong X., Peng M. The grandmothers' farewell to childcare provision under China's two-child policy: Evidence from Guangzhou middle-class families // Social Inclusion. 2020. Vol. 8 (2). P. 36–46.
8. Zhang Y., Luh Y.-H. Grandparents' health and family fertility choice: Evidence from Taiwan // China Economic Review. 2018. Vol. 51. P. 294–308.
9. Kavas S., de Jong J. Exploring the mechanisms through which social ties affect fertility decisions in Turkey // Journal of Marriage and Family. 2020. Vol. 82 (4). P. 1250–1269.
10. Кулькова И.А. Как повышение пенсионного возраста может повлиять на рождаемость: мнение экспертов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 12–1. С. 141–145.
11. MacInnes J., Perez Diaz J. The reproductive revolution // The Sociological Review. 2009. Vol. 57. P. 262–284. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2009.01829.x
12. Holthus B.G. Child care and work-life balance in low-fertility Japan // Imploding Populations in Japan and Germany. Brill, 2011. P. 203–228.
13. Remery C., Schippers J. Work-family conflict in the European Union: the impact of organizational and public facilities // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16. № 22.
14. Aamtzen L., van der Lippe T., van Steenberg E., Derks B. How individual gender role beliefs, organizational gender norms, and national gender norms predict parents' work-family guilt in Europe // Community, Work & Family. 2021. Vol. 24 (2). P. 120–142.
15. Greenhaus J.H., Beutell N.J. Sources of conflict between work and family roles // Academy of Management Review. 1985. Vol. 10 (1). P. 76–88.
16. Peeters M.C., Montgomery A.J., Bakker A.B., Schaufeli W.B. Balancing work and home: How job and home demands are related to burnout // International Journal of Stress Management. 2005. Vol. 12. № 1. P. 43.
17. Obrenovic B., Jianguo D., Khudaykulov A., Khan M.A.S Work-family conflict impact on psychological safety and psychological well-being: A job performance model // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. P. 475.
18. Lunau T., Bambra C., Eikemo T.A., van Der Wel K.A., Dragano N. A balancing act? Work-life balance, health and well-being in European welfare states // The European Journal of Public Health. 2014. Vol. 24. № 3. P. 422–427.
19. Smethers S. What are the issues affecting grandparents in Britain today? // Quality in Ageing and Older Adults. 2014. Vol. 16. P. 37–43.
20. Багирова А.П., Быкова Д.Г., Ворошилова А.И. и др. Родительский труд: экономический и социологический анализ: Монография / Под общ. ред. проф. А.П. Багировой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 208 с.
21. Thomese F., Liefbroer A.C. Child care and child births: The role of grandparents in the Netherlands // Journal of Marriage and Family. 2013. Vol. 75 (2). P. 403–421.
22. Koslowski A.S. Grandparents and the care of their grandchildren // In: J. Stillwell, E. Coast, D. Kneale (Eds.), Fertility, living arrangements, care and mobility: Understanding population trends and processes. New York: Springer, 2009. P. 171–190.
23. Begall K., Mills M. The impact of subjective work control, job strain and work-family conflict on fertility intentions: A European comparison // European Journal of Population / Revue européenne de Démographie. 2011. Vol. 27. № 4. P. 433.

**CONTENTS AND RESULTS OF GRANDPARENTAL LABOUR
IN THE ASSESSMENTS OF URAL PARENTS*****A.P. Bagirova, N.D. Blednova***

Ural Federal University

The aim of the research is to study the ideas of Ural parents about the content of grandparental labour and its results for different generations of families. Grandparental labour is understood as the activity of grandparents aimed at grandchildren (childcare, development, and assistance to grandchildren), accompanied by the time spent by the grandparents, reducing the corresponding costs of parents for parental work. The authors use a mixed research strategy, drawing conclusions based on the results of an in-depth semi-formalized interviews and a sociological survey of parents. Empirical studies were carried out in 2020–2021 in the Sverdlovsk region. The results of the study are as follows: grandparental labour is associated with material support for children and grandchildren in various forms, helping grandchildren in their studies, organizing certain aspects of the life of grandchildren; this work is gender-tinged – grandmothers act as its subjects more often than grandfathers, and maternal grandparents work with grandchildren more often than grandfathers through the child's father; parents see the main effects of grandparental labour in strengthening intergenerational relationships and strengthening the feeling of “neediness” for grandparents; almost half of the parents surveyed consider it necessary to financially reward grandparental labour on the part of the state. The results of the study can be used to improve the activities carried out within the framework of the federal project “Older Generation” of the national project “Demography”, and can also expand the list of its indicators, recording the dynamics of the involvement of the older generation in the implementation of the functions of grandparental labour.

Keywords: grandparental labour, grandparents, parents, sociological survey, in-depth interviews, content of labour, results of labour.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2022_1_74

ЦИФРОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ВОЗРАСТ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ ПРЕФИГУРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2022 г.

А.М. Бекарев, Г.С. Пак

Бекарев Адриан Михайлович, д.филос.н.; профессор кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
adrian.bekarev@yandex.ru

Пак Галина Станиславовна, д.филос.н.; профессор кафедры философии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
galinapak5@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 14.09.2021**Статья принята к публикации 24.01.2022*

Наш подход предполагает не объективный анализ функционирования института образования внешним наблюдателем, а взгляд изнутри, интерпретацию повседневных преподавательских практик. Одним из показателей работы кафедры является средний возраст её сотрудников. Возрастные показатели имеют существенное значение, так как в условиях префигуративной культуры, характеризующей состояние современного социума, принадлежность к поколению является определяющей. Префигуративная культура раскрывает зависимость цифровой компетентности от принадлежности к поколению. Ключевая идея префигуративной культуры – старшие по возрасту вынуждены учиться у младших по возрасту. Однако преподаватели существенно старше экономически активного населения.

Целью работы является исследование зависимости между возрастом преподавателя и его цифровой компетентностью. Если возраст есть объективная характеристика индивида, социологи называют её предписанной, то цифровая компетентность является приобретенной, результатом социального взаимодействия. Возраст есть «атомарное» (индивидуальное) свойство, в то время как компетентность возникает на «молекулярном уровне» (групповом уровне). Изучение источников по проблеме показало отсутствие прямой зависимости цифровой компетентности от возраста. Соответственно, выдвигается гипотеза, что умения и навыки преподавателей в использовании информационных технологий определяются не только возрастом, но успешностью или неуспешностью межпоколенческой коммуникации. Для доказательства гипотезы необходимо проведение конкретного социологического исследования.

Ключевые слова: цифровая грамотность, цифровая компетентность, цифровой разрыв, цифровое гражданство, возраст, поколение, префигуративная культура.

Введение

Актуальность исследования обусловлена современным состоянием социума, синонимом которого выступает цифровое общество. Для его описания используется понятие префигуративной культуры, появление которой вызвано информационно-коммуникативной революцией, её следствием явился цифровой разрыв между поколениями. Процесс цифровизации нельзя обернуть вспять, и старшим по возрасту, чтобы жить в цифровом обществе, приходится учиться у младших по возрасту. Префигуративная культура раскрывает зависимость цифровой компетентности от принадлежности к поколению. На основании поколенческой принадлежности выделяются виды «цифрового гражданства» – от «цифровых мигрантов» до «цифровых аборигенов». Самое старшее поколение оказалось в роли мигрантов. В контексте заявленного подхода представляет интерес изучение тех повседневных практик «цифровых мигрантов» образова-

тельного процесса, при помощи которых они добиваются «цифрового гражданства».

Постановка проблемы

С точки зрения повседневности. Наш подход предполагает не объективный анализ функционирования института образования внешним наблюдателем, а взгляд изнутри, интерпретацию повседневных преподавательских практик. В условиях постнеклассической науки признается правомерность и значимость предлагаемого подхода [1; 2]. В социально-гуманитарном знании утвердился феноменологический подход, усилился интерес к экзистенциальной онтологии. Указанная тенденция присуща всей постнеклассической науке, признающей роль ценностей и идеалов в научном познании, роль субъективного начала в эпистемологии.

В структурах повседневности сложилось стойкое представление о катастрофическом ста-

рении профессорско-преподавательского состава, об обратной зависимости цифровой компетентности от возраста: чем старше преподаватель, тем ниже уровень его цифровой активности.

Итак, префигуративная культура – это тот контекст, в котором рассматривается проблема связи возраста и цифровой компетентности. Понятие «префигуративной культуры» введено в научных обиход американской исследовательницей М. Мид. Во второй половине XX века она предложила типологию культур, основанную на характере взаимодействия трех основных генераций в обществе. Постфигуративная культура исходит из признания значимости знаний и власти самых старших по возрасту. Прошлое, настоящее и будущее просто меняются местами, время сворачивается в круг. Будущее внуков принципиально известно и является прошлым их дедов и настоящим отцов [3, с. 322]. Постфигуративная культура присуща архаическим и традиционным обществам. Кофигуративная культура означает, что власть в обществе принадлежит поколению отцов. Дети учатся не только у старших по возрасту, но и у своих сверстников. В этой культуре различия в ценностных установках отцов и детей неизбежны, поскольку время кофигуративной культуры является линейным и устремлено из прошлого через настоящее в будущее, но предполагается наличие согласия по базовым ценностям культуры. При этом не отрицается возможность конфликта отцов и детей, являющихся живым олицетворением настоящего и будущего. Художественным отражением конфликта поколений является роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». В истории кофигуративная культура представлена блистательной эпохой модерна, основанной на признании торжества разума и прав человека. В это время господствовало представление об истории как деятельности «преследующего свои цели человека» [4, с. 36–37].

Возникновение префигуративной культуры обусловлено информационно-коммуникативной революцией, распространением идей постмодернизма об отсутствии направленности социальных изменений, о замене линейного и циклического паттернов истории ризомным [5], об ограниченности человеческой рациональности [6], о «конце истории» [7]. Постмодернизм представляется как мировоззренческое осмысление информационной революции как принятие нечеловеческой логики, как гуманитарной формы «It from bit» [8]. В этих условиях самое молодое поколение стало обладать таким опытом, какого не было и не могло быть у предшествующих поколений, поэтому старшие по возрасту вынуждены учиться у младших по воз-

расту. Речь идет об опыте использования информационно-коммуникативных технологий, который формировался в процессе генезиса и функционирования всемирной паутины Интернета. В силу возрастных особенностей молодежь в большей степени открыта новому. Именно молодые люди стали задавать тон в использовании цифровых технологий, что трансформировало процесс взаимодействия учителя и ученика, в образовании.

Модели взаимодействия учителя и ученика в разных типах культур, выделенных М. Мид, выглядят принципиально разными. Самое благоприятное положение учителя в рамках постфигуративной культуры: ученик почтительно внимает речам учителя. Упанишад, или «сидящие у ног учителя», могут быть иллюстрацией этой модели. «Монополия на истину» в рамках западноевропейской культуры была, пожалуй, только у «отцов церкви» периода патристики. Петр Абеляр в своей работе «Да и нет», в которой по одному и тому же вопросу привел взаимоисключающие, противоречащие друг другу взгляды «отцов церкви», положил конец этой традиции. В условиях схоластических диспутов и дискуссий позднего Средневековья возрастает активность ученика. В споре он может поддержать своего учителя, встать на точку зрения другого учителя или просто сменить учителя. Из «Истории моих бедствий» П. Абеляра можно сделать вывод, что такое поведение ученика не считается неэтичным [9]. Ученик выбирает себе учителя, а это ко многому обязывает. Но при этом не ставится под сомнение значимость роли учителя как такового, как носителя тех знаний, которые пока недоступны ученику.

В префигуративной культуре старшие по возрасту вынуждены учиться у младших по возрасту эффективно использованию информационно-коммуникативных технологий. Возникновение цифровых технологий и их использование, без преувеличения, является революцией в сфере социального взаимодействия. Опыт старших поколений, который сводился к почтовой переписке и телефонным переговорам, стал безмерно ограниченным в условиях широкого распространения электронных средств связи. Информационно-коммуникативная революция набирала ход незаметно и начиналась с простеньких детских игр, которые носили индивидуальный характер, переросших в онлайн-игры участников разных стран. Игровая стадия была детством цифровизации, с окончанием которого информационно-коммуникативные технологии стали пронизывать все сферы как повседневной, так и профессиональной деятельности. Когда стар-

шее поколение осознало всю полноту значимости информационно-коммуникативных средств, время было упущено и цифровой разрыв между поколениями был налицо. Чтобы идти в ногу со временем, старшему поколению стало необходимо учиться овладению цифровыми технологиями. Носителями нового опыта стало молодое поколение, чья социализация совпала с процессом цифровизации. Так младшие по возрасту стали учителями старших по возрасту.

В ситуации пандемии и непланируемого перехода к дистанционному обучению данное положение представителям старшего поколения преподавателей пришлось усваивать не теоретически, а практически. В конце позапрошлого учебного года в интернет-пространстве имели широкое хождение анкеты для преподавателей о том, как им удалось овладеть цифровыми технологиями в кратчайшие сроки. За одну-две недели до самоизоляции в срочном порядке были организованы семинары для преподавателей по проведению вебинаров, организации видеоконференций, курсы по дистанционному обучению. Цифровую грамотность удалось повысить. Но теоретически представлять и знать возможности интернет-коммуникаций не означает наличия необходимых умений и навыков, возможности их эффективного использования. От теоретических дискуссий о достоинствах и недостатках дистанционного обучения как сторонникам, так и противникам этого подхода без исключения пришлось перейти к их практическому использованию.

Обсуждение проблемы связи цифровой компетентности и возраста преподавателя

Проблема возраста преподавателя и ученого активно обсуждается в научной литературе. В повседневной жизни сложилось стойкое представление о старении профессорско-преподавательского состава, основанное на том, что средний возраст преподавателя вуза почти на 10 лет превышает средний возраст работника других сфер профессиональной деятельности. Социологический анализ возрастной структуры преподавателей российских вузов, проделанный В.Ф. Пугач, в очередной раз продемонстрировал необходимость критического исследования того, что кажется очевидным в повседневных практиках. Для сравнения берется средний возраст экономически активного (занятого) населения и средний возраст преподавателей вузов. Средний возраст занятого в экономике населения России растёт: если в 1998 г. он составлял, согласно статистическим данным, 38,8 лет, то в

2014 г. – 40,2 лет. Разница между значениями средних возрастов преподавателей и занятого в экономике населения составляет 8–9 лет, но эти годы по существу отражают разницу в длительности профессиональной подготовки. Причём эта разница имеет хотя и слабо выраженную, но тенденцию к снижению. Признётся, что средний возраст занятого населения растёт несколько быстрее. По мнению автора статьи, это является свидетельством того, «что преподаватели вузов становятся как бы несколько моложе относительно всех занятых» [10, с. 53]. Мы решили проверить, насколько справедливо утверждение В.Ф. Пугач. В 2019 г., по данным Росстата, средний возраст экономически активного населения составил 41 год. На основании мониторинга экономики образования был рассчитан средний возраст преподавателя вуза в этом же году. Профессор – 60 лет, доцент – 49 лет, старший преподаватель – 44 года, преподаватель – 38 лет, ассистент – 35 лет. С учетом должностного распределения средний возраст преподавателя вуза составил 45,2 лет. Таким образом, предположение В.Ф. Пугач подтверждается, если принимать во внимание разницу в длительности подготовки в 8–9 лет и учитывать, что пик оплаты труда преподавателя приходится на 60 лет, в то время как в экономике в целом он падает на 40–45 лет [11].

В условиях «седого цунами» увеличение среднего возраста экономически активного населения, преподавателей в том числе, вполне закономерно.

Результаты социологических исследований и их сравнительный анализ свидетельствуют, что существуют объективные причины того, что профессорско-преподавательский состав вузов в среднем по возрасту значительно старше экономически активного населения.

Перейдем к рассмотрению представления о зависимости цифровой компетентности от возраста.

Цифровая компетентность: свойство атома или молекулы? В условиях пандемии наибольшую тревогу вызвала цифровая компетентность преподавателей, которая представлялась зависимой от даты рождения, которую нельзя изменить, можно только подделать. Возраст рассматривается как объективное свойство индивида. Дискурс о психологическом возрасте, о возрастных децентрациях, связанных с субъективным ощущением возраста, мы выносим за скобки. Присмотримся повнимательнее к цифровой компетентности и ответим на вопрос: какие качества личности она характеризует?

О «цифровой грамотности» заговорили на исходе прошлого столетия. Широкое распространение данного термина связывают с именем

Пола Гилстера, который назвал свою книгу «Цифровая грамотность». Спустя десятилетие стало очевидным, что понятие цифровой грамотности уже не отражает той полноты знаний и умений, которые необходимы для нормальной работы в сети Интернет. Сегодня виртуальная реальность не является какой-то диковинной формой человеческой экзистенции, что было актуальным в начале третьего тысячелетия, а вписана в структуры повседневной жизни. Философы и социологи расширили содержание понятия культуры за счет включения в неё представлений о цифровой культуре. Цифровое гражданство конкретизируется путем использования понятий «цифровые аборигены» и «цифровые мигранты». В последние несколько лет наметилась тенденция перехода от изучения цифровой грамотности к исследованию цифровой компетентности.

Под «цифровой компетентностью» мы понимаем способность человека использовать свои знания в собственной профессиональной деятельности, а не только в ходе повседневных практик. Знания, умения, навыки и личностная мотивация их использования проявляются в обоснованном выборе и применении информационно-коммуникативных технологий, в наличии сознательной установки на их эффективное использование, в обеспечении безопасности деятельности в интернет-пространстве. Профессиональная компетентность в отличие от возраста не является характеристикой личности, данной ей от рождения, а выступает результатом диалектического взаимодействия объективного и субъективного начал личности и подчеркивает значимость мотивационных установок личности в овладении информационно-коммуникативными технологиями.

Нами выдвигается гипотеза, что в коммуникативном обществе знания, умения и навыки носят не индивидуальный, атомарный характер, а являются результатом социальных взаимодействий в рамках группы. То есть эти компетенции, скорее, создаются на молекулярном, групповом уровне. Р. Коллинз показал зависимость деятельности ученого от его положения в научной сети [12].

До начала самоизоляции, по мнению специалистов, более половины педагогов, учителей и преподавателей вузов были не готовы к дистанционному обучению, не планировали использования данных форм обучения в ходе собственного образовательного процесса. Авторы статьи «Цифровые горизонты развития педагогического образования» приводят интересные данные. Ссылаясь на результаты НАФИ, многопрофильного аналитического центра, который за-

нимается исследованием рынка труда и общественного мнения, они отмечают, что российские педагоги – учителя и преподаватели вузов – в целом обладают достаточно высоким уровнем цифровой грамотности: среди школьных учителей он составляет 87% и 88% среди преподавателей вузов, поскольку этот показатель выше на 34–35 пунктов среднестатистического показателя по другим отраслям. С позиции повседневного деятеля, такое положение является вполне закономерным, поскольку деятельность педагога связана непосредственно с формированием специалистов, деятельность которых будет определять горизонты нашего будущего. Нуждаются в интерпретации другие цифры, характеризующие активность педагогов в применении цифровых технологий в собственной профессиональной деятельности. По результатам измерения индекса ИКТ-компетентности, из возможных 88 баллов учителя набрали в среднем 48 баллов, а преподаватели вузов еще меньше – 45 баллов [13, с. 115–116]. Если педагог может применять цифровые технологии в своей повседневной деятельности, но не хочет, невольно возникает вопрос: «Может, он не хочет, потому что не может?» Сложившаяся ситуация с педагогами объясняется той разницей, которая лежит между цифровой грамотностью и цифровой компетентностью. Цифровая компетентность есть знание в действии, его практическая реализация. Представляется, что одна из трудностей перехода от цифровой грамотности к цифровой компетентности обусловлена характеристиками «поздней» или «текущей» современности. На наших глазах происходит смена ролей практического и теоретического разума. Какой смысл мы вкладываем в это утверждение? В условиях «общества знаний», или «общества большой науки», многие проблемы теоретически не решены, являются предметом дискуссии, но в своей повседневной жизни человек вынужден принимать решения, не имея за своей спиной опоры в виде науки, как самого выдающегося воплощения теоретического разума [14, 15].

В научных кругах не прекращаются дебаты по поводу достоинств и недостатков дистанционного обучения [16], но в условиях коммуникативной рациональности консенсус между сторонниками и противниками дистанционного обучения в идеале достигим. COVID-19, не дожидаясь консенсуса, превратил дистанционное обучение в жизненную необходимость, не оставив выбора. Сегодняшний теоретический разум может лишь подвергнуть рефлексии принятые человеком решения в условиях своих повседневных практик (в частности, решение о переходе на дистанционные формы обучения).

Применительно к нашему случаю это еще означает, что знания о возможности применения цифровых технологий без практики их повседневного использования остаются просто знаниями, цифровой грамотностью, но не профессиональной компетенцией педагога. По ассоциации возникает аналогия с Карлом Великим, который слыл образованнейшим правителем своей эпохи: он умел читать, но не умел писать. Компетенция, о которой пишут преподаватели в ФОСах и РПД, включает, кроме «знать, уметь, владеть», и мотивацию к их овладению. Для формирования умений и навыков теории недостаточно, нужен повседневный практический опыт использования цифровых технологий, практики взаимодействия с цифровыми платформами и искусственным интеллектом, хотя бы в виде интеллектуальных помощников Siri или «Алисы». После собственного общения с Siri интуитивно начинаешь осознавать правоту А. Тьюринга. Речь идет о тесте Тьюринга: если человек воспринимает машину как человека, значит, машина умеет мыслить [17]. В научных кругах ведутся дискуссии о возможностях искусственного интеллекта, продолжают его сравнения с естественным интеллектом, но, независимо от вердикта ученых, повседневный деятель начинает относиться к интеллектуальным помощникам как к людям. Задаем вопрос Siri: «Где на клавиатуре находится клавиша «удалить»?» Ответ: «Не знаю». Человек: «Почему не знаешь?» – и слышит человеческий ответ: «А почему ты не знаешь?» Другой пример. Типичная ситуация: переброс информации с айфона XR на 11 Pro. 11 Pro запрашивает информацию, XR докладывает: готов к передаче; 11 сообщает, что обновляется, на экране XR появляется надпись: «Подождем». С точки зрения повседневного деятеля, между айфонами завязался диалог. Не всякий пользователь после увиденного сделает интернет-запрос об экосистеме техники Apple, чтобы прочитать: «Для переноса данных со старого айфона на новый достаточно их поднести друг к другу; при попытке подключения к закрытой Wi-Fi точке, а поблизости (>1 метра) есть Apple-гаджет, который «знает» этот пароль, на экране всплывает уведомление с предложением «поделиться» ... и т.д. [18]. Можно верить или не верить, может ли машина мыслить, но нужно уметь использовать ее возможности. Навыки работы с интеллектуальными искусственными системами входят в содержание цифровой компетентности, которая в условиях пандемии с неизбежностью вышла на первое место. Итак, мы пришли к выводу, что умение быть онлайн и офлайн определяется не только возрастом или принадлежно-

стью к поколению, не только объективными показателями, но и социальными качествами личности, формирующимися в ходе социального взаимодействия.

Итак, перед самым началом «самоизоляции» в конце марта 2020 г. 26% всех российских педагогов отмечали недостаточность собственных навыков и знаний для полноценного перехода на дистанционное обучение. При этом собственная методическая готовность работать в удаленном режиме всеми оценивалась примерно одинаково: 55% опрошенных считали её удовлетворительной. Свою неготовность работать в дистанционном формате большинство преподавателей объясняло отсутствием практического опыта работы с использованием современных коммуникативных технологий.

Специальных работ о корреляции между поколенческой или возрастной принадлежностью педагогов и готовностью работать удаленно нами не обнаружено, но существует популярная теория, предложенная американскими исследователями, где понятие «поколение» соотносится с развитием информационных технологий. Выделяются генерации беби-бумеров (1943–1963 года рождения), поколение X (1964–1984), Y (1985–2000), Z (начиная с 2001 г.) [19]. Эта теория опирается на историю развития информационных технологий в США, и её применимость к России весьма условна, но с учетом временного лага аналогия возможна. По мнению экспертов, Россия по цифровому развитию в 2016 г. отставала от мировых лидеров на 5–8 лет [20]. Для нас важен сам факт наличия зависимости между принадлежностью к поколению и цифровой компетентностью, что, естественно, относится и к преподавательской среде.

С учетом временного лага поколение Z отпадает полностью, это школьники и студенты. Попробуем совместить в нашей типологии несколько подходов. Поскольку нами взята за основу типология культур М. Мид, для проведения аналогий необходимо вести речь о трех поколениях. К поколению Z будут относиться молодые люди, начиная с 1995 г. рождения, которые составляют поколение внуков. В контексте увеличивающейся продолжительности жизни за разницу между поколениями возьмем не 20, а 25 лет. Поколение отцов расположится в интервале с 1970 г. рождения до 1995 г. Генерация дедов будет представлена людьми, родившимися до 1970 г. Данная типология весьма условна и детерминирована конкретно-историческими условиями, к тому же дело осложняется тем, что в современной культуре могут существовать одновременно до 5 генераций.

Предлагаемая типология применительно к преподавательской среде выглядит следующим образом. Молодая генерация преподавателей в данном случае будет представлена людьми в возрасте не до 40, как предполагает традиционный подход, а до 50 лет. Их мы отнесем к поколению отцов. Поколение внуков представляет собой студенческую аудиторию. Сегодняшние студенты – кентавры, или, говоря словами Б. Латура, акторы, представляющие единство живого и неживого [21]. Индивиды, функционально слившиеся со своими смартфонами и айфонами, без которых немыслимо их существование. Именно молодое поколение обладает полноценным цифровым гражданством. Технические гаджеты в прямом, а не в переносном смысле, как у К. Маркса, стали «неорганическим телом» человека [22]. Для поколения отцов, в нашем случае молодых преподавателей, игры их детей и студентов в принципе знакомы. Отождествляя отцов и молодых преподавателей, мы исходим из идеи А. Шюца о верховенстве повседневной реальности. Преподаватель – тоже человек, и у него как повседневного деятеля, как правило, есть дети. Переход к дистанционному обучению для молодого поколения ППС не составил особого труда. Сегодня представляется преждевременным обсуждение вопроса об уровне происшедшего перехода. Мы употребляем термин «обучение», а не «образование», чтобы подчеркнуть, что владение цифровыми технологиями – форма обучения и новый способ коммуникации преподавателей и студентов [23].

Для самого старшего поколения преподавателей внезапный переход к дистанционным формам обучения представил определенные трудности, прежде всего технико-технологического характера. Потребовалось дополнительное посещение занятий по организации видеоконференций, видеосъемок и консультации профессионалов-специалистов по дистанционному обучению. Повседневные практики свидетельствуют, что это поколение преподавателей так или иначе справилось с возникшими трудностями.

Анализ практик самых старших по возрасту в преподавательской среде выглядит наиболее интересным. Для этого есть, как минимум, две причины. Во-первых, это достаточно многочисленная когорта среди преподавателей, а не только профессоров, имеющая тенденцию к увеличению собственной численности в связи с увеличением общей продолжительности жизни. Во-вторых, на опыте именно этого поколения отчетливо прослеживаются «прелести» префигуративной культуры и их значимость в образовательном процессе. Самые старшие по возрас-

ту – это то поколение преподавателей, которых переход к дистанционным формам обучения поверг в шоковое состояние, поскольку многие не смогли справиться с возникшими проблемами самостоятельно. Приведем цитату из распоряжения администрации одного из вузов: «Преподаватель, не имеющий компьютера/доступа в Интернет, не владеющий навыками и т.п., должен найти помощника».

В реальности сформировалось несколько сценариев выхода из возникшего тупика. Во-первых, помощь могла прийти со стороны аспирантов, бывших и настоящих, или просто более молодых преподавателей. Во-вторых, речь идет о внутрисемейной поддержке со стороны детей и подросших внуков. В условиях пандемии возросло осознание ценности семьи и в данном конкретном случае тоже. В-третьих, получение коммерческой услуги по овладению навыками и умениями работы с цифровыми технологиями со стороны профессионалов. Ответы преподавателей на вызов скорейшего овладения цифровыми технологиями расположились в диапазоне от формирования самостоятельных удовлетворительных навыков до полного отказа учиться чему-то новому. Вопрос о совершенстве цифровых технологий для их использования в образовательном процессе не является предметом данного исследования.

Опыт повседневной деятельности преподавательского состава в дистанционном режиме свидетельствует, что лучше всех среди представителей самого старшего поколения справились с переходом к дистанционной форме обучения те, у кого дети или внуки школьного возраста. Причем не оказалось существенной разницы, кто именно – дети или внуки помогали совершенствовать навыки работы с цифровыми технологиями. Объяснение этого факта мы нашли у американских исследователей, предложивших типологию поколений. Российские психологи считают её направленной на описание и классификацию и не рассматривающей особенности взаимодействия между поколениями. Исключение составляет тезис о цикличности поколений как повторении в последующих поколениях черт других поколений [23], что может объяснить то особое взаимопонимание, которое складывается между бабушками и дедушками и их внуками.

Конкретные психологические исследования подтверждают зависимость цифровой компетентности не столько от возраста, сколько от характера межпоколенческого взаимодействия. Цифровая компетентность родителей не связана с поколением самих родителей, а определяется поколением детей и их возрастом [24, с. 53]. С учетом того, что существует особое взаимопо-

нимание между поколением дедов и их внуков, мы предполагаем, что цифровая компетентность не только отцов, но и дедов определяется наличием, устойчивостью и содержательностью межпоколенческого взаимодействия с генерацией Z.

Заключение

Выдвинутая нами гипотеза об отсутствии прямой связи цифровой компетентности с возрастом или поколением преподавателя нуждается в подтверждении конкретными эмпирическими исследованиями. Повседневные практики свидетельствуют, что цифровая компетентность педагога как его социальное качество определяется не только возрастом, но умением и желанием учиться и перенимать опыт самого молодого поколения. Таково требование префигуративной культуры. От него никуда не уйдешь. Это так, но какова судьба самой префигуративной культуры? В контексте префигуративной культуры объясняется изменение механизма межпоколенческого взаимодействия, вызванного цифровой революцией. Но в процессе дальнейшей цифровизации цифровой разрыв между поколениями неуклонно сокращается. Означает ли это, что исчерпываются возможности самой префигуративной культуры, сформированной в ходе революции и исчезающей вместе с её проникновением в структуры повседневности?

Список литературы

1. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994. С. 481–496.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Наука, 1998. 429 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Собрание сочинений. Т. 3. С. 36–37.
5. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
6. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
7. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 148–156.
8. Кутырев В.А. Философия постмодернизма: Научно-образовательное пособие для магистров и аспирантов гуманитарных специальностей. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. 95 с.
9. Абельяр Петр. История моих бедствий. М.: ИФ РАН, 2011. 125 с.
10. Пугач В.Ф. Возраст преподавателей в российских вузах: в чем проблема // Высшее образование в России. 2017. №208 (1). С. 47–53.
11. Рудаков В.Н. Различия в положении профессорско-преподавательского состава по возрастным группам. Мониторинг экономики образования. Вып. 13. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/data/2020/12/03/1354616421/release_13_2020.pdf
12. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
13. Макаренко А.Н., Смышляева Л.Г., Минаев Н.Н., Замятина О.М. Цифровые горизонты развития педагогического образования // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 6. С. 113–121.
14. Бекарев А.М., Пак Г.С. Выбирая между эпистемой и доксой // Socio Time / Социальное время. 2019. Т. 18. № 2. С. 24–37.
15. Бекарев А.М., Пак Г.С. Взгляд в будущее с позиций цифровой современности // Четвертые гуманитарные Губкинские чтения: «Глобальные риски цифровой эпохи и образы будущего». Российский университет нефти и газа им. И.М. Губкина, 2019. С. 18–30.
16. Гордова Т.В., Дронов В.Н., Куприянова М.В. Совершенствование системы образования в условиях внедрения цифровой экономики // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21. № 3–4 (103–104). С. 176–182.
17. Тьюринг А. Может ли машина мыслить. М.: Госуд. изд-во физ.-мат. лит-ры, 1960. С. 12–38.
18. URL: <https://sintetikin.net/blog/apple-ecosystem> (дата обращения: 22.09.2021).
19. Howe N.; Strauss W. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow & Company, 1991. 387 p.
20. Амельник Н. Цифровое развитие России отстает от мирового на 5–8 лет [Электронный ресурс]. URL: hightech.fm/2016/06/10/digitalization_russ (дата обращения: 22.09.2021).
21. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–356.
22. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. 787 с.
23. Семенова Е.В. Дистанционная система обучения как современное направление развития при подготовке специалистов фармацевтического профиля // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 1. С. 33–35.
24. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 55. С. 44–54.

DIGITAL COMPETENCE AND TEACHER AGE IN A PRE-FIGURATIVE CULTURE**A.M. Bekarev, G.S. Pak**

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Our approach does not involve an objective analysis of the functioning of an educational institution by an external observer, but rather an inside view, an interpretation of everyday teaching practices. One indicator of a department's performance is the average age of its staff. Age indicators are essential because in the context of a prefigurative culture, which characterises the state of modern society, belonging to a generation is decisive. Prefigurative culture reveals the dependence of digital competence on belonging to a generation. The key idea of prefigurative culture is that older people are forced to learn from younger ones. This is, firstly. Secondly, teachers are significantly older than the economically active population.

The aim of this paper is therefore to investigate the relationship between the age of teachers and their digital competence. If age is an objective characteristic of an individual, what sociologists call prescribed, digital competence is acquired, the result of social interaction. Age is an «atomic» (individual) property, while competence occurs at a "molecular level" (group level). A study of the sources on the problem showed the absence of a direct correlation between digital competence and age. Consequently, it is hypothesized that teachers' skills in using information technology are determined not only by age, but also by the success or failure of intergenerational communication. Specific sociological research is needed to prove the hypothesis.

Keywords: digital literacy, digital competence, digital divide, digital citizenship, age, generation, pre-figurative culture.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2022_1_82

РЕСУРСНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2022 г.

А.В. Ермилова, Д.В. Захаров

Ермилова Анна Вячеславовна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ermilova.75@bk.ru

Захаров Дмитрий Валерьевич, магистрант кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zdvcorp@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 14.10.2021**Статья принята к публикации 28.01.2022*

Рассматривается вопрос ресурсности пожилых людей в современном российском обществе, значимость которого еще в большей степени возросла в связи с разработкой концепции активного долголетия в РФ. Описание проблемы ресурсной обеспеченности пожилых людей в большей степени производится с опорой на следующий подход: индивид как элемент социальной системы, которая, в свою очередь, определяет ресурсность каждого из нас и способы ее использования. Выявляются ресурсы старшей возрастной категории, представленные следующими видами актуализации – ресурсный потенциал, реальный ресурс-актив, ресурсный капитал. Показана особенность ресурсного подхода, а именно многоаспектность анализа функционирования данной возрастной группы на уровне больших и малых социальных групп, на уровне индивидуального и общественного сознания, на уровне социальных институтов и систем. Анализируется соотношение видов ресурсов пожилых с латентной и фактической направленностью ресурсности.

Ключевые слова: пенсионеры, ресурсы, пенсионная реформа, уровни ресурсности.

Введение

Конструирование нового социального пространства современной России, осуществленное в результате реформирования пенсионной системы в 2018 г., естественно, не могло не отразиться на жизнедеятельности населения. Лица старших возрастных групп, которые еще до пенсионного реформирования считались пожилыми людьми, трансформировались в трудовой ресурс, который должен обладать физическими и интеллектуальными способностями, необходимыми для участия в трудовой деятельности наравне с представителями иных возрастных групп. При этом в условиях модернизирующегося общества, в частности сферы трудовых отношений, нужна высококвалифицированная рабочая сила с новыми, ценными для социума ресурсами, обеспечивающими интеграцию рабочей силы в рынок труда. Однако в условиях высоких технологий накопленные пожилыми работниками ресурсы могут оказаться невостребованными, что может способствовать аккумуляции старших возрастных групп на периферии рынка труда. Естественно, проблемы на рынке труда могут быть связаны и с возрастными изменениями пожилой категории, в частности с понижением скорости реакции, с ухудшением состояния здоровья, с непереносимостью

физических нагрузок, со снижением адаптивных возможностей, что в целом может негативно отражаться на работоспособности стареющего человека. Данное обстоятельство актуализирует проблему ресурсности старших возрастных групп во всех сферах жизнедеятельности человека.

Проблема ресурсности неразрывно связана с концепцией политики активного долголетия в России. Впервые понятие «активное долголетие» прозвучало в 2002 г. на Всемирной мадридской ассамблее по проблемам старения [1]. Впоследствии было активно использовано при формировании единой концепции долголетия, представленной в 2020 г. на XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества [2].

При рассмотрении приоритетных задач концепции, а именно: здоровье граждан старшего поколения, обеспеченность и достойная жизнь в старшем возрасте, активность и участие в жизни общества – мы полагаем уделить особое внимание ресурсному подходу. В связи с тем, что дискурс по данной проблематике был открыт на высшем уровне государственной власти, а именно вице-премьером правительства Т.А. Голиковой, и обозначены временные рамки разработки концепции на период до 2034 г., это придает дополнительный импульс эвристичности

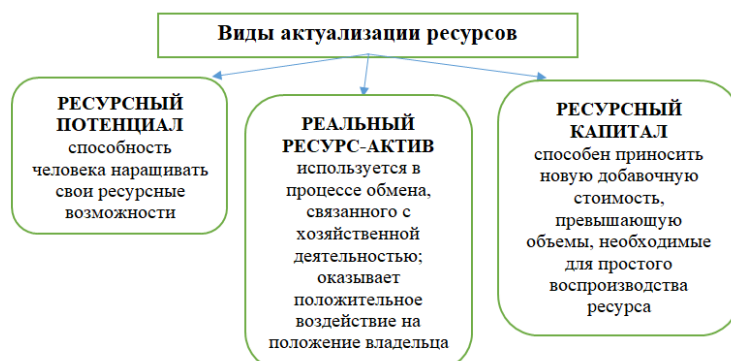

Рис. 1. Виды актуализации ресурсов

изучения ресурсности пожилых людей в современном российском обществе, особенно после проведенной пенсионной реформы.

Проблема ресурсности населения волновала целую плеяду зарубежных и отечественных исследователей, внесших вклад в разработку теории стратификации (Р. Коллинз [3]), теории постиндустриального и информационного общества (У. Бек [4], Д. Белл [5]). Отечественными представителями ресурсного подхода в социологии являются В.В. Радаев [6], проанализировавший процесс конвертации ресурсов в различные формы капитала; Т.Н. Заславская [7], разработавшая ресурсно-потенциальную концепцию; В.А. Ядов [8] и З.Х. Саралиева [9], исследовавшие ресурсность современной семьи.

Описание проблемы ресурсной обеспеченности в научно-исследовательской литературе проведено с опорой на два основных подхода в социологии:

- индивид как элемент социальной системы, которая и определяет ресурсность каждого из нас и способы их использования;
- индивид как субъект, накапливающий и применяющий самостоятельно свои ресурсы для достижения целей.

Преобладающим в русле анализа жизнедеятельности пожилых людей является первый подход, подчеркивающий обусловленное положение индивидуумов в социальном пространстве (зависимость от системы). Следует обратить внимание, что с увеличением возраста для значительной части российского социума в большей степени характерно зависимое положение как от государства, от системы социального обслуживания, так и непосредственно от самой семьи, в которой проживает пожилой человек. Именно эти социальные институты во многом определяют ресурсный потенциал представителей старшего поколения. Прежде всего пенсионное обеспечение и накопленные до выхода на заслуженный отдых финансовые средства могут дать возможность пожилому человеку почувствовать себя субъектом интеракций, свободно использующим свой ресурсный капитал.

Исследователь Н.Е. Тихонова выявила ресурсы, представленные следующими видами актуализации [10, с. 218] (рис. 1).

Необходимо понимать важность ресурсной актуализации, так как благополучие представителей старшей возрастной группы напрямую зависит от того, насколько ресурс индивида перешел в статус актива, что связано с возможностью его использования. В основе преобразования ресурса в актив лежат следующие критерии:

- ресурс должен быть востребован на соответствующем рынке;
- накопленный «товарный» объем ресурса должен давать экономический эффект [10, с. 218].

С опорой на специфику преобразования ресурса в актив актуализируется вопрос, связанный с наличием различных видов ресурсов у старшей возрастной категории, что является *целью научной статьи*. А именно, нас интересует вопрос наличия у пожилых людей ресурсного капитала, реального ресурса-актива и ресурсного потенциала.

Для определения всей совокупности ресурсов считаем возможным использовать трактовку понятия ресурсности, предложенную д.соц.н. Е.В. Митягиной: «Ресурсность – это характеристика, предполагающая соотношение наличия и размеров использования имеющихся у акторов ресурсов с различной степенью их актуализированности в виде «потенциалов», «активов», «капиталов», которые конвертируются в различные виды продуктивной деятельности. Ресурсность – это мера перспективности реализации возможностей субъекта» [11, с. 97]. Ресурсность является важной составляющей жизнедеятельности личности, на основе которой возможно описать специфику функционирования социальной группы, в том числе и лиц пожилого возраста, что является перспективной целью дальнейшего эмпирического исследования, результаты которого будут отражены в следующей статье.

В чем же состоит эвристичность изучения ресурсности представителей старшей возрастной группы?

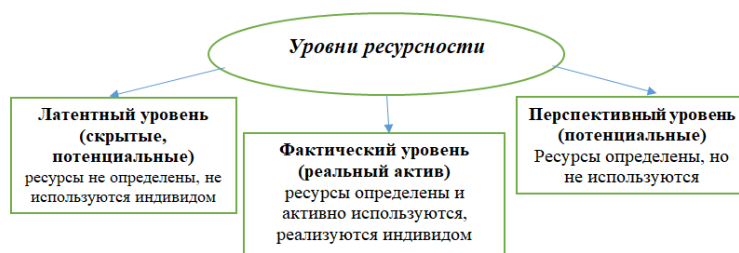

Рис. 2. Уровни ресурсности

– Ресурсность пожилых людей может рассматриваться как на уровне одного индивидуума, так и на уровне социальной группы, что позволяет описать социальное положение и возможности данной категории населения.

– Ресурсность является в той или иной мере стабильной характеристикой, с одной стороны, так как аккумуляция ресурсов является длительным процессом, при этом в течение всей своей жизни субъект пользуется реальными ресурсами-активами. С другой – на протяжении всего этапа накопления ресурсов набор ресурсных активов может меняться, одни ресурсы исчерпывают себя, другими человек начинает пользоваться, в иные инвестирует, что говорит об изменчивости такой характеристики, как ресурсность.

– Выявление латентных ресурсов пожилых людей даст возможность вскрыть ресурсные резервы третьего поколения, что может позитивным образом отразиться на дальнейшей их жизнедеятельности и ближайшего окружения.

– Ресурсный подход применим ко всем категориям пожилых людей, при этом характеризует не только трудовые отношения, в которые интегрированы представители старшего поколения, но иные сферы жизнедеятельности – семью, досуг, а также особенности потребления, здоровье, ценностные ориентиры.

– Ресурсный подход позволяет проследить особенности межпоколенного взаимодействия, обосновать специфику и проблемы коммуникации, перцепции и интеракции в таких направлениях, как «отцы – дети», «прародители – внуки».

Следовательно, особенностью ресурсного подхода к жизнедеятельности представителей старшего поколения является многоаспектность анализа функционирования пожилых людей на уровне малых и больших социальных групп, индивидуального и общественного сознания, социальных институтов и социальных систем.

Перспективность реализации себя как активного субъекта интеракции в современном социуме увеличится только в том случае, если представители старшего поколения будут осознавать важность наращивания своих ресурсных возможностей, а именно ресурсного потен-

циала, либо сохранности ресурсного капитала и ресурсов-активов до конца своей жизнедеятельности. В этом случае следует учитывать разнообразие уровней ресурсности: латентного, перспективного и фактического [11, с. 97–98] (см. рис. 2).

В силу возрастных особенностей представители старших возрастных групп в большей степени рассчитывают и пользуются реальными ресурсами-активами, к которым в перспективе мы можем отнести и ресурсный капитал. Однако не определенные, не актуализированные пожилыми людьми ресурсы (латентный уровень ресурсности) могут являться барьером их благополучного существования в современном социуме. В связи с этим мы попробуем выявить виды ресурсов пожилых людей с опорой на классификацию ресурсов д.соц.н. Е.В. Митягиной [11, с. 104–105] (квалификационный, экономический, властный, социальный, личностный, биологический, ценностный, информационно-инновационный ресурсы) и сопоставить их с латентным и фактическим уровнем ресурсности (рис. 3).

Следует указать, что некоторые виды ресурсов представителей старшей возрастной группы, по нашему мнению, могут одновременно иметь латентную и фактическую природу существования, в частности экономический, властный, квалификационный, информационно-инновационный, социальный ресурсы; биологический и ценностный ресурсы имеют отношение только к фактическому ресурсу-активу. Так, например, ценностный ресурс связан уже со сложившимися смыслообразующими ценностями пожилых людей, среди которых преобладают здоровье, семья, материальная обеспеченность [12], значимость которых может возрастать в зависимости от увеличения возраста представителей старшей возрастной группы, что обусловлено зависимым положением от своих родственников и социально-медицинских учреждений в результате ухудшения состояния здоровья, наличия тяжелых, хронических заболеваний. Нужно иметь в виду, что латентные ресурсы при благоприятных условиях трансформируются в фактические ресурсы-активы. Субъектами, оказывающими помощь в этой

Рис. 3. Соотношение видов ресурсов

трансформации, могут выступать специалисты, в частности социальные работники.

Несмотря на то что в пенсионном возрасте ценность такого ресурса, как труд, должна снижаться, мы можем наблюдать обратный эффект – повышение значимости трудовой деятельности в пенсионном возрасте [13]. Мы можем утверждать, что у значительной части людей пенсионного возраста, не занятого в сфере трудовых отношений, экономический ресурс является слабовыраженным в связи с низким уровнем пенсионного обеспечения. По словам 19 опрошенных пенсионеров (интервьюирование), интегрированных в рынок труда, работа может являться залогом удовлетворительного состояния здоровья, обеспечения необходимыми лекарствами («Нет денег – нет здоровья»). В связи с этим актуализируется биологический ресурс, а именно здоровье, которое во многом определяет трудоспособность населения и материальную обеспеченность. Однако не только хорошее состояние здоровья, но и соответствующий уровень образования и высокий уровень квалификации определяют сохранность рабочего места и его статуса.

Необходимо учитывать и следующую особенность старших возрастных групп – характерную для них коллективистскую форму сознания, сложившуюся еще в эпоху патернализма, и отсутствие индивидуалистических форм осознания бытия, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на ценностные установки дан-

ной категории населения. Трансформационные процессы в нашей стране, происходящие на протяжении последних 30 лет, интегрировали старшее поколение в процесс социальной аномии, когда коллективистские ценности уже практически перестали работать, а новые «индивидуалистические» им могут быть не восприняты, что, естественно, негативным образом может сказываться на их ресурсном потенциале.

Проявление властного ресурса у пожилых людей в большей степени обнаруживается в семье и в сфере трудовых отношений, однако его значимость снижается по некоторым причинам:

- представители старших возрастных групп после выхода на пенсию довольно часто занимают низкоквалифицированные рабочие места, что не дает им возможности оказывать влияние на принятие решений в организации и отстаивать свои интересы. Перспективы служебного роста представителей старшего поколения тоже находятся на низком уровне, даже несмотря на высокий уровень квалификации, что в лучшем случае позволяет им сохранить свое место в трудовом коллективе на неопределенное время;

- для современного российского общества характерна высокая степень вертикальной мобильности (молодой человек может спокойно завоевать более статусное социальное положение по сравнению со своими старшими родственниками), которая провоцирует молодое поколение к осознанному разрыву с постфигура-

тивной моделью взаимодействия. В результате на смену постфигуративному взаимодействию приходит моделирование своего поведения на основе действий современников (кофигурация), дети перенимают более удачный опыт современников-сверстников (подростков) или опыт отцов/матерей [14, с. 164]. Результатом является снижение способности и возможности отстаивать свои интересы в ходе взаимодействия пожилых людей со своими родственниками.

Для части пожилых людей, проживающих в современном российском обществе, может быть характерна смена их социальных установок, что естественным образом обновляет их социальные ресурсы. Некоторые из них предстают перед нами и как активный субъект, обладающий внутренней готовностью к целенаправленному взаимодействию с внешней средой. С каждым годом, как было отмечено выше, увеличивается количество пенсионеров, занятых трудовой деятельностью, что может быть связано, с одной стороны, с низким уровнем их социально-экономического положения, с другой – с их активной жизненной позицией, желанием как можно дольше оставаться востребованной личностью в трудовой сфере, страхом впасть в депрессию из-за ощущения собственной ненужности [15, с. 93]. Исследователи И.Л. Сизова и И.А. Григорьева указывают, что занятость пенсионеров в РФ имеет специфический характер:

- большая доступность работы в мегаполисах и возможность продолжать ее на своем рабочем месте в больших городах;
- пенсионеры работают либо по призванию (например, преподаватели вузов), либо в силу необходимости обеспечивать себя материально в связи с низким уровнем пенсионного обеспечения, либо в силу инерции и невозможности чем-то еще занять свое время;
- женщины сохраняют возможность трудиться более длительное время (практически до 80 лет);
- женская занятость имеет в большей степени полярную направленность: с одной стороны, пенсионерки заняты преимущественно в сферах образования и здравоохранения (учителя, педагоги, врачи, медсестры) – добровольная занятость, а с другой – работают сторожами, консьержками, дворниками, уборщицами – вынужденная занятость;
- препятствием к продолжению занятости может быть малое количество рабочих мест в провинции, которые пожилые люди уступают молодежи, считая, что это их долг [16, с. 14].

Стоит подчеркнуть, что субъектность пожилых людей в последнее время распространяется и на сферу общественно-политических отноше-

ний, на сферу культуры, досуга и образования. Усиление активизации пожилых людей, очевидно, сопряжено с желанием наверстать свои упущенные в советский период развития страны возможности, так как сфера семейного досуга того времени практически не была развита в той мере, в которой она предстает перед нами сейчас (аквапарки, развлекательные центры, ФОКи) [14, с. 163–164]. В силу сложившихся обстоятельств представители старшего поколения могут интегрироваться, например, в сферу физической культуры и спорта [17, с. 328], в том числе самостоятельно занимаясь скандинавской ходьбой на свежем воздухе и другими видами активности, что благоприятно отражается на их биологическом ресурсе.

Особое внимание следует уделить информационно-инновационному ресурсу, значимость которого значительно возросла в постиндустриальную эпоху. Знания и информация – это ключевые составляющие ресурсности современного человека. Однако важно осознать проблему качества и объема накопленной пожилыми людьми информации, которая может быть неактуальной для модернизированного общества. Пожилых людей как социальную группу, по нашему мнению, отличает информационный голод. В современном постиндустриальном обществе наиболее значимыми являются именно информационные ресурсы, на что в свое время указывал Д. Белл: «Информация и теоретические знания – это стратегические ресурсы постиндустриального общества» [18, с. 330]. Именно дефицит информационного ресурса может трансформировать старшее поколение в низкоресурсную категорию населения, что, в свою очередь, усугубляется модернизацией промышленной сферы, в результате чего профессиональный опыт пенсионеров теряет свою значимость. Приоритет информационных ресурсов в современном обществе ставит пожилых работников в невыгодное положение в сфере занятости населения, в результате чего они остаются, как правило, в низкоквалифицированных сферах деятельности. Как отмечают представители рекрутинговых компаний, работодатели охотно берут пенсионеров на массовые вакансии – уборщиков, охранников, телефонных операторов, работников склада [19]. Следовательно, лица среднего и предпенсионного возрастов должны осознавать необходимость наращивания информационного ресурса в ходе стратегического планирования дальнейшей жизнедеятельности, в том числе и после выхода на пенсию. Именно образование, по мнению Г. Беккера, является самой долговременной инвестицией для всех представителей современного об-

щества [20], что может способствовать безболезненной смене статусов.

Старшее поколение в большей степени может рассчитывать только на экономические (накопленные материальные ценности), социальные (в частности, взаимодействие в семье) и биологический (здоровье) ресурсы, дефицит которых тоже может проявляться в той или иной степени.

Следовательно, в современных условиях существования пожилой категории населения может формироваться эффект «отрицательной ресурсности», который связан:

- с невозможностью использования ресурсов в результате их не востребоваемости в социуме;
- с низким уровнем возможностей накопления новых, ценных ресурсов. С увеличением возраста данная тенденция усиливается.

Итак, активность пожилых людей направлена главным образом на сохранение, удержание своей ресурсности и в меньшей степени ориентирована на ее обогащение. Пожилым людям прежде всего следует обратить внимание на недооцененный ими информационно-инновационный ресурс, значимость которого возросла на современном этапе развития постиндустриального общества. Очень важно еще до выхода на пенсию максимально нарастить квалификационный ресурс, проходя курсы переподготовки, повышения квалификации, что поможет в случае необходимости активизироваться в сфере трудовых отношений и обеспечить себе рациональный уровень дохода. Пожилым людям еще до наступления пенсионного возраста необходимо осознать важность стратегического подхода к планированию будущей старости, в основе которого лежит своевременный и полноценный анализ ресурсности, являющийся одним из важнейших элементов современного стратегического анализа. Без стратегического подхода невозможно следовать концепции активного долголетия. При иных обстоятельствах ресурсный дефицит может трансформировать индивида в клиента социальной работы. Преследуя прямую выгоду от реализации данного подхода как для общества, так и для конкретного пожилого человека, следует озаботиться созданием модели современного стратегического анализа жизнедеятельности человека в качестве инструмента в реализации концепции активного долголетия.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «Старикам везде у нас почет»? Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

Список литературы

1. Доклад Второй Всемирной ассамблеи по проблемам старения. Мадрид, 12 апреля 2002 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unece.org/>

fileadmin/DAM/pau/age/mica2002/documents/MIPAA_RU.pdf (дата обращения: 14.03.2021).

2. XXI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://conf.hse.ru/2020/> (дата обращения: 14.09.2021).

3. Коллинз Р. Стратификация сквозь призму теории конфликта // Общая социология: Хрестоматия / Сост. А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин. М.: Высш. шк., 2006. С. 426–443.

4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

5. Белл Д. Грядущие постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004. 783 с.

6. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4 (сентябрь). С. 20–32.

7. Заславская Т.Н. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 398 с.

8. Ядов В.А. Семейный ресурс: [семья в системе ценностей современного общества] // Знание–сила. 2003. № 1. С. 16–21.

9. Саралиева З.Х. Семья – клиент социальной работы: Учебное пособие. Н. Новгород: ННГУ, 2003. 287 с.

10. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007.

11. Митягина Е.В. Ресурсность рабочих в условиях «двойной» модернизации: Дис. ... док. соц. наук. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2014.

12. Зенина О.Н. К вопросу исследования ценностных ориентаций пожилого человека // Евразийский Союз Ученых ЕСУ. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-issledovaniya-tsennostnyh-orientatsiy-lichnosti-pozhilogo-cheloveka/viewer> (дата обращения: 14.09.2021).

13. Когда пенсионеры идут на работу [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/01/810172-pensioneri-rabotu> (дата обращения: 14.03.2021).

14. Ермилова А.В. Бифуркации внутрисемейного взаимодействия // Семейная экосистема человека: Монография / З.Х. Саралиева, Г.Л. Воронин, С.А. Судбин [и др.]. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. С. 225.

15. Ермилова А.В. Трудовая деятельность пожилых людей как вид социальной активности: региональные практики «помоги себе сам»/«помогите выжить» // Материалы Всероссийской науч.-практ. конференции «Практики заботы в современном обществе». Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2017. С. 93–99.

16. Григорьева И.А. и др. Старения больше не будет: Монография / И.А. Григорьева, И.Л. Сизова, Л.А. Видясова и др. СПб.: Астерион, 2018. 136 с.

17. Сударики А.А., Ермилова А.В. Сфера физической культуры и спорта как способ активизации пожилых людей: региональная специфика // Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития. XXI Уральские социологические чтения: Материалы Международной научно-

практической конференции (Екатеринбург, 2018 г.). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. С. 326–330.

18. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.

19. «Найти работу очень сложно»: где ждут пенсионеров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://>

www.gazeta.ru/business/2019/11/18/12819056.shtml (дата обращения: 16.09.2021).

20. Теория «человеческого капитала» Т. Шульца и Г. Беккера: образование – «великий уравниватель» или «великое сито»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://economy.ru.com/ekonomicheskikh-uchenyi-istoriya/teoriya-chelovecheskogo-kapitala-shultsa-71829.html> (дата обращения: 20.09.2021).

RESOURCEFULNESS OF THE ELDERLY: A THEORETICAL ASPECT

A.V. Ermilova, D.V. Zakharov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The paper deals with the issue of resource endowment of the elderly in modern Russian society, the importance of which has increased even more in connection with the development of the concept of active longevity in the Russian Federation. The description of the problem of resource endowment of the elderly is largely based on the following approach: the individual as an element of the social system, which, in its turn, determines the resource endowment of each of us and the ways of their use. The resources of the older age category, represented by the following types of actualization - resource potential, real resource-asset, resource capital, are revealed. The peculiarity of the resource approach is shown, namely, the multidimensionality of the analysis of functioning of this age group at the level of large and small social groups, at the level of individual and public consciousness, at the level of social institutions and systems. The correlation of types of resources of the elderly with latent and actual orientation of resourcefulness is analyzed.

Keywords: pensioners, resources, pension reform, levels of resources.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2022_1_89

ПРАКТИКИ САМООРГАНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЯН СТАРШЕГО ВОЗРАСТА КАК РАСШИРЯЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ («EMPOWERMENT») ТЕХНОЛОГИИ

© 2022 г.

Т.С. Киенко, М.В. Певная, Н.А. Птицына

Киенко Татьяна Сергеевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры социальных технологий
Института философии и социально-политических наук
Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
tskienko@sfedu.ru

Певная Мария Владимировна, д.соц.н.; доц.; заведующий кафедрой социологии
и технологий государственного и муниципального управления
Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
m.v.pevnaya@urfu.ru

Птицына Наталья Алексеевна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры социологии,
социальной работы и управления персоналом Института социально-экономических наук
Ивановского государственного университета
napticyna@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 8.12.2021
Статья принята к публикации 28.01.2022*

В условиях рисков COVID-19 люди старшего возраста стали объектами особой «заботы» и ограничений, столкнулись с обострением социальных проблем, проявлениями эксклюзии. В то же время ответом на вызовы COVID-19 стал рост социальной солидарности, самоорганизации и взаимопомощи. Возрос интерес к жизни и проблемам людей старших возрастов. В рамках общественных организаций, жилищных товариществ, самоорганизующихся сообществ и индивидуальных инициатив в российских регионах стали развиваться практики самоорганизации и общественные инициативы в интересах людей старшего возраста. Эти практики имеют различные цели, масштаб, условия возникновения и перспективы развития, но получили стимул к развитию вследствие пандемии. Анализ таких практик в трех российских регионах (Ростовская, Ивановская, Свердловская области) позволяет выделить ряд типичных черт. В каждом регионе мы встречаем авторские творческие инициативы; локальные практики, инициированные местными сообществами; типовые практики в рамках учреждений социального обслуживания, культуры, досуга, спорта; сетевые практики общественных организаций; гибридные совместные формы. Развитие практик подкрепляется организационной, информационной и материальной государственной и общественной поддержкой. Люди старшего возраста выступают в данных практиках не только получателями помощи, но инициаторами, активистами, «серебряными волонтерами». Анализ характера и результатов вовлечения активистов «65+» в практики самоорганизации и социальной активности свидетельствует о развитии в российских регионах технологий эмпайвэрмента («empowerment») – расширения возможностей людей старшего возраста.

Ключевые слова: люди старшего возраста; практики самоорганизации; расширение возможностей, эмпайвэрмент-технологии.

Актуальность исследования и постановка проблемы

Жизненное пространство человека сужается с возрастом в силу индивидуальных ограничений и структурных неравенств, что актуализирует задачу благополучного, активного, включенного старения [1, 2]. В России в последние годы в центре внимания социальной политики и практики находится стратегия активного долголетия [3–5] с опорой на ценности и идеи концепции активного старения («active ageing») [6–8]. Однако с приходом пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. в российских регионах введены особые ограничения и меры безопасности, существенно сократившие для людей старше

65 лет возможности физической, трудовой, социальной и прочей активности. Традиционные формы нестационарного социального обслуживания, клубной работы, культурно-досуговых, спортивно-оздоровительных, образовательных, рекреационных, туристических услуг со стороны общественного и частного секторов в той или иной степени подверглись трансформации (онлайн-, телефонный, индивидуальный формат). Меры безопасности привели к сокращению пространства и качества жизни людей старшего возраста, росту эксклюзии и возрастного неравенства, обострению «вторичных» следствий [9–11].

В то же время ответом на вызовы COVID-19 стал рост социальной солидарности, самоорга-

низации, расширились практики социальной поддержки и взаимопомощи [12]. В российских регионах в рамках общественных организаций, жилищных товариществ, самоорганизующихся сообществ и индивидуальных инициатив стали развиваться новые формы взаимодействия и поддержки людей старшего возраста, практики коммуникаций, обучения, реализации личностного потенциала, решения общих проблем и преобразования среды в процессах совместной деятельности при участии и в интересах представителей старших возрастных групп. Практики самоорганизации и расширения возможностей старшего поколения в условиях рисков COVID-19 вызывают научный и практический интерес, с одной стороны, как формы солидаризации и активизации гражданского общества в период социальных кризисов, с другой стороны, как примеры активизации и реализации потенциала людей старшего возраста. Анализ характера и результатов участия людей старшего возраста в таких практиках позволяет предположить, что в российских регионах развиваются расширяющие возможности («empowerment») технологии. В рамках данной работы поставлены следующие исследовательские вопросы. Какие практики самоорганизации и расширения возможностей людей старшего возраста существуют в российских регионах (типичные черты, общие и особенные характеристики)? Правоммерно ли рассматривать практики самоорганизации и социальной активности людей старшего возраста как расширяющие возможности («empowerment») технологии? Можно ли утверждать, что пандемия послужила стимулом к развитию новых практик?

Методы и материалы

В 2021 г. в рамках проекта № 21-011-31683 «Новые практики самоорганизации и общественные инициативы расширения возможностей людей пожилого возраста в российских регионах» при поддержке РФФИ и ЭИСИ в Ростовской, Свердловской и Ивановской областях изучался опыт самоорганизации и реализации общественных инициатив лидерами и активистами старше 65 лет. Целью проекта являлся анализ и концептуализация практик самоорганизации и общественных инициатив расширения возможностей людей старше 65 лет в российских регионах как технологий стимулирования их социальной активности, субъектности, агентности. Основным инструментом исследования выступал метод полуструктурированного интервью, включающего два блока. В рамках первого блока предполагалось изучить практи-

ки самоорганизации и расширения возможностей людей старшего возраста (истории возникновения и развития, содержание и направления работы, формы участия активистов «65+», проблемы и трансформации в период пандемии). В рамках второго блока интервью происходило глубокое знакомство с лидерами и активистами «65+» (цели, мотивы и факторы вовлечения в практики, формы активности, роли и статусы, характеристики социального портрета, бонусы от участия, социально-личностные трансформации в процессе участия).

Целевая квотная выборка предполагала отбор в каждом из трех регионов не менее 10 информантов и описание не менее 10 практик. Поиск пожилых активистов велся среди представителей общественных организаций, соседских и дружеских сообществ, жилищных товариществ и органов территориального самоуправления, активистов сетевых и типовых практик активности, творчества, добровольчества. В качестве информантов приглашались инициативные граждане в возрасте старше 65. Для обеспечения квотной выборки применялись ключевые критерии: 1) возраст старше 65 лет, 2) участие в любых формах активности в сообществах всех форм, масштабов, направленности, способов организации. В ходе первых интервью был применен метод «снежного кома», параллельно использовались открытые ресурсы Интернета, в т.ч. сайты, группы сетевых сообществ, отчеты и релизы, содержащие информацию о результатах активности пожилых людей в регионах в 2020–2021 гг. для выявления лидеров и участников практик самоорганизации и активности, знакомства с их деятельностью и поиска контактов для предварительных переговоров и приглашения к исследованию. В период с июня по декабрь 2021 г. при участии авторов, а также студентов ЮФУ, УрФУ и ИГУ проведены 59 интервью (из них 24 в Ростовской области, 23 в Свердловской, 12 в Ивановской), описана 51 практика (из них 20 в Ростовской области, 20 в Свердловской, 11 в Ивановской). Продолжительность интервью составляла от 30 до 180 минут, среднее время интервью около 60 минут. При планировании исследования были учтены требования и нормы исследовательской этики, российского и европейского законодательства в области защиты персональных данных.

Практики самоорганизации и расширения возможностей людей старшего возраста в российских регионах

В ходе исследования в трех российских регионах выявлены практики самоорганизации и социальной активности людей старшего возраста

та, отличающиеся по целям, содержанию, масштабу распространения. Условно можно выделить следующие основные типы: авторские творческие инициативы; сетевые практики общественных организаций; локальные практики, инициированные местными сообществами; типовые практики, реализуемые учреждениями социального обслуживания населения, культуры, досуга, спорта; гибридные формы партнерства государственного, частного и некоммерческого секторов, складывающиеся на основе интеграции усилий и ресурсов субъектов.

Рассмотрим примеры практик, отнесенных к типу уникальных творческих инициатив, в рамках которых люди старшего возраста (персонально или в командах) осуществляют реализацию своих социальных, творческих и профессиональных интересов на основе личной мотивации.

Сообщество «Активное долголетие», поселок Каменоломни, Ростовская область. Сообщество «Активное долголетие» появилось в 2015 г. в поселке Каменоломни Ростовской области. Инициатор практики вышла на пенсию и решила заняться укреплением своего здоровья. Каждый день приходила заниматься на местную спортплощадку, вскоре к ней начали присоединяться другие жители поселка. К 2017 г. сообщество составило 30 человек и закрепило свой статус как общественная организация, которая пропагандирует здоровый образ жизни, правильное питание и продвигает позитивный образ активной старости. В 2021 г., невзирая на локдаун, география расширяется: в организацию вливаются участники из окрестных населенных пунктов. В состав сообщества в регионе входят 70 пенсионеров, регулярно занимающихся оздоровительными практиками (скандинавская ходьба, плавание, гимнастика в малых группах), и более 300 активных участников культурно-досуговых и оздоровительных проектов и акций. Деятельность сообщества поддерживают грантодатели, местные депутаты, социальные партнеры.

Театральная студия «Новый старт». г. Екатеринбург, Свердловская область. Театральная студия «Новый старт» появилась 5 лет назад по инициативе некоммерческой организации Свердловской области регионального добровольческого движения «Дорогами Добра». В театральной студии занимаются около 30 пожилых артистов: проходят кастинги, посещают уроки актерского мастерства, репетиции, организуют спектакли, создают костюмы и декорации, ведут социальные сети. Труппа выступает в учреждениях социального обслуживания, образовательных и медицинских учреждениях, домах культуры, музеях, библиотеках. Пожилые

актеры театра активно участвуют в добровольческих проектах. В условиях пандемии люди старшего возраста начали осваивать просторы виртуального пространства и коммуникативные технологии: появились видеозаписи репетиций и театральных постановок, дистанционные встречи театралов. «Серебряные волонтеры» театральной студии активно включились в реализацию проектов помощи нуждающимся, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Телевизионная программа «Третий возраст», г. Ростов-на-Дону, Ростовская область. В Ростовской области с 2018 г. на региональном канале «ДОН-24» еженедельно выходит телевизионная программа «Третий возраст». Телепередачу смотрят сотни тысяч зрителей, а готовят к выходу в эфир всего три человека: ведущая (она же автор программы, профессиональный журналист), оператор и монтажер. Основной целью телепрограммы является популяризация культуры старения и активного долголетия; среди героев передачи – эксперты в области продуктивного старения, активисты «серебряного возраста». Идея создания телепрограммы возникла, когда автор оказалась на пороге «третьего» возраста и располагала солидным профессиональным и социальным опытом. На региональном канале сочли предложение актуальным и социально значимым, передача стартовала в телеэфире.

Второй тип функционирующих в трех регионах практик самоорганизации и социальной активности людей старшего возраста – сетевые практики, реализующие типовые, адаптированные к местным сообществам формы поддержки через общественные организации. В числе субъектов обнаруживаются «крупные игроки», поддерживаемые законодательной и исполнительной властью, такие как советы ветеранов, советы и союзы пенсионеров, союзы афганцев, ветеранов боевых действий, профессиональные сообщества, а также общественные организации, реализующие национально-культурные («Хесед Шолом Бер», «Менора»), религиозные (РПЦ), социально ориентированные задачи (Благотворительный фонд «Старость в радость», «Красный Крест»).

Городской совет ветеранов, г. Иваново, Ивановская область. В каждом регионе России действуют советы ветеранов, которые, опираясь на поддержку органов власти на региональном и местном уровнях, помогают людям старшего возраста силами активистов-ровесников. Совет ветеранов Иваново организует консультации по вопросам получения мер социальной поддержки; взаимодействует с университетом третьего возраста и Ивановским комплексным центром

социального обслуживания населения по вопросам геронтообразования (обучение финансовой и компьютерной грамотности, здоровому образу жизни), организации досуга пожилых людей (экскурсии, литературные вечера). Совет ветеранов занимается патриотическим воспитанием молодежи и наставничеством, реализует экологические и добровольческие проекты. Деятельность совета базируется на принципах взаимопомощи и самопомощи, все векторы работы иницируют и курируют пожилые активисты, имеющие опыт комсомольской, партийной и профсоюзной работы.

Еврейский центр «Менора», г. Екатеринбург, Свердловская область. С 2018 г. в некоммерческой организации «Менора» стартовала программа «Call-центр», в реализации которой на добровольных началах участвуют от 12 до 20 человек пенсионного возраста. Консультанты регулярно общаются по телефону с людьми, перешагнувшими порог восьмидесятилетия: рассказывают о жизни сообщества, проводят тематические и профилактические беседы (о риске мошенничества, о профилактике возрастных заболеваний). Данная практика возникла как отклик на сетевую международную инициативу, которую поддержали и адаптировали к местным условиям инициативные пожилые люди, тесно взаимодействующие с профессиональными психологами и социальными работниками. Пожилые волонтеры два раза в месяц проходят супервизию, принимают участие в других проектах организации, активно вовлекают в добровольчество своих ровесников из числа друзей и знакомых. В период жесткого локдауна проект продолжал функционировать. Консультанты, освоив новые технологии, проводили тематические встречи и супервизию в формате онлайн.

Третий тип практик, активизирующих деятельность и коммуникации людей старшего возраста, – инициативы локальных сообществ, направленные на совместное решение задач благоустройства территорий, организации отдыха, коммуникаций. К числу таких объединений можно отнести сообщества бывших одноклассников или сослуживцев, деятельность органов территориального самоуправления (КТОС и ОТОС), формы локальной соседской помощи.

Коллегиальный орган территориального общественного самоуправления (КТОС) хутора Погорелов, Белокалитвинский район, Ростовская область. В хуторе Погорелов проживают около 400 жителей, значительную долю которых составляют пожилые люди. Более 20 лет на территории хутора действует КТОС. В целях улучшения экономического положения хуто-

ряне развивают культурный туризм, уделяя особое внимание сохранению народных промыслов, традиций казачества, истории края со времен «Слова о полку Игореве». Ежегодно организуются Каяльские чтения, в подготовке и проведении которых пожилые люди принимают активное участие: во время костюмированных праздников рассказывают об истории родного края, угощают гостей блюдами домашней кухни, исполняют народные песни. Молодежь заботится о пожилых хуторянах, оказывает им помощь, например в обустройстве быта. Многие дела межпоколенческая команда хуторян старается делать сообща.

Практика дружеской поддержки бывших одноклассников, поселок Приморский, Ростовская область. Бывшие одноклассники из поселка Приморский, расположенного около Таганрога, почти полвека поддерживают дружеские отношения. После окончания школы одноклассники разъехались в разные города, но все это время сохраняли дружеские связи, оказывая помощь друг другу в трудных жизненных ситуациях. Например, одноклассник живет на Севере, а в селе у него остались больной брат и пожилая мать, которым постоянно оказывали помощь живущие рядом с его родственниками сельчане-одноклассники. После смерти брата они организовали похороны и подготовили к продаже дом, продолжают заботиться о матери.

Следующая группа – типовые практики творческой, досуговой, спортивной активности пожилых людей, осуществляемые в рамках учреждений социального обслуживания населения, культуры, досуга, спорта. В российских регионах реализуется широкий спектр форм активизации и коммуникаций пожилых людей: практически в каждом городе есть социальные учреждения (библиотека, отделение центра социального обслуживания или дворец культуры), в рамках которых для пожилых людей функционируют (как правило, по месту жительства) университеты третьего возраста, клубы любителей поэзии, шахматные клубы или курсы компьютерной грамотности. Такие формы работы пользуются большой популярностью у пожилых людей. Однако в условиях пандемии массовые и групповые формы работы преимущественно осуществлялись посредством применения онлайн-технологий или через общение по телефону.

Партнерские проекты Ивановского областного координационно-методического центра культуры и творчества, г. Иваново, Ивановская область. На базе Ивановского областного координационно-методического центра культуры и творчества реализуются проекты по описанию

объектов нематериального культурного наследия с привлечением пожилых людей как носителей культурных практик и технологий, а также культурно-досуговые программы (фестивали, концерты, мастер-классы, выступления хоровых коллективов, работа творческих кружков и студий, социальное образование). Партнерами ветеранов в организации работы выступают университетское сообщество, государственные и частные организации социального обслуживания, образования, культуры, спорта (от Ивановского государственного университета до «Союзмультфильма»).

Сообщество мастеров на базе любительского объединения «Таланты Волгодонска», г. Волгодонск, Ростовская область. С 1990-х гг. специалисты дома творчества и ремесел г. Волгодонска «Радуга» начали создавать банк данных народных умельцев и поддерживать их деятельность. Для поиска мастеров привлекались местные советы микрорайонов (их в Волгодонске 25), ветеранов, инвалидов и социальные работники, ведущие обслуживание на дому. Позже творческую эстафету «Радуги» принял городской дворец культуры «Октябрь», в творческие объединения включились новые участники. С 2013 г. на базе любительского объединения «Таланты Волгодонска» действует сообщество мастеров, в составе которого более 150 пожилых людей, из них около 40 – активисты творческой мастерской «Волгодончанка». Участники творческой мастерской возрождают исчезающие ремесла: женщины занимаются вязанием и ткачеством, плетением кружева, вышивкой бисером, изготовлением игрушек, мужчины – кузнечеством, плотницким и стеклодувным делом. Работа кузнецов, стеклодувов, плотников – дело весьма трудоемкое, требующее оснащения и ресурсов, процесс трудно продемонстрировать в условиях учреждений культуры (дворцов культуры, домов народного творчества) и тиражировать. Женские ремесла более мобильны, чаще представляются публично. В «доковидный» период мастера практически каждую неделю представляли свои творческие работы на культурных площадках города и области, участвовали в проведении ярмарок, выставок, фестивалей, инициированных региональными властями, НКО, творческими союзами Южного федерального округа.

Типовые практики при благоприятных условиях расширяются и становятся уникальными формами самореализации людей старшего возраста. К числу факторов, способствующих их развитию, следует отнести участие в работе специалистов социальной сферы, оказание поддержки органами власти или депутатами мест-

ных и региональных законодательных органов, наличие контактов руководства и сотрудников учреждений с фондами, общественными организациями, научными и образовательными сообществами, политическими лидерами. На основе интеграции усилий и ресурсов социальных партнеров в регионах оформляются гибридные формы сотрудничества государственного, частного и некоммерческого секторов. Рассмотрим один из примеров такого партнерства.

Проект межпоколенческого взаимодействия социального приюта с хоровым коллективом, г. Батайск, Ростовская область. В г. Батайске Ростовской области функционирует социальный приют для несовершеннолетних, в котором трудится студентка Южного федерального университета, обучающаяся по направлению подготовки «Социальная работа». По инициативе девушки и при научно-методической поддержке преподавателей кафедры социальных технологий ЮФУ установлены контакты с коллективом вокального ансамбля народной песни «Россиянка», работающим на базе Дома культуры им. Ю.А. Гагарина в г. Батайске. Примечательно, что все артисты – люди пенсионного возраста. В условиях пандемии результатом совместной работы заинтересованных сторон стало создание проекта (ноябрь – декабрь 2021 г.), в процессе реализации которого воспитанники приюта осваивали народные танцы, а затем представляли хореографические композиции под аккомпанемент участников творческого коллектива «Россиянки». Наряду с репетициями танцев участники проекта организовывали и проводили тематические беседы, стихотворные вечера, исторические викторины, интеллектуальные игры, обмены подарками. Артисты старшего возраста с удовольствием делились знаниями и личным опытом с воспитанниками приюта, оказывали им психологическую поддержку, проявляли заботу о подростках. В ходе творческого взаимодействия сторон сложилась особая система отношений – наставничество, обогатившее жизнь подростков и людей старшего возраста и позволившее в условиях пандемии расширить границы их социального и культурного пространства.

**Можно ли рассматривать
практики самоорганизации
и формы социальной активности людей
старшего возраста
как расширяющие возможности
(«empowerment») технологии?**

Эмпауэрмент (empowerment) определяется в общем виде как расширение возможностей и

активизация ресурсов личности, групп, сообществ. На индивидуальном уровне речь идет о развитии внутреннего потенциала человека в совместной деятельности с другими людьми, в том числе в процессе обучения и коммуникаций. В итоге, для человека становится возможным осуществление контроля над жизнью и развитие способности преодолевать барьеры, повышать свой статус и самооценку. На уровне групп, локальных сообществ эмпауэрмент проявляется в формах солидарной деятельности людей, направленной на решение общих задач, расширение возможностей и повышение статуса как самих сообществ, так и конкретных участников. Применительно к людям старшего возраста эмпауэрмент чаще всего обозначается как расширение возможностей в процессах взаимодействия с исследователями и профессионалами в области заботы и ухода (социальным работником, психологом, клиническим социологом, консультантом, учителем, фасилитатором).

Технологии и принципы empowerment-подхода в отношении людей старшего возраста мало изучены в отечественной социологии старения, социальной геронтологии, социальной работе. Вместе с тем зарубежный опыт предлагает интерпретировать эмпауэрмент как технологию и процесс активизации ресурсов личности или групп при поддержке профессионала, а также как технологию вовлечения людей в различные виды участия в практиках местных сообществ, гражданских объединений и движений, в экспертной деятельности [13, 14]. Большое внимание уделяется эмпауэрменту пожилых людей с ослабленным здоровьем, мало- и немобильных, зависящих от посторонней помощи, в том числе в форматах вторичной постпенсионной занятости, «серебряного» волонтерства, социокультурных практик творчества, обучения, развития, лечения, в совместных социальных проектах, в общении. Ключевая роль эмпауэрмента состоит в том, что сам пожилой человек сознательно становится активным участником, принимает решения об участии в каком-либо виде деятельности, обучения, сам выбирает формы помощи и способы их оказания, то есть выступает субъектом в отношениях с помогающим.

Процесс эмпауэрмента предполагает включенность людей в совместное обсуждение и решение социальных проблем с опорой на самоорганизацию и/или поддерживающую фасилитацию (исследователей, практиков-профессионалов, социальных менеджеров), в результате чего происходят изменения на многих уровнях — личности, групп и сообществ, социальных отношений, норм, стереотипов и пространств, то есть общества в целом.

Мы предлагаем рассматривать эмпауэрмент как социальную технологию, инструмент позитивных социальных изменений и социальной инженерии (в духе К. Поппера [15, с. 51–55; 16; 17]) и выделяем в качестве признаков технологии эмпауэрмента в социальной практике следующие характеристики:

- на уровне личности — осознанную и мотивированную включенность в социальные взаимодействия, проактивность, позицию актора (трансформирующего агента), социальные изменения (статуса, ролей, деятельности, связей и контактов), рост самооценки и компетенций, самостоятельности в выборе жизненных целей, ценностей, образа жизни в процессах участия;

- на уровне групп и сообществ — солидаризацию локальных сообществ, совместное создание или трансформацию в соответствии с целями участников социальной, духовной, пространственно-территориальной среды, ресурсов и благ, норм, ценностей и отношений, укрепление роли и статуса сообществ как трансформирующих агентов;

- позитивные изменения социальной системы при участии людей и сообществ (от осознания и критики социальных проблем, барьеров и неравенств к совместному созданию новых целей и ценностей, норм и систем, общедоступных ресурсов и благ).

В представленных практиках авторами обнаружены указанные признаки: люди старшего возраста выполняют самые разные роли (лидеры, активисты, волонтеры, консультанты, наставники, персональные неформальные помощники, культорги, артисты, сценаристы, костюмеры, учителя, спортивные тренеры) и функции (идеологи, мотиваторы, ведущие направлений, консультанты, наставники). Они имеют высокую мотивацию, связанную с общением, включенностью, развитием, обучением и самореализацией, желанием приносить пользу окружающим, региону, стране. В качестве основных результатов работы людей старшего возраста следует назвать оказание конкретной помощи нуждающимся, решение социально значимых проблем; расширение собственных компетенций, саморазвитие и самореализацию; наличие круга единомышленников, включенность; возможность преодолевать барьеры и ограничения пандемии. Отмечены желание развиваться и помогать, общаться и интегрироваться в общественную деятельность. Результатом участия становится повышение качества жизни и самооценки. Таким образом, подтверждается гипотеза о эмпауэрмент-технологии на персональном уровне: возможности активистов и лидеров старшего возраста расширяются в

процессе их включения в практики активности и самоорганизации.

В ходе исследования установлено, что практики самоорганизации и социальной активности людей старшего возраста развиваются и расширяются, происходит их укрепление и признание как новых форм солидарности граждан, некоторые из них поддерживаются грантодателями, органами власти, НКО. Но к проблемной области следует отнести тот факт, что мы изучаем только существующие практики, ныне активные, доступные для изучения, вошедшие в исследование, и не знаем о тех, которые прекратили свое существование или остались вне зоны нашего внимания, их трансформирующий потенциал нами не изучен.

Посредством реализации практик самоорганизации и социальной активности людей старшего возраста меняется окружающий мир: от наличия реальных результатов помощи конкретным благополучателям до создания новых проектов, пространств или средств коммуникации. Сам факт выхода пожилых активистов из зоны локдауна в период ограничений доказывает их способность менять нормы и расширять пространства, создавать предпосылки для преодоления структурных барьеров и неравенств, формировать условия для осуществления справедливого перераспределения власти и ресурсов в обществе. Нашими информантами за период пандемии обнаружены тысячи «невидимых» ранее маломобильных пожилых людей, которым оказаны сотни тысяч социальных услуг (консультаций, различных видов помощи). Однако утверждение о роли практик самоорганизации и социальной активности людей старшего возраста в изменениях на уровне социума требует расширения базы данных и дополнительной аргументации.

Пандемия как стимул к развитию новых практик расширения возможностей людей старшего возраста

Изначально авторы исходили из гипотезы, что одним из стимулов развития активностей людей старшего возраста стала пандемия, а возникновение новых практик солидарности послужило ответом граждан на введенные ограничения, эксклюзию, сокращение жизненного пространства и рост числа пожилых людей, нуждающихся в помощи. В ходе анализа оказалось, что значительная часть так называемых «новых» практик возникла задолго до пандемии. Но в период кризиса 2020–2021 гг. им пришлось трансформировать формы и методы работы, а часто цели, задачи и круг благополу-

чателей. Общественные инициативы само- и взаимоподдержки стали трендом, оказались востребованными, расширилась их функциональность, повысилось значение для конкретных граждан, общества, органов власти. Увеличение нагрузки на социальное и медицинское обслуживание привело к перегрузке этих систем, возникновению дефицита врачебной и социально-бытовой помощи. Срочно потребовалось осуществлять поиск малозатратных и/или бесплатных для социального бюджета форм помощи и ликвидировать пробелы институциональной социальной заботы. В связи с этим органы власти непосредственно и опосредованно стали оказывать поддержку практикам самоорганизации и социальной активности людей старшего возраста, расширяя круг грантодателей, получателей социальных субсидий, пополняя за счет устойчивых некоммерческих организаций реестры поставщиков социальных услуг во время пандемии. Стали выделяться дополнительные финансовые средства, позитивный опыт активно тиражировался в средствах массовой информации и коммуникации. Сами пожилые люди реализуют себя в процессе вовлечения в практики, включаются в коммуникации, повышают компетенции и самооценку. Но в условиях рисков COVID-19 благодаря таким практикам у пожилых активистов появилась и возможность преодоления барьеров, изоляции, расширения ограниченных пандемией возможностей. Многие отмечают полную стагнацию практик в острой фазе локдауна, когда наработанные формы взаимодействия остановились. И именно причастность к практикам добровольчества, самоорганизации, участия и поддержки позволила им выйти из собственных домов и преодолеть ограничения для лиц «65+». Поэтому можно утверждать, что пандемия послужила в определенной степени стимулом к развитию и трансформации новых практик расширения возможностей людей старшего возраста.

Выводы и перспективы

Практики самоорганизации и социальной активности людей старшего возраста разнообразны по целям, содержанию, масштабу, способам взаимодействия. Несмотря на различия, подобные формы самоорганизации и активности людей старшего возраста встречаются в разных регионах России. На основании проведенного анализа выделены 5 основных типов практик: 1) уникальные инициативы, в которых пожилые люди реализуют свои интересы на основе личной мотивации; 2) сетевые практики, реализующие типовые, адаптированные к местным со-

обществам формы поддержки через общественные организации, поддерживаемые законодательной и исполнительной властью, либо через национально-культурные объединения, религиозные организации, через СОНКО, направленные на решения социально ориентированных задач; 3) локальные практики, инициированные местными сообществами для совместного решения задач по организации благоустройства, отдыха, коммуникаций; 4) типовые практики творческой, досуговой, спортивной активности пожилых людей в рамках учреждений социального обслуживания населения, культуры, досуга, спорта; 5) гибридные формы партнерства государственного, частного и некоммерческого секторов, складывающиеся на основе интеграции усилий и ресурсов субъектов. При организационной, информационной и материальной поддержке локальные инициативы могут расширяться до программ городского, регионального уровня. К числу стимулирующих факторов относятся индивидуальные мотивации, интересы, социальный капитал лидеров и активистов; наличие организационных условий и инфраструктуры в государственном, муниципальном, некоммерческом или частном секторе; запрос на практику со стороны региональной и муниципальной власти, поддержка в рамках социальной политики, государственных и региональных проектов и программ.

Как оказалось, многие «новые» практики возникли задолго до пандемии, но в условиях новых рисков в 2020–2021 гг. практики самоорганизации и расширения возможностей, коммуникаций и поддержки людей старшего возраста получили новый импульс к развитию. Анализ истории возникновения и развития практик самоорганизации и активизации людей старшего возраста позволяет заключить, что деятельность части из них стимулировалась органами власти, инициативами общественников, ученых в области старения, профессиональными социальными работниками, активистами всех возрастов. Однако определенная доля практик появилась или получила новый толчок к развитию по инициативе самих людей старшего возраста. Как самоорганизующиеся, так и инициированные извне практики демонстрируют примеры перехода человека старшего возраста от роли пассивного объекта заботы к роли активного социального субъекта (трансформирующего агента). В процессе включения в практики пожилые люди расширяют свое жизненное и коммуникативное пространство, пополняют знания, повышают самооценку и статус, реализуют потенциал. В условиях рисков пандемии социальное участие открывает возможность для активистов

выходить за пределы физических, социальных, возрастных ограничений, преодолевать изоляцию, сохранять агентность и расширять ограниченные новыми рисками возможности.

В описываемых социальных практиках авторы обнаруживают признаки эмпауэрмента как на уровне личности (включенность, проактивность, изменения ролей, деятельности, связей и контактов, рост самооценки и компетенций в процессах участия), так и на уровне групп и сообществ (развитие и рост роли и статуса сообществ в регионах). Участие отдельных активистов старшего возраста и объединений способствует появлению позитивных изменений в окружающем пространстве. Сам факт выхода пожилых активистов из зоны локдауна в период ограничений и переход их в статус активных субъектов собственной жизни и социальных изменений доказывает наличие расширяющего возможности потенциала в описанных практиках. В настоящее время, по мнению авторов, можно вести речь о развитии в российских регионах технологий эмпауэрмента – расширения возможностей людей старшего возраста. Вместе с тем доказательство этого утверждения требует расширения эмпирических данных, сбор которых продолжается авторским коллективом.

Важно обратить внимание, что в таких практиках реально проявляются принципы концепции активного долголетия (равноправное участие, личная ответственность, утверждение позитивных образов старения, включенность, гибкость, индивидуализация, учет интересов и реализация потребностей граждан старшего поколения); становится возможно увидеть и учесть реальные потребности и устремления пожилых людей, без чего невозможно говорить об эффективной социальной политике старения [18].

Авторы выражают благодарность за вклад в настоящее исследование коллегам и студентам Южного федерального университета, Уральского федерального университета и Ивановского государственного университета, принимавшим участие в сборе данных. Авторы выражают признательность за сотрудничество и предоставленные контакты и информацию своим партнерам из числа руководителей, сотрудников и волонтеров учреждений социального обслуживания, культуры и досуга, общественных организаций, товариществ собственников жилья, инициативных групп в трех охваченных исследованием регионах. Авторы выражают глубокую благодарность всем участникам интервью – лидерам и активистам описанных практик.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31683 «Новые практики самоорганизации и общественные инициативы расширения возможностей людей пожилого возраста в российских регионах».

Список литературы

1. Максимова С.Г., Неваева Д.А. Социальная эксклюзия пожилых людей в современном регионе // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2015. № 8 (130). С. 173–177.
2. Овсянникова Н.В. Социальный потенциал благополучного старения современного человека // Общество: философия, история, культура. 2016. № 1. С. 14–16.
3. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025: распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (дата обращения: 12.07.2021).
4. Национальный проект «Демография». Федеральный проект «Старшее поколение». URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/3> (дата обращения: 12.07.2021).
5. Концепция политики активного долголетия: Научно-методический доклад НИУ ВШЭ // 21-я Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).
6. Lemon B.W., Bengtson V.L., Petersen J.A. An Exploration of the Activity. Theory of Aging: Activity Types and Life Expectation Among in-Movers to a Retirement. Community // Journal of Gerontology. 1972. № 27 (4). P. 511–23.
7. Atchly R.C. A Community Theory of Normal Aging // The Gerontologist. 1989. № 29. P. 183–190.
8. Active Ageing: A Policy Framework. A contribution of the World Health Organization to the Second United Nations World Assembly on Ageing, Madrid, Spain, April 2002. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/67215/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf?sequence=1 (дата обращения: 04.03.2021).
9. Armitage R., Nellums L.B. COVID-19 and the Consequences of Isolating the Elderly // The Lancet Public Health. 2020. Vol. 5. № 5. E256. URL: [https://www.researchgate.net/publication/340051905_COVID-](https://www.researchgate.net/publication/340051905_COVID-19_and_the_consequences_of_isolating_the_elderly)

[19_and_the_consequences_of_isolating_the_elderly](https://www.researchgate.net/publication/340051905_COVID-19_and_the_consequences_of_isolating_the_elderly) (дата обращения: 02.10.2020).

10. Flint A.J., Bingham K.S., Iaboni A. Effect of COVID-19 on the Mental Health Care of Older People in Canada // International Psychogeriatrics. 2020. № 1-4. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-psychogeriatrics/article/effect-of-covid19-on-the-mental-health-care-of-older-people-in-canada/31090A8638238F0FD8B8974C180A6439> (дата обращения: 22.10.2020).
11. Голубев А.Г., Сидоренко А.В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. Т. 33. № 2. С. 397–408.
12. Лункин Р.Н. Неформальная солидарность на фоне пандемии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 4. С. 122–128.
13. Hardy C., Leiba-O'Sullivan S. The Power Behind Empowerment: Implications for Research and Practice // Human Relations. 1998. Vol. 51. № 4. P. 451–483.
14. Taylor N., Marshall J., Blum-Ross A. et al. Viewpoint: Empowering communities with situated voting devices // Conference Proceedings – The 30th ACM Conference on Human Factors in Computing Systems, CHI 2012 (P. 1361–1370). (Conference on Human Factors in Computing Systems – Proceedings). Newcastle University e-prints. URL: https://eprints.ncl.ac.uk/file_store/production/182928/39BA9B2B-F2FB-4B21-893C-6A97DB6710DA.pdf (дата обращения: 22.08.2021).
15. Поппер К.Р. Нищета историцизма: Пер. с англ. М.: Издательская группа «Прогресс». VIA, 1993. 187 с.
16. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
17. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
18. 2018 Active Ageing Index: Analytical Report / Report prepared by Giovanni Lamura and Andrea Principi under contract with the United Nations Economic Commission for Europe (Geneva), co-funded by the European Commission's Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion (Brussels) // UNECE / European Commission (2019). URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Active_Ageing_Index/Stakeholder_Meeting/ACTIVE_AGEING_INDEX_TRENDS_2008-2016_web_cover_reduced.pdf (дата обращения: 24.08.2021).

PRACTICES OF SELF-ORGANIZATION AND SOCIAL ACTIVITY OF OLDER RUSSIANS AS EMPOWERMENT TECHNOLOGIES

T.S. Kienko¹, M.V. Pevnaya², N.A. Ptitsyna³

¹Southern Federal University

²Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

³Ivanovo State University

Under the conditions of COVID-19 risks, older people became objects of special "care" and restrictions, faced with aggravation of social problems, manifestations of exclusion. At the same time, the response to the challenges of COVID-19

was the growth of social solidarity, self-organization and mutual assistance, increased interest in the lives and problems of older people. Within the framework of public organizations, housing associations, self-organizing communities and individual initiatives, self-organization practices and public initiatives in the interests of older people began to develop in the Russian regions. These practices have different goals, scale, conditions of occurrence and prospects for development, but have received an incentive to develop due to the pandemic. The analysis of such practices in three Russian regions (Rostov, Ivanovo, Sverdlovsk regions) allows us to identify a number of typical features. In each region we meet author's creative initiatives; local practices initiated by local communities; model practices within the framework of social service institutions, culture, leisure, sports; network practices of public organizations; hybrid joint forms. The development of practices is supported by organizational, information and material state and public support. Older people act in these practices not only as recipients of assistance, but also as initiators, activists, "silver volunteers". The analysis of the nature and results of the involvement of older people in the practice of self-organization and social activity indicate the development of technologies in the Russian regions to empower older people.

Keywords: elderly people; self-organization practices; empowering; empowerment technologies.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2022_1_99

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ: СРАВНЕНИЕ ОПЫТА КИТАЯ И РОССИИ

© 2022 г.

Ю Минь

Минь Ю, аспирант кафедры социологии
Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
261747567@qq.com

*Статья поступила в редакцию 25.09.2021**Статья принята к публикации 26.01.2022*

Представлены результаты социологического исследования, направленного на описание и сравнение структуры занятости российских ($n=355$) и китайских пенсионеров (на примере провинции Хэйлунцзян; $n=1137$). В частности, в ходе исследования выявлены и подверглись сравнению траектории занятости работающих пенсионеров двух стран; определены мотивы продолжения трудовой деятельности; описаны условия занятости пенсионеров; выявлены субъективно определяемые пенсионерами барьеры занятости; сравнивалась структура доходов работающих и неработающих пенсионеров России и Китая. Первичные эмпирические данные получены с помощью метода анкетирования. Установлено, что китайские и российские пенсионеры следуют разным траекториям занятости. В то время как российские пенсионеры рассчитывают на продолжительную трудовую жизнь на пенсии (10 лет и более), китайские пенсионеры планируют быструю карьеру (до 5 лет). При этом россияне связывают работу на пенсии с широким набором мотивов, в том числе социальных, китайские пенсионеры руководствуются преимущественно экономическими мотивами. Продолжительность трудовой карьеры пенсионеров в определенной степени зависит от позиции других членов семьи. Для россиян стремление оказать помощь детям и другим членам семьи служит поводом для продолжения трудовой деятельности, для китайских пенсионеров – ее прекращения. Важным условием готовности и российских, и китайских пенсионеров продолжить трудовую деятельность выступает состояние здоровья.

Ключевые слова: пенсионеры, траектория занятости, мотивы занятости, барьеры занятости, структура доходов, Россия, Китай, провинция Хэйлунцзян.

Введение

Продолжающаяся в России пенсионная реформа, связанная с повышением возраста выхода на пенсию и увеличением присутствия на рынке труда граждан пожилого возраста, вызвала противоречивую реакцию в общественном мнении, сопровождалась дискуссией в экспертном сообществе.

По мнению российских ученых, в России занятость пенсионеров остается на высоком уровне [1, с. 31]. Более того, в отдельные периоды наблюдался рост занятости представителей данной группы «на фоне почти неизменного значения этого показателя для населения в основном трудоспособном возрасте» [2, с. 37]. Однако при этом пенсионеры в системе социально-трудовых отношений сталкиваются с разнообразными рисками [3]. Поднимается проблема социальной депривации и эксклюзии пожилых людей в социально-трудовой сфере [4], их стигматизации [5]. Положение пенсионеров на рынке труда рассматривается как прекарное [6]. Российские пенсионеры осознают риски занятости и рассматривают себя первыми кандидатами на увольнение в случае изменения социально-экономических условий. Так, в пе-

риод эпидемии коронавирусной инфекции в 2020 г. уменьшился уровень занятости населения старше трудоспособного возраста (20%) и вырос уровень безработицы (2.7%). Для сравнения: в 2019 г. соответствующие показатели составили 21.3% и 2.4% [7].

В подобной ситуации неизбежно обращение к опыту других стран. В качестве объекта сравнения в последние годы выступает Китай. Причин несколько. Во-первых, в массовом сознании постепенно складывается образ Китая как дружественной страны, с которой важно поддерживать сотрудничество во имя развития экономики. Китай рассматривается как самый нужный, самый ценный партнер. Во-вторых, Китай остается страной, в которой установлен самый низкий возраст выхода на пенсию для женщин [8]. В результате возрастает интерес к осмыслению той социально-экономической модели, которая сложилась в Китае, в том числе в сфере пенсионного обеспечения и занятости пенсионеров.

Сравнительные социологические исследования занятости пенсионеров России и Китая редки. В каждой из стран проблема занятости пенсионеров получила определенный уровень разработки.

В российской социологии сложились теоретические основы старения, определены россий-

ские особенности старения, рассматриваются подходы к определению границ пожилого возраста, в том числе с учетом возрастной периодизации, принятой в России [9]. Критически осмысливаются положения новой парадигмы старения, предполагающей в том числе активное долголетие за счет участия в трудовой деятельности [10, 11]. Анализируется уровень занятости пенсионеров, раскрыта структура занятости пенсионеров [12–14].

В свою очередь, в Китае анализируется значимость трудовой деятельности в качестве составляющей общества стабильной и безопасной занятости [15]. Изучается занятость пенсионеров, в том числе факторы продолжения трудовой деятельности китайскими пенсионерами [16]. Реализуется проект CLASS – лонгитюдное социологическое исследование старения в Китае [17].

Объектом сравнительных социологических российско-китайских исследований чаще всего становится молодежь [18, 19].

Вместе с тем в условиях продолжающейся пенсионной реформы в России и Китае актуальны сравнительные исследования занятости пенсионеров, проведение которых предполагает учет результатов фундаментальных и прикладных социологических исследований, накопленных учеными двух стран.

Изучение опыта другой страны должно осуществляться с учетом принципа сравнимости. Проблема сравнимости актуальна для России и Китая в том, что касается функционирования пенсионной системы и положения пенсионеров на рынке труда.

С одной стороны, Россия и Китай столкнулись с общей проблемой высокой демографической нагрузки на трудоспособное население, вызванной снижением рождаемости, увеличением продолжительности жизни, старением населения. Как подчеркивают О.Б. Карпова и Т.Н. Проклова, «рост общей демографической нагрузки за период с 2005 по 2018 гг. составил 31% (с 596 в 2005 г. до 785 в 2018 г.). При этом нагрузка лицами пенсионного возраста выросла на 39.4%» [20, с. 54].

Китай тоже переживает проблему старения населения. Согласно данным ООН, к 2050 г. Китай войдет в число стран, в которых доля населения старше 65 лет составит свыше 15% [21, с. 9]. В результате в Китае меняется соотношение пенсионеров и работающего населения. Если в 1978 г. на одного пенсионера приходилось 30 работающих, то в 2001 г. подобное соотношение составляло 1:3.5; к 2050 г. прогнозируется соотношение – 1:1.69 [22, с. 24].

Описанная демографическая ситуация не может не оказать влияние на состояние пенси-

онной системы и рынка труда. Пенсионная система испытывает возрастающую нагрузку. В результате закономерным следствием становится решение о повышении пенсионного возраста. В России постепенное повышение пенсионного возраста началось в 2018 году. Китай объявил о постепенном повышении пенсионного возраста в 2021–2025 гг. [23].

Высокая демографическая нагрузка оказывает влияние на состояние сферы занятости. Китай – страна, в которой около 80% населения работает или занимается активным поиском работы [16, с. 1]. Как мужчины, так и женщины работают большую часть взрослой жизни. Сказанное справедливо и в отношении России.

Отмеченные особенности демографической ситуации, пенсионной системы и рынка труда создают предпосылки для продолжительной занятости населения, в том числе после выхода на пенсию.

Вместе с тем, согласно «Ежегоднику статистики труда Китая», коэффициент занятости городских пенсионеров старше 60 лет снижался с 10.1% в 2000 г. до 9.7% в 2005 г. и 9.18% в 2015 г. Для сравнения: в России уровень занятости населения в возрасте 55 (60) – 72 лет в 2014 г. составлял 29.4%; в 2016 – 29.8%; в 2018 – 29%; в 2019 – 28.9% [24].

Различия в уровне занятости пенсионеров отражают не только сходства в демографической и социально-экономической ситуации, обеспечивающие сопоставимость характеристик двух стран, но и существование важных различий. В частности, «в Китае уровень демографической нагрузки значительно меньше среднероссийского значения» [20, с. 55]. Отличается и уровень экономического развития двух стран. Кроме того, и регионы Китая обладают разным уровнем экономического развития и дифференцируются по уровню пенсий. Самые высокие пенсии в Китае в провинциях Восточного региона: от 3075 юаней в провинции Хэбэй (самая низкая пенсия в регионе) до 4467 юаней в провинции Шанхай (самая высокая пенсия в регионе)¹. Самые низкие пенсии наблюдаются в провинциях Северо-Восточного Китая: от 2493 юаней (в провинции Ляонин) до 2830 (в провинции Хэйлунцзян)².

В связи с этим для проведения сравнительного исследования особенностей занятости пенсионеров России и Китая необходимо обеспечить сравнимость кейсов. Подобная сравнимость будет обеспечена, если сопоставить занятость российских пенсионеров и занятость пенсионеров провинции Хэйлунцзян, граничащей с Россией.

После основания Китайской Народной Республики в 1949 г. по причине развития связей с

СССР и приграничного положения в провинции Хэйлунцзян и других провинциях северо-восточного региона сосредоточена тяжелая промышленность.

Демографическая ситуация в провинции Хэйлунцзян характеризуется более выраженным, по сравнению с другими регионами Китая, старением населения. В 2020 г. население провинции Хэйлунцзян в возрасте 60 лет и старше составляло 23,22%, из которых население в возрасте 65 лет и старше составляло 15,61%. По сравнению с 2010 г. доля населения в возрасте 60 лет и старше увеличилась на 10,19%, а население в возрасте 65 лет и старше увеличилось на 7,33% [25].

Ситуация усугубляется процессами внутренней миграции в провинции Хэйлунцзян. За десять лет с 2000 по 2010 г. средний годовой отток населения составлял 126 000 человек, а с 2011 по 2015 г. – отток населения составил около 69 200 человек каждый год. Хотя масштабы оттока уменьшились по сравнению с предыдущим десятилетием, по сравнению с другими провинциями Китая отток по-прежнему велик [26]. Основная причина исхода населения: низкие темпы экономического развития провинции, медленный рост доходов населения, отсутствие возможностей трудоустроиться в сельскохозяйственном секторе. Перечисленные причины привели к оттоку из провинции Хэйлунцзян трудоспособного населения молодого и среднего возраста [27, 28].

В результате провинции северо-восточного региона сталкиваются с очень большой демографической нагрузкой на трудоспособное население. По данным переписи населения Китая 2020 г., состав населения провинции Хэйлунцзян по укрупненным возрастным группам представлен следующим соотношением: доля детского населения до 15 лет – 10%, доля населения рабочих возрастов – 74%; доля пожилого населения старше 65 лет – 16% [29]. Для сравнения: в России доля детского населения до 15 лет – 17,6%; доля населения работоспособных возрастов – 66,4%; доля пожилого населения старше 65 – 15,8% [30, с. 8]. Таким образом, по демографическим характеристикам тоже обеспечивается сравнимость провинции Хэйлунцзян и России.

Еще одна схожая черта, которая обеспечивает сравнимость России и провинции Хэйлунцзян, связана с существованием дефицита бюджета пенсионных фондов. В провинции Хэйлунцзян пенсионные расходы впервые превысили доходы в 2013 г. [31]. Бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации на 2020–2022 гг. тоже утвержден с дефицитом [32].

Высокая демографическая нагрузка на трудоспособное население в сочетании с дефици-

том бюджета пенсионного фонда и невысоким уровнем пенсий создают условия для продолжительного участия пенсионеров в трудовой деятельности.

Так ли это? Ответим на поставленный вопрос посредством анализа результатов социологического исследования, цель которого состоит в том, чтобы описать и сравнить структуру занятости российских пенсионеров и китайских пенсионеров провинции Хэйлунцзян. Для достижения поставленной цели важно решить следующие исследовательские задачи: 1) выявить и сравнить траектории занятости работающих пенсионеров двух стран; 2) установить и сравнить мотивы продолжения трудовой деятельности российских и китайских пенсионеров; 3) описать и сравнить условия занятости пенсионеров двух стран; 4) выявить субъективно определяемые барьеры занятости работающих и неработающих пенсионеров России и Китая; 5) описать структуру доходов работающих и неработающих пенсионеров двух стран.

Методика исследования

С целью изучения структуры занятости пенсионеров Китая в период с 13.01.2021 по 04.02.2021 проведено социологическое исследование методом анкетирования. В качестве респондентов выступили пенсионеры Китая, проживающие в провинции Хэйлунцзян.

В исследовании применена квотная выборка. Всего для описания занятости китайских пенсионеров в провинции Хэйлунцзян опрошено 1137 респондентов. При этом установлены квоты для опроса респондентов-мужчин и женщин. Согласно данным 2019 г., численность населения в провинции Хэйлунцзян составляла 37 510 000 человек. Среди них мужчин – 18 848 000 человек (50,2%) и женщин – 18 665 000 человек (49,8%). В подобной пропорции набраны респонденты для участия в опросе: 571 мужчина (50,2%) и 566 женщин (49,8%).

Для проведения сравнительного исследования использованы результаты авторского социологического исследования – анкетирования пенсионеров России, проведенного в период 15.02.2021 – 10.03.2021. Респонденты отвечали на те же вопросы анкеты, что и китайские респонденты. Опрошены 355 человек: из них 177 мужчин (49,9%) и 178 женщин (50,1%).

Сбор первичных социологических данных в Китае проведен дистанционно посредством программы для онлайн-опросов Wenjuanxing с помощью мобильного приложения WeChat. Российские респонденты опрошены в ходе очного индивидуального анкетирования. Матема-

Таблица 1

Установки китайских и российских пенсионеров на поиск работы, %

Вопрос	Пенсионеры провинции Хэйлунцзян	Российские пенсионеры
Вы еще намереваетесь работать?	16.2	7.3
В настоящее время Вы занимаетесь поиском работы?	10.6	3.9
Если бы у Вас сейчас появилась работа, Вы смогли бы на нее выйти в течение двух недель?	18.6	20.9

Таблица 2

Мотивы продолжения китайскими и российскими пенсионерами трудовой деятельности (% наблюдений³)

Мотивы	Пенсионеры провинции Хэйлунцзян	Российские пенсионеры
Маленькая пенсия	58.8	61.8
Желание сделать сбережения на будущее	58.4	30.6
Стремление материально помочь детям и/или другим членам семьи	30.3	51.4
Привычка работать	24.8	44.4
Возможность общаться с людьми	20.4	39.6
Стремление быть полезным	16.4	25
Интерес к выполняемой работе	25.5	33.3

тико-статистическая обработка данных опроса выполнена с помощью программы IBM SPSS Statistics 26.

Результаты и их обсуждение

Анализируя занятость пенсионеров провинции Хэйлунцзян, можем заметить, что продолжают работать 24.1% опрошенных; 75.9% респондентов отказались от продолжения трудовой деятельности. Различия статистически значимые: критерий $\chi^2_{df=1} = 305.120$; $p = 0.001$. Среди не работающих в данный момент пенсионеров ранее после выхода на пенсию работали 30%, никогда не работали 70% опрошенных.

В связи с этим возникает вопрос: прекращение трудовой деятельности является вынужденным решением вследствие безработицы среди пенсионеров или добровольным решением граждан пенсионного возраста?

Согласно определению Международной организации труда (МОТ), безработным считается человек, если он трудоспособен, но не работает, находится в поиске работы и готов к ней приступить достаточно быстро, если появится подходящая вакансия [33]. В соответствии с приведенным определением, респондентам были заданы вопросы об их действиях на рынке труда (табл. 1).

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что для подавляющего большинства опрошенных неработающих китайских пенсионеров прекращение трудовой деятельности стало осознанным решением. 10–18% опрошенных хотели бы работать и готовы продолжить тру-

довую деятельность в случае наличия подходящей вакансии. Можем предположить, что прекращение трудовой деятельности связано с трудностями в поиске работы.

Среди российских респондентов работают 41.7%; не работают в настоящий момент 58% из опрошенных; 0.3% опрошенных не дали ответа на вопрос. При этом среди тех, кто не работает в настоящий момент, будучи пенсионером, работали ранее 69.9% опрошенных. Никогда не работали, будучи пенсионерами, 29.6% респондентов.

Сопоставляя ответы на вопросы, данные китайскими и российскими респондентами, можем сделать вывод, что российские и китайские пенсионеры реализуют разные траектории занятости. В то время как китайские пенсионеры сразу или вскоре после выхода на пенсию прекращают трудовую деятельность, россияне продолжают работать.

При этом россияне нацелены на продолжительную трудовую деятельность на пенсии. Большинство респондентов, работающих в момент проведения опроса, намерены работать 5–10 лет (32.4%) и более 10 лет (34.5%). Работающие пенсионеры провинции Хэйлунцзян в основном нацелены работать еще 1–2 года (25.9%) или 3–5 лет (31.4%).

Реализуемые китайскими и российскими пенсионерами траектории занятости обусловлены особенностями *мотивов продолжения трудовой деятельности* (табл. 2).

В структуре мотивов пенсионеров провинции Хэйлунцзян доминируют те, которые име-

Таблица 3

**Мотивы отказа китайских и российских пенсионеров от продолжения
трудовой деятельности (% наблюдений⁴)**

Мотивы	Пенсионеры провинции Хэйлунцзян	Российские пенсионеры
Требуется моя помощь по уходу за внуками, больными родственниками	41.3	16.9
Пенсии и других доходов хватает для самообеспечения	17	5.4
Накопилась усталость, требуется отдых	39.8	30
Возникли проблемы со здоровьем	37.1	43.8
Трудно найти работу, соответствующую моей квалификации	15.8	4.6
Доступны вакансии с маленькой зарплатой	31.7	1.5
Нужно уступать рабочие места молодым	17.8	7.7

ют экономическую направленность. Чаще всего работающие пенсионеры в качестве причины продолжения трудовой деятельности называют маленький размер пенсии и желание сделать сбережения на будущее. Отмеченные мотивы соответствуют описанным выше траекториям занятости китайских пенсионеров. Принимая во внимание небольшие размеры пенсии и непродолжительный период занятости после выхода на пенсию, пенсионеры стремятся сделать сбережения, чтобы повысить доходы после прекращения трудовой деятельности. Треть респондентов намерены продолжить трудовую деятельность с целью материально помочь детям и другим родственникам. Мотивы, связанные с содержанием трудовой деятельности, а также социальные мотивы имеют меньший вес, чем экономические.

В структуре мотивов российских пенсионеров тоже доминирует желание продолжить трудовую деятельность по причине маленькой пенсии. Второй по частоте упоминания мотив – желание материально помочь детям и другим членам семьи. Кроме того, продолжение трудовой деятельности рассматривается как возможность вести привычный образ жизни, связанный с работой, а также – сохранять круг общения. При этом лишь треть опрошенных рассматривают доходы от трудовой деятельности на пенсии как основу для сбережений на будущее. Реже других упоминается интерес к выполняемой работе и стремление быть полезным.

Таким образом, структура мотивов продолжения трудовой деятельности после выхода на пенсию у российских и китайских пенсионеров имеет как схожие черты, так и специфику.

Сходство состоит в том, что и китайские, и российские пенсионеры связывают необходимость продолжения трудовой деятельности с небольшими размерами пенсии. В провинциях Северо-Восточного Китая, в числе которых и провинция Хэйлунцзян, наблюдается тоже де-

фицит фондов базового пенсионного страхования работников, что отражается на уровнях пенсий. В России, по данным Росстата, в августе 2021 г. соотношение средней пенсии со средней зарплатой составляло 30.3% [34]. В 2020 г. данный показатель составил 29.2% [34]. Фактически размер пенсии составляет треть зарплаты. В связи с этим респонденты двух стран не могут не ощущать снижения доходов после выхода на пенсию и рассматривают продолжение трудовой деятельности как возможность поддерживать прежний уровень доходов.

В остальном структура мотивов продолжения пенсионерами трудовой деятельности различается.

Мотивы трудовой деятельности китайских пенсионеров связаны с улучшением своего материального благополучия. Частота упоминания всех остальных мотивов в два-три раза ниже. Многочисленные исследования китайских ученых начала 2000-х гг. обнаруживали у пенсионеров доминирование экономических мотивов трудоустройства [35, с. 42]. Иначе говоря, продолжение трудовой деятельности связано преимущественно со стремлением увеличить свой доход. Принимая во внимание, что пенсия представляет основной доход пенсионеров, именно размер пенсии станет фактором принятия решения о продолжении или прекращении трудовой деятельности [36, с. 33].

У российских пенсионеров представлен широкий спектр мотивов трудовой деятельности, имеющих в том числе и социальный характер. В связи с этим присутствует установка на более продолжительную трудовую деятельность у довольно большой доли российских пенсионеров.

Для понимания причин выбора пенсионерами двух стран траекторий занятости на пенсии важно рассмотреть *мотивы отказа от продолжения трудовой деятельности* (табл. 3).

Чаще других отказ от продолжения трудовой деятельности связан с особенностями семейной

Таблица 4

Трудности, с которыми китайские и российские пенсионеры столкнулись при поиске работы (% наблюдений⁵)

Трудности при поиске работы	Пенсионеры провинции Хэйлунцзян		Российские пенсионеры	
	Работающие	Неработающие	Работающие	Неработающие
Нежелание работодателей брать на работу пенсионеров	21.9	34.8	16.5	16.1
Доступность вакансий с маленькой зарплатой	52.1	37.1	22.7	16.1
Заключение временного договора на срок до 1 года	12.5	3.1	1	1.8
Работа без оформления трудового договора	12.5	10.2	6.2	6.3
Нет вакансий, соответствующих моей профессиональной квалификации	9.4	23.5	7.2	15.2
Не было трудностей	21.9	18.8	66	58

ситуации. Респонденты остаются дома по причине того, что требуется их помощь по уходу за внуками, больными родственниками. Результаты исследований китайских ученых показывают: 73.47% пожилых людей считают, что их намерение продолжить работу после выхода на пенсию должно поддерживаться их детьми [37].

Следующий по частоте упоминания мотив – накопившаяся усталость, потребность в отдыхе, проблемы со здоровьем. По мнению китайских ученых, чем лучше самооценка здоровья пожилых людей, тем выше вероятность продолжения трудовой деятельности [38].

Еще около трети неработающих пенсионеров отмечают в качестве причины отказа от продолжения трудовой деятельности ситуацию на рынке труда. Она такова, что для пенсионеров доступны вакансии с маленькой зарплатой. Принимая во внимание, что трудовая деятельность рассматривается китайскими пенсионерами с точки зрения возможности сделать сбережения на будущее, если работа не сопряжена с возможностью получать желаемый доход, респонденты склонны от нее отказываться.

Основной мотив отказа от продолжения трудовой деятельности российских пенсионеров – проблемы со здоровьем и потребность в отдыхе. Фактически, российские пенсионеры могут отказаться от работы, только если они уже не в состоянии продолжить трудовую деятельность по состоянию здоровья. Важно отметить, что отказ от трудовой деятельности не связан с ситуацией на рынке труда и размером предложенной зарплаты: лишь для 1.5% важен этот аспект занятости. Таким образом, наличие работы представляет для российских пенсионеров самостоятельную ценность. Китайские пенсионеры связывают труд преимущественно с реализацией экономических ценностей.

Рассмотренная структура мотивов отказа от трудовой деятельности китайских пенсионеров создает основание для рассмотрения *барьеров*

на рынке труда в качестве фактора выбора траектории занятости.

Пенсионеры провинции Хэйлунцзян в основном нацелены работать еще 1–2 года (25.9%) или 3–5 лет (31.4%). При этом 70.8% работающих пенсионеров убеждены, что им удастся (34.7%) или скорее удастся (36.1%) сохранить работу на этот срок. Однако им пришлось столкнуться с рядом трудностей при поиске работы в статусе пенсионера (табл. 4).

Работающие пенсионеры провинции Хэйлунцзян чаще отмечают доступность вакансий с маленькой зарплатой. В то же время неработающие пенсионеры ссылаются на нежелание работодателей брать на работу пенсионеров. Обе категории пенсионеров в качестве основного барьера занятости называют доступность вакансий с низкими зарплатами. Подобная ситуация ожидаема, учитывая важность экономических мотивов трудовой деятельности для китайских пенсионеров.

Российские пенсионеры настроены на более продолжительную трудовую жизнь на пенсии. Большинство респондентов, работающих в момент проведения опроса, намерены работать 5–10 лет (32.4%) и более 10 лет (34.5%). При этом 58.1% опрошенных полагают, что им удастся (32.4%) или скорее удастся (22.3%) сохранить работу на планируемый срок. Более того, 77% опрошенных хотели бы сохранить имеющуюся работу.

Большинство опрошенных (66% работающих пенсионеров и 58% неработающих пенсионеров) не испытали каких бы то ни было трудностей в поиске работы. Вместе с тем, как и китайские пенсионеры, россияне в качестве основных барьеров занятости называют доступность вакансий с маленькой зарплатой (22.7% работающих пенсионеров; 16.1% – неработающих пенсионеров), нежелание работодателей брать на работу пенсионеров (16.5% и 16.1% соответственно). Неработающие пенсионеры отмечают отсутствие вакансий, которые соответствуют их квалификации (15.2%).

Таблица 5

**Сферы занятости китайских и российских пенсионеров
до и после выхода на пенсию, %**

Сфера занятости	Пенсионеры провинции Хэйлунцзян		Российские пенсионеры	
	До выхода на пенсию	После выхода на пенсию	До выхода на пенсию	После выхода на пенсию
Промышленность	15	15.3	21	16.2
Строительство	1.5	0.4	1.4	2
Транспорт, связь	4	4.4	10.8	7.4
Сельское хозяйство	17.5	21.2	6.1	5.4
Образование, наука, культура, здравоохранение	2.2	2.6	26.4	32.4
Армия, МВД, органы безопасности	19	10.2	7.4	4.1
Торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ	6.6	6.2	16.9	18.9
Органы управления, финансы и страхование	17.9	15	5.4	4.7
Другое	16.4	24.8	4.6	4.2

Таблица 6

**Категории работников, к которым принадлежат
китайские и российские пенсионеры до и после выхода на пенсию, %**

Категории работников	Пенсионеры провинции Хэйлунцзян		Российские пенсионеры	
	До выхода на пенсию	После выхода на пенсию	До выхода на пенсию	После выхода на пенсию
Государственные служащие или персонал государственных учреждений ⁶	17.5	15.3	—	—
Работник (специалист, служащий, рабочий) на государственном предприятии	38	15.3	70.9	58.1
Работник (специалист, служащий, рабочий) на частном предприятии, организации	17.2	21.9	23	31.8
Индивидуальный предприниматель	10.9	16.1	3.4	4.1
Самозанятый	16.4	23	0	3.4

Отсутствие вакансий, которые соответствуют квалификации соискателя, обозначает проблему *профессиональной структуры занятости* пенсионеров Китая. Так, 49.3% опрошенных пенсионеров провинции Хэйлунцзян отметили, что после выхода на пенсию им пришлось поменять и место работы, и профессию (табл. 5).

Полученные результаты позволяют увидеть, что в Китае наблюдается *отток* работающих пенсионеров из таких отраслей, как армия, МВД, органы безопасности, органы управления, финансы и страхование. При этом увеличивается доля занятых в сельском хозяйстве.

Изменение отрасли занятости выглядит закономерным. Сокращается занятость пенсионеров в тех отраслях, которые предъявляют требования к здоровью, владению компетенциями, соответствующими уровню развития технологий в финансовой сфере и в области обеспечения безопасности. Максимальный приток наблюдается в сельское хозяйство – в отрасль, которая менее чувствительна к изменениям компетенций сотрудников.

Российские пенсионеры отмечают проблему поиска работы, которая бы соответствовала квалификации соискателя. В результате у 15.5%

респондентов после выхода на пенсию изменились и место работы, и профессия. У 63.5% работающих пенсионеров и место работы, и профессия остались прежними. Наблюдается отток пенсионеров из таких сфер занятости, как промышленность, транспорт и связь, армия, МВД, органы безопасности. «Приток» наблюдается в такие сферы занятости, как образование, культура, наука, здравоохранение, торговля, бытовое обслуживание, ЖКХ.

Среди китайских пенсионеров почти в два раза сокращается количество работников (специалистов, служащих, рабочих), занятых на государственных предприятиях. При этом увеличивается количество работников (специалистов, служащих, рабочих), занятых на частных предприятиях и организациях. Кроме того, увеличивается доля пенсионеров, реализующих гибкие траектории занятости, связанные с реализацией собственных предпринимательских проектов, самозанятостью.

Аналогичные трансформации наблюдаются и среди российских пенсионеров. С выходом на пенсию увеличивается доля пенсионеров, занятых на частных предприятиях, растет доля са-

Таблица 7

**Распределение ответов китайских и российских пенсионеров на вопрос
«Из каких источников формируются Ваши доходы?» (% наблюдений⁹)**

Источник дохода	Пенсионеры провинции Хэйлунцзян		Российские пенсионеры	
	Работающие	Неработающие	Работающие	Неработающие
Пенсия	89.1	96.8	95.9	98.5
Заработная плата на основном месте работы	28.8	4.2	87.1	1.9
Подработка, совместительство	23	3.4	13.6	3.9
Помогают родственники	11.3	13.7	6.1	14.1
Сдаю в аренду жилье, иную недвижимость	4.4	2.8	1.4	2.9
Получаю проценты от сбережений, акций	5.5	6.1	2.7	3.9
Собственный бизнес	5.1	1.9	4.8	1.9
Обеспечиваю себя дополнительно продуктами питания (огород, дача, подсобное хозяйство) ¹⁰	—	—	36.7	45.1

мозанятых, а также индивидуальных предпринимателей. Вместе с тем, в отличие от Китая, доля занятых российских пенсионеров в отраслях экономики с высоким уровнем государственного регулирования существенно выше, чем в Китае. Предпринимательская активность российских пенсионеров остается низкой по сравнению с китайскими пенсионерами.

Один из барьеров, препятствующих продолжению трудовой деятельности пенсионеров, связан с тем, что вакансии, предложенные пенсионерам, зачастую сопровождаются низкой оплатой труда. В связи с этим важно *сравнить структуру доходов* китайских и российских пенсионеров в качестве фактора их занятости.

Ежемесячный заработок большинства работающих китайских пенсионеров (92.7%) не превышает 4000 юаней⁷; при этом у 54.4% – он меньше 2000 юаней⁸. Однако почти половина опрошенных работающих пенсионеров (46.7%) полагают, что оплата их труда стала немного выше (28.8%) или существенно выше (17.9%) после выхода на пенсию, 33.6% отметили снижение размеров оплаты труда по сравнению с допенсионным периодом.

Возможно, субъективно воспринятое увеличение доходов связано с тем, что происходит суммирование пенсии и заработной платы, которые составляют основные источники дохода работающих пенсионеров (табл. 7).

Меняется не только сфера занятости пенсионеров, но и категория работников, к которой принадлежат работающие пенсионеры (табл. 6).

В структуре доходов китайских пенсионеров наряду с пенсией присутствует и помощь родственников. Ее в качестве источника дохода чаще называют неработающие (13.7%), чем работающие пенсионеры (11.3%), однако различия не достигают уровня статистической значимости. Другие источники дохода (сдают в аренду жилье, собственный бизнес, доход от сбережений) отмечают менее 5% опрошенных.

Сравнение полученных результатов не позволяет сделать вывод, что отказ пенсионеров от продолжения трудовой деятельности связан с существованием других источников дохода, кроме пенсии. Вместе с тем готовность продолжить трудовую деятельность связана с размером пенсии. Среди неработающих пенсионеров меньше обладателей пенсии до 2000 юаней (31.1%), по сравнению с работающими пенсионерами (47.8%). Обладателями пенсии от 2000 до 4000 юаней являются 58.6% неработающих и 43.4% работающих пенсионеров. Кроме того, 2.9% неработающих пенсионеров получают пенсию свыше 6000 юаней; среди работающих – 1.3%. Различия статистически значимые: $\chi^2_{df=3} = 27.070$; $p = 0.001$.

Размеры оплаты труда российских работающих пенсионеров варьируют. У 44.6% опрошенных размер оплаты труда не достигает 20 тысяч рублей. У 28.4% респондентов оплата труда достигает 30 тыс. рублей в месяц, у 15.5% – 40 тыс. рублей, в то время как 6.8% опрошенных получают зарплату в размере свыше 40 тыс. рублей. По данным Росстата, средняя начисленная заработная плата работников возрастных групп, совпадающих с пенсионным возрастом, в 2019 г. оставляла от 37905 (в группе 60–64 года) до 39604 (в группе 55–59 лет) [39]. При этом треть опрошенных (31.7%) отметили снижение размеров оплаты труда после выхода на пенсию; еще треть (34.5%) полагают, что зарплата осталась такой же; 29% отметили, что зарплаты увеличились.

Таким образом, большинство работающих пенсионеров в России и в Китае не ощущают снижения зарплат после выхода на пенсию.

Российские пенсионеры, независимо от того, продолжают они работать или нет, в качестве источника дохода называют пенсию и приусадебные участки. У работающих пенсионеров к ним добавляется еще и зарплата. Остальные

источники минимально представлены в структуре доходов пенсионеров за одним исключением: на помощь родственников чаще рассчитывают именно неработающие пенсионеры.

Выводы

Обобщая полученные результаты, можем сделать вывод, что китайские и российские пенсионеры следуют разным траекториям занятости. В то время как российские пенсионеры рассчитывают на продолжительную трудовую жизнь на пенсии, китайские пенсионеры планируют быструю карьеру. При этом россияне связывают работу на пенсии с широким набором мотивов, в том числе социальных. Китайские пенсионеры руководствуются преимущественно экономическими мотивами. Продолжительность трудовой карьеры в определенной степени зависит от позиции других членов семьи: для россиян стремление оказать помощь детям и другим членам семьи служит поводом для продолжения трудовой деятельности, для китайских пенсионеров – ее прекращения.

Описанные траектории занятости могут быть проанализированы с точки зрения повышения пенсионного возраста. В России пенсионная реформа зафиксировала фактическое положение дел, связанное с продолжительной занятостью лиц старше 55–60 лет. В Китае планы правительства, связанные с повышением пенсионного возраста, противоречат траекториям занятости, которым следуют пенсионеры.

Преимущества от повышения пенсионного возраста в Китае очевидны. Более продолжительная трудовая деятельность пожилых позволит уменьшить демографическую нагрузку [40]. С момента внедрения политики планирования семьи в Китае постепенно сложилась модель семьи «четыре, два, один». В этой модели супружеской паре необходимо поддерживать четырех пожилых людей и одного ребенка. Увеличение пенсионного возраста и продолжение трудовой деятельности позволит увеличить доход семьи [41]. Предприятиям и организациям обеспечение рабочих мест пожилым сотрудникам позволит использовать их человеческий капитал, представленный профессиональным опытом, чувством ответственности, социальными связями, сократить дефицит кадров, а также создать положительный социальный имидж.

Однако для получения подобных преимуществ от повышения пенсионного возраста необходимы усилия, направленные на преодоление барьеров занятости пенсионеров. В первую очередь, для работы с соискателями вакансий

пенсионного возраста необходимо создать особую подструктуру в рамках службы занятости, которая позволила бы аккумулировать вакансии для пожилых людей, содействовала бы развитию гибких форм занятости, создавала условия для переобучения пожилых, приобретения ими навыков, которые позволили бы соответствовать требованиям работодателей. В целом подобная служба будет адресно работать с пожилыми соискателями вакансий, учитывать специфику их потребностей на рынке труда. Подобная мера актуальна не только для Китая, но и для России.

Во-вторых, необходимо предпринимать усилия, направленные на поддержание мотивации пенсионеров продолжить трудовую деятельность. Желание китайских пенсионеров продолжить работать имеет выраженные экономические основания. В связи с этим требуется система мер, которые сделали бы трудовую деятельность экономически выгодной для пожилых. При этом речь может идти не только о повышении зарплат, но и введении социальных гарантий для пенсионеров, в том числе в сфере медицинского обслуживания, программ поддержки здоровья пожилых работников.

Примечания

1. 35 059 – 50 930 рублей.
2. 28 424 – 32 266 рублей.
3. Респонденты могли выбрать любое количество ответов.
4. Респонденты могли выбрать любое количество ответов.
5. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.
6. Категория присутствовала в анкете только для китайских пенсионеров.
7. Примерно 47 306 рублей.
8. Примерно 23 653 рубля.
9. Респонденты могли выбрать любое количество ответов.
10. Вариант ответа присутствовал в анкете только для российских респондентов.

Список литературы

1. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 145 с.
2. Сони́на Ю., Колосни́цына М. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 2. С. 37–53.
3. Саралиева З.Х., Ермилова А.В. «Старые пожилые» как объект и субъект социальных рисков в системе социально-трудовых отношений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 4. С. 8–19.

4. Кошарная Г.Б., Щанина Е.В. Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3. С. 481–493.
5. Григорьева И.А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщины в российском обществе. 2018. Т. 86. № 1. С. 5–18.
6. Ниорадзе Г.В. Прекарное положение пенсионеров: социологический анализ // Прекариат: становление нового класса: Коллективная монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. С. 296–313.
7. Показатели, характеризующие занятость населения в возрасте старше трудоспособного, по субъектам Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud4-0-2\(2\).xls](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud4-0-2(2).xls) (дата обращения: 15.11.2021).
8. Минимальный возраст выхода на пенсию у женщин // Российское информационное агентство. URL: <https://ria.ru/20180615/1522749337.html?in=t> (дата обращения: 20.11.2021).
9. Григорьева И.А., Видясова Л.А., Дмитриева А.В. и др. Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. СПб.: Алетейя, 2015. 336 с.
10. Судьин С.А., Исакова И.А. Новая парадигма старения по-российски // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 3. С. 83–90.
11. Бекарев А.М., Пак Г.С. Долголетие: от социальной практики к социальной технологии // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. № 1. С. 56–68.
12. Черкашина Т.Ю. Работа на пенсии: необходимость или возможность? // ЭКО. 2011. № 4. С. 101–114.
13. Чистова Е.В. Занятость лиц пенсионного возраста: спрос и предложение на рынке труда России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 10-2 (56). С. 155–162.
14. Каз М.С. «Мир труда» работающих пенсионеров: дилеммы и смыслы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 28–39.
15. «Идеальное общество» в мечтах людей в России и в Китае: Монография / Отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н.Е. Тихонова. М.: Новый хронограф, 2016. 424 с.
16. Henry C., Fraga F., Tang Yu. What drives old age work in China? // International Labor Office. Research Department. Working Paper. 2018. № 40. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_659543.pdf (дата обращения: 01.08.2021).
17. 《中国老年社会追踪调查》 China Longitudinal Aging Social Survey 研究报告 // 中国人民大学老年研究所. URL: http://class.ruc.edu.cn/_local/A/C8/C1/E7CD54DD4D41F4BD6DE281043FD_10F38E30_1A56C5.pdf?e=.pdf (дата обращения: 13.01.2021).
18. Цзи Цзиньфэн. Ценностные ориентации китайской молодежи: тенденции и факторы трудовой мотивации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 86–88.
19. Цзян Х., Веселова Л.С., Лебединцева Л.А. Феномен китайской рабочей силы: сложности с трудоустройством выпускников и «острый дефицит рабочей силы» // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 118–129.
20. Карпова О.Б., Проклова Т.Н. Демографическая нагрузка в России в 2000-е годы // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2020. № 1. С. 52–57.
21. World Population Prospects 2019. Highlights. New York. 2019. 39 p. / United Nations. Department of Economic and Social Affairs. URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf (дата обращения: 27.07.2021).
22. Ke Meng. China's Pension Reforms. Political Institutions. Skill Formation and Pension Policy in China. London, NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2019. 253 p.
23. В Китае объявили о повышении пенсионного возраста // РИА Новости. 2021. 5 марта. URL: <https://ria.ru/20210305/kitay-1600032876.html> (дата обращения: 03.09.2021).
24. Показатели, характеризующие занятость населения в возрасте старше трудоспособного, по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud4-0-2\(2\).xls](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/trud4-0-2(2).xls) (дата обращения: 10.11.2021).
25. Статистическое бюро провинции Хэйлунцзян: Коммюнике по основным данным седьмой национальной переписи населения провинции Хэйлунцзян 2020 года (黑龙江省统计局: 2020年黑龙江省第七次全国人口普查主要数据公报) URL: http://tjj.hlj.gov.cn/tjsj/tjgb/pcgb/202105/t20210527_87737.html (дата обращения: 13.11.2021).
26. Янань Ш., Юань В. Исследование системы страховых взносов провинции Хэйлунцзян на фоне миграции населения // Теория финансов и обучение. 2018. № 5. С. 82–84 (沈亚男, 王媛. 人口流动背景下黑龙江省养老保险制度研究 // 金融理论与教学. 2018. (05). 82).
27. Сяо Ю. Анализ миграции населения и регионального экономического развития в Северо-Восточном регионе с момента основания Китая // Журнал народонаселения. 2006. № 3. С. 29–34 (于潇. 建国以来东北地区人口迁移与区域经济发展分析 // 人口学刊. 2006. 03) 32).
28. Юньдо В. Исследование влияния мобильности рабочей силы на межрегиональную пенсионную систему на фоне старения населения // Вестник Гуйчжоуского педагогического университета (социальные науки). 2021. № 4. С. 73–81 (王云多. 人口老龄化背景下劳动力流动对地区间养老金制度影响研究 // 贵州师范大学学报(社会科学版). 2021. (04) 74).
29. Щербакова Е.М. Предварительные итоги переписи населения Китая 2020 года // Демоскоп Weekly. 2021. № 907–908. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0907/barom01.php> (дата обращения: 21.11.2021).
30. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года (Статистический бюллетень). М., 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 21.11.2021).
31. Сяоин Л. Размышления о мерах противодействия проблеме пенсионного дефицита в Северо-

Восточном регионе Китая // Финансовое обозрение. 2021. № 1. С. 31–39 (李晓英 应对东北地区养老金缺口问题的对策思考/财金观察 2021(1)33).

32. Президент РФ утвердил бюджет Пенсионного фонда России на 2020–2022 годы // Сайт Пенсионного фонда Российской Федерации. URL: https://pfr.gov.ru/press_center/~2019/12/03/194924 (дата обращения: 21.11.2021).

33. Понятия и определения / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b08_30/isswww.exe/stg/d020/vved-5.htm (дата обращения: 27.07.2021).

34. Динамика среднего размера назначенных пенсий / Росстат. 29.10.20201. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dok3-1-1.HTM> (дата обращения: 13.11.2021).

35. Чжунбинь Л., Минь Я. Исследование текущей ситуации и мер противодействия повторному трудоустройству пожилых людей в провинции Фуцзянь // Вестник Китайского института трудовых отношений. 2020. № 5. С. 38–44 (李中斌, 杨敏. 福建省老年人再就业现状与对策研究 // 中国劳动关系学院学报).

36. Лифа Т., Хунли Ш., Мэйхань Ч., Ваньвань Ч. Исследование факторов, влияющих на желание повторного трудоустройства пожилых людей в городах на примере Тяньцзиня // Вопросы экономики Китая. 2014. № 5. С. 30–38. (田丽去 沈红丽 赵美函 张婉婉 城市老年人再就业意愿影响因素研究-以天津为例 // 中国经济问题)

37. Чжицзюя Л. Факторы влияния и стратегии продвижения для повторного трудоустройства пожилых людей (на основе опроса, проведенного в городе Наньтун, провинция Цзянсу) // Вестник Тяньшуйской академии административных наук. 2019. № 5. С. 18–24. (闫志俊 低龄老年人力资源再就业的影响因素与促进策略——基于江苏省南通市的调查 // 天水行政学院学报).

38. Сяоин С., Цзе С. Исследование влияния социальных сетей на повторное трудоустройство пожилых людей с точки зрения активного старения // Вестник Китайского горно-технологического университета (социальные науки). 2021. № 4. С. 63–78. (宋晓莹 曹洁 积极老龄化视域下社会网络对老年人再就业的影响研究 // 中国矿业大学学报(社会科学版)).

39. Средняя начисленная заработная плата работников по профессиональным группам / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 22.11.2021).

40. Хунин Ц., Сяньвэй Ф. Активно реагировать на старение населения за счет оптимизации и развития человеческих ресурсов пожилых людей // Народный форум – академический фронт. 2019. № 6. С. 100–103 (曾红颖 范克伟 以老年人力资源优化开发积极应对人口老龄化 // 人民论坛学术前沿 2019(06) 100).

41. Юе Ч. Размышление о развитии человеческих ресурсов пожилых людей // Вестник Хайнаньского педагогического университета (социальные науки). 2011. № 2. С. 159–162 (陈月. 关于老年人力资源开发的思考 // 海南师范大学学报(社会科学版). 2011 (2) 160).

LABOR ACTIVITY OF RETIREES: COMPARING THE EXPERIENCE OF CHINA AND RUSSIA

You Min

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

The article presents the results of a sociological study, aimed at describing and comparing the structure of employment of Russian ($n = 355$) and Chinese pensioners (using the example of Heilongjiang province) ($n = 1137$). In particular, in the course of the study, the trajectories of employment of the working pensioners of the two countries were identified and compared; motives for continuing to work were determined; the conditions of employment of pensioners were described; the subjectively determined by pensioners the employment barriers were identified; the structure of income of the working and non-working pensioners in Russia and China was compared.

The primary empirical data were obtained, using the questionnaire method. It has been found that Chinese and Russian pensioners follow different trajectories of employment. While Russian retirees expect a long working life in retirement (10 years or more). Chinese retirees are planning a fleeting career (up to 5 years). At the same time, the Russians associate retirement work with a wide range of motives, including social ones; Chinese pensioners are guided mainly by economic motives.

The length of a pensioner's working career to a certain extent depends on the position of other members of his family. For the Russians, the desire to help children and other family members is a pretext for continuing to work, for Chinese pensioners – its termination. Health is an important condition for the readiness of both Russian and Chinese pensioners to continue working.

Keywords: retirees, employment trajectory, employment motives, employment barriers, income structure, Russia, China, Heilongjiang province.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2022_1_110

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ К СОЦИАЛЬНОМУ СТАРЕНИЮ

© 2022 г.

М.В. Прохорова

Прохорова Марина Вячеславовна, к.соц.н.; доц.;
доцент кафедры связей с общественностью, маркетинга и коммуникаций
Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
prokhorovangtu@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 02.09.2021**Статья принята к публикации 20.01.2022*

Социально-демографические изменения, происходящие в обществе, и последовательное увеличение численности старшего поколения диктуют необходимость изучения адаптационных возможностей человека к поздней стадии социализации. В статье рассматриваются основы изучения адаптационного потенциала к социальному старению через призму уже известных теоретико-методологических подходов и предлагается интегральный методика его оценки. Уровень развития адаптационного потенциала детерминирован такими человеческими активами, как состояние здоровья, уровень материального благополучия, хронологический возраст, место проживания, пол, семейный статус, уровень образования, наличие/отсутствие детей, а также показателями, характеризующими включенность в социальную среду: занятость, досуг, межличностные отношения, возможности информационной оптимизации личного пространства, принадлежность к институциональной организации старения. Для каждой области измерений включенности в социальную жизнь устанавливается определенный перечень индикаторов, оценивающих мотивированность на реализацию показателя и уровень его реализации. Применение интегрального индекса адаптационного потенциала в практике работы с пожилыми людьми может способствовать значительному расширению понимания адаптационных процессов к изменяющимся социально-ролевым установкам, а также позволит оценить влияние адаптационного потенциала на формирование успешных жизненных стратегий в старости.

Ключевые слова: старшее поколение, ресурсный потенциал, активная старость, адаптация, адаптационный потенциал, человеческий капитал, интегральный индекс.

Введение

Несмотря на последовательное и планомерное повышение пенсионного возраста, по прогнозам Росстата, в России сохранится общая тенденция отрицательной демографической нагрузки. Средний вариант прогноза, который считается наиболее реалистичным, свидетельствует, что с 2021 по 2036 г. в структуре нетрудоспособного населения доля пенсионеров увеличится с 58 до 63% [1]. Данные социально-демографические процессы формируются на фоне снижения численности трудоспособного населения, понижения смертности и увеличения продолжительности жизни.

Увеличение доли пожилых людей как третьего (60+), так и четвертого (75+) возраста в социальной структуре общества способствует интересу научного сообщества к изучению социальных, социально-медицинских, социально-экономических проблем старости и старения. «Третий возраст» в своем большинстве можно охарактеризовать достаточной активностью в социально-экономическом плане, их образ жизни не соответствует господствующим стереотипам старости. «Четвертый возраст» связывают с утратой жизненных сил и необходимостью социальной помощи и поддержки [2].

При определении и понимании социологического феномена «старость» целесообразной представляется интеграция функционального и хронологического подходов. Функциональный подход к определению старения связан с глубинными изменениями социально-ролевых и статусных позиций человека, вызванными новой стадией социализации (например, потеря работы, изменение интенсивности межпоколенного взаимодействия, утрата члена семьи и т.п.). Хронологический подход к природе старения обусловлен функционированием пенсионного обеспечения по старости, что определяет в разных обществах унифицированные границы начала новой стадии жизни человека и меняет восприятие данной социальной общности с позиций других социальных групп. Такой подход к старости позволяет фиксировать количественно-хронологическое состояние процесса старения, а также качественное своеобразие возрастных особенностей социальной группы пожилых людей.

Люди старшего поколения представляют собой разнородную по своему составу социально-демографическую группу от относительно здоровых до обремененных недугами стариков, отличающихся разным уровнем благосостояния и достатка, имеющих разное образование и ин-

тесеры. Одни охотно принимают социальную помощь и поддержку от государства, как материальную, так и по организации быта и досуга, другие стараются сохранять самостоятельность, продолжая работать, третьи с удовольствием принимают новые семейные роли. Сам по себе хронологический процесс старения также сопряжен с физиологическими и социальными изменениями, на которые пожилые люди по-разному реагируют и к которым по-разному приспосабливаются. В этой связи интересным представляется изучение адаптационных и компенсационных механизмов к меняющимся социальным условиям, проявляющихся на стадии поздней социализации.

Цель данной статьи – рассмотреть основы изучения адаптационного потенциала человека к социальному старению через призму уже известных теоретико-методологических подходов и предложить методику его оценки.

Социальную адаптацию необходимо рассматривать как один из механизмов социализации. В поздней стадии социализации, когда изменяются социально-ролевые позиции и ценностные установки личности, социальная адаптация способствует включению в социальную среду, в том числе с использованием механизмов социальной компенсации, а также интериоризации новых социальных ролей. Успешная адаптация определяется достижением оптимального взаимоотношения с социальной средой за счет конструктивного поведения, дезадаптация проявляется в отсутствии оптимального взаимодействия личности со средой, сопряжена с различного рода социальными деprivациями.

Причем можно говорить о трех уровнях адаптации пожилых людей [3]:

1) уровень общества (макросреда). Степень принятия ценностных установок и ориентаций гетерогенных социальных групп общества, а также элементов культуры;

2) уровень группы (микросреда). Степень усвоения статусно-ролевых позиций и позитивной социальной идентичности;

3) уровень личности – степень приспособления к личностным изменениям в процессе старения и позитивная личностная идентичность.

Выделение уровневости дает основание комплексно и системно взглянуть на процесс адаптации, насколько воспринимаются усилия со стороны общества и государства по созданию благоприятной среды для пожилых людей, насколько позитивна идентификация с социальной группой и групповыми ценностями, определить индивидуально-личностные особенности восприятия проблем старости и старения, а

также выделить модели и стратегии поведения, формируемые разными когортами пожилых людей.

Теоретические положения, изложенные в данной статье, будут применяться в качестве методологической основы проведения дальнейших исследований гетерогенной по своей природе социальной группы старшего поколения.

Конкретизация понятий в области изучения старения

В целом в последнее десятилетие в научном понимании старости можно зафиксировать переломный момент: от понимания старения как периода жизни человека, характеризующегося утратами, лишениями, главенством медицинских интенций, эйджизмом со стороны других возрастных когорт [4–7], до осмысления старения как стадии социализации, где первостепенным становится не просто физическое самочувствие, а субъективное ощущение здоровья, в том числе здоровья социального, связанного с трудовой деятельностью, практиками образования и обучения, межпоколенным взаимодействием, причем здесь речь не идет о радикальном отказе от медицинских услуг [8–11].

В научной литературе появилось несколько понятий, характеризующих в той или иной мере процесс старения человека с точки зрения успешной и полноценной жизни: активная старость, активное долголетие, успешное старение, благополучное старение, ресурсный потенциал старшего поколения.

Концепцию «успешное старение» обосновали геронтологи Джон Роу и Роберт Кан [12]. Под успешным старением понимается образ жизни, обеспечивающий должный уровень здоровья, включенность в когнитивную и трудовую деятельность, а также в общественную жизнь. В 2002 г. эта идея фактически была отражена в нормативно-правовой модели активного долголетия в Рамочной стратегии активного долголетия Всемирной организации здравоохранения, а затем включена в Мадридский международный план действий по проблемам старения. Под активным долголетием понимался «процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и защищенности человека с целью улучшения качества жизни в ходе старения» [13]. Политика активной старости представляет собой комплекс унифицированных мер социальной политики, направленный на увеличение продолжительности жизни, сохранение и укрепление здоровья, повышение социального и психологического благополучия, расширение

возможностей участия в социальной и экономической жизни общества и, как следствие, обретение гражданами пожилого возраста большей самостоятельности и независимости. В России проект Концепции политики активного долголетия разработан Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» [14]. Сегодня на государственном уровне предпринимаются попытки корректировки объективных условий жизни пожилых людей, например исполняются федеральный проект «Старшее поколение», входящий в национальный проект «Демография», регламентирующий социальную политику в отношении граждан старшего поколения до 2024 г., Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г., программа «Профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование граждан предпенсионного возраста на период до 2024 г.», Стратегия развития пенсионной системы до 2030 г. и т.п.

В целом, государственная политика активного долголетия создает социально-экономические условия для включенности старшего поколения в социальную жизнь общества и способствует адаптации пожилых граждан, наращивая потенциал гериатрической помощи, развивая институт социальной помощи и обслуживания, вовлекая в решение медико-социальных проблем старшего поколения частные медицинские организации, внедряя бесплатные программы переподготовки и повышения квалификации.

Критику модели продуктивной старости связывают прежде всего с тем, что общество отказывается приспосабливаться к демографическим изменениям, а призывает пожилых людей выполнять социальные роли, свойственные второму возрасту [15].

Если «активная старость / активное долголетие / успешное старение» определяется объективными, институциональными условиями старения, то «ресурсный потенциал» в большей степени опосредует интервенцию в жизненный мир разнородной по своему составу группы пожилых людей. Исследования в данной предметной области базируются на теоретических положениях концепции человеческого капитала: в течение жизни человек аккумулирует знания, навыки, здоровье, которые позволяют ему реализовывать свой потенциал в качестве полезного члена общества. И.А. Павлова и О.П. Недоспасова [16] подчеркивают, что понятия «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» не тождественны друг другу. Потенциал дает возможность реализации и/или самореализации личности, но не априорный факт реализации.

Ресурсный потенциал старшего поколения – это качественные характеристики индивида, значимые для него лично и дающие возможность эффективно взаимодействовать с другими людьми, участвовать в социально-экономической жизни общества [17].

З.П. Замараева с целью оптимизации работы социальных служб предлагает типологизировать ресурсный потенциал людей старшего поколения на низкий, средний и высокий. Ресурсный потенциал определяется разницей между задействованными и не задействованными личностью ресурсными возможностями. Для измерения ресурсного потенциала индивида выделяются следующие показатели [18]:

- уровень трудоспособности;
 - уровень образования;
 - уровень материального обеспечения;
 - степень стремления приобретать новые знания и навыки;
 - уровень мотивации на самообеспечение;
 - степень мотивации на занятость;
 - степень мотивации на оказание помощи другим людям;
 - возможность в трудных жизненных ситуациях получить помощь от друзей, родственников, детей, соседей;
 - возможность в трудных жизненных ситуациях получить помощь от социальных служб и других организаций социального профиля;
 - уровень доступности в трудной жизненной ситуации помощи от общественных организаций.
- Таким образом, ресурсный потенциал человека, учитывая уровень сохранения человеческого потенциала людей старшей возрастной группы, может определять адаптационный потенциал разнородной по своему составу социальной группы пожилых людей, выделяя когорты, склонные к социальной дезадаптации, которым необходима дополнительная социальная помощь и поддержка.

Подходы к оценке адаптационного потенциала

Адаптационный потенциал можно определить как совокупность явных и латентных возможностей человека оптимально включаться в изменяющиеся или новые условия окружающей его социальной среды. Он детерминирован развитием человеческого капитала и ресурсного потенциала.

Теоретическое осмысление содержания понятия «адаптационный потенциал» позволяет выделить его характерные свойства.

1. Адаптационный потенциал сложно структурирован, что дает возможность рассматривать

его в качестве интегральной переменной, включающей в себя совокупность как индивидуальных, так и социальных позиций человека.

2. Адаптационный потенциал обусловлен не только явными, но и латентными проявлениями, которые могут обнаружиться при определенном воздействии факторов социальной среды.

3. Успешность адаптационного процесса зависит от способности реализовать адаптационный потенциал путем осознанного выбора жизненных стратегий, умения предвидеть и прогнозировать социальную ситуацию.

Мировым сообществом уже активно используется практика количественной оценки благополучия и оценки развития социальной среды старшего поколения в рамках разработанных интегральных индексов, позволяющих поместить на одну измерительную шкалу несколько показателей, фиксирующих комплексные характеристики изучаемого феномена.

Индекс человеческого развития (Human Development Index), применяемый начиная с 1990-х гг. в ООН, оценивает развитие человека по трем ключевым параметрам: доход, образование, здоровье.

В качестве инструмента мониторинга политики и мер активного долголетия в европейских странах с 2012 г. введен индекс активного долголетия (Active Ageing Index, AAI), под которым понимается комплексный количественный показатель, характеризующий степень использования возможностей людей старшего возраста вносить вклад в экономику, а также показатели оценки степени благоприятности социальной среды [19]. Индекс активного долголетия интегрирует четыре показателя:

- занятость (активность пожилых людей в сфере занятости, но показатель не учитывает интенсивность занятости или качество рабочего места);

- включенность в общественную жизнь (волонтерская деятельность, уход за детьми, внуками, уход за больными и инвалидами, участие в политической жизни);

- независимая, здоровая и безопасная жизнь (занятия физической культурой и спортом, доступ к услугам здравоохранения и стоматологическим услугам, независимое/самостоятельное проживание, относительный уровень дохода, отсутствие тяжелой материальной депривации, физическая безопасность, участие в образовательных проектах);

- адаптированная и благоприятная среда (степень достижения целевой продолжительности жизни, доля лет здоровой жизни в ожидаемой продолжительности жизни, психологическое благополучие, использование информаци-

онно-коммуникационных технологий, развитые социальные связи, уровень образования).

Первые три позиции индекса активного долголетия измеряют ресурсный потенциал пожилых людей, четвертая – оценивает факторы, которые способствуют или препятствуют реализации потенциала пожилых в будущем.

Глобальный индекс наблюдения за старением (Global Age Watch Index) фиксирует следующие области измерений/домены и индикаторы: материальной обеспеченности (относительное благосостояние, уровень бедности, охват пенсионным доходом); состояние здоровья (продолжительность жизни, продолжительность здоровой жизни, психологическое благополучие); личный потенциал (занятость, уровень образования); благоприятная среда (социальные связи, физическая безопасность, гражданские свободы, доступность общественного транспорта).

Глобальный пенсионный индекс (Natixis Global Retirement Index) – это показатель, определяющий благосостояние людей пенсионного возраста, для сравнения и ранжирования национальных особенностей качества жизни пенсионеров. Индекс фиксирует четыре группы жизненных параметров:

- материальное благополучие (уровень экономического неравенства, уровень безработицы, средняя заработная плата);

- здравоохранение (продолжительность жизни, расходы государства на здравоохранение на душу населения, расходы по страхованию здоровья);

- качество жизни (удовлетворенность жизнью, уровень загрязнения атмосферы, качество воды и санитарная обстановка, биологическое разнообразие и среда обитания, окружающая среда);

- финансовое состояние (доля пенсионеров по отношению к работающему населению, невозвращаемые банковские кредиты, инфляция, процентная ставка, налоговое бремя, государственное управление, уровень госдолга).

Рассмотренные интегральные (композитные) индексы рассчитываются на основе статистических показателей, апеллируя в своем большинстве к социально-экономическим позициям, фиксирующим три обширные области: экономическую, социально-гуманитарную, социально-политическую – на основе хронологического возраста человека для оценки национальной специфики процесса старения, а также для ранжирования и выделения рейтинга стран. Для каждой области измерений устанавливается определенный перечень индикаторов, которому соответствует конкретный статистический показатель, представленный в виде положительного коэффициента со значениями от 0 до 100

процентов, где более высокое значение отражает более высокий уровень реализации потенциала пожилых людей [20]. Интегральное значение показателей по различным доменам/областям измеряется путем последовательного агрегирования с использованием весовых коэффициентов, которые определяются экспертами в зависимости от степени значимости конкретной сферы.

Система показателей, выделенных в описанных выше интегральных индексах, может быть использована для оценки социальной адаптации старшего поколения как гетерогенной социальной группы, а также дополнена комплексом качественных показателей.

Параметры измерения адаптационного потенциала

Уровень развития адаптационного потенциала характеризуют переменные, описывающие социально-демографические характеристики

(состояние здоровья, уровень материального благополучия, хронологический возраст, место проживания, пол, семейный статус, уровень образования, наличие / отсутствие детей).

Переменные, описывающие включенность в социальную жизнь, и их характеристики представлены в таблице. Их измерение может происходить по заранее определенной шкале от меньшего признака к большему. Нереализуемый признак можно обозначать значением «ноль».

Оценку доменов предлагается проводить по двум позициям: мотивированность на реализацию показателя и уровень реализации показателя. Исключение составляют те позиции, в которых отсутствие на мотивированность можно рассматривать как социальную депривацию. Причем показателям занятости и семейных межпоколенных отношений можно присвоить вес 1.5 относительно других показателей, т.к. данные сферы являются основополагающими в определении стратегии адаптации.

Таблица

Домены и индикаторы, характеризующие включенность в социальную среду	
Переменные, характеризующие включенность в социальную среду	Индикаторы
Занятость, приносящая доход	– уровень мотивированности на оплачиваемую работу – уровень удовлетворенности работой
Общественно-полезная деятельность	– уровень мотивированности на участие в волонтерской деятельности – вовлеченность в волонтерскую деятельность – уровень мотивированности на участие в политической деятельности – вовлеченность в политическую деятельность – уровень мотивированности на участие в деятельности органов самоуправления – вовлеченность в деятельность органов самоуправления
Освоение программ обучения, в том числе в университетах третьего возраста и онлайн-обучения	– уровень мотивированности на обучение – вовлеченность в освоение программ обучения, в том числе в университетах третьего возраста и онлайн-обучения
Социально-культурный отдых и досуг	– уровень мотивированности на занятия спортом и физической культурой – вовлеченность в занятия спортом и физической культурой – уровень мотивированности на занятия художественной самодеятельностью – вовлеченность в художественную самодеятельность – уровень мотивированности на совершение туристических поездок – частота совершения туристических поездок – уровень мотивированности на посещение спортивных мероприятий, музеев, выставок, других культурных пространств – частота посещения спортивных мероприятий, музеев, выставок, других культурных пространств
Творческая деятельность	– уровень мотивированности на творческую деятельность – вовлеченность в творческую деятельность
Работа на приусадебном/садовом/дачном участке	– уровень мотивированности на работу на приусадебном/садовом/дачном участке – вовлеченность в работу на приусадебном/садовом/дачном участке
Семейные межпоколенные отношения	– уровень удовлетворенности супружескими отношениями – уровень удовлетворенности отношений с детьми – уровень удовлетворенности отношений с внуками/правнуками

Окончание таблицы 1

Пассивный отдых	– уровень мотивированности на чтение книг/журналов/газет – частота чтения книг/журналов/газет – уровень мотивированности на просмотр телевизора – частота просмотра телевизионных программ – уровень мотивированности на прослушивание радио – частота прослушивания радио
Отношения с друзьями, соседями, коллегами/бывшими коллегами по работе	– уровень удовлетворенности отношениями с друзьями – уровень удовлетворенности отношениями с соседями – уровень удовлетворенности отношениями с коллегами/бывшими коллегами по работе
Использование информационной среды интернет-пространства для оптимизации жизнедеятельности	– частота использования Единого портала госуслуг – частота использования интернет-пространства для чтения новостной информации – использование различных мессенджеров для коммуникации – частота использования интернет-банкинга
Востребованность институтов социального обслуживания	– уровень востребованности институтов социального обслуживания – уровень удовлетворенности институтами социального обслуживания

Выделенные показатели достаточно емко описывают основные сферы организации жизнедеятельности человека: занятость, досуг, межличностные отношения, возможности информационной оптимизации личного пространства, принадлежность к институциональной организации старения.

Заключение

Старшее поколение представляет собой разнородную социальную группу. Можно предположить, что их адаптационный потенциал значительно дифференцирован, причем высокую адаптационную значимость представляет человеческий капитал, неотделимый и неотчуждаемый от человека. На основе уже известных теорий предложен подход, который дает возможность установить, интегрировать и классифицировать такие ресурсы в обобщенный комплексный индекс. Применение такого интегрального показателя в практике работы с пожилыми людьми будет способствовать значительному расширению понимания адаптационных процессов в поздних стадиях социализации, позволит оценить влияние адаптационного потенциала на формирование успешных жизненных стратегий социального поведения.

Список литературы

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.vestnik-soc.unn.ru/ru/nomera?anum=11272> (дата обращения: 07.06.2021).
2. Лэнгле А. Что приносит с собой старость? Страдания и зрелость как экзистенциальный вызов // Экзистенциальный анализ. 2016. № 8. С. 31–40.
3. Тукумцев Б.Г., Ковалева Н.Г. Образ жизни как фактор адаптации к жизни на пенсии // Психология зрелости и старения. 2004. № 2. С. 34–53.
4. Колпина Л.В. Эйджизм в обслуживании пожилых граждан учреждениями здравоохранения и социальной защиты: Монография. Ульяновск: Зебра, 2015. 128 с.
5. Горфан Я.Ю. Предубеждения в отношении пожилых людей как фактор их виктимизации // Электронный журнал «Психологическая наука и образование». 2012. № 2. URL: https://psyjournals.ru/files/53449/psyedu_ru_2012_2_Gorfan.pdf (дата обращения: 10.06.2021).
6. Микляева А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен: Монография. СПб.: Речь, 2009. 160 с.
7. Комиссарова А.А. Геронтофобия как проблема современного общества // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 4(7). С. 46–46.
8. Rogozin D.M. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
9. Vincent J. Oldage. New York: Routledge, 2003. 208 p.
10. Барсуков В.Н., Чекмарева Е.А. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего возраста» // Проблемы развития территорий. 2017. № 3 (89). С. 92–108.
11. Барышева Г.А., Иванкина Л.И., Клемашова Е.И. Вовлеченность в образовательные проекты – ключевой фактор в реализации ресурсного потенциала человека в третьем возрасте // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 161–163.

12. Rowe J.W., Kahn R.L. Successful Aging // *The Gerontologist*. August 1997. Vol. 37. Iss. 4. P. 433–440.
13. Мадридский международный план действий по проблемам старения, принят Второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, Мадрид, 8–12 апреля 2002 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 10.06.2021).
14. Концепция политики активного долголетия: научно-методологический доклад к XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Сиянской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 40 с.
15. Кампос А.Д., Чебан А.Г. Возрастная идентичность: вызов концепции активной старости // *Клиническая геронтология*. 2018. № 9–10. С. 26–26.
16. Павлова И.А., Недоспасова О.П. Ресурсный потенциал старшего поколения: от уточнения терминологии к разработке рекомендаций по повышению степени его реализации в социуме // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 456. С. 115–127.
17. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // *Социологические исследования*. 2008. № 8. С. 55–61.
18. Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в современной системе социальной защиты и социального обслуживания населения России. Пермь: Пермский государственный университет, 2009. 181 с.
19. Приказ Росстата от 31.10.2019 № 634 «Об утверждении методики расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_337013/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/ (дата обращения: 08.06.2021).
20. Ключникова Е.В., Шитова Е.М. Методические подходы к расчету интегрального показателя, методы ранжирования // *Электронный научно-практический журнал «ИнноЦентр»*. 2016. № 1(10). URL: [http://innoj.tversu.ru/Vipusk1\(10\)2016/2%20-%20%D0%9A%D0%BB%D1%8E%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf](http://innoj.tversu.ru/Vipusk1(10)2016/2%20-%20%D0%9A%D0%BB%D1%8E%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf) (дата обращения: 10.06.2020).

ADAPTIVE CAPABILITY TO SOCIAL AGEING

M.V. Prokhorova

Nizhny Novgorod State Technical University R.E. Alekseev

The article discusses the adaptive capabilities of a person to a late stage of socialization caused by the socio-demographic changes existence in society and the consistent increase in the number of the older generation. The author considers the main theoretical and methodological approaches of capability and offers an integral method for its assessment. The level of development of adaptive capacity is determined by human assets are the health status, the level of material welfare, the chronological age, the place of residence, the gender, the marital status, the level of education, the existence or absence of children, as well as indicators characterizing inclusion in the social environment: employment, leisure, interpersonal relations, opportunities for information optimization of personal space, belonging to the institutional organization of aging. Each area of inclusion measurement in social life has its own list of indicators that assess the motivation for the implementation of the indicator and the level of its implementation. The author believes that the usage of integral index when working with elderly people can significantly expand the understanding of adaptation processes to changing social and role settings, and also allows us to assess the impact of adaptive potential on the formation of successful life strategies in oldness.

Keywords: senior generation, resource potential, active ageing, adaptation, adaptive potential, human capital, integral index.

УДК 316.4

DOI 10.52452/18115942_2022_1_117

ХОББИ ИЛИ ПРОФЕССИЯ? ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ НАПРАВЛЕНИЯ САЙНС-АРТ

© 2022 г.

Е.Н. Рассолова

Рассолова Елена Николаевна, младший научный сотрудник Социологического института РАН
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
Санкт-Петербург
enrassolova@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 02.09.2021**Статья принята к публикации 18.01.2022*

Современное общество определено возникновением новых профессий и направлений, которые переходят от занятий к профессиям и легитимируются. В статье рассматриваются особенности профессионализации направления science art и особенности развития этого направления в России.

Основным методом исследования выступают биографические интервью с учеными, художниками и архитекторами – представителями сайнс-арта в Набережных Челнах, Казани, Томске и Санкт-Петербурге ($n=22$). Для анализа интервью применялась нарративная стратегия, в рамках которой анализировались смыслы карьеры и профессионального пути индивидов, вовлеченных в сайнс-арт-проекты. Выделены две стратегии профессионализации сайнс-арта. Первая стратегия – «сверху» – обусловлена возникновением новых магистерских программ и профессионализацией направления сайнс-арт в вузах, вторая стратегия – «снизу» – связана с развитием практики сайнс-арта вне академических сообществ. Выделенные стратегии обращают внимание на то, что, с одной стороны, формальная институционализация профессии – это путь для крупных городов России, с другой стороны, для менее ресурсных центров характерно развитие сайнс-арта в формате сообществ по интересам и включение в них как художников, так и ученых, в том числе специалистов и преподавателей семинаров и воркшопов.

Ключевые слова: ученые, сайнс-арт, профессионализация, стратегии профессионализации сайнс-арта, развитие сайнс-арта в регионах.

Введение

Современное общество характеризуется возникновением новых ниш профессиональной деятельности, которые развиваются, легитимируются и вырабатывают свои формы регулирования. Некоторые из новых видов трудовой активности входят в так называемую «креативную экономику», основанную на результатах интеллектуального труда в таких сферах, как искусство, театр, литература, дизайн, разработка программного обеспечения, реклама и др. [1]. Одним из ключевых трендов «креативной экономики» можно считать профессионализацию занятий, которые ранее относились к хобби: рукоделие, DIY, рисование, изделия ручного труда, видео- и фотография и др. Интересными в данном ключе выступают вопросы о том, как происходит профессионализация творческих (креативных) направлений (от англ. create – создавать, творить), как социологам следует осмысливать становление и развитие новых направлений профессиональной деятельности.

В контексте данной статьи нами была предпринята попытка рассмотреть профессионализацию и становление в России одного из таких

креативных направлений деятельности – сайнс-арта. Основные задачи текущего исследования состоят в следующем: выделение стратегий профессионализации данного направления деятельности, анализ успешности развития сайнс-арта в России, раскрытие ролей различных акторов в профессионализации сайнс-арта, оценка продуктивности предпринимаемых усилий. Для понимания успешности важна не только степень завершенности процесса легитимации творческой деятельности, но и понимание проблем и барьеров, которые могут мешать развитию как самого сайнс-арта, так и «креативной» индустрии.

Концептуальные рамки направления сайнс-арт

В культурологии и философии используется несколько определений термина science and art: «арт-сайнс», «научообразное искусство», «научное искусство» [2]. По мнению О. Левченко, science-art (сайнс-арт) – формирующееся направление актуального искусства, где при помощи современных технологий, материалов и новейших выразительных средств, основанных на научных

методах, разработках и достижениях, воплощается в жизнь художественный образ [3]. В текущей статье нами будет применено русскоязычное написание термина *science art* – сайнс-арт, так как в российской научной литературе данные словосочетания считаются эквивалентными.

Для более глубокого понимания самой категории «сайнс-арт» совершим краткий экскурс в историю развития данного художественного направления. В 50-х годах XX века появляется дискуссия о «противоборстве двух культур» (науки и искусства), получившая выражение в работах Ч. Сноу и Е.Л. Фейнберга [4, 5]. Ч. Сноу обозначает это «противоборство» как проблему поляризации западной культуры, ее разделения на две части (на одном полюсе – художественная интеллигенция, на другом – ученые), что оценивается им как «очевидная потеря... для нашего современного общества. Это практическая, моральная и творческая потеря» [4]. Решением данного вопроса должна была стать синергетика – междисциплинарное направление науки, объясняющее образование и самоорганизацию моделей и структур в открытых системах, далеких от равновесия [6]. Предполагалось, что синергетика будет служить своеобразным «мостом» над пропастью, разделяющим ученых и неученых. Синергетика должна была стать «третьей культурой», развивающейся наравне с привычными наукой и искусством. Синергетический проект направил внимание научного сообщества на зоны пересечения различных дисциплинарных областей, где генерация нового знания происходила более интенсивно, чем внутри отдельных дисциплин. Так рассмотрение наук и искусств на междисциплинарном уровне привело к возникновению в начале 90-х гг. XX века нового направления современного искусства – сайнс-арт, которое не развилось в «третью культуру» (первая – наука, вторая – искусство) [7].

Особенностью современного сайнс-арта является объединение разных способов восприятия и понимания мира – чувственного и научного [8]. На наш взгляд, важно то, что произведения «научного искусства» сочетают в себе серьезную исследовательскую базу, достижения ученых и, одновременно, обращение к эмоциям зрителя, позволяя не только осмыслить, но и «прочувствовать» науку. В поле «научного искусства» зачастую неразличимы границы художественного творчества и научного исследования. Современный художник, как и ученый, ставит эксперименты.

Таким образом, сайнс-арт может служить средством представления научных идей для широкой аудитории, давая ученым дополни-

тельные возможности представить научное открытие обществу, помимо классической коммуникации внутри академического сообщества и публикаций в академическом журнале. Сайнс-арт в данном случае становится методом визуальной репрезентации в перформативной форме научного взгляда и анализа научных проблем через созерцание продукта «научного искусства» и создание рациональной рефлексии у человека, который рассматривает само произведение [9–11]. В презентации произведения сайнс-арта немаловажную роль играют зрители, которые становятся не просто «статичными посетителями перформансов и выставок», а участниками и создателями самой выставки, имеющими свой критический взгляд и влияющими на развитие открытия [12]. Таким образом, именно визуальный компонент сайнс-арта позволяет рассмотреть и критически анализировать научное открытие.

Основной идеей для сайнс-арта выступает поиск выразительных средств в репрезентации научных фактов и их визуальном изложении для зрителей. Это попытка рассмотреть известное в узких академических кругах научное открытие, сделав его доступным для аудитории и посетителей, не являющихся частью академического мира. Одной из немаловажных задач сайнс-арта в таком ключе выступает предвосхищение образов и изобретений будущего, предупреждение человечества об опасности или, наоборот, возможностях изобретения и научного открытия работать во благо.

Также важно отметить, что сегодня существуют две различные позиции рассмотрения сайнс-арта в исследованиях. Если в России сайнс-арт воспринимается как искусство и маркируется как «искусство, использующее науку в качестве художественных средств выражения», то зарубежные исследования (преимущественно американские и европейские авторы) акцентируют внимание на том, что потенциал сайнс-арта может раскрываться в дихотомической связи науки и искусства, где «научное искусство» может выступать как форма научной, так и художественной деятельности [13]. При этом одной из особенностей русскоязычного понимания сайнс-арта выступает расширение науки. Если зарубежное определение *science* связано с физическими и естественными науками, то русское определение «наука» включает в себя как естественные, так и гуманитарные науки, что создает как сложности в понимании предметного поля сайнс-арта, так и трудности с профессионализацией.

Таким образом, в России сайнс-арт оказывается полем, для которого еще не до конца определена дисциплинарная и предметная принадлежность, что создает сложности с профессионализацией.

Профессионализация сайнс-арта

Существующее сегодня в международном дискурсе определение профессионализации описывает этот процесс как развитие, при котором занятия (occupations) становятся профессиями (professions) [14, 15]. В англосаксонской традиции концептуализации профессионализации основным выступает выделение различных содержательных этапов, когда занятия обретают статус профессий. В этом процессе наиболее значимую роль играют образовательные институты, через которые осуществляется профессиональная подготовка и происходит становление профессионалов, а диплом дает доступ к возможности заниматься деятельностью.

С одной стороны, профессионализацию можно трактовать как обретение монополии на рынке труда и закрепление статуса профессии, а также экспертной власти через получение соответствующего образования, как возможность иметь право заниматься подобной деятельностью, а с другой стороны, процесс профессионализации можно рассматривать как развитие отдельных профессионалов и групп, направленной деятельности [15]. Последнее направление рассматривается во многих исследованиях, прежде всего как социально-исторический процесс развития профессиональной интеллигенции и профессиональных групп [16]. К таким профессиональным группам можно отнести такие профессии, как менеджеры или социальные работники [17, 18]. Важными показателями профессионализации авторы исследований отмечают придание профессионального статуса какой-либо группе, создание более сложных профессиональных отношений, развитие института профильного образования, легитимацию занятия в обществе.

В случае сайнс-арта придание профессионального статуса профессии означает развитие института образования и подготовки, обучения профессии сайнс-арта, а также развитие нормативно-правовой базы по данной специальности, регламентацию деятельности и профессиональной подготовки. В данной статье мы рассматриваем профессионализацию сайнс-арта прежде всего как обоюдный процесс заинтересованных в этом художников и ученых, считающих сайнс-арт перспективной областью, но развивающих его как хобби и дополнительное направление, а также как направление в университетах, в рамках создания магистерских программ.

Методология

Основным методом исследования выступают биографические интервью с учеными, худож-

никами и архитекторами – представителями сайнс-арта в гг. Набережные Челны, Казань, Томск и Санкт-Петербург. Данные города были выбраны, так как отличаются разным уровнем развития сайнс-арта. К примеру, в Томске и Санкт-Петербурге имеются магистерские программы по данному направлению подготовки, в Казани есть НИИ экспериментальной эстетики, который ведет свою историю с СКБ в составе университета, а в городе Набережные Челны данная область искусства и профессиональной деятельности находится на этапе формирования. Всего было собрано 22 интервью ($n=22$). Для анализа интервью применялась нарративная стратегия, в рамках которой анализировались смыслы карьеры и профессионального пути индивидов, вовлеченных в сайнс-арт-проекты. Все информанты имели различный профессиональный бэкграунд в рамках сайнс-арт-проектов.

Результаты.

Профессионализация сайнс-арта. Траектория «сверху»

Развитие сайнс-арта создало возможности для возникновения специализированных профессиональных программ, посвященных этому направлению искусства, с представлением в качестве выпускной квалификационной или дипломной работы перформанса или выставки. Так, например, в США science-art активно поддерживается серьезными учебными заведениями – в МИТ существует Центр науки, искусства и технологии, а Нью-Йоркская школа визуальных искусств запустила программу по биоарту [19].

История формальной институционализации сайнс-арта в России показательна и интересна с точки зрения понимания актуальных трендов. Российский сайнс-арт начал активное становление существенно позже европейского и американского. Если динамичное развитие сайнс-арта в США можно датировать с конца 90-х годов XX в., хотя встречаются и более ранние отдельные образцы, которые, тем не менее, на момент их создания не номинировались как часть самостоятельного направления искусства, то в России это – середина 2000-х годов. О.Е. Левченко выделяет следующие причины такого положения дел: 1) общая тенденция «запаздывания» современного искусства в России; 2) проблема недостаточного финансирования инновационных проектов в сфере искусства; 3) отсутствие выстроенного диалога между сообществами ученых и художников (преимущественно по причине закрытости и вынужденного бюрократизма научных институций); 4) проблема недоста-

точной оснащенности площадок для экспонирования научно-технологического искусства [3].

Рассматривая советский опыт в области сайнс-арта (научного искусства), можно констатировать противоречивость положения этого направления искусства. «Экспериментальное» искусство (в СССР еще не было современного названия «сайнс-арт») на протяжении долгого времени (вместе с кибернетикой) находилось в полумаргинальном положении. Так, в «Философский словарь» 1954 года издания попала характеристика кибернетики как «реакционной лженауки». Энтузиастами из числа ученых предпринимались попытки реабилитации зарождающейся области искусства и придания ей легитимного статуса. В то же время содержательно (с конца 1950-х годов) сайнс-арт развивался не только в направлении художественных инсталляций, но и в области музыки и поэзии. Первые опыты в области кибернетической музыки относятся к концу 50-х гг., когда малая ламповая программно-управляемая машина из семейства ЭВМ «Урал» написала первую композицию по заданному алгоритму в 1959 г. [20]. В Казани с 1960-х гг. на базе студенческого конструкторского бюро «Прометей» в КАИ им. Туполева (сейчас НИИ экспериментальной эстетики «Прометей» при АН РТ) была возможность представить свой дипломный проект в виде художественной инсталляции (например, светомузыкальный куб) [21].

На сегодняшний день область сайнс-арт в России активно институционализируется, развиваются образовательные программы [20]. Легитимируется профессиональное сообщество – в «Атласе профессий будущего 2030» от «Сколково» указана профессия «science-художник», которая, по мнению авторов-составителей, должна была появиться до 2020 года. В описании к данной профессии указано: «Человек, который в своей творческой практике использует научные данные и знания». Уже существует ряд магистерских программ по сайнс-арту, например в Центре искусства и технологий в Университете ИТМО – «Art & Science», «Цифровое искусство» (Digital Art) в ДВФУ (Владивосток), «Art&Science: Искусство. Дизайн. Технологии» на базе Института искусств и культуры в ТГУ (Томск), «Технологическое искусство» в МИСиС (Москва) [22]. Одной из особенностей магистерских программ является практико-ориентированный формат, защита дипломов представлена в виде презентации проектов, а сессии – в формате выставок [23]. На сайтах учебных заведений, где представлены программы сайнс-арта, указано, что «магистратура носит принципиально новый практико-ориентированный фор-

мат, переложенный на модульный принцип. Студентов ждут восемь модульных блоков, состоящих из актуальных двухнедельных воркшопов – видеомэппинг, современная сценография, нейронные сети и компьютерное зрение, VR/AR, сайнс-арт и другие». Студенты магистерских программ сайнс-арта имеют возможность выбрать индивидуальную образовательную траекторию [24].

Как отмечают многие художники (выступившие в качестве информантов), в сфере сайнс-арта существует необходимость в приведении в единую систему и обобщении полученного ранее опыта, а также в объединении академического сообщества – исследователей, готовых представлять экспонаты сайнс-арта в таком формате, – и художников-практиков, которые могут улучшить качество репрезентации и подачи самого материала и создать перформанс. Кроме того, немаловажным фактором является то, что открытие сайнс-арт-магистратур позволяет специалистам из разных сфер выбрать сайнс-арт как профессию или метод представления, освоить способ презентовать и выражать свои идеи:

«Это как безусловная любовь, любовь с детства ко всем этим черным дырам, коллайдерам и вообще прочим техническим новинкам. Она покоряет тебя, и вот ты уже ничего не можешь с собой поделат и приходишь в этот необъятный мир науки и исследований, чтобы ощутить всю его красоту и понять все его особенности и возможности развития в нем. Поэтому я больше не политолог, а сайнс-арт-преподаватель и думаю, что для меня это навсегда» (м., 31, преподаватель программы сайнс-арт, Санкт-Петербург);

«До сих пор в России не было какого-либо образования по сайнс-арту, причем как до Урала, так и за Уралом. Сейчас стали развиваться магистратуры, и это крайне важно, потому что позволяет профессии стать настоящей и приобрести необходимые границы, что немаловажно, то есть, по сути, школа по сайнс-арту в России начинает развиваться» (ж., 28, преподаватель сайнс-арта, Санкт-Петербург).

Однако одна из проблем – это отсутствие необходимой научно-исследовательской базы для преподавания и развития сайнс-арта. Практикующие преподаватели программ сайнс-арта по-разному видят и определяют значимость вузовской профессионализации сайнс-арта, то есть профессионализации «сверху». Так, к примеру, художники, которые работают в сфере сайнс-арта, видят важность данного направления художественной деятельности и отмечают, что оно может быть представлено в вузах. При

этом для них сайнс-арт представляет собой скорее особые эстетику и стиль жизни, чем программу образования:

«Сайнс-арт для меня стал открытием, которое я сделал именно в Питере, и это открытие в первую очередь заключается в том, что здесь я смог делать что-то креативное, например, просто показывать своих роботов, мест коворкингов да и особых пространств, где, скажем так, витает дух сайнс-арта (улыбается), предостаточно. И поэтому я решил организовать здесь вот так, сейчас провожу раз в год выставки и наслаждаюсь, что могу показывать свои открытия и истории о том, как создаются новые роботы» (м., 24, программист-художник, Санкт-Петербург).

Немаловажным достоинством при профессионализации сайнс-арта «сверху» выступает возможность эстетизации научного открытия или факта в качестве перформанса и инсталляции. Например, ДВФУ регулярно проводит для студентов своей программы Digital Art итоговые выставки (с последующим обсуждением представленных работ) [25]. С развитием магистерских программ у преподавателей магистратуры по направлению сайнс-арта возникает важный вопрос о формулировании профессиональных стандартов. Через развитие стандартов и профессиональных программ преподавания по направлению сайнс-арта должна происходить легитимация этого вида профессиональной деятельности. С точки зрения информантов, в будущем подобная легитимация будет понята более широко и распространится на развитие новых видов профессиональной деятельности в сайнс-арте:

«Я считаю, что если есть программа (профессиональной подготовки. – Авт.), то, значит, есть и профессиональное сообщество. Да, это очень новое направление – сайнс-арт, и оно, можно сказать, сейчас только возникает, но, тем не менее, именно наличие обучения и специальных программ, на мой взгляд, свидетельствует о наличии и развитии профессионального сообщества и сообществ» (м., 31, преподаватель программы сайнс-арта, Санкт-Петербург).

Однако, как отмечают многие защитники идеи стратегии профессионализации сайнс-арта «сверху», профессионализация этого направления невозможна без роли и участия непрофессионалов. Имеются в виду специалисты, чаще всего это практикующие художники или ученые, которые выбирают данное направление как хобби для реализации своих идей, а затем могут проводить обучающие онлайн-лекции или воркшопы для энтузиастов и заинтересованных специалистов.

Профессионализация сайнс-арта «снизу»

Путь профессионализации сайнс-арта «снизу» можно описать как инициативу энтузиастов, что выражается в открытии специализированных выставок или пространств, иногда лабораторий, в рамках которых происходит перформанс в стиле сайнс-арт. Одним из трендов креативной экономики является создание креативных кластеров и общностей людей, обладающих творческим потенциалом и возможностью генерировать инновационные идеи и продукты, а также взаимодополняющих друг друга, что приводит к увеличению эффекта за счет синергии [26]. На наш взгляд, такая ситуация характерна для профессиональных сфер деятельности культуры и искусства, к которым относится и сайнс-арт. В мире есть много примеров таких кластеров, например в странах Европы («Город науки и искусств» в Валенсии, Испания), США (Нью-Йоркская школа визуальных искусств, Массачусетский технологический университет, Университет Карнеги-Меллона), а также Сингапуре (Музей науки и искусств), где помимо художников и дизайнеров к сайнс-арту могут проявлять интерес и профессиональные ученые (например, португальский биолог и художница Марта де Менезес меняет рисунки на крыльях бабочек и создает скульптуры из белков) [27].

В России данная стратегия профессионализации может быть сопряжена с различными сложностями финансового характера, а также с трудностями, связанными с потерей интереса или увлечения сайнс-артом у художников и молодых ученых:

«У нас, наверное, не сообщество в таком, может быть, традиционном и заезженном смысле этого слова: это – тусовка. Тусовка людей по интересам, которых объединяет интерес и желание что-либо время от времени создавать, связывать науку и искусство» (м., 35, эколог, Санкт-Петербург).

Как область «креативной экономики» сайнс-арт может быть одним из драйверов развития территории. По мнению урбаниста С. Мурунова, одним из важных факторов «перезагрузки» (термин С. Мурунова) города, в том числе и постсоветского, является наличие активных городских сообществ (городских активистов) и креативного бизнеса или индустрии (арт-кластеров и арт-резиденций как мест профессионализации «творческих» инициатив) [28].

Особенности профессионализации сайнс-арта в разных городах обусловлены тем, что там, где нет формальных магистерских программ и обучения по специальности «сайнс-арт», неформальные клубы по интересам и со-

общества становятся практически единственными центрами по обучению, возможностью демонстрации различных перформансов и проведения лекций. При этом сайнс-арт понимается в таких городах, с одной стороны, как занятие *occupation* и возможность сочетать науку и искусство, а с другой стороны, как образовательный проект.

Практикующие специалисты, которые выбирают сайнс-арт как одно из направлений профессиональной деятельности, в будущем готовы окончить магистерскую программу, но на данном этапе считают, что пока формальное профильное образование не демонстрирует должного качества и не отражает сути самой деятельности. Среди этой группы информантов сайнс-арт часто маркировался как хобби, но не как профессия:

«Я считаю, что пока это все еще не может быть наукой или даже профессией. В таком формате это больше баловство. Но прикольно, когда существует возможность вот так показать свои возможности и сделать, создать что-то креативное и необычное» (м., 29, художник, Санкт-Петербург).

Для стратегии профессионализации сайнс-арта «снизу» характерно сочетание работы в этой сфере с основным заработком в другой области. То есть сайнс-арт описывался в нарративах интервью как сфера для души, а деятельность, которая может приносить доход, была совершенно другой.

Показательно, что изначально именно стратегия профессионализации «снизу» создала в России основу для появления профессионального образования и подготовки специалистов в сфере «сайнс-арт». Пример НИИ экспериментальной эстетики «Прометей» достаточно хорошо иллюстрирует становление направления сайнс-арта в университете через энтузиазм представителей сообщества по интересам. Именно после присвоения официального статуса студенческому конструкторскому бюро «Прометей» стала возможной профессионализация «сверху». Подобные процессы происходили и после распада СССР, когда создавались различные выставки и перформансы, в рамках которых происходила профессионализация и развитие сайнс-арта, в том числе как университетского направления.

Профессионализация «снизу» особенно важна в городах, где нет образовательных программ по направлению сайнс-арта. Например, в Набережных Челнах данное направление искусства появилось только в 2020 году, когда была проведена «Виртуальная выставка цифрового искусства «Среда и медиум», с участием художников-энтузиастов из Санкт-Петербурга,

Барнаула, Минска и Набережных Челнов [28]. В апреле 2021 года была проведена интерактивная выставка Data Art: «Визуализация данных о татарской идентичности в городе и деревне» (с использованием средств визуализации сайнс-арта). Суммарно выставку посетили 380 человек [29].

«Идея создания такой выставки была у меня уже давно, но здесь, в Челнах, меня мало кто понимал. В городе сайнс-артом занимаются 1,5 человека от силы. Я сама пока пробую свои силы в генеративной графике, это очень дорогостоящие программы. Выставку провели полностью в игре Minecraft при поддержке локальной «Точки кипения», было интересно и необычно» (ж., 21, дизайнер, Набережные Челны).

В городах федерального значения и столицах субъектов РФ часто крупные музеи современного искусства выступают инициаторами сайнс-арт-активностей и проводят мероприятия, где могут принимать участие художники-энтузиасты из разных регионов России. Например, музей современного искусства «Гараж» в марте 2021 года представил выставку «Выбирая дистанцию: спекуляции, фейки, прогнозы в эпоху коронацены», на которую изначально поступило более 1000 заявок (было отобрано 33 участника, среди которых 11 групповых проектов) [30].

На федеральном уровне поддержка низовых инициатив в области сайнс-арта и современного искусства осуществляется через крупные всероссийские молодежные форумы, например «Таврида», которая сейчас существует на круглогодичной основе в виде тематических арт-школ. Летние смены форума представлены в виде «антишкол», где участники создают арт-проекты и получают базовые компетенции, позволяющие применять их и развивать уже в последующих авторских проектах.

«На «Тавриду» катаюсь уже 2-й или 3-й год подряд, всегда на антишколы по современному искусству и сайнс-арту. Мы работаем там в командах, времени очень мало, программа очень плотная. Итогом антишколы является вечер-перформанс с нашими проектными работами. Со многими участниками сдружился, планируем уже свои авторские проекты» (ж., 21, дизайнер, Набережные Челны).

Например, тематическая смена «Мир, любовь и роботы», прошедшая в июне 2021 года, была направлена на проработку базовых компетенций в сфере цифровых технологий, проектную работу в сфере прикладного искусства и создание творческих коллабораций среди участников. По оценкам организаторов форума «Таврида», всего «антишколы» посетили более 6 тыс. молодых деятелей культуры и искусств в возрасте от 18 до 35 лет [31].

Заключение. Пути профессионализации сайнс-арта в России

Итак, можно ли назвать профессионализацию сайнс-арта в России успешной? Профессионализация сайнс-арта сегодня, с одной стороны, находится только на начальном этапе. Очевидным достижением в профессионализации сайнс-арта является появление магистерских программ и дисциплин. В то же время налицо отсутствие консолидированных действий представителей двух стратегий: профессионализации «сверху» и «снизу». Также следует отметить отсутствие преемственности в профессионализации постсоветского сайнс-арта с опытами ученых и художников в СССР, когда практики развивались преимущественно при университетах в формате экспериментального бюро, а также в формате советского научпопа, в журналах «Химия и жизнь» и «Наука и жизнь» [32].

При этом в России есть идея создания нового направления современного искусства и возможности защитить диплом или диссертацию, используя методы сайнс-арта, что безусловно важно для перехода сайнс-арта из статуса занятия (occupation) в статус профессии (profession). Но наиболее серьезной проблемой в этом случае выступает определение статуса сайнс-арта как профессии. Пока эта проблема ограничивает возможности развития новых программ в вузах и регионах России. При этом немаловажным стимулом для развития магистерской программы по направлению сайнс-арта выступают ресурсы города и вуза. В городах с малой ресурсной базой профессионализация сайнс-арта возможна пока по стратегии «снизу» и создания профильных сообществ и мероприятий с перспективой в дальнейшем перерасти в создание полноценных лабораторий и мест для перформансов. Также следует отметить, что на текущем этапе представители стратегии профессионализации «снизу» отмечают, что это направление художественной деятельности не сформировало четкие профессиональные границы.

Список литературы

1. Что такое креативные индустрии // РБК тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5dd54dbf9a79471180f57ce7> (дата обращения: 15.10.2021).
2. Левченко О.Е. Освоение природы средствами сайнс-арта: «естественное» и «технологическое». М.: ФГБОУ ВО «РГГУ», 2016. 26 с.
3. Левченко О.Е. Science-art: проблемы терминологии // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 14 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/science-art-problem-terminologii> (дата обращения: 19.10.2021).
4. Carter S. The Emergence of Art-Science. London: Cambridge University Press, 2011.
5. Городской организм в трех измерениях / Квобзор. Режим доступа: URL: <http://kvobzor.ru/article/i2740> (дата обращения: 15.10.2021)
6. Brinkmann R. The Art and Science of Digital Compositing: Techniques for Visual Effects, Animation and Motion Graphics. Burlington: Morgan Kaufmann Publishers, 2008.
7. Lucier P. The Professional and the Scientist in Nineteenth-Century America // Isis. 2009. Vol. 100. № 4. P. 699–732.
8. Virine L., Trumper M. Project Decisions: The Art and Science. Auckland: Berrett-Koehler Publishers, 2019.
9. Замков А.В. Сайнс-арт как медиамодель возможного будущего // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 213–234.
10. Сноу Ч.П. Две культуры. М.: Прогресс, 1973.
11. Фейнберг Е.Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. М.: Наука, 1992.
12. Haken H. Synergetics. Springer-Verlag Berlin Heidelberg New York, 1982.
13. Вольнов И.Н. Science-Art: единство науки и искусства // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/science-art-edinstvo-nauki-i-iskusstva> (дата обращения: 19.10.2021).
14. Пруденко Я.Д. Кибернетика в гуманитарных науках и искусстве в СССР: анализ больших баз данных и компьютерное творчество. М.: Гараж, 2018. 308 с.
15. Galison P., Jones C.A. (eds.). Picturing Science, Producing Art. Routledge, 2014. P. 71–85.
16. Wilensky H.L. The Professionalization of Everyone? // The American Journal of Sociology. 1964. Vol. 70. № 2. P. 137–158.
17. Абрамов Р.Н. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М.: КомКнига, 2005. 280 с.
18. Московская А.А. Профессионализация менеджмента: цели, барьеры, перспективы // Социологические исследования. 2011. № 7. С. 26–36.
19. Evetts J. (ed.). Professional Work in Europe: Concepts, Theories and Methodologies // Economy and Society. 2008. Vol. 10. № 4. P. 1–31.
20. Evetts J., Gadea Sh., Sanchez M., Saez J. Sociological Theories of Professions: Conflict, Competition and Cooperation // Sociology Studies. 2009. № 7. P. 37–47.
21. Белокрылова О.С., Дубская Е.С. Мировой опыт формирования креативной экономики и возможности его использования в России // Пространство экономики. 2013. № 4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-opyt-formirovaniya-kreativnoy-ekonomiki-i-vozmozhnosti-ego-ispolzovaniya-v-rossii> (дата обращения: 20.10.2021).
22. Атлас новых профессий 3.0 / Под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина ПРО, 2021. 472 с.
23. Магистерская программа Art&Science: Искусство. Дизайн. Технологии / Институт искусств и культуры Томского государственного университета.

URL: <http://iik.tsu.ru/design/>. (дата обращения: 05.07.2021).

24. НИИ «Прометей». URL: http://prometheus.kai.ru/ogl_r.htm (дата обращения: 20.10.2021).

25. Первая в России магистратура «Цифровое искусство» открывает набор в ДВФУ. URL: https://www.dvfu.ru/news/admission/the_first_russian_master_program_digital_arts_opens_the_set_in_fefu/ (дата обращения: 20.10.2021).

26. Арт-визионеры: как на программе ТГУ Art&Science осмысливают будущее. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20190724/artscience-tsu/> (дата обращения: 20.10.2021).

27. Что такое Science Art. URL: <http://newtonew.com:81/science/science-art> (дата обращения: 20.10.2021).

28. Итоговая выставка программы Digital Art в ДВФУ / ДВФУ. URL: <https://vl.arttube.ru/diskussija-digital-amp-science-art-v-rossii-itogovaja-vystavka-programmy-digital-art-v-dvfu/> (дата обращения: 20.10.2021).

29. Виртуальная выставка цифровых художников ARTCUBE в Minecraft – Точке кипения. URL: <https://>

leader-id.ru/event/60309/ (дата обращения: 20.10.2021).

30. Гости фестиваля «Мин татарча сөйләшәм» узнают, как выращивать арбузы в городе // Татар-информ. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/gosti-festivalya-min-tatarcha-s-yl-sh-m-uznayut-kak-vyraschivat-arbuzy-v-gorode-5819915> (дата обращения: 20.10.2021).

31. «Выбирая дистанцию: спекуляции, фейки, прогнозы в эпоху коронацена» / Музей современного искусства «Гараж». URL: <https://garagemca.org/ru/exhibition/assuming-distance-speculations-fakes-and-predictions-in-the-age-of-the-coronacene> (дата обращения: 20.10.2021).

32. Креативная экономика и молодые творцы: арт-кластер «Таврида» открыл регистрацию на образовательные «антишколы». URL: <https://dobro.press/novosti/kreativnaya-ekonomika-i-molodye-tvortsy-art-klaster-tavrida-otkryl-registratsiu-na-obrazovatelnye-antishkoly> (дата обращения: 20.10.2021).

33. Визи Б. Химизм в скульптуре? // Химия и жизнь. 1989. № 10. С. 42.

HOBBY OR PROFESSION? FEATURES OF PROFESSIONALIZATION OF THE SCIENCE ART DIRECTION

E.N. Rassolova

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Modern society is defined by the emergence of new professions and new directions that are moving from occupations to professions and are legitimized. The article discusses the features of the professionalization of the science art direction and the features of the development of this direction in different cities in Russia. The main research method is biographical interviews with scientists, artists and architects – representatives of science art in Naberezhnye Chelny, Kazan, Tomsk and St. Petersburg (n=22). To analyze the interview, a narrative strategy was used, within the framework of which the meanings of the career and professional path of individuals involved in science art projects were analyzed. Two strategies of professionalization of science art in Russia are identified, which are presented in different cities and depend on various resources present in these cities. The first strategy of professionalization of science art is "from above", due to the emergence of new master's programs and the professionalization of the direction of science art in universities, the second strategy of professionalization "from below" is characterized by the professionalization of science art as an occupation and is associated with the development of the field of science art within the framework of the emergence of the community and the development of the direction within the communities themselves. The highlighted strategies allow us to judge that the development of professionalization of the direction has at least two ways: on the one hand, the creation of a profession and its institutionalization as the most effective way today in large cities of Russia, and on the other hand, the development of science art in the format of communities of interest and the inclusion of both artists and scientists, including specialists and teachers of seminars and workshops.

Keywords: scientists, science art, professionalization, strategies of professionalization of science art, development of science art in the regions.

УДК 316.628-053.9

DOI 10.52452/18115942_2022_1_125

ТЕХНОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2022 г.

Г.Г. Сорокин, Е.Н. Фокина

Сорокин Геннадий Геннадьевич, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры бизнес-информатики
Тюменского индустриального университета
sgena1@yandex.ru

Фокина Елена Николаевна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры бизнес-информатики
Тюменского индустриального университета
fokinaen@tyuiu.ru

*Статья поступила в редакцию 2.11.2021**Статья принята к публикации 19.01.2022*

Обосновывается значимость повышения образовательного уровня пожилых граждан для адаптации социума к последствиям демографического старения населения. Анализируются перспективы привлечения проектов неформального образования пожилых россиян для решения актуальных социально-экономических проблем российского общества. Совокупность проектов образования геронтов, функционирующих в РФ, исследуется авторами как социальная сеть. Отмечаются специфические характеристики, усложняющие внешнее управленческое воздействие и в значительной степени ограничивающие возможности применения по отношению к данной сетевой структуре традиционных управленческих технологий. Целью представленной статьи является разработка и теоретическое обоснование механизмов управления совокупностью проектов геронтообразования РФ. На основе обзора литературы по проблемам образования геронтов, а также результатов онлайн-опроса российских экспертов в данной области формулируются основные принципы и методы управленческого воздействия на национальную сеть геронтообразования РФ. Излагаются основные положения технологии управления процессом развития образования представителей старшего поколения в России. В соответствии с ними эффективное управление отечественной сетью геронтообразования может осуществляться посредством реализации косвенного управленческого воздействия – создания условий для саморазвития объекта управления в определённом направлении.

Ключевые слова: социология образования, социология управления, демографическое старение, образование пожилых людей.

Введение

В настоящее время в России значительно возрастает доля пожилых граждан. В экономической и социальной сфере российского общества всё сильнее проявляются негативные последствия демографического старения: спад рождаемости, возрастание дефицита трудовых ресурсов, повышение нагрузки на государственные системы социального обслуживания, здравоохранения и пенсионного обеспечения [1, с. 98]. Для России, как и для большинства европейских стран, всё более актуальной становится проблема выработки мер адаптации к трансформациям возрастной структуры населения [2, с. 252]. В сложившихся условиях исключительную важность приобретает использование социального, экономического и культурного потенциала старшего поколения для решения злободневных государственных задач, интеграции пожилых граждан во все сферы общественной жизни. Любые стратегии социального управления, предполагающие использование ресурсов геронтов, неизбежно оказываются свя-

занными с проблемой повышения образовательного уровня представителей старшего поколения [3, с. 230]. Очевидно, что к решению данной проблемы необходимо подходить с разных сторон, используя различные меры в комплексе. Одной из таких мер является привлечение ресурсов уже функционирующих в стране проектов неформального образования пожилых граждан.

Специализированные проекты неформального образования являются самыми массовыми агентами обучения пожилых людей в России. Ежегодно они охватывают десятки тысяч слушателей [4, с. 11]. Но возможности централизованного управленческого воздействия на совокупность проектов геронтообразования со стороны государства усложняются спецификой её организации. Данная социальная общность функционирует как сетевая структура. Составляющие её образовательные проекты (узлы сети) самостоятельно определяют цели и задачи своего функционирования, формируют собственную инфраструктуру. Они автономно функционируют в общей социокультурной среде и взаимодействуют друг с другом непосред-

ственно или через тезаурус – виртуальный информационный массив, совокупность данных, отражающих опыт образования старшего поколения. Традиционные управленческие технологии по отношению к такому специфическому объекту управления оказываются неэффективными [5, с. 302].

Названные обстоятельства обуславливают актуальность поиска нетрадиционных механизмов управленческого воздействия на национальную систему геронтообразования РФ, ориентирующих её функционирование на решение актуальных для российского общества задач. *Целью представленной статьи* является разработка варианта технологизации процесса управления национальной сетью проектов геронтообразования в России. Для достижения этой цели последовательно были решены следующие задачи:

- сбор эмпирических данных, характеризующих потенциальный объект управления;
- определение общих принципов и методов управления совокупностью проектов геронтообразования в РФ;
- разработка конкретных механизмов управленческого воздействия на процесс развития российских проектов неформального образования пожилых граждан.

Методология

Социальная сеть как научная категория активно изучается в современной социологии. Наиболее подробное описание специфики сетевых структур, особенностей их функционирования и развития было дано М. Кастельсом [6]. Большую роль социальных сетей в современном обществе, возрастание их влияния на различные социальные институты отмечают в своих работах Н. Фергюсон [7] и С. Огилви [8]. Проблемы управления социальными сетями детально изучались К.Н. Обуховым. Учёный характеризует сетевые структуры как специфический объект управления с низкой управляемостью [9]. Н.Н. Давыдовой, Е.М. Дорожкиной и В.А. Федоровым опубликован ряд работ, посвящённых изучению сетевых структур в образовании. Учёные выявили факторы их формирования и развития. Они также оценили возможности применения традиционных управленческих методов к сетевым структурам в сфере образования и пришли к выводу об их низкой эффективности [5].

Под термином «геронтообразование» мы понимаем совокупность практик массового образования лиц пожилого возраста, организованных и реализующихся с учётом их специфиче-

ских особенностей и потребностей. Сегодня опубликовано большое количество статей, рассматривающих психолого-педагогические и социальные аспекты образования представителей старшего поколения. Наиболее заметные труды принадлежат В. Дрейвсу [10], Ф. Боллову [11], Э. Смиту [1]. Они описывают специфические психологические и физиологические характеристики пожилых учащихся, обосновывают выделение образования пожилых в самостоятельное направление образования взрослых. Тенденции развития геронтообразования в мире и отдельных странах подробно рассматриваются в трудах Е. Халицкого [12], С.Ф. Тазиева [13], Б. Кромолиской [3]. В целом учёными отмечается рост числа специализированных образовательных проектов, количества их участников, а также формирование в обществе позитивного отношения к феномену образовательной деятельности в пожилом возрасте.

Отечественным исследователем Т.М. Кононыгиной было предпринято детальное изучение практик образования пожилых граждан, реализуемых в России. Ей удалось собрать обширный эмпирический материал, отражающий тенденции образования представителей старшего поколения в стране. Учёный приводит ряд убедительных аргументов о целесообразности государственной поддержки национальной системы неформального образования геронтов, участия государства в процессах развития национальной системы геронтообразования [14].

В то же время необходимо отметить, что, несмотря на наличие у совокупности практик образования пожилых в России объективных признаков сетевой структуры, до сих пор не предпринималось попыток реализации сетевого подхода к изучению сущности геронтообразования и возможностей управления его развитием в России.

С целью получения эмпирической информации, необходимой для выработки общих принципов и конкретных механизмов управленческого воздействия на функционирующую в России сеть учреждений неформального образования граждан пожилого возраста, в 2019–2020 гг. нами был проведен онлайн-опрос экспертов. Выборочная совокупность формировалась из учёных, изучающих проблемы геронтообразования, и организаторов образовательных проектов для пожилых. В опросе приняли участие 15 экспертов из 7 городов Российской Федерации: Москва (4 респондента), Санкт-Петербург (3), Новосибирск (2), Казань (2), Омск (2), Тюмень (1), Смоленск (1). Выборочная совокупность на 80% состояла из лиц, имеющих учёные степени доктора и кандидата наук. Средний возраст экс-

пертов – 42 года. Более половины опрошенных имели опыт непосредственного участия в практиках геронтообразования в качестве преподавателей. Для формирования выборочной совокупности использовался «метод снежного кома». Опрошенные эксперты рекомендовали для анкетирования своих коллег, статус и область научных интересов которых удовлетворяли требованиям выборочной совокупности. Для опроса использовался сервис Google. Респондентам были предложены 11 вопросов как в открытой, так и в закрытой форме с ограниченным числом вариантов ответа. Анкета условно делилась на три логических блока. Первый был нацелен на выявление представлений экспертов об условиях и перспективах массового образования пожилых граждан в России. Второй блок анкеты ориентировался на оценку возможностей использования ресурсов учреждений геронтообразования как агента образования старшего поколения. Вопросы третьего блока были посвящены выявлению специфики сети проектов геронтообразования как объекта управления и определению возможных механизмов управленческого воздействия на данную сетевую структуру. Здесь же экспертам было предложено определить значимость специфических характеристик проектов геронтообразования как факторов, препятствующих управлению ими извне. Роль фактора требовалось оценить по шкале от 1 до 5 (1 – не мешает управлению, 5 – значительно мешает управлению). Таким образом каждый респондент определял вес фактора. Сумма всех экспертных оценок (весов) давала общий коэффициент роли фактора. Из полученных значений был построен рейтинг факторов, в котором их значимость возрастает по мере увеличения соответствующего коэффициента.

Результаты

По мнению респондентов, главной задачей образования старшего поколения в настоящее время является адаптация геронтов к инновациям и изменениям в социуме (93%). Несмотря на ожидаемое увеличение на российском рынке труда числа пожилых работников, профессиональная подготовка геронтов как основная задача их образования была указана только в 26% ответов, это лишь незначительно превысило оценку в данном качестве «организации культурного досуга» (20%). В качестве интегральной цели геронтообразования отмечались и «противодействие деструктивным возрастным изменениям психики» (59%), «установление диалога с другими поколениями» (54%) и

«культурное и интеллектуальное развитие в пожилом возрасте» (33%).

Полученное распределение ответов позволяет сделать вывод, что для респондентов в целом характерно восприятие образования старшего поколения не как инструмента разрешения злободневных противоречий общества и государства, а скорее как универсального средства решения проблем пожилых людей. Можно также предположить, что выявленная позиция экспертов отражает присущую всему сообществу геронтологов (педагогов, работающих с пожилыми) инертность в восприятии социальных задач геронтообразования, подчинённость геронтофобным стереотипам образования, которые за последние несколько десятилетий уже стали традиционными. Данное обстоятельство свидетельствует о важности присутствия в рамках стратегий социального управления сетью геронтообразования мер воздействия на её собственную социокультурную среду. Под термином «социокультурная среда геронтообразования» мы понимаем широкий комплекс социальных и культурных факторов, детерминирующих процессы функционирования и развития сети проектов образования пожилых граждан.

Мы предложили респондентам оценить перспективы различных социальных организаций и институтов в качестве потенциальных субъектов управления национальной системой геронтообразования РФ. Для оценки были представлены структуры, которые к настоящему моменту добились наибольших успехов в образовании представителей старшего поколения, а также структуры, с которыми традиционно связывается будущее развития геронтообразования в нашей стране. Оценка экспертами возможностей различных организаций в решении проблемы массового образования пожилых граждан в нашей стране представлена в таблице 1.

Большинство структур, являющихся потенциальными субъектами управления геронтообразованием в России, по мнению экспертов, могут решать лишь отдельные задачи образования пожилых граждан, входящие в сферу их ответственности. Полученный результат тем не менее не означает, что задействовать данные структуры для массового образования представителей старшего поколения нецелесообразно. Напротив, тот факт, что решение отдельных задач под силу разным агентам, даёт основание утверждать, что для массового образования пожилых россиян данные структуры могут привлекаться сообща по принципу «разделения труда». Усилия разных агентов могут быть сосредоточены на реализации отдельных функций геронтообразования, обучении конкретных ка-

Таблица 1

**Оценка экспертами потенциальных агентов массового образования
старшего поколения россиян, %**

Агенты	Не могут охватить широкие массы пожилых россиян	Не могут реализовать эффективные программы обучения пожилых	Могут решить только отдельные задачи образования пожилых	Могут решить проблему в полной мере
Службы занятости	6.7	6.7	80.0	6.7
Учреждения культуры (библиотеки, клубы и т.д.)	13.3	20.0	60.0	6.7
НКО	33.3	6.7	40.0	20.0
Учреждения профессионального образования (вузы и ссузы)	0	6.7	66.7	26.7
Учреждения социальной защиты населения	0	33.3	40.0	26.7
Органы государственной власти	0	6.7	20.0	73.3

тегорий граждан или организации определённых образовательных программ. Эффект от такой кооперации может быть несравнимо большим, чем от усилий какой-то одной отдельной структуры. Но в то же время задача «разделения труда» предполагает координацию совместной активности агентов, что, опять же, связано с необходимостью определения общего управляющего центра, единого субъекта управления национальной системой геронтообразования.

Полученные выводы, очевидно, требуют уточнения. Необходимо конкретизировать, какие именно задачи способны решать различные агенты образования геронтов. Мы сопоставили частоту упоминания агента с представлениями респондентов о приоритетных целях современного геронтообразования. Сопоставление дало следующие результаты. Главными агентами профессиональной подготовки пожилых граждан выступают учреждения профессионального образования и службы занятости (по 27%). Адаптация геронтов к изменениям и инновациям была отнесена экспертами к сфере ответственности некоммерческих организаций (НКО) (40%), учреждений культуры (53%) и учреждений профессионального образования (60%). Учреждения культуры и социальной защиты обладают наибольшим потенциалом сближения различных поколений и установления межпоколенческого диалога (по 33%). Культурное и интеллектуальное развитие старшего поколения является «епархией» учреждений культуры (33%) и профессионального образования (27%). На базе учреждений социальной защиты и НКО целесообразно реализовывать программы противодействия негативным изменениям психики стареющего человека (по 20%). Собранные эмпирические данные могут служить обоснованием для разделения функций между потенциальными агентами образования старшего поколения.

В частности, на проекты, организованные на базе учреждений культуры и социальной защиты, целесообразно возложить такие задачи, как социальная адаптация геронтов; актуализация их профессионального, социального и культурного потенциала; реинтеграция представителей старшего поколения в образовательное пространство. Сюда же можно отнести направления, связанные с организацией культурного досуга, профилактикой негативных возрастных изменений психики, установлением диалога с представителями более молодых поколений.

Особый интерес для нашего исследования представляют убеждения экспертов относительно того, какая структура могла бы решить проблему массового образования старшего поколения россиян в полной мере. Таким агентом образования геронтов, согласно полученным результатам, являются органы государственной власти (73.3%). Это даёт основание рассматривать органы государственной власти (государство в целом) как наиболее перспективного субъекта управления национальной сетью проектов геронтообразования. Необходимо отметить, что значительная часть опрошенных высказалась о возможности повышения уровня образования старшего поколения россиян с опорой на учреждения профессионального образования (26.7%). Данный результат вполне объясним двумя очевидными обстоятельствами. Во-первых, образование широких масс населения – это основная функция данных учреждений. Вузы и ссузы имеют необходимую материальную и кадровую базу. Во-вторых, из всех перечисленных структур данные учреждения ближе всего связаны с профессиональным образованием граждан, направлением образования, которое, в свете проводимой в РФ пенсионной реформы, приобретает всё большую актуальность.

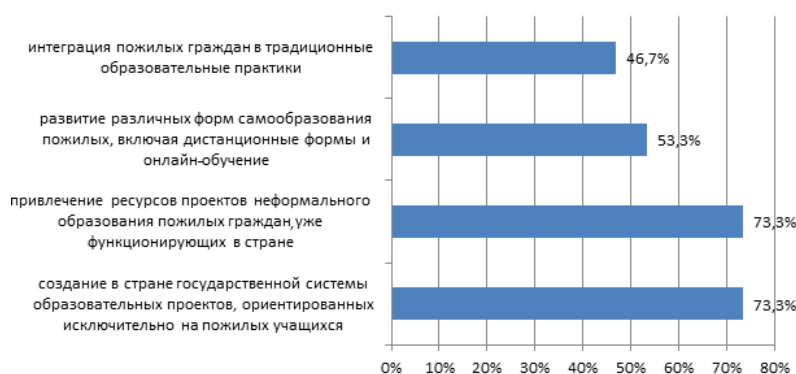

Рис. 1. Оценка респондентами перспективности стратегий организации массового обучения

О высоком потенциале учреждений социальной защиты как агента, способного в полной мере решить проблему массового образования старшего поколения россиян, тоже высказались 26.7% опрошенных. Мы объясняем данный факт убежденностью части респондентов в том, что функции образования в третьем возрасте сводятся к социальной адаптации геронтов. Но при этом значительно большее число экспертов считают, что данные учреждения в принципе не способны эффективно реализовывать программы геронтообразования (33.3%). Такое резкое разногласие в оценках экспертов ставит под сомнение возможность решения задачи массового образования пожилого населения с опорой на проекты, курируемые учреждениями социальной защиты. Однако полученные выводы не противоречат идее реализации потенциала данных проектов в решении отдельных задач образования старшего поколения.

На рисунке 1 отображены результаты ответа экспертов на вопрос «Какие стратегии организации массового обучения пожилого населения являются наиболее перспективными для современных российских условий?». Как можно заметить, эксперты достаточно высоко оценили целесообразность реализации каждой из представленных в диаграмме стратегий. Это может служить очередным аргументом целесообразности развития различных форм образовательной деятельности и реализации различных подходов для повышения эффективности мероприятий, нацеленных на повышение образовательного уровня россиян старшего возраста. Но при этом более половины респондентов не рассматривают интеграцию геронтов в традиционные образовательные практики в качестве эффективной стратегии массового образования пожилых граждан. В то же время идею создания специальной государственной системы геронтообразования, напротив, поддержало подавляющее большинство опрошенных. Полученные данные свидетельствуют, что система образования РФ в её современном состоянии не способна решить

задачу массового образования граждан третьего возраста. Не стоит ожидать высокой эффективности от мер по включению пожилых граждан в традиционные образовательные практики. Необходима серьёзная работа по организации и реализации специализированных образовательных программ в масштабах всей страны.

Обобщение ответов экспертов в свободных вопросах показало, что создание национальной системы геронтообразования в Российской Федерации – это скорее вынужденная мера, чем логичное и окончательное решение проблемы. Россия нуждается в системе образования взрослых, которая сопровождала бы человека на всех этапах его жизни. Но учитывая условия, в которых сегодня находятся пожилые россияне, разработка национальной системы геронтообразования – наиболее эффективная стратегия на ближайшую перспективу.

73% опрошенных поддержали идею привлечения ресурсов уже функционирующих проектов геронтообразования. Результативность данной стратегии оценивается экспертами выше, чем интеграция геронтов в традиционные образовательные практики, и сопоставима с оценкой перспектив создания государственной системы образования представителей старшего поколения. В ответах на дополнительный конкретизирующий вопрос только 6.7% респондентов признали нецелесообразным привлечение отечественных проектов образования к реализации государственной политики повышения уровня образования старшего поколения россиян. Большинство экспертов ответило на данный вопрос утвердительно («Да» – 7%, «Скорее да» – 86.4%). При этом 91.5% считают возможным задействовать кадровую базу проектов, 65% отмечают возможность привлечения материальной базы, 87.2% высказались о целесообразности реализации накопленного проектами опыта (педагогических технологий и методик).

Основная часть респондентов согласилась, что национальная сеть геронтообразования может выступать объектом управления со стороны

Таблица 2

Рейтинг факторов, усложняющих внешнее управление проектами геронтообразования в России

Специфические черты проектов геронтообразования	Коэффициент
Незаинтересованность организаторов проектов в изменении направления работы	62
Отсутствие у проектов чёткой системы организации и управления	58
Отсутствие общей цели функционирования, ориентация разных проектов на разные задачи	53
Независимость проектов от внешнего окружения, их автономность и самодостаточность	45
Расхождение форм организации образовательного процесса в разных проектах	33

государства или каких-либо других социальных акторов («Да» – 32.1%, «Скорее да» – 61.2%). Но в отдельных ответах присутствовало опасение, что попытки реализации централизованного управления могут привести к выхолащиванию самой идеи геронтообразования, бюрократизму и формализму, уничтожить многое хорошее в нём.

Своеобразие анализируемого потенциально-го объекта управления детерминирует подходы к реализации управленческого воздействия и требует особых управленческих механизмов. Экспертам было предложено оценить степень влияния специфических характеристик проектов геронтообразования как препятствий для централизованного управления их совокупностью в масштабах всей страны. Таблица 2 содержит полученный рейтинг факторов. Значимость фактора (препятствия) управления возрастает по мере роста его коэффициента.

Наиболее значимым препятствием для внешнего управленческого воздействия оказалась незаинтересованность организаторов в изменении направления работы проектов (коэффициент 62). В частности, отмечалось противодействие руководителей проектов интеграции в преподавательский и управленческий состав новых лиц, нежелание сотрудничать с аналогичными учреждениями. Такая позиция руководства усложняет интеракцию проекта с социокультурной средой, препятствует его развитию. Позиция администрации проектов в некоторой степени может объясняться консервативностью, характерной для значительной части сообщества геронтологов. Но, принимая во внимание большую роль «самодостаточности проектов» как фактора управления, такое объяснение представляется не вполне верным. Независимость российских проектов геронтообразования от внешнего окружения (в частности, от сторонней финансовой поддержки) традиционно рассматривается исследователями как вынужденная форма их существования. Проекты не имеют постоянных источников финансирования и вынуждены сами изыскивать средства на обеспечение своей деятельности. Но ряд участников нашего исследования уверены, что авто-

номность проектов – это не навязанная извне форма их функционирования, а осознанный выбор руководства данных учреждений. Администрации просто удобно быть свободными в определении целей функционирования проектов и методов их достижений, ни от кого не зависеть в финансовом отношении. Принятие внешнего управления, по сути, означает утрату свободы в организации образовательного процесса и определении целей функционирования учреждения. При этом средства для реализации проекта по-прежнему придётся изыскивать самостоятельно.

Вторым по значимости препятствием в рейтинге оказалось отсутствие в рамках проектов системы управления и чёткой организации (коэффициент 58). Многие проекты геронтообразования фактически являются неформальными объединениями, сообществами учителей и учащихся, клубами, где урок – это прежде всего повод для встречи. Если программы геронтообразования реализуются на базе какого-либо учреждения, то практически всегда его администрация и выполняет управленческие функции. Такая особенность организации требует перевода вектора внешнего управленческого воздействия с органов управления проектами на цели функционирования образовательных программ.

Третья часть респондентов отметили в качестве препятствия управлению несовпадение форм организации обучения в разных проектах. Этот факт говорит о том, что в рамках внешнего управленческого воздействия не нужно пытаться задавать формы организации образовательного процесса. Управление эффективно, когда достигается результат, заданный субъектом управления. В данном случае способы достижения заданного результата – это сфера, в которой объект управления ориентируется лучше, чем субъект, поэтому внешнее воздействие на механизмы самоорганизации объекта управления крайне нежелательно.

Среди других препятствий управлению респондентами были названы отсутствие постоянного финансирования и короткий срок существования проектов.

Относительно возможности использования различных мер воздействия на учреждения образования геронтов для ориентации их деятельности на конкретные цели мнения респондентов распределились следующим образом. 87% экспертов поддержали идею формирования для проектов геронтообразования заказа на реализацию образовательных программ, предполагающих внешнее финансирование. 45,6% признали действенной стратегию финансирования проектов, направления функционирования которых соответствуют приоритетным экономическим и социальным задачам. Высокую оценку получила и стратегия управленческого воздействия на социально-культурную среду геронтообразования. За целесообразность формирования у педагогов и организаторов образовательных проектов представлений об актуальных задачах образования старшего поколения высказались 42% опрошенных. 32% согласились с необходимостью распространения через средства массовой информации соответствующих установок в массовом сознании россиян.

На основе результатов проведённого исследования нами была разработана авторская технология воздействия на процесс развития сети учреждений геронтообразования в России. Предлагаемая технология нацелена на определение и реализацию способов корректирующего воздействия на процесс развития сети учреждений геронтообразования. Технология предполагает реализацию в масштабах всей страны, поэтому в качестве субъекта управления в ней рассматриваются органы государственной власти.

В основе технологии лежит представление о совокупности проектов геронтообразования РФ как сетевой структуре, саморазвивающейся системе, координировать и контролировать функционирование которой можно в соответствии с принципами «мягкого управления». Данная управленческая стратегия предполагает «...создание в социальном пространстве условий, регулирующих активность взаимодействующих субъектов и направляющих процесс их самоорганизации» [15].

Для корректировки направлений развития национальной системы геронтообразования РФ мы считаем возможным применение следующих методов.

1. *Избирательная поддержка центральных узлов.* Субъект управления может стимулировать активность отдельных элементов сети посредством финансовой или информационной поддержки, развития инфраструктуры, оказания помощи иного рода. Идея данного управленческого метода состоит в том, чтобы помочь проекту делать то, что у него хорошо получается и

согласуется с целями управленческого субъекта. Помимо целей функционирования, критериями для отбора узлов могут выступать: значительное количество учащихся, высокая пропускная способность, медийность образовательного проекта, наличие собственной субсети учреждений. Результативность применения метода может оцениваться по динамике развития проекта и степени возрастания его влияния на остальные узлы сетевой структуры. Метод может применяться и в «нечистом виде», когда поддерживаются лишь отдельные направления работы отобранных проектов. Добавим, что централизованная поддержка всех узлов сети нецелесообразна. Стимул для развития в таком случае могут получить учреждения, направление функционирования которых не соответствует ожиданиям субъекта управления, что приведёт к снижению управленческого эффекта.

2. *Воздействие на связи внутри сети.* Средством «мягкого управления» развитием сетевой структуры является стимулирование установления коммуникации между её отдельными элементами. Содействие консолидации узлов сети может быть оказано посредством формирования их объединений, виртуальных сообществ; проведения образовательных курсов и семинаров; организации научно-практических конференций. При этом субъект управления имеет возможность определять повод для интеракции элементов сети исходя из своих целей и задач. Ещё одним способом влияния на внутрисетевые связи является участие в формировании тезауруса. Данная информационная копилка открыта для пополнения извне и формируется благодаря освещению в СМИ деятельности проектов геронтообразования, размещению в открытом доступе методической литературы, материалов конференций. Все участники сети, так или иначе, обращаются к тезаурусу и находятся под его влиянием. Отбирая материалы, способствующие достижению управленческих задач, и помещая их в тезаурус, субъект управления тоже воздействует на развитие сетевой структуры в определённом направлении.

3. *Формирование социокультурной среды сети.* В связи с тем что функционирование любой социальной сети детерминирована её социокультурной средой, она также является потенциальной точкой приложения управленческого воздействия. В качестве переменных управления в данном случае выступают различные факторы образовательной активности пожилых граждан, а также общественное мнение относительно отдельных направлений или задач геронтообразования.

4. *Интеграция в сеть агентов влияния.* Благодаря усилиям субъекта управления в сети ге-

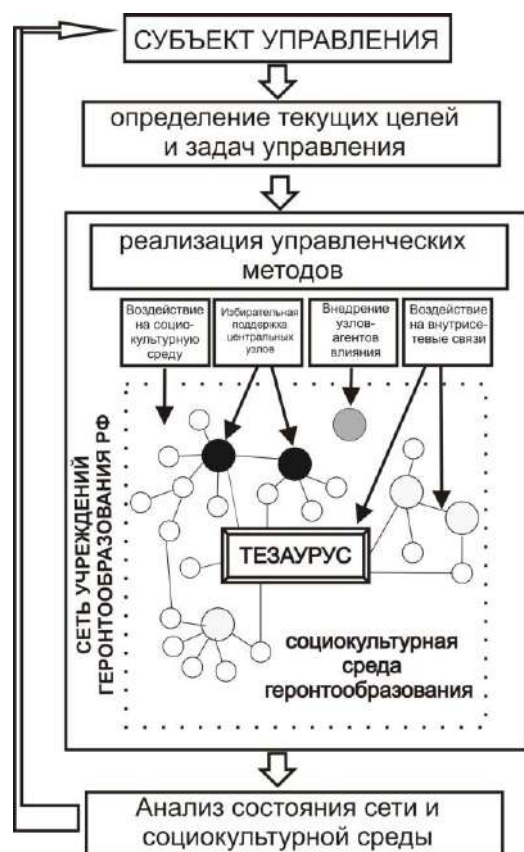

Рис. 2. Технология управления процессом развития национальной сети геронтообразования в Российской Федерации

геронтообразования могут появляться новые учреждения с заранее определёнными характеристиками. Выступая инициатором создания и спонсором образовательного проекта, субъект управления получает возможность контроля над его деятельностью. Но управленческий эффект этим не ограничивается. При установлении постоянных контактов проекта с другими узлами сети субъект управления получает агента влияния на различные внутрисетевые тенденции. Инструментами косвенного воздействия на деятельность других проектов или всей сетевой структуры могут выступать трансляция опыта работы агента через тезаурус или посредством межсетевых интеракций, а также создание проектом собственной субсети учреждений.

На рисунке 2 представлена технологическая схема управления процессом развития национальной сети геронтообразования Российской Федерации, изображающая процесс реализации описанных методов в соответствии с принципами «мягкого управления». Управленческое воздействие в рамках разработанной нами технологии представляет собой цикл из трёх последовательных этапов: определение текущих целей и задач управленческого воздействия, реализация методов управления и анализ состо-

яния сетевой структуры и её социокультурной среды. Первый этап связан с определением управленческим субъектом актуальных целей и задач управления. На второй стадии для решения определённых ранее задач подбираются и реализуются наиболее подходящие управленческие методы. В рамках последнего этапа осуществляется сбор информации о состоянии сети геронтообразования и её социокультурной среды, выявляются возникшие в них новообразования. После завершения третьего этапа начинается новый виток управленческого цикла.

Описанная технология фиксирует лишь общие управленческие методы и принципы, она не предполагает определения конкретных управленческих переменных и механизмов. Её достоинствами являются:

- 1) возможность управления на любом уровне организации сети: от уровня сетевой структуры в целом до уровня отдельного узла;
- 2) независимость от конкретного содержания элемента сети (типа учредителя, формы организации проекта, целей работы и т.д.);
- 3) возможность комбинации разных методов управления;
- 4) использование большого спектра переменных управления (социокультурная среда сети, внутрисетевые связи, инфраструктура узлов и т.д.);
- 5) опора на естественные процессы самоорганизации, саморазвития и самоуправления, присутствующие в рамках отечественного геронтообразования;
- 6) возможность корректировки управленческого воздействия при возникновении новых управленческих задач или изменении характеристик объекта управления.

Заключение

Российское общество в полной мере ощущает на себе негативные последствия демографического старения населения. Эффективное противодействие им невозможно без реинтеграции представителей старшего поколения во все сферы общественной жизни и реализации масштабных мер по повышению образовательного уровня геронтов. Самым массовым агентом образования старшего поколения россиян в настоящее время являются проекты неформального образования пожилых граждан. Их опыт, материальные и кадровые ресурсы целесообразно задействовать в стратегиях социального управления, предполагающих организацию и реализацию программ обучения пожилых граждан.

Сетевая организация совокупности проектов геронтообразования, их независимость от ка-

ких-либо координирующих органов в значительной степени ограничивают возможности внешнего управленческого воздействия на данную структуру. Для реализации потенциала сети проектов геронтообразования в решении актуальных государственных задач требуются новые нетрадиционные управленческие подходы. Собранные нами эмпирические данные позволяют констатировать, что оптимальным стилем управленческого воздействия на сеть геронтообразования является стимулирование ориентации деятельности сети в определённом направлении, при сохранении присутствующих в ней механизмов самоорганизации. Разработанная в соответствии с таким подходом авторская технология управленческого воздействия представляет собой один из вариантов целенаправленного влияния на внутрисетевые процессы сети проектов геронтообразования России.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы для дальнейшего изучения образования пожилых людей как социального феномена, выработки и модернизации механизмов централизованного управления совокупностью российских проектов геронтообразования, а также для разработки и реализации мер управленческого воздействия на социальные структуры, функционирующие по сетевому принципу.

Список литературы

1. Смит Э. Стареть можно красиво / Пер. с англ. В. Симакова. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. 160 с.
2. Laufer R.S., Bengston V.L. Generations, aging and social stratification: on the development of generational units // *Social Issues*. 1974. Vol. 30. № 3. P. 180–192.
3. Kromolicka B. Elderly people in the system of academic education // *Lifelong Learning. Proceedings of 13 International Conference*. St. Petersburg: Pushkin LSU, 2015. P. 230–232.
4. Сорокин Г.Г., Фокина Е.Н. Геронтообразование. Институциональный анализ // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2019. № 1. С. 9–16.
5. Давыдова Н.Н., Дорожкина Е.М., Федоров В.А. Научно-образовательные сети: теория, практика: Монография / Под науч. ред. В.А. Федорова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2016. 481 с.
6. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 494–505.
7. Ferguson N. The square and the tower: Networks and power, from the Freemasons to Facebook. New York: Penguin Press, 2017. 563 p.
8. Ogilvie S. Social capital, social networks, and history. Cambridge: University of Cambridge, 2000. 36 p.
9. Обухов К.Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2008. № 3-1. С. 107–110.
10. Дрейвс В.А. Как учить взрослых. М.: Типография «Телер», 2001. 93 с.
11. Bollnow O.F. Das hohe Alter // *Neue Sammlung*. 1962. P. 48–60.
12. Халицкий Е. Обучающая геронтология. Философия обучения пожилых людей // *Новые знания*. 2000. № 3. С. 46–48.
13. Taziev S.F. Active life of the senior citizens through education // *International Education Studies*. 2015. V. 8. № 4. P. 134–142.
14. Кононыгина Т.М. Геронтообразование: навстречу потребностям пожилых // *Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах* / Отв. ред. Г.А. Ключарев. М.: ИС РАН, 2008. С. 248–273.
15. Бондалетов В.В. Основы управления общественной самоорганизацией: проблемы управления и управляемости // *Материалы Ивановских чтений*. М.: РГСУ, 2016. № 2 (6). С. 12–18.

TECHNOLOGY OF SENIOR CITIZENS' EDUCATION PROJECTS MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

G.G. Sorokin, E.N. Fokina

Tyumen Industrial University

The article substantiates the importance of increasing the educational level of senior citizens for the society adaptation to the consequences of demographic aging. Author analyzes the prospects for attracting non-formal education projects for senior citizens to address pressing socio-economic problems of Russian society. The totality of Russian projects for the education of geronts is studied as a social network. The necessity of using non-traditional management technologies in relation to this network structure is noted. The purpose of the article is to develop and theoretically substantiate the mechanisms for managing a complex of projects the elderly education in the Russian Federation. The author cites the results of an online survey of Russian experts in this field, formulates the basic principles and methods of management on the national network of elderly education in the Russia. The article describes the main provisions of the technology for managing the development of elderly education in Russia. Within the framework of this technology effective management is carried out through indirect influence, creating conditions for the control object self-development in a certain direction.

Keywords: sociology of education, sociology of management, demographic aging, education of older people.

УДК 316.342.6

DOI 10.52452/18115942_2022_1_134

**СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ СЕЛА КЛЮЧИЩИ ШАТКОВСКОГО РАЙОНА
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: КАЧЕСТВО ЖИЗНИ, РЕСУРСНОСТЬ,
ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПИТАНИЯ
(НА ОСНОВЕ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ)**

© 2022 г.

Ю.Л. Софронова

Софронова Юлия Львовна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности
и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
syl@list.ru

*Статья поступила в редакцию 05.01.2022**Статья принята к публикации 28.01.2022*

Летом 2021 года в рамках начального этапа инициативной НИР «Качество жизни, ресурсность, практики потребления и питания сельских жителей» (на примере отдельных районов Нижегородской области) были проведены пилотные интервью с жительницами села Ключищи в возрасте старше 80 лет. Представлены результаты качественного анализа биографических интервью с Марией Сергеевной Шабляевой (85 лет), Верой Ивановной Гусевой (87 лет), Валентиной Степановной Батькановой (83 года). Полученные результаты можно рассматривать как основу для формулирования расширенных гипотез и проведения последующих интервью – в 2022 г. автор планирует продолжить проект, который, по своей специфике, можно назвать этнографическим.

Ключевые слова: качество жизни; уровень жизни; ресурсность; практики потребления и питания; старший возраст; биографические интервью; традиционное и современное общество; социальный капитал; сельская местность.

Краткая характеристика исследования

Объектом представленного исследования стали биографии трёх жительниц старше 80 лет села Ключищи Шатковского района Нижегородской области. Предметная сфера – характеристики качества жизни, ресурсности, практик потребления и питания в разрезе трёх жизненных периодов – детства; юности и зрелости, пенсионного возраста участниц опроса. Метод исследования – неструктурированное нарративное интервью с последующим качественным анализом полученных данных. Место исследования – село Ключищи, расположенное в Нижегородской области на расстоянии более 10 км от районного центра – рабочего посёлка Шатки и в 150 км от Нижнего Новгорода. Согласно переписи населения, в 2010 г. численность жителей села Ключищи составляла 203 человека [1].

Теоретической базой анализа интервью являются междисциплинарные концепции качества жизни, ресурсности – например, теория социального капитала [2]; критерии, используемые при расчёте индексов уровня и качества жизни [3]; социально-экономическая теория потребления [4]; концепции традиционного и современного общества [5].

Цель – на примере биографий трёх участниц интервью оценить характеристики качества

жизни и ресурсности, проследить их трансформацию в контексте трёх жизненных периодов, с точки зрения: 1) теоретических признаков традиционности и современности (возможность выбора жизненной стратегии, географическая и социальная мобильность, характер труда, секулярность, гендерная специфика, восприятие власти); 2) таких характеристик качества жизни, как здоровье (продолжительность жизни), образование, доходность, практики потребления и питания; 3) теории социального, культурного капитала (ресурсы внешние, внутренние).

Время войны: детство

В биографиях всех трёх жительниц села Ключищи, конечно же, есть и общее, и специфичное. Все они потеряли на войне отцов, вырастили детей матери и бабушки. Отцов женщины если и помнят, то очень мало.

Семья В.С. Батькановой в военное время жила в Зелёном посёлке в шести км от Ключищ, мама обрабатывала усадьбу в 15 соток и работала «пожарником» – выгружала из больших печей (10–15 метров длиной) дрова, которые «жгли на уголь» для паровозов. Из пруда возили в бочке воду на лошади и водой заливали горящий уголь. *Потом, когда уголь не стали жечь, – с печниками ходила. Дома тогда строили, печи. С печниками глину, кирпич таскала.*

Тяжёлая, конечно, работа была. Но в то время все женщины тяжело работали (В.С. Батканова).

У М.С. Шабляевой во время войны умерла сестрёнка (1941 г.р.), уже после войны в возрасте 9 лет от менингита умер брат. В семье В.И. Гусевой было четверо детей, самый младший – Иван в 1.5 года умер от дизентерии, остальных мать растила одна. В.С. Батканова была единственным ребёнком в семье, что, конечно, отразилось на качестве жизни: *Я у мамы была одна, остались мы двое. Голода, конечно, мы не видели. Соседи по помойкам собирали даже кожуру, во время войны, или после войны, я не знаю. Но у нас была корова, на двоих, так что мы не голодали. ... Я нужды не знала, одна росла.*

Военное время, уход мужчин на фронт, мобилизация государством ресурсов для нужд фронта, многодетность сельских семей, общий контекст и сама специфика жизни на селе формировали экстремальные условия, в которых людям приходилось бороться за выживание. Способы, практики выживания матерей с детьми во время войны представляют особый интерес. Семья М.С. Шабляевой жила недалеко от Ключиц, на Слободке, мать во время войны работала в колхозе (пасла лошадей), обрабатывала семейную усадьбу (25 соток), серьёзным подспорьем тоже были корова и овцы, поросят не держали – их нечем было кормить. Мать работала. Она работала в колхозе, ...колхоз у нас был очень бедный. В войну кто как жил, кто как умел жить. Что сейчас – «голь на выдумку», так и тогда так было. ... Мать грибов кадушки три насолит, уж бабушка престарелая была. Но она всё-таки солить помогала матери-то. Мыть грибы помогала. И вот как зима начинается, мать на салазки кадушку ставит с грибами, и в Хирино. Чашку грибов, а ей – чашку зерна. Там колхоз был богатый, снабжали колхозников зерном, как они жили в Хирино, я не знаю, про себя только рассказываю. Так что у нас зерно было всё время. Своего зерна не сажали... (М.С. Шабляева).

Так же как и сегодня, очень многое зависело от количества детей в семье. Выживать приходилось главным образом самостоятельно, и многодетные матери оказывались в крайне тяжёлой ситуации. *Вот в соседях у нас пятеро детей было. Ей тяжело, конечно, этой женщине было. Они с мамой моей больно дружили. Вот они только выжили – на грибах да на ягодах. Ходили за грибами, опять рвали, мешками. Как-то всё родило в лесу, всё было. И они вот на этих печках сушили. Мешок вывалят, они горячие, угли-то. И вот этим жили. ... Ходили в поле, собирали картошку. Картошку выпажива-*

ли, одна гнилая оставалась, в зиму-то. И вот эту картошку они собирали, гнилую. И она выжимала крахмал, пекла лапшу, блины, вот так вот и жили. А я горя-то не видала, конечно (В.С. Батканова). Маме В.И. Гусевой – Екатерине тоже приходилось очень непросто с четырьмя, а потом тремя детьми, так как её родители до войны уехали («завербовались») в Новосибирск, так там и остались. Другой родни в селе не было, некоторые родственники жили только в Зелёном посёлке. Усадьба при доме была 30 соток, но родила земля плохо.

Какой была роль государства в этих экстремальных условиях? Современное государство в его советской версии присутствует (власть представлена местной администрацией, реализующей «политику партии рабочих и крестьян», дети ходят в начальную школу, есть фельдшерский пункт), но это государство военное, сталинское – в большей степени диктующее и регламентирующее, надзирающее, карающее, репрессирующее, чем помогающее, социальное. Участники интервью вспоминают эпизоды, отражающие политические реалии прошлого, роль представителей местных органов власти (председателей) в жизни сельчан. Эту роль женщины оценивают критически. *Раньше ведь заставляли в колхоз идти, когда революция была, у нас папа пошёл в колхоз. Он выучился на пчеловода, пчеловодом был в колхозе, всю жизнь. И мать ещё сказала: «Вань, давай не пойдём в колхоз, давай». Нет, пошёл. Заставили (В.И. Гусева). ...Была дисциплина в войну-то... И вот однажды, до обеда мать с соседкой в колхозе работали, а в обед дождь пошёл. И они дома остались, не пошли. Где постирать на семью надо, где чего. И их из колхоза удалили за это. Это охальничала местная власть, конечно (М.С. Шабляева). Кушать нечего было. У нас низина тут, болотно. Дожди, картошка вся вымокала. ...Весна подходит – у нас и картошки нет, и хлеба. В колхозе не давали хлеба. Ничего не давали, за трудодни работали. Мама работала за трудодни (В.И. Гусева).*

С полей гоняли. Баба Акулина, соседка, говорит: «Ой, ребята мои пришли, плачут. Кнутами их отстегали, за эти гнилушки картошки». Ругали. Всё пропадало, а собирать не давали. В лесу жили, а дров не давали. Ходили украдкой в лес, с верёвочкой, рубили сушняк, и таскали. Принесёшь ношу, истопишь, на другой день ещё идёшь (В.С. Батканова). Кушать нечего. Пойдём в поле за гнилым крахмалом, а председатель ...над нами надругался, издевался. Нас лошадьями гоняют, не дают нам этот крахмал собрать (В.И. Гусева). Начальство, по всей видимости, действовало в соответствии с приня-

тым ещё 7.08.1932 г. законом, известным как «закон о трёх колосках», цель которого состояла в предотвращении хищений колхозной собственности. В начале тридцатых в стране по этому закону были арестованы десятки тысяч колхозников [6, с. 213]. Уже после войны, 4 июня 1947 г., были приняты новые указы, близкие по духу прежнему закону – они «предусматривали от пяти до двадцати пяти лет лагерей за всякое «посягательство на государственную или колхозную собственность» [6, с. 332]. Возможно, представители местной власти, гоня детей с колхозных полей и применяя насилие, считали, что совершают благо, ведь «расхитителям» в случае поимки грозили и тюремные сроки. Свидетельства и оценки участниц интервью – ещё один повод подумать над тем, как ведёт себя человек, являясь частью административной (в данном случае – тоталитарной) системы. По словам В.И. Гусевой, были и такие, кто поступал иным образом: *Шатин, тот хороший был. У него старушка была, хорошая. Она говорила: «Ты жалеешь этих баб-то, солдаток, как им тяжело...». И картошки чуток, украдкой, в колхоз привезут. Шатин уехал, прислали другого, ещё тот негодяй был. И он церковь заставил ломать.*

Во время войны в Ключищах была разрушена местная церковь, уже после войны деревянное здание использовалось в качестве клуба. Сегодня люди старшего возраста приходят на это место для молитвы, но о восстановлении сельского храма речи пока не идёт. История гонений на духовное сословие в воспоминаниях женщин также полна драматизма. *У нас когда-то монашки ещё тут жили. В Понетаевке, там монастырь был. А уж когда война началась, всех раненых везли туда. Монашек разорили, когда советская власть настала (В.И. Гусева). Не знаю, как наша церковь точно называлась. Мы вот тут тоже собрались, начали вспоминать, как наша церковь называлась, никто не знает. Наша церковь подчинялась Хиринской церкви, там приход был. В то время ведь, вообще-то, мы атеисты стали. ...Поп у нас был Телегин, здесь. И вот когда началось атеистическое правление советское, его сослали куда-то. Ссылали их. А почему ссылали – все попы были против советской власти (М.С. Шабляева). Церковь ломали, мы на горе стояли, старухи плачут, все плачут. Колокольню как уронили, – все закричали... (В.И. Гусева)¹.*

В военное время, в условиях, когда надеяться на власть практически не приходилось, важнейшим ресурсом выживания была взаимопомощь, семейная и общинная солидарность. В.И. Гусева вспоминает участие соседей и родни в Зелёном и моральную поддержку со стороны сельского

учителя Н.И. Беленкова. В соседях жил председатель сельсовета (он страдал туберкулёзом), у семьи иногда появлялось мясо: *телёнка себе кололи, да. Останется у них суп, она маме несёт. Парынька звали. «На-ка вот суп, супу наварили, вот так». Мясные щи (В.И. Гусева). А в войну спичек-то не было. ...Парынька растопит печку, несёт нам. Вот как жили, так дружно все жили (В.И. Гусева).*

В данном случае обращает на себя внимание контраст в положении тех, кто жил во время войны в одном районе, но в разных сёлах и посёлках. Это разница между «бедными» и «богатыми» колхозами, лесной отраслью и сельским хозяйством – между Зелёным посёлком, где рабочие валили и жгли лес (леспромхоз), и колхозным селом Ключищи с его болотистой, глинистой почвой. В Зелёном у нас пекарня была своя, пекли хлеб. Но хлеб у нас вдоволь давали. ...Тут рабочие были, в лесу. Давали хлеба, ну не вот уж по сто грамм, но по буханке-то давали. В хлебе мы нужды не знали (В.С. Батьканова). Маленькую Веру и её младшую сестру Тоню мама отправляла в Зелёное к родственнице бабушке Любе «на прокорм». Зелёное было за лесом, 6 километров от нас. Там другая жизнь была. Там лес, работали в лесу, там колхоза не было, лес. И у меня там кое-какая родня была. Придут сюда вот, ой... Бабушка Любовь: «Катюшк, уморишь ведь девчонок-то ведь...». Хлеб зелёный, из травы. Она меня возьмёт туда, в Зелёное: «Ты хоть маленько там поешь». А у них там и пекарня своя была, и столовая, и клуб... (В.И. Гусева).

В Зелёном посёлке, по словам В.С. Батькановой, было в то время пять вдов, которые тоже выживали за счёт взаимопомощи: *...вот они все дружили, косили вместе, на колясках сено возили вместе. Одну коляску – одной, другую коляску – другой. Вот так всё по очереди и возили (В.С. Батьканова).* В Ключищах женщины поступали схожим образом, за отсутствием помощи и лошадей объединялись и обрабатывали землю. В войну-то таскали плуг – шесть баб тянут за верёвки, а мама за плугом пахала. ...Соединятся вот такие, бедные женщины, и пахут. Пахут, пахут, а молодые ещё были. Конечно, сядут отдыхать-то, начнут чудить, плясать, да-да, вот так. Опахивали всё село. Ночью, да, придут бабы с работы, давайте опаживать. Тянут, и кругом села опаживали. Моя мама за плугом... (В.И. Гусева).

Детство всех трёх жительниц села Ключищи – это мир, который держался усилиями матерей и бабушек. Материнские образы в рассказах жительниц Ключищ – особенно яркие, ёмкие. Несмотря на беды, лишения и слёзы, матери – ве-

ликие труженицы, неутомимые, деятельные, смекалистые, сноровистые. Опытные хозяйки, мастерицы. И при этом – певуны, «мать у нас была – песельница» (М.С. Шабляева). В интервью В.И. Гусева неоднократно эмоционально замечала: «мама у меня боевая была». «Бабушка, меня проводи домой, я по маме скучилась». «Да там помрёте вы!». Тоню возьмёт, сестру, Тоня живёт долго у них. А я не могу – к маме, маму жалко, мама всё сама делает, а я старшая. Как меня Господь сохранил, сколько я делала много, и маму жалела, помогала (В.И. Гусева).

Это уж ладно – у нас мамы боевые, и ткали кудели, коноплю сеяли. Кудили, пряли, ткали. Да, холсты были. Я ещё сорочки их холщёвые носила. ...И портянки обуем, мать лапти плела. У меня мама была боевая. Всё могла, всё умела. И добрая была. И пахала. ... У нас мама-то на руки шила, машинки не было ж. Руками шьёт, вот в обед. Она там платёжики все шила, руками. А мы уж большие были, в войну-то. И плачет. И где гармонь заиграет, пойдёт петь: «Милый, по морю поедешь, примечай, кака вода, эт я горькое наплакала, по самы берега...» (В.И. Гусева). У нас мать хитрая была, она коноплю не сажала, а сажала лён. ...Пряла, зимой, как начинается зима, ставят стан, ткут. И льняное ткут полотно. Платья шили, рубашки нательные. ... Я уж взрослая, с семи лет, ходила с матерью за липнягом, мне мать надерёт, тыпала топором, липку-то. ...Из них, из липы лапти, калоши делали, плели (М.С. Шабляева).

Только у М.С. Шабляевой мама повторно вышла замуж после войны и от второго брака родила троих детей. После ухода из колхоза работала в финансовых органах и получала зарплату. Мама В.С. Баткановой больше замуж не выходила, посвятила жизнь воспитанию четверых внуков, дожила до 77 лет. Да, я со всеми на работу сразу вышла. И двойняшек родила, сразу вышла. Потому что она сидела, а мне надо деньги. Мама сидела. Она и вырастила мне их, я их и не видала, без малого. Ну, работа-то тяжёлая моя была. Навоз, дрова, покос, всё это моё было (В.С. Батканова). Схожим образом сложилась и послевоенная судьба у мамы В.И. Гусевой, она продолжала работать в колхозе и растила внуков, ушла из жизни в возрасте 72 лет.

Послевоенное время, 50 – 70-е гг.: юность и зрелость

Дальнейшая судьба всех трёх жительниц Ключиц тоже связана с родными местами. Послевоенное время и период 50 – 70-х гг. участницы интервью оценивают с разных точек зрения (иногда даже несколько противоречиво): в чём-то стало легче, но было всё равно тяжело, в

каждый период тяжело по-своему. *Электричества у нас долго не было, мы долго с лампами жили, до начала 60-х... (В.И. Гусева). Тут уж, после войны мы зажили, хорошо мы жили с матерью. Тут уж тогда она и «Родину» купила, приёмник, радио. Большой был... (М.С. Шабляева).* Качество жизни на селе по-прежнему зависело от самих людей, их стараний и усилий, здравого смысла, взаимной поддержки, прежде всего поддержки родных и соседей. *Кто старался жить, трудился, у того было всё. А, конечно, кто пьянствовал да дурил, детей кормили падевым мясом (М.С. Шабляева). Ваня Столяров идёт: быка б заколоть надо. И я ему всегда помогала. Овец стригла ему. В сенокос помогала. Своё брошу, побегу. Ему помогу картошку копать (В.И. Гусева).*

В послевоенный период государство, по оценке историков, продолжает «политику ежовых рукавиц» по отношению к членам колхозов, в частности «были сильно повышены сборы и налоги с доходов от продаж на свободном рынке» [6, с. 332]. Не прекращается практика «добровольной подписки» крестьян на государственные займы [9]. *Налоги собирали 1 января. Мясо, яйца. Раз в год, на целый год (М.С. Шабляева). Корову держали, поросёнка, телёнка. Тогда налоги ведь были. Телёнка сдавали на мясо. Поросёночка себе оставляли (В.С. Батканова). Тогда займ ввели, а займ колхозникам платить нечем, колхозники у нас вообще жили очень трудно. Денег не было. Когда я стала работать в Совете, мы ходили по людям, насчёт займа. Некоторые уж и прятались. Силой навязывали. Очень тяжело было собирать займ (М.С. Шабляева).* Как отмечает историк Н. Верт, в целях усиления политического и экономического контроля на селе в марте 1950 года правительство инициировало меры по укрупнению колхозов – за год их количество сократилось «с 252 тыс. до 121 тыс. и до 94 тыс. к концу 1952 г.» [6, с. 332]. Всё это сопровождалось, помимо прочего, уменьшением индивидуальных наделов крестьян [6, с. 332]. По свидетельству одной из участниц интервью, практика «укрупнений» в конечном итоге привела к оттоку молодёжи в города. *У нас молодёжь стала уезжать в году, наверное, в 1965. Укрупнение пошло сёл, и до того разукрупнилось, что всё развалилось. Молодёжь поехала, кто в Арзамас, кто в Шатки, кто в Нижний (Горький), кто куда (М.С. Шабляева).*

Рассказ о различных трудностях и дефицитах часто сопровождается при этом утверждением: «но как же мы весело и дружно жили!». Акцент делается не столько на благосостоянии, сколько на атмосфере времени. Атмосфера, по оценке женщин, была действительно другой.

Нет, было хорошо, все дружны были, дружба такая была. ...Ой, а весело-то как было. Там гармонь, здесь три гармони. К амбарам ходила, молодёжь. Девки сидели, плясали, влюблялись. Женихи... (В.И. Гусева). Весело, очень весело. Просто есть, о чём вспомнить. А сейчас праздник – забились в свои дома, меня не трогай, и я не трогаю. Нет сейчас вот такого отношения человека к человеку. Человеческого. Нету. Как раньше вот мы жили (М.С. Шабляева). Праздники участницы интервью вспоминают охотно и с удовольствием, и это не столько идеологические государственные праздники, сколько традиционные, народно-православные: у нас было своё! (В.И. Гусева). Какая бы Советская власть ни была, старые люди не подчинялись (М.С. Шабляева). Народ продолжал праздновать Николу Зимнего, Масленицу, Пасху, Николу Вешнего, Троицу, особо эмоционально рассказчицы говорят о весенних и летних праздничных датах.

Образование и работа

Самая старшая из участниц интервью – В.И. Гусева окончила четыре класса начальной школы в Ключищах и после войны ещё в детском возрасте начала трудиться в колхозе, где проработала шесть лет. *Вот, четыре класса кончила, 11 – 12 лет. Я больше никуда не пошла, учиться, у нас тут не было (средней) школы. И раз уж четыре класса окончила, «иди в колхоз, работай». В поле, со старухами, просо пололи, лён тогда сеяли, лён пололи. Рожь жала, серпом вязала, на полусложках молотили. ...И всё полем, запишут там нам сотки. Если трудоводень – это хорошо, что трудоводень. А не давали ничего. Там, в тех сёлах, давали, там всё родилось, а у нас здесь не родилось больно уж зерно-то. Нам не давали ничего. ...И денег не было (В.И. Гусева).*

Один из современных авторов, ссылаясь на рассекреченный архивный документ «Краткие итоги годовых отчётов колхозов за 1951 год» (адресованный М.Г. Маленкову) [10], отмечает, что в период 1940 – 1950 гг. колхозники «вырабатывали в среднем 250 трудодней в год» [11]. В 1950 году на один трудодень советскому колхознику в среднем было выдано 1.51 кг зерна (377.5 кг в год), при этом около 10% колхозов не выдали ничего или менее 0.5 кг. В этом же году один трудодень стоил в среднем 1.5 рубля, то есть месячный заработок колхозника составил 31.25 р. (зарплата на производстве в 1950 г. – более 700 р. в месяц). Согласно указанному документу, 53.5% колхозов не выдали денег совсем или выдали зарплату 40 копеек на трудодень [10]. Можно предположить, что колхоз,

где работали жители Ключищ, входил в разряд тех 53%, где в рассматриваемый период натуральные, денежные выплаты, положенные сельчанам, или отсутствовали, или производились минимально.

...Потом мне исполнилось, наверное, годов 14–15. Меня поставили на ферму, там держали свиней, овец, коров, лошадей. И меня поставили за овцами ухаживать. Овец кормить. Пятьдесят голов, группа была (В.И. Гусева). По свидетельству Веры Ивановны, на ферму поставляли гнилую солому, которую нужно было сортировать и отбирать относительно годную. Корма всё равно не хватало, начался падеж скота. Начальство винило в этом молодых работников (Веру и её подругу Нину), грозило тюремными сроками. Нина предложила носить ягнят в ближайший овраг и хоронить там. И вот, все гуляют, Пасха, а мы с ней таскаем. Ягнят таскали, да. А что, мы беззащитные... (В.И. Гусева).

В 1950 г. Вера вместе с подругой упростили сельское начальство отпустить их на сушку торфа, куда ездили два года, за эту работу платили неплохие деньги, можно было что-то приобрести. Девушки привозили продукты (например, красную рыбу) и промтовары – плюшевые жакетки, покрывала, шерстяные шали. Уговорить руководство помогла родственница будущего мужа Веры Ивановны. *Мы с Нинкой боевые обе были. На заседание пришли. И вот она, Женькина тётка, там была. Тоже боевая, я вот её всё время за упокой вспоминаю. Я вышла за Женьку, она меня так жалела. И говорит: «Василь Степаныч, давайте отпустим девчонок-то. Они молоденькие, им хочется нарядиться. Чулочков даже нет у них, ничего». В лаптях ходили. ...Оттуда вот мы приехали богатые. Да, чемодан привезла всего (В.И. Гусева).*

В рассматриваемый период в Шатковском районе началось строительство посёлка Лесогорск, в 1958 г. он получил статус посёлка городского типа [12]. *У нас Лесогорск начали строить. А у Нинки, у подружки, три брата было. И старшего брата родня каким-то путём продвинула в Лесогорск. А мы – колхозники, нам не давали паспорта. А его взяли комендантом, Ванюшу-то. И Нина ушла туда, в Лесогорск. А я осталась тут, в колхозе работать (В.И. Гусева).*

Однако в первой половине пятидесятых Вера вышла замуж «за неколхозника» и благодаря этому ушла из колхоза и устроилась на работу в Лесогорск. После рождения дочек продолжила работу в лесничестве, а затем перешла на лесозавод, где проработала 27 лет. Труд на лесозаводе был физически тяжёлым и небезопасным, женщины разгружали тёс с машин и транспор-

тировали брёвна с помощью больших крюков, подруга Веры Ивановны вследствие серьёзной травмы «заработала» инвалидность, и сама она несколько раз оказывалась в сложных ситуациях, рисковала здоровьем, получала травмы. Показательным можно назвать эпизод, когда две работницы не справлялись с физически сложной задачей по транспортировке брёвен, однако директор участка не реагировал на просьбу дать в помощь ещё двух человек. Вера Ивановна с напарницей собирались написать заявление об уходе, но, по совету местной учительницы, отправились в Шатки, на приём к секретарю райкома. Секретарь выслушал женщин, спустя пару дней приехал на участок, и вопрос был решён в пользу работниц, они получили в помощь ещё двух человек.

В.С. Батьканова с первого по четвёртый класс училась в Зелёном посёлке, в семилетнюю школу вместе с другими детьми ходила в Ключищи (учитель Лёвин А.С.), за 6 километров от Зелёного. *А дальше – школу окончила, после школы хотела поступать, а я заболела тифом. Вот 1953 год, осенью. У меня год пролетел. Большие уж никуда не пошла я, пошла в лес работать. Сучкорубом. 17 лет мне было. Оформили меня дорожницей. А я три месяца проработала на дороге, там троюродный брат: «Ты что тут за копейки работаешь»? Как раз бригаду новую организовывали. «Пойдём ко мне в бригаду». И мы с подружкой пошли в бригаду. ...Вот, 10 лет проработала. ...Работа – ой, тяжёлая* (В.С. Батьканова).

После замужества и рождения двух детей Валентину Степановну сначала «взяли на лёгкую работу» кассиром в баню, а затем – кассиром в контору леспромхоза. *Стала расти немножко, сначала кассиром, потом бухгалтером. На курсы, правда, меня проводжали. В Йошкар-Олу, на курсы. Два с половиной месяца. Тогда ведь так учились, два месяца и всё. У меня практика была большая, я на практике всё. ...Старший был у нас бухгалтер, Иван Васильевич, очень хороший был мужик. Вот он всё мне свою работу подкидывал. И показывал, как. И вот уж тут научилась. Он всё: «Давай-давай, учись, будешь старшим». «Да ладно, Иван Васильевич, какой уж старший из меня получится». И вот он меня натаскивал. И с ним стало плохо, он помер, в одночас помер. И меня поставили бухгалтером, а которая бухгалтером работала, её поставили старшим. А потом уж она ушла на пенсию, и меня поставили старшим. Так вот я росла, по ступеньке* (В.С. Батьканова).

По свидетельству участниц опроса, работникам леспромхоза, как и другим советским гражданам, нередко приходилось выходить на суб-

ботники и воскресники, которые носили звание «ленинских». В 70-х, в рамках подготовки к 30-летию юбилею Победы, был дан старт всесоюзному движению «За себя и за того парня». Движение предусматривало участие граждан страны в субботниках, «выполнение плана не только за себя, но и за павших фронтовиков» [13].

М.С. Шабляева в 1954 г. окончила 10 классов в Ключищах и начала работать вместе с матерью в сельском совете. В 1956 г. вышла замуж. *Вот мы кончили 4 класса, стали в семилетке учиться. А уж вот в больших-то вузах, это не очень. Это уж я взрослая была, и то не каждый. Не каждая мать могла учить* (М.С. Шабляева). После того, как дети подросли, в 60-е годы и до 70-х гг., Мария Сергеевна работала на колхозной ферме, телятницей. *Я работала бригадиром на ферме. У меня зарплаты были хорошие. У нас откормочное отделение было, и привесы очень хорошие. Но тогда, конечно, и колхозы заправляли зерном, и питание было для скота нормальное. Тут уж было всё нормально. Все телятницы, кто всё-таки старался кормить на совесть, у всех зарплаты хорошие были. Ну а кто не хотел, у них всё в минималках* (М.С. Шабляева).

Семья, домохозяйство, условия жизни

Будучи старшим ребёнком в семье, Вера (до замужества – Глухова) взяла на себя обязанности помощи маме и поддержки сестры, которая продолжила учиться и в дальнейшем получила среднее специальное образование, стала учительницей. Для сестры она стала фактически «второй мамой», в интервью она часто упоминает о сестре, младший брат остаётся скорее «в тени». Сестру Тоню Вера Ивановна опекала и в течение жизни – помогала в том числе растить детей. В 1954 г. Вера Глухова вышла замуж за Евгения Гусева, в первой половине 1950-х родила двух дочек. Семья держала скотину, обрабатывала усадьбу, Вера Ивановна работала в лесной отрасли, муж тоже всю жизнь трудился лесорубом. Своего мужа, ушедшего из жизни в возрасте 83 лет, Вера Ивановна характеризует как работающего, доброго и отзывчивого, всегда готового помочь односельчанам – родне и соседям. Мужчины в Ключищах, по оценке Веры Ивановны, увлекались и спиртным, но делали это «не так, как сейчас»: *Они как пили. ...Не как сейчас пьют – по неделе, да по две, да по месяцу. Они работали, и другим помогали* (В.И. Гусева).

М.С. Шабляева вышла замуж в 1956 г., затем родила троих детей. Муж Михаил Степанович трудился в колхозе электриком, а также выкладывал печи в домах сельчан, был хорошим печником. *Хозяин работал, 60 рублей получал. А я*

была домохозяйкой. ...Мы тоже не очень жили. Потому что хозяин мало получал, но выпивал (М.С. Шабляева). В.С. Батьканова вышла замуж в 1960 г., чуть не каждый год рожала, четверо детей. Первого ребёнка родила в 1961, второго – в 1963. У меня мама с нами жила, она нянчила, как только кончается больничный, я сразу выхожу работать. ...Двоих родила, а третьего хотела, а у меня получилось четверо. Сразу двое. Двойняшки, девчонка и мальчишка (В.С. Батьканова). К сожалению, Валентина Степановна рано стала вдовой, в это время старшему сыну исполнилось 11 лет. В интервью о своём муже она рассказала только одно: он сам себя сгубил. Сам себя сгубил. Остались мы, я с четырьмя детьми одна. Вот, благодаря маме, они у меня и выросли... (В.С. Батьканова). Работу в леспромхозе и воспитание детей также приходилось совмещать с нелёгкими обязанностями, традиционными для сельского жителя (уход за скотиной, сенокос и т.д.).

В.С. Батьканова большую часть жизни (почти 60 лет) прожила в Зелёном посёлке. Подъезд у нас был, три комнатки были. Квартиры, конечно, казённые были, не свои. Где бараки, кому квартиру давали. Бараки, как временки, строили. У семьи – своя квартира, кухня своя, и туалет. ...Всё делали на времянку, конечно. По-быстрому. Делали быстро, а в 1997 году я сюда приехала, в Ключищи, а так дома-то ведь и стояли (В.С. Батьканова). Условия жизни в Зелёном посёлке Валентина Степановна характеризует положительно. У нас тоже там своя столовая была. Рабочих кормили в столовой. Клуб хороший, магазин, пекарня. В общественную баню ходили. И свой медпункт был, и акушерка, и фельдшер была очень хорошая. Она всё знала, всё понимала, и ночью её вызывали, когда плохо. ...А рожать возили нас в Сатис, за 15 километров. Там была больница, роддом, вот нас туда возили. Всех четверых я родила в Сатисе (В.С. Батьканова).

В.И. Гусева всю жизнь прожила в родительском доме, построенном в 1931 г.: уж сколько раз подводили мы его. М.С. Шабляева тоже родилась и до сих пор живёт в родовом доме (построен в 1927 г.). В довоенные годы бабушка здесь жила, матери моей мать. Дедушка Матвей был, Беленков. У них скот свой был, земля своя была, жили вот, что собирали (М.С. Шабляева).

Материальное положение (доходность)

Материальное положение своей семьи в разные периоды жизни М.С. Шабляева характеризует в целом критически. Если жители села обеспечивали себя продукцией натурального хозяйства самостоятельно и здесь всё было от-

носительно благополучно, то уровень зарплат оценивается скорее неудовлетворительно. Работая бригадиром телятниц в колхозе, Мария Сергеевна получала «хорошую зарплату», но это был относительно непродолжительный период времени. Люди работали тогда, кто на лесозаводе, кто в Шатках. В Шатки стали ездить, работать на производстве. Кто где. А деньги, это уж вот последние годы наши появились. И всё равно платили мало. Чего там, 60 рублей платили. У меня хозяин работал электриком, 60 рублей платили ему. На 60 – что купишь на 60? Налоги надо отдать, а налоги отдавали – курьёв есть – яйца плати, скотина есть – мясо плати. ...В 70-х гг., может, снабжали нормально, но денег всё равно не было. Денег. Самое главное – была нехватка в деньгах. Я уж вот не работала в колхозе. Помимо небольших зарплат, речь идёт о дефиците товаров, недостаточном снабжении сельских районов промышленными товарами, их неформальном распределении. Вообще ничего не хватало. Я родила первого Саши, у меня даже не было пелёнки. У меня было три метра, когда я замуж выходила, мне подарила крёстная моя, три метра ткани (одна сторона – плюшевая), уж забыла, как назывался материал-то. Сама-то пелёнку и шила, стегала (М.С. Шабляева). Магазин после 50-х гг. появился. Продавец командовала. Раздавала по своим да по нашим. На людей не хватало. По своим, да по родным, по знакомым, вот так (М.С. Шабляева). С другой стороны, хозяин Михаил Степанович не хотел откладывать деньги. Он у нас не любил деньги копить. Он любил сладко поесть, мясо. ...А кто деньги любил, то всё свиней резали для себя. А телёнка если вырастят, это уж откладывали (М.С. Шабляева).

Скорее удовлетворительно материальное положение своей семьи в течение жизни характеризует В.С. Батьканова, несмотря на многодетность и ранний уход из жизни мужа. За работу в бригаде в 50-е гг. «платили хорошо», а работа в леспромхозе оплачивалась следующим образом: должность кассира – 70 рублей, бухгалтера – 100 рублей, старшего бухгалтера – 120 рублей. Но, по всей видимости, все средства уходили на текущие расходы. Когда в конце 90-х возникла необходимость переехать из Зелёного посёлка в Ключищи, на покупку «хорошего дома», как отметила Валентина Степановна, средств не было.

80-е гг. – современный период: старший возраст

Жизнь сельчан в поздний период существования советского государства, по оценкам участниц интервью, была относительно ста-

бильной, более обеспеченной, нормальной (при наличии материальных средств), а период девяностых, в силу известных обстоятельств, жительницы Ключиц характеризуют критически. *После 80-х всё уж, нормально жили. Тут уж хлеб не стали свой печь, ни белый, ни чёрный, всё стали доставлять в магазины. Чего надо – туда. Тут как сейчас, тогда и в этих годах почти так же всё было. ...Если деньги есть, поедешь в Москву, купишь. Вот свадьбы были, хозяин в Москву-то ездил. Колбасы, апельсины. У нас мясо было тут своё. Сама не ездила, только хозяин (М.С. Шабляева).*

В конце 90-х гг. Зелёный посёлок, где всю свою жизнь с семьёй прожила В.С. Батьканова, расформировали (лесная промышленность, как и многие другие экономические отрасли, находилась в кризисе). Валентине Степановне пришлось переехать в новое место: *Начиналась перестройка, там всё у нас стало разваливаться, потом вообще весь посёлок нарушился. Все дома увезли, они деревянные. В Сатис, в Первомайск. Всё ломали, всё увезли. Машины все продали. Начальство по себе разобрало. Рабочих не стало, и мне ребята купили вот этот домик здесь. ... Жила здесь женицина, москвичка, дачница была. Она почувствовала, что слабой стала здоровьем-то, и она продала. А хороший дом у нас денег не было купить (В.С. Батьканова).*

В конце 80-х – начале 90-х гг. все участницы интервью вышли на пенсию, размер своих пенсий в настоящее время М.С. Шабляева и В.С. Батьканова оценивают скорее удовлетворительно. *Но пенсия, конечно, у всех разная. Это уж под 80 мне прибавили. У меня пенсия была изначально 120 рублей, тогда максимальная, но я работала бригадиром. У кого стаж позволял, у того 132 рубля была пенсия [14]. На пенсию я вышла в 1986 г., в 50 лет (М.С. Шабляева). До пенсии работала бухгалтером. 10 лет проработала в бригаде, наверное, лет 5 работала кассиром, а потом бухгалтером меня поставили. В 1993 г., в 55 лет, вышла на пенсию. Стаж у меня 40 лет (В.С. Батьканова). На пенсию вышла в 55. Я бы ещё год проработала, у нас уж разорвался завод. И как раз Тоня родила Оксану. Некому было сидеть. Она работала тоже сменами, и я помогала. Там уж и заработков не было, и работы не было. Придётся, то лесу нет, то ещё что (В.И. Гусева).* Пенсия Веры Ивановны сегодня составляет 21 тысячу рублей. И сама она, и её родные называют это несправедливостью, говорят о несоответствии затраченного в течение жизни труда (который всегда был физически тяжёлым) получаемой пенсии. *Вот ходила я в Пенсионный фонд. Говорила, что проработала в колхозе шесть лет. Это есть в*

компьютере-то. А они: нет, вот 30 лет надо было проработать. Не уходит из колхоза (В.И. Гусева).

Все женщины по-прежнему живут в частных домах, построенных много десятилетий назад, дома требуют заботы, обновления и ремонта, вложения средств. Сегодня всё это возможно преимущественно при участии детей и внуков. Газификация села в 2013 г. облегчила жизнь многих сельчан, особенно людей старшего возраста, но чувствуется и некоторое сожаление о временах, «когда мы готовили в русской печке». Все участницы интервью остаются активными, деятельными – в силу возможностей, в силу возраста. Продолжают обрабатывать усадьбу, поддерживают порядок в доме, готовят, встречают детей и внуков, которые приезжают по выходным. Можно заметить, что старшее поколение жителей Ключиц, как и раньше, ведёт привычный для села образ жизни, сохраняет традиции. Это, например, привычка рано вставать: *я, если поздно встану, не знаю, за что хвататься (В.И. Гусева).* Во дворах, как и раньше, расхаживают куры: *Сейчас мало держат, своё-то мясо. Кур, в основном. Индюшатину, курятину. Ну, кто и поросёнка держит, до сих пор (М.С. Шабляева).*

В оценках здоровья женщины сдержанны, свои проблемы есть у всех, например, у В.И. Гусевой тяжёлая работа на лесозаводе сказалась на состоянии рук – серьёзно деформированы суставы. В Ключицах фельдшерский пункт сохранился ещё с прежних времён, но работает скорее формально. *Тут что есть, что нет. Фельдшер вот приедет в 8 часов, а то и в 9. В 12 идёт на автобус. И всё. Если нужда есть, едем в Лесогорск. Когда уж больно плохо, скорую вызываем. В Лесогорске тоже там врач два дня работает – вторник да четверг. Раньше хорошая была больница в Лесогорске, там даже лежали больные, не старые. Всё там было, и рентген снимали, и акушерка там была, и роддом тоже был. Сейчас там ничего нет, всё разорилось (В.С. Батьканова).*

Возраст, в той или иной степени, заставляет менять привычный образ жизни, ставит перед выбором. Для людей, которые привыкли к самостоятельности, привыкли управлять ситуацией, это действительно непростой выбор. *Огород и сейчас есть, но хочу бросить, больше не хочу. Сил не хватает, всё уж. Сказала ребятам: «Ребята, наверное, последний год. Больше не буду». 83 года, что тут говорить-то (В.С. Батьканова). Сейчас уж никуда не хожу, у меня ноги не ходят. У меня дочь ходит везде (М.С. Шабляева). Живу здесь и зиму, вот хочу уйти к дочери, она одна живёт. Думаю, но не знаю – вытерплю, не*

вытерплю. Не хочется. Зимой здесь не то чтобы нравится, а мы привыкли по одной жить, а там надо будет подчиняться. Здесь сама хозяйка, а там надо ждать. Когда тебе подадут, когда тебе принесут. А здесь – я сама что хочу, то и ворочу. Думаю, не знаю... (В.С. Батьканова).

Практики потребления, питания можно оценить как типичные для современной ситуации. Серьёзных дефицитов, по оценкам участниц интервью, нет, однако качество продуктов – «не такое, как раньше». Жизнь людей на селе, особенно людей старшего возраста, по-прежнему зависит от взаимопомощи, от участия родных и соседей, это – важнейший ресурс выживания для многих.

Дети всех участниц интервью давно выросли, уехали за пределы Ключищ, в другие посёлки и города Нижегородской области и России, создали собственные семьи. Старший сын М.С. Шабляевой работал в Москве на руководящей должности в системе пожарной охраны, сейчас на пенсии, ещё один сын был профессиональным военным, служил в Германии, погиб там в автокатастрофе. Дочь Надежда – медицинский работник, сейчас ухаживает за матерью. У одной дочери В.С. Батькановой – высшее педагогическое образование, у других детей – среднее специальное, дети живут в Арзамасе, Лесогорске, несколько внуков живут в Н. Новгороде, получили высшее образование, работают в разных сферах. *Внуков у меня десять человек. Вот, у одного сына-то – он неродной у него, сын. Но я всё равно его считаю внуком. Приезжают каждую неделю. Другой раз уж и надоедают даже. ... Семья-то дружная. Все дружные, они и меня почитают, не скажу, что что-то там. Они вот даже на меня и слова грубого не скажут. Я ещё сама на них закричу* (В.С. Батьканова).

В.И. Гусева помогала дочерям растить внуков, сейчас воспитывает правнуков, рассказывает им про свою жизнь, когда они приезжают летом на каникулы. Вера Ивановна известна в селе и своём районе и как общественный активист. Благодаря её обращению в администрацию в Ключищах отремонтировали дорогу и плотину. Все эти годы пенсионерка сама расчищала от снега ключищинскую дорогу, летом скашивала траву, засыпала землёй опасный для людей и животных старый колодец. Несколько раз о ней писали в газетах, одна из статей называлась «Почти готовый староста».

Муж Веры Ивановны ушёл из жизни несколько лет назад – *на руках у внучки Марины помер* (В.И. Гусева), после инфаркта семья год ухаживала за лежащим больным. Дочь Антонина так характеризует свою мать: *За доброту Бог даёт здоровье, она у нас очень добрая. За доб-*

роту. Она у нас никого не обижала никогда. ...Как другие бабушки – обсуждают... Она у нас всё время в огороде, труженица. Порядочная такая. Чистоплотная она у нас. Чистюля.

Заключение

Все участницы интервью родились, выросли, работали и до сих пор живут в сельской местности. Обстоятельства сложились так, что в течение жизни женщины практически не выезжали за пределы своего региона, и ярким исключением являются недавние поездки В.И. Гусевой в «дальние края», на Чёрное море (в 2019 и 2021 г.), что стало возможным благодаря её семье и характеру самой Веры Ивановны. Все женщины относятся к поколению, которое один из современных авторов назвал «поколением выживших» [15]. Многие жители Ключищ и окрестных сёл погибли на фронте, дети, рождённые в 30-х, умирали в раннем возрасте от инфекционных заболеваний, подвергались репрессиям служители церкви. Тот, кто оставался в живых в эти тяжёлые времена, получал главный шанс – возможность прожить свою жизнь. И это, безусловно, можно считать позитивным фактом. *Выносливость* (физическая, моральная) оказывается в таких условиях важнейшим субъективным ресурсом выживания. Все три женщины выжили прежде всего благодаря выносливости своих матерей и бабушек, их жизненной, крестьянской компетентности и активности. Немалое значение имела способность старших детей оказывать помощь матери.

Образ жизни и качество жизни сельчан в 40-х и начале 50-х гг. прошлого века и даже гораздо позднее в значительной степени соответствуют специфике традиционного общества. Это тяжёлый физический труд на земле, дефицит возможностей горизонтальной и социальной мобильности, выживание за счёт семейной и общинной солидарности. Сельская жизнь – это относительно замкнутое самобытное пространство, некоторым образом оторванное от «внешнего мира», функционирующее по своим законам.

Военное время, уход мужчин на фронт, многодетность провоцировали погружение женщин с детьми в экстремальные ситуации голода и других лишений. Отсутствие должного медицинского ухода, профилактики инфекционных заболеваний, соответствующей инфраструктуры приводило к случаям ранней детской смертности вследствие дизентерии и менингита.

Важнейший фактор – взаимопомощь односельчан (родных, соседей, знакомых), то есть практики обмена, моральной поддержки, сов-

местного выполнения тяжёлой физической работы. Один из самых ярких примеров – коллективное участие женщин (вдов) в обработке (вспахивании) земли². Сельчане выживали за счёт натурального хозяйства, всего, что за лето и осень удалось собрать в лесу и заготовить на зиму.

На основе интервью можно увидеть некоторые признаки параллельных социальных состояний уже в послевоенное время – традиционности, с её специфичной крестьянской религиозностью [17] и современной светскости, в том числе вследствие официального атеизма. Народные христианские обычаи ещё некоторым образом поддерживаются коллективно, в том числе и с участием молодёжи, но вряд ли речь идёт о ревностном соблюдении и осознании православных канонов³. Это, в первую очередь, поводы для семейных встреч близких и дальних родственников, это массовые молодёжные гуляния, символизирующие наступление тёплого летнего времени. Религиозность как надежда на божью помощь, в том или ином виде, всё равно сохраняется, ведь на государство приходится надеяться меньше. В домах отправляются службы (например, на Пасху), женщины ходят с иконами к родникам в период засухи, новорождённых крестят в сохранившихся церквях. Даже с этой точки зрения складывается впечатление, что мир удалённых от крупных городских центров сёл и деревень существует отдельно от уже довольно «зрелого» советского государства с его гонениями на веру или одновременно с ним.

Отдельному существованию способствует и отсутствие дорог, сельские жители располагают просеками, лежнёвками, «лошадиными тропами», устроенными для вывоза поваленного леса. В 50-х дети ходят на учёбу в соседние сёла, босиком преодолевая участки, затопленные из-за весеннего разлива рек. Пешая ходьба – привычный способ передвижения в том случае, если во время сенокоса нужно добраться до выделенного участка или до родственников, живущих по соседству, за 10 – 15 километров. Колхозными лошадьми, по свидетельству участниц опроса, пользовалась местная администрация, если нужно было попасть в районный центр.

В послевоенное время качество жизни на селе всё так же зависит от индивидуальных и коллективных усилий сельчан, в основе благосостояния – работа на семейной усадьбе, уход за скотиной, сбор грибов и заготовка солений на зиму, всё это – в свободное от основной занятости время.

В начале 50-х гг. у сельских детей появляется возможность окончить семилетнюю, а несколько позже и десятилетнюю школу. Основ-

ным фактором социальной мобильности сельских жителей в этот период, по всей видимости, становится не высшее, а среднее специальное образование. Но возможность учиться есть далеко не у всех. Так, младшая сестра В.И. Гусевой (1936 г.р.) окончила училище и стала учительницей, однако ради этого результата Вера Ивановна, поддерживая сестру финансово, пожертвовала собственной перспективой учиться.

На основе интервью можно увидеть понятное стремление молодых девушек, работавших в колхозе за трудодни, вырваться из нищеты и начать зарабатывать, перейти в другую сферу, используя для этого имеющиеся способы. По мере возможности родственники помогали друг другу устраиваться на работу туда, где можно было получать зарплату. Брат подруги Нины, поступив на работу комендантом, «забирает» к себе в строящийся Лесогорск сестру. В.С. Батьканову устроил на работу к себе в бригаду трюродный брат, так началось её продвижение по службе, как охарактеризовала сама Валентина Степановна, «по ступеньке».

В.С. Батьканова – одна из трёх участниц интервью, которой удалось «перекочевать» из сферы тяжёлого физического труда в сферу труда интеллектуального. В.С. Батьканова и В.И. Гусева большую часть жизни были заняты в сфере производства, лесном хозяйстве. Но связь с землёй остаётся устойчивой, так как семьи выживают и живут за счёт приусадебного хозяйства и собирательства.

Изменить что-то в своей жизни можно было главным образом за счёт собственной настойчивости, оборотистости, «боевитости» – Вера Гусева и её подруга настояли на том, чтобы их отправили сушить торф (там, в отличие от колхоза, платили деньги), кроме того, она вышла замуж за «неколхозника», это помогло перейти на работу в лесное хозяйство. Боевитость помогала В.И. Гусевой и в других рассмотренных ситуациях.

Жизненное пространство участниц интервью – это мир, который поддерживается, управляется преимущественно женщинами. Отцы погибли на фронте, поэтому именно матери являлись для дочерей «центром Вселенной», выступали, говоря социологическим языком, в качестве основных ролевых моделей. Можно предположить, что в своём замужестве женщины «руководили ситуацией», с учётом раннего вдовства В.С. Батькановой. Сельские мужчины – работающие, мастеровые, добрые, хотя и пьющие. И когда женщины собираются за столом вместе, с пирогами и песнями – мужчины остаются где-то там, отдельно, «сами по себе». Стоит отметить, что В.И. Гусева и М.С. Шабляева с благо-

дарностью вспоминают своего односельчанина – учителя Н.И. Беленкова, а В.С. Батканова своего наставника – бухгалтера Ивана Васильевича. В целом, во взаимоотношениях мужчин и женщин жизнь на селе уже не является традиционно-патриархальной, строго иерархичной.

На основе интервью можно предположить, что жизнь сельчан в некоторой степени изменилась в лучшую сторону только в 60-е гг. Однако вплоть до развала советского государства сохраняются продуктовые, товарные дефициты, вследствие чего потребление на селе ограничено и неравномерно, и всё это в целом можно охарактеризовать как состояние бедности, хотя и относительной. Люди по-прежнему поддерживают уровень жизни за счёт приусадебного хозяйства. В 60–70-х гг. государство ослабило налоговый гнёт, колхозники получили право на пенсию, право на гражданский паспорт [6, с. 451], но молодёжь уже давно ориентирована на то, чтобы перебраться в город.

Заметна разница в качестве жизни в Зелёном посёлке, где жили и трудились рабочие, и колхозных Ключищах. Это касается общих условий – инфраструктуры, снабжения продуктами и промышленными товарами. Анализ ситуаций на микроуровне позволяет рассматривать эту тему в рамках концепции социальной дифференциации. Одна из участниц интервью отметила: *А тогда мы были все равны. На лесозаводе были все равны, ничего не делили. Зарплата у всех равная* (В.И. Гусева). Несмотря на подобное восприятие, возникает вопрос: было ли это равенство подлинным?

Создаётся впечатление, что советское государство так и не успело в полной мере проявить себя в своём социальном выражении (social welfare state) по отношению к сельским жителям. Где те самые пресловутые санатории и дома отдыха, услугами которых часто и массово пользовались люди, живущие и работающие в городах, в пору «развитого социализма»? И даже часто упоминаемый сегодня «вкуснейший» советский пломбир сельчане в местном магазине никогда не видели. Заметен серьёзный дисбаланс во взаимодействии «житель села – государство», выраженный в серьёзной нагрузке на семьи и домохозяйства. Для сельских женщин стандартной практикой являлась официальная занятость в сочетании с рождением и воспитанием детей, работой на личной усадьбе и уходом за домашним скотом, а также неоплачиваемый труд на субботниках и воскресниках. Вряд ли это можно оценивать как «сбережение людей», скорее, наоборот.

В биографиях участниц интервью, помимо прочего, отражена сложная история нашей

страны, с её драматическими, неоднозначными эпизодами. Люди выживали не столько благодаря, сколько вопреки действиям власти. На этом фоне обращают на себя внимание жизненный оптимизм, характерная для людей традиционного общества способность радоваться стихийно, спонтанно, вопреки всей тяжести условий и обстоятельств. Возможно, именно этого природного чувства радости так не хватает современному городскому человеку.

Примечание

1. Деревянная церковь в селе Ключищи была построена в 1895 году и освящена в честь Николая Чудотворца (Никольская церковь) [7]. Священником Никольской церкви являлся Телегин Фёдор Алексеевич (1879 года рождения, уроженец деревни Булдаково Арзамасского уезда). Согласно Книге памяти репрессированных Нижегородской области, Ф.А. Телегин был арестован в 1930 году и приговорён к пяти годам лагерей. Осенью 1937 г. он был арестован вновь, приговорён к высшей мере наказания и 14.12.1937 г. расстрелян [8].

2. Для обозначения совместной работы крестьян, различных форм деревенской взаимопомощи традиционно использовалось исчезнувшее ныне из русского языка слово «толока». «Её организовывали в деревне для выполнения срочных работ, требующих большого количества работников» [16].

3. Интересно, например, в какой степени отвечает православному канону приготовление пирогов со свёклой и калиной в день «усекновения» головы Иоанна Крестителя (11 сентября – Головосек, Иван-постный), когда употребление в пищу круглых и красных плодов находится под запретом [18]. *«Где Престол, там и пироги. У нас Иван-постный – Престол. Мы пекли всегда со свёклой и с калиной пироги. Сладкая, парёнка-то. У нас свекла-то родилась»* (В.И. Гусева).

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность и размещение населения Нижегородской области. URL: http://nizhstat.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 29.11.2021).
2. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма. М., 2016. 286 с.
3. Рейтинг «Качество жизни регионов России» (РИА «Рейтинг»). URL: <https://riarating.ru/infografika/20210216/630194637.html> (дата обращения: 27.11.2021).
4. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М., 2003. 328 с.
5. Фромм Э. Два аспекта свободы для современного человека // Бегство от свободы. М., 2015. С. 101–133.
6. Верт Н. История советского государства (1900–1991). М., 1995.

7. Ключищи. Церковь Николая Чудотворца // Соборы.ру. Народный каталог православной архитектуры. URL: <https://sobory.ru/article/?object=45166> (дата обращения: 12.12.2021).
8. Телегин Фёдор Алексеевич. Клирики // Лысковская епархия. URL: <http://lyskovskaya-eparhya.ru/klikiriki-t/> (дата обращения: 12.12.2021).
9. Твердюкова Е. Финансовая удавка. Добровольные займы в СССР // Российское историческое общество (федеральный историко-документальный просветительский портал). URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/finansovaya-udavka-dobrovolnye-zajmy-v-sssr.html> (дата обращения: 10.12.2021).
10. Краткие итоги годовых отчётов колхозов за 1951 год. URL: http://istmat.info/files/uploads/37161/rgae_1562.33.804_-62-73.pdf (дата обращения: 10.12.2021).
11. Смирнов В. Нищенские доходы сталинских колхозников // Портал «История. Медиа соль». URL: https://hystory.mediasole.ru/nischenskie_dohody_stalinsk_kih_kolhoznikov (дата обращения: 11.12.2021).
12. Лесогорск, рабочий посёлок (Нижегородская область) // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лесогорск> (дата обращения: 01.02.2021).
13. «За того парня» // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/За_того_парня (дата обращения: 10.12.2021).
14. Максимальная пенсия по старости в этот период составляла 120 рублей. Закон СССР от 14.07.1956 г. «О государственных пенсиях». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44832> (дата обращения: 01.02.2021).
15. Миркин Я.М. Мы все – народ выживших // Росбалт. 10.07.2017. URL: <https://www.rosbalt.ru/posts/2017/07/10/1629470.html> (дата обращения: 11.12.2021).
16. Толока // Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Авт.-сост. М. Фасмер. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1987. Т. IV. С. 73. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Толока> (дата обращения: 02.02.2021).
17. Сергеев С.М. Духовенство // Русская нация, или Рассказ об истории её отсутствия. М., 2017. С. 276–277.
18. Усекновение главы Иоанна Предтечи // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Усекновение_главы_Иоанна_Предтечи (дата обращения: 12.12.2021).

**THE ELDER GENERATION OF THE KLYUCHISCHI VILLAGE
(THE SHATKOVSKY DISTRICT, THE NIZHNY NOVGOROD REGION):
QUALITY OF LIFE, RESOURCE, CONSUMPTION AND FOOD PRACTICES
(BASED ON BIOGRAPHIC INTERVIEWS)**

Y.L. Sofronova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In the summer of 2021, as part of the first stage of the initiative research “Quality of life, resource availability, consumption and nutrition practices of rural residents” (using the example of certain districts of the Nizhny Novgorod region), pilot interviews were conducted with residents of the village of Klyuchishi over the age of 80. The results of a qualitative analysis of biographical interviews with Maria Sergeevna Shablyaeva (85 years old), Vera Ivanovna Guseva (87 years old), Valentina Stepanovna Batkanova (83 years old) are presented. The results obtained can be considered as the basis for formulating extended hypotheses and conducting subsequent interviews – in 2022 the author plans to continue the project, which, in its specificity, can be called ethnographic.

Keywords: quality of life; standard of living; resourcefulness consumption and nutrition practices; older age; biographical interviews; traditional and modern society; social capital; countryside.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.01

DOI 10.52452/18115942_2022_1_146

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫБОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИГРЫ ОДАРЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

© 2022 г.

О.Ю. Ангелова, Т.О. Подольская, В.В. Мариико

Ангелова Ольга Юрьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры информационных технологий
и инструментальных методов в экономике

Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Oangelova@mail.ru

Подольская Татьяна Олеговна, к.соц.н.; доцент кафедры университетского менеджмента
и инноваций в образовании Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
podolskaya79@yandex.ru

Мариико Валерия Валерьевна, к.пед.н.; доцент кафедры университетского менеджмента
и инноваций в образовании Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mvv@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 07.10.2021

Статья принята к публикации 18.01.2022

Представлены результаты исследования факторов, определяющих выбор одаренными молодыми людьми образовательных игр. В ходе проведенного исследования выявленные факторы игровой мотивации были ранжированы по степени эффективности при выборе типа игры одаренной молодежью, что необходимо учитывать при разработке профориентационных игр для данной категории. Сформулированы характеристики качественной и эффективной образовательной игры для одаренной молодежи. Разрабатываемая игра должна быть настольной, сочетающей несколько игровых техник, с обязательным наличием индивидуализированной обратной связи.

Ключевые слова: одаренная молодежь, игра, образовательная игра, организационно-деятельностная игра, мотивация, геймификация.

Введение

Развитие современного образования ставит новые задачи по повышению эффективности образовательного процесса, внедрению новых инновационных и нестандартных подходов как к контенту, так и к способам его трансляции. Одним из таких инструментов является геймификация. Существует много трактовок данного понятия, которое было введено в 2002 году Ником Пеллингом. Но большинство авторов сходятся в общем понимании, что геймификация использует игровые технологии для неигровых задач [1–3]. Несмотря на то что терминология является новой, сам процесс внедрения в образование игровых технологий прорабатывался еще советской педагогической школой, что нашло отражение в трудах А.М. Смолкина, А.М. Князева, В.Н. Буркова, В.В. Хрипка, П.И. Пидкасистого, Н.В. Самоукиной, С.А. Шмакова, Д.Б. Эльконина и др. [4–11].

Традиционно в образовании используются различные виды игр. При этом игру можно рассматривать не только как часть образовательного процесса, но и фактор развития человека, часть социальной культуры. Как отмечает В.В. Артамонова, в настоящее время данная концепция продолжает развиваться и как новый тренд информационного мира получила свое распространение в экономической, образовательной, политической и социальной сферах общества [12].

Доказательства эффективности применения геймификации в образовании в современных условиях представлены в работе Z. Yu, M. Gao & L. Wang [13]. Авторы отмечают высокую эффективность применения образовательных игр в развитии компетенций, связанных с проблемным и критическим мышлением, и социальных навыков. Способность образовательных игр формировать востребованные навыки отмечается и в исследовании R. Ibrahim & A. Jaafar [14]. Но важно правильно встроить игровые инстру-

менты в общую образовательную траекторию, адаптируя под потребности конкретных обучающихся. На данный момент недостаточно проработана тема использования потенциала образовательных игр при обучении и профессиональном становлении одаренной молодежи. При этом современная экономика нуждается в качественном человеческом капитале, что определяет актуальность и востребованность процессов выявления и развития талантов, делая одаренность значимым фактором экономического и социального развития.

Теоретические основы

Учитывая тот факт, что для одаренной молодежи важны самовыражение, социализация и самореализация [15], геймификация в образовательном процессе позволяет формировать требуемые компетенции. Важное влияние оказывает внутренняя мотивация участников образовательного процесса, которые могут использовать не только имеющиеся знания, но и прошлый учебный и профессиональный опыт [16]. Игровые технологии в образовательном процессе выполняют шесть взаимосвязанных функций: учебно-познавательную, исследовательскую, воспитательную, развивающую, профессионально-адаптационную и функцию контроля. При этом у играющего развиваются и мотивационная, и познавательная, и эмоциональная сферы за счет реализации межличностных взаимодействий на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях [17].

В исследовании J.R. Star, J. Chen & C. Dede [18] описана ключевая конструкция мотивации, которая имеет потенциальную ценность для разработки игровой среды обучения, опирающаяся на теорию ожидаемой ценности J. Eccles & A. Wigfield [19]. Авторы выделяют следующие виды ценностей: важность для обучаемого, внутренняя установка, полезность, оптимизация ресурсных затрат. Указанные ценности влияют на мотивацию в процессе обучения, производительность и получаемый результат. Ценности представляют собой систему, где происходит их взаимодействие друг с другом, что позволяет строить прогноз как поведения, так и результатов деятельности.

В работе B. Vixler «привлечение и удержание внимания» обозначены как ключевая мотивационная потребность в образовательных играх [20]. При этом важно поддерживать сенсорное любопытство, для чего целесообразно использовать различные каналы и способы созда-

ния и передачи контента. Авторы отмечают, что важно устанавливать четкие и понятные правила, не вступающие в противоречие с предыдущим жизненным опытом. Также необходимо создание безопасной, с точки зрения психологического состояния, среды с обучающей обратной связью. Эти же элементы выделяют и российские исследователи Д.В. Ланская, А.Е. Яковленко, Ю.Ю. Дьяченко [15].

В публикации Н. Моон и Y. Baek определены и описаны факторы внутренней мотивации в игровой деятельности. К ним авторы относят готовность к вызовам, любопытство, контроль процесса и творчество. Данные ценности определяют содержание игры, уровень ее сложности и предсказуемости, многовариантности, ориентации на процесс или результат [21].

Более развернутая система внутренней мотивации представлена в работе Yu-kai Chou. Она визуализирована в виде восьмиугольника – октаэдра, в основу которого заложены ключевые поведенческие стимулы (миссия, лидерство, раскрытие творческого потенциала, обладание, социальные связи, ограниченность ресурсов, непредсказуемость, избегание потерь). Учет индивидуальных мотивов, выявление ведущих мотивов целевой аудитории позволяют разработчикам игр, в том числе образовательных, подобрать эффективные механики и контент [22].

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что тема игровой мотивации продолжает быть актуальной как в России, так и в других странах, на протяжении уже многих лет. Практически все исследователи отмечают зависимость этого феномена от факторов внешней и внутренней среды, высокую адаптивность и востребованность на современном этапе развития общества в разных предметных областях – в игровой индустрии, в образовании, в культурной сфере, в маркетинговой деятельности и др.

В качестве основных мотиваторов исследователи предлагают следующие факторы: ценность игры для участников, элементы удержания внимания и любопытства, правила, не противоречащие жизненному опыту участников, возможность контролировать процесс, возможность творить, безопасность, развитая обратная связь и др.

Но поскольку мотивация меняется с возрастом (что было показано в исследовании N. Whifton [23]), испытывает влияние факторов внешней и внутренней среды, то перечень этот может изменяться (дополняться и перестраиваться), выдвигая на передний план разные факторы.

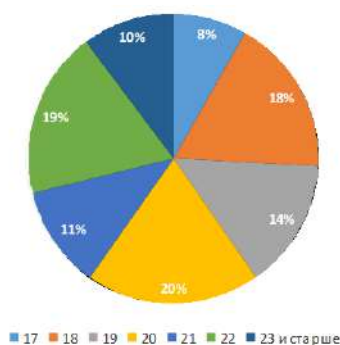

Рис. 1. Возрастная структура участников исследования (студентов и старшеклассников)

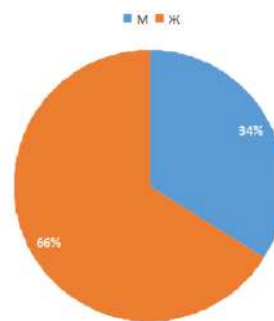

Рис. 2. Распределение респондентов по полу

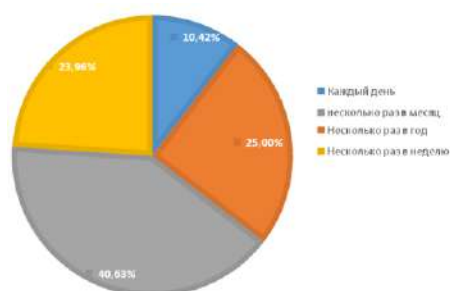

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы играете в игры?»

Результаты исследования и их обсуждение

Таким образом, при создании игровых инструментов важно учитывать ожидания, движущие интересы и потребности целевой аудитории, на которую ориентирована образовательная игра. Перед авторами поставлена задача разработать профориентационную стратегическую игру для одаренных студентов и старшеклассников. Для этого было проведено исследование факторов, определяющих привлекательность игры, в том числе и образовательной, для указанных групп. Целью исследования стало ранжирование факторов мотивации по степени эффективности при выборе типа игры одаренной молодежью.

Исследование проводилось весной 2021 года с применением цифровых технологий. В исследовании приняли участие студенты Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, которые проявили себя, заняв лидирующие позиции в рамках балльно-рейтинговой системы вуза [24], и учащиеся 11-х классов СУНЦ МГУ им. М.В. Ломоносова, прошедшие конкурсный отбор, что позволяет отнести обе группы к одаренным, опираясь на определение из рабочей концепции одаренности [25]. Всего было опрошено 97 респондентов, среди которых предварительно была проведена разъяснительная работа по используемой терминологии в целях уточнения понимания и достижения единообразия в трактовке предлагаемых в

опросниках формулировок. Возрастная структура участников исследования представлена на рисунке 1, наибольший удельный вес имеют возрастные группы 18 и 20 лет.

Распределение участников исследования по полу отражено на рисунке 2.

Обработка полученных данных статистическими методами позволила выявить следующие результаты. При ответе на вопрос «Как часто Вы играете в игры?» самым популярным ответом стал «несколько раз в месяц», его дали 40,63% респондентов. Только 10,42% участников исследования играют каждый день. Четверть молодых людей играют несколько раз в год, 24% – несколько раз в неделю. Структура распределения ответов об интенсивности игровой деятельности представлена на рисунке 3.

При этом 82% участников исследования хотели бы, чтобы элементы геймификации использовались в образовательном процессе. Противоположной точки зрения придерживаются только 6,2% респондентов.

Анализируя предпочтения участников исследования в выборе игр, можно отметить, что лидерами со значительным отрывом стали «Монополия», «Мафия» и «Уно». В топ-5 вошли еще классические карточные игры и шашки. По типам игры, популярные в исследуемой целевой группе (одаренная молодежь), распределились следующим образом: наибольшую долю (62%) занимают настольные социальные игры, на второй позиции (16%) – различные

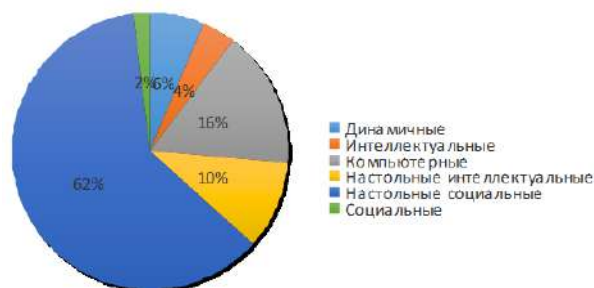

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какие типы игр Вы предпочитаете?»

Таблица 1

Выбор факторов, делающих процесс игры привлекательным	
Фактор привлекательности игры (мотиватор)	Всего выбрало, человек
Мне нравится играть, если игра увлекает	48
Мне нравится играть, если есть социальное взаимодействие с другими игроками	44
Мне нравится играть, если в игре есть возможность саморазвития	28
Мне нравится играть, если процесс игры предполагает преодоление препятствий, возможность рывка и получения награды	22
Мне нравится играть, если есть смысл в происходящем для меня	20
Мне нравится играть, если есть новизна, тайна, непредсказуемость	17
Мне нравится играть, если используются понятные мне ритуалы	6
Мне нравится играть, если нет наказания за ошибки	4
Мне нравится играть, если есть возможность коллекционировать артефакты, накапливать бонусы	3
Мне нравится играть, если игра дает возможность получить признание (например, публичный рейтинг)	2

компьютерные игры и игры для мобильных устройств, третье место (4%) заняли интеллектуальные игры, в том числе настольные. Далее в рейтинге следуют динамичные спортивные игры (6%), социальные (2%). Структура распределения ответов о предпочтении типа игр представлена на рисунке 4.

Исследование мотивационной составляющей базируется на модели октализа Yu-kai Chou [22], которая была модифицирована под задачи исследования. Изменения коснулись формулировок с целью адаптации их для старшеклассников и студентов, а также числа мотиваторов за счет добавления мотивов интереса (увлекательности процесса) и ритуалов (четкого следования инструкциям и понятным правилам).

Респондентам было предложено выбрать не более двух ключевых факторов, мотивирующих на игру. Распределение полученных ответов представлено в таблице 1.

Таким образом, можно увидеть, что увлекательность игры является самым часто встречающимся мотивом (так ответили больше половины (51%) молодых людей). Немногим меньше (46.8%) выбрали мотив, связанный с социальным взаимодействием. Почти треть участников исследования отметили, что привлекательной делает игру возможность саморазвития. Наименее привлекательными мотивами игры

для одаренной молодежи являются рейтинг и возможность накапливать баллы и бонусы.

Так как респонденты выбирали два мотива, это позволило нам проанализировать возможные сочетания при выборе. Самое распространенное в данной выборке сочетание – это совместный выбор факторов увлекательности и социального взаимодействия, его сделали 16 человек (16.5%). Девять участников (9.3%) выбрали сочетание увлекательности и саморазвития. По 7 человек выбрали следующие сочетания мотивов: увлекательность и наличие смысла, увлекательность и возможность получения награды, социальное взаимодействие и развитие, социальное взаимодействие и награда, социальное взаимодействие и новизна. Примечателен тот факт, что некоторые сочетания не были выбраны никем из респондентов.

Кроме того, обнаруживаются различия в выборе ответов групп, разделенных по демографическому признаку. Молодые люди чаще выбирали утверждение, что им «нравится играть, если есть смысл лично для меня», как основной мотивирующий фактор при выборе игры (в полтора раза чаще, чем если бы распределение ответов было пропорционально разделению выборки по полу). Девушки чаще, чем молодые люди, соглашались с утверждением, что «мне нравится играть, если есть возможность само-

Таблица 2

Наименее эффективные факторы мотивации в игровой деятельности	
Фактор мотивации в игровой деятельности	Всего выбрало, человек
Мне нравится играть, если нет наказания за ошибки	35
Мне нравится играть, если игра дает возможность получить признание (например, публичный рейтинг)	23
Мне нравится играть, если используются понятные мне ритуалы	13
Мне нравится играть, если есть возможность коллекционировать артефакты, накапливать бонусы	10
Мне нравится играть, если процесс игры предполагает преодоление препятствий, возможность рывка и получения награды	5
Мне нравится играть, если есть новизна, тайна, непредсказуемость	4
Мне нравится играть, если есть социальное взаимодействие с другими игроками	3
Мне нравится играть, если игра увлекает	2
Мне нравится играть, если в игре есть возможность саморазвития	1
Мне нравится играть, если есть смысл в происходящем для меня	0

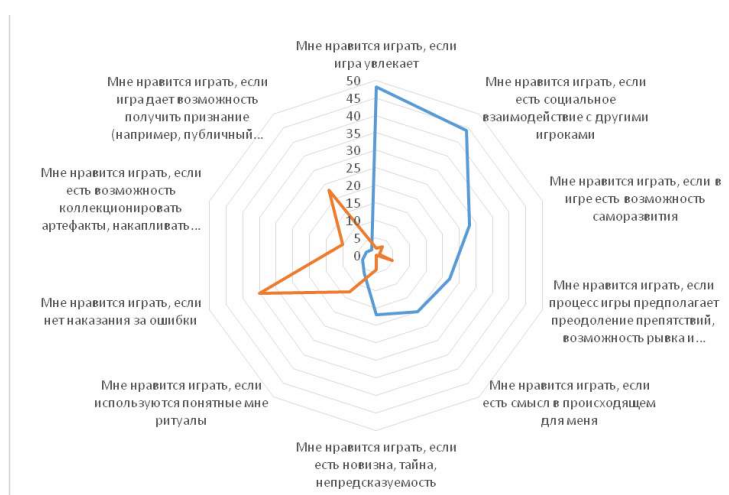

Рис. 5. Наиболее (синий цвет) и наименее (красный цвет) эффективные факторы мотивации в игровой деятельности

развития» (в 1.2 раза чаще, чем пропорциональное распределение).

Значимых отличий между возрастными группами в исследуемом диапазоне (от 17 до 25 лет) не выявлено.

На просьбу «Выберите одно из утверждений, которое в меньшей степени соответствует Вашему представлению об интересной игре» наибольшее число участников исследования (35 человек, 36%) указали «если нет наказания за ошибки», то есть отсутствие корректирующей обратной связи. На втором месте среди наименее эффективных мотивирующих факторов при выборе игры – система рейтингования участников, этот фактор выбрали 23 человека (23.7%). Полный рейтинг наименее эффективных мотивирующих факторов представлен в таблице 2.

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии значимых различий между ответами респондентов разного пола и возраста.

Визуализация выбора факторов, способствующих привлекательности игры и снижаю-

щих ее привлекательность, представлена на рисунке 5. Важно отметить, что отсутствие пересечения между группами наиболее и наименее эффективных факторов мотивации в образовательной игре наглядно демонстрирует высокую степень корректности в составлении рабочих материалов (опросников) для проведения исследования.

Выводы

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о предпочтениях одаренных молодых людей в игровой деятельности. Игра, в том числе образовательная, будет для них привлекательной, если обладает такими характеристиками, как увлекательность (за счет сюжета, контента, интересных и популярных героев (в данный момент времени для данной целевой аудитории), игровых механик и т.д.), возможность коммуникаций с другими игроками и развития компетенций. Результаты проведенного

авторами исследования коррелируют с данными, полученными J.D. Lomas et al. [26], эксперименты которого показали, что для создания интересной игры важно учитывать такие факторы, как сюжет и возможность индивидуального выбора, факторы новизны и приемлемого уровня сложности. При этом мотивационная сила уровня сложности зависит от условий выбора этого уровня – в случае если игрок самостоятельно выбирает повышенный уровень сложности, то это работает как мотивирующий фактор, если же уровень задается внешними условиями, то наблюдается снижение мотивации. Факторы новизны и сложности игрового контента могут давать разнонаправленные результаты – слишком высокий или чрезмерно низкий уровень снижают мотивацию у игроков, что выдвигает перед гейм-дизайнерами и педагогами задачу поиска оптимума.

Схожие результаты по анализу мотивирующих факторов, имеющих низкую эффективность, были получены В. Bixler [20], который показал, что разумный контроль и наличие обратной связи необходимы для эффективного обучения.

От процесса игры участники всегда ожидают получения положительных эмоций. К образовательной игре дополнительно предъявляются требования, связанные с получением новых знаний и формированием компетенций, но форма получения знаний и процесс формирования компетенций должны быть легкими и ненавязчивыми. При этом могут развиваться те компетенции и навыки, которые у целевой аудитории редко или неэффективно задействованы в реальной жизни. Например, для интроверта игра может развивать навыки общения и коммуникации.

Таким образом, полученные в ходе исследования результаты позволяют сформулировать характеристики качественной и эффективной образовательной игры для одаренной молодежи. Так как из всего многообразия форматов игр наиболее популярны у целевой аудитории настольные игры со значительной социальной составляющей, то разрабатываемая игра должна быть настольной, сочетающей несколько игровых механик, что сделает ее увлекательной и интересной, с обязательным наличием обратной связи, адресованной каждому участнику.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта №19-29-07462.

Список литературы

1. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L.E. From game design elements to gamefulness: Defining

«Gamification» // Mindtrek 2011 Proceedings. New York: ACM Press, 2011. P. 9–15.

2. Носков Е.А. Технологии обучения и геймификация в образовательной деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (105). С. 138–144.

3. Garris R., Ahlers R., Driskell J. E. Games, motivation, and learning: A research and practice model // Simulation & Gaming. 2002. V. 33. № 4. P. 441–467.

4. Смолкин А.М. Методы активного обучения: Научно-метод. пособие. М.: Высшая школа, 1991. 176 с.

5. Князев А.М., Одинцова И.В. Режиссура и менеджмент технологий активно-игрового обучения. М.: Изд-во РАГС, 2008. 233 с.

6. Бурков В.Н., Емельянов С.В., Ивановский А.Г., Немцева А.Н. Метод деловых игр. М.: МЦНТК, 1976. 60 с.

7. Хрипко В.В. Феномен игры в военном обучении. М.: ВАФ, 2005. 98 с.

8. Пидкасистый П.И., Хайдаров Ж.С. Технология игры в обучении и развитии: Учебное пособие. М.: РПА, 1996. 272 с.

9. Самоукина Н.В. Организационно-обучающие игры в образовании. М.: Народное образование, 1996. 111 с.

10. Шмаков С.А. Игры учащихся – феномен культуры: Монография. М.: Новая школа, 1994. 329 с.

11. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Книга по Требованию, 2013. 228 с.

12. Артамонова В.В. Развитие концепции геймификации в XXI веке [Электронный ресурс] // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 10. № 2/2. 2018 (Historical and Social-Educational Idea Volume 10 #2/2, 2018). С. 37–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kontseptsii-geymifikatsii-v-xxi-veke/viewer> (дата обращения: 10.09.2021).

13. Yu Z., Gao M., Wang L. The effect of educational games on learning outcomes, student motivation, engagement and satisfaction // Journal of Educational Computing Research. 2021. V. 59. № 3. P. 522–546.

14. Ibrahim R., Jaafar A. Educational games (EG) design framework: Combination of game design, pedagogy and content modeling // 2009 International Conference on Electrical Engineering and Informatics. IEEE, 2009. V. 1. P. 293–298.

15. Ланская Д.В., Яковленко А.Е., Дьяченко Ю.Ю. Геймификация в процессе научно-инновационной и творческой деятельности: формы и методы мотивации талантов // Вестник Академии знаний. 2020. № 37 (2). С. 165–172.

16. Жукова Г.С., Никитина Н.И., Комарова Е.В. Технологии профессионально-ориентированного обучения. М.: Изд-во РГСУ, 2012. 165 с.

17. Ge X., Ifenthaler D. Designing engaging educational games and assessing engagement in game-based learning // Gamification in Education: Breakthroughs in Research and Practice. IGI Global, 2018. P. 1–19.

18. Star J. R., Chen J., Dede C. Applying motivation theory to the design of game-based learning environments // Describing and Studying Domain-Specific Serious Games. Springer, Cham, 2015. P. 83–91.

19. Eccles J.S., Wigfield A. motivational beliefs, values, and goals // *Annual Review of Psychology*. 2002. № 53:1. P. 109–132.
20. Bixler B. Motivation and its relationship to the design of educational games // NMC. Cleveland, Ohio. Retrieved. 2006. V. 10. № 07.
21. Moon H., Baek Y. Exploring variables affecting player's intrinsic motivation in educational games // *Proceedings of the 17th International Conference on Computers in Education*. 2009. P. 718–722.
22. Yu-kai Chou. Gamification & behavioral design. URL: <https://yukaichou.com/gamification-examples/oc-talysis-complete-gamification-framework/#.Vv0TRBJ95E4>
23. Whitton N. Theories of motivation for adults learning with games // *Handbook of Research on Improving Learning and Motivation through Educational Games: Multidisciplinary Approaches*. IGI Global, 2011. P. 352–369.
24. Положение о рейтинговой системе учета достижений учащихся ННГУ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. URL: <http://www.unn.ru/sveden/files/docs/local-norm-akts/2018/470-OD.pdf> (дата обращения: 23.08.2021).
25. Рабочая концепция одаренности [Электронный ресурс] // Федеральная целевая программа «Одаренные дети» Министерства образования РФ. 2-е изд. расш. и перераб. М., 2003. URL: [http://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm#\\$p1](http://psychlib.ru/mgppu/rko/rko-001-.htm#$p1) (дата обращения: 23.08.2021).
26. Lomas J.D. et al. Is difficulty overrated? The effects of choice, novelty and suspense on intrinsic motivation in educational games // *Proceedings of the 2017 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2017. P. 1028–1039.

FACTORS DETERMINING THE CHOICE OF AN EDUCATIONAL GAME FOR GIFTED YOUTH

O.Yu. Angelova, T.O. Podolskaya, V.V. Mariko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents the results of a study of the factors that determine the choice of educational games by gifted young people. In the course of the study, the identified factors of play activity were ranked according to the degree of effectiveness in choosing the type of play by gifted youth, which is necessary when developing career guidance games for this category. The characteristics of a high-quality and educational game for gifted youth are formulated. The game being developed should be a board game that combines several game techniques, with the obligatory presence of individualized feedback.

Keywords: gifted youth, game, educational game, organizational-activity game, motivation, gamification.

УДК 378.046.4

DOI 10.52452/18115942_2022_1_153

ПОДГОТОВКА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТА К РАБОТЕ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

© 2022 г.

Е.В. Евсина

Евсина Елена Валерьевна, ст. преподаватель кафедры иностранных языков
Института лингвистики и межкультурных коммуникаций
Южно-Уральского государственного университета, Челябинск
evsinaev@susu.com

*Статья поступила в редакцию 25.08.2021**Статья принята к публикации 19.01.2022*

Глобализация и интернационализация высшего образования ведут к изменению требований, предъявляемых к современному преподавателю: умение общаться в поликультурной среде, знать иностранный язык как средство передачи знаний, владеть методикой преподавания своей дисциплины на иностранном (английском) языке. Непрерывное образование особенно актуально для научно-педагогических работников (НПР). В статье представлена структура подготовки преподавателей университета к профессиональной деятельности в интернациональных группах студентов. Основной метод выявления структуры названной готовности – метод экспертных оценок. В исследовании был также применен метод анализа документов. Проанализировав данные, полученные в ходе опроса экспертов, мы пришли к выводу, что программа по подготовке НПР к работе в интернациональных группах студентов должна включать следующие модули: модуль английского языка, модуль по межкультурному общению в академической среде, модуль по методам преподавания в академической поликультурной среде. Модули взаимосвязаны между собой и способствуют развитию эмпатии и мотивируют НПР к дальнейшему профессиональному росту. Программа успешно функционирует в системе дополнительного профессионального образования при условии активного использования обратной связи преподавателя ДПО и НПР.

Ключевые слова: научно-педагогический работник, готовность к работе в интернациональных группах студентов.

Введение

Глобализация и интернационализация высшего образования, образование через всю жизнь, программа «Приоритет-2030» диктуют новые стратегии развития высшего образования [1–3]. В условиях постоянной динамики мира любому специалисту необходимо непрерывно развиваться, приобретая все новые профессиональные знания, умения и навыки. С уверенностью можно сказать, что образование не заканчивается с окончанием университета. Это касается всех категорий граждан. Научно-педагогические работники (далее – НПР) не являются исключением. Современный преподаватель, как и прежде, не только обучает своему предмету, но и постоянно повышает свой профессиональный уровень, участвуя в научных и научно-практических конференциях, публикуя результаты своих исследований, общаясь с коллегами, как российскими, так и зарубежными. Но роль преподавателя организации высшего образования меняется. На сегодняшний день НПР все чаще занимается профессиональной деятельностью в поликультурной образователь-

ной среде. Об этом пишут многие отечественные и зарубежные ученые [4–8].

В 2003 г. Россия, подписав Болонскую декларацию, стала участником единого европейского образовательного и информационного пространства, что привело к реформе всей системы образования в стране. В мире расширились границы образовательной среды. Для большинства современных университетов, в том числе и отечественных, наличие иностранных студентов становится нормой. Следовательно, российские вузы удовлетворяют требованиям заказчиков образовательных услуг – студентов. Но как повысить конкурентоспособность отечественных университетов? Ведь наличие большого количества иностранных студентов в вузе свидетельствует о высоком качестве работы организации высшего образования.

В связи с вышеизложенными фактами нами была поставлена *цель исследования*: разработать модель программы подготовки НПР к работе в интернациональных группах студентов. Для реализации цели исследования были поставлены следующие *задачи*:

- ознакомиться с документацией, рабочими программами организаций высшего образования, где уже ведутся занятия в интернациональных группах студентов;

- провести опрос экспертов, имеющих опыт работы в интернациональных группах студентов;

- разработать модель программы развития готовности НПП к работе в интернациональных группах студентов.

Методология

Изучив рабочие программы 19 ведущих университетов России – участников Программы повышения конкурентоспособности российских вузов «5 –100», мы обратили внимание, что во всех данных университетах (Дальневосточный федеральный университет, Казанский федеральный университет, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Южно-Уральский государственный университет и др.) разработаны и внедрены программы, преподаваемые на английском языке. Значит, в университетах должны осуществляться программы дополнительной подготовки НПП для работы в интернациональных группах студентов. Единых стандартов по их подготовке пока не существует. Анализ документации университетов, а также анкетирование преподавателей ЮУрГУ и Южно-Уральского государственного медицинского университета подтвердили наше предположение о необходимости создания единой универсальной программы подготовки НПП к работе в интернациональных группах студентов. Если появится такая программа, гораздо больше организаций высшего образования смогут начать обучение иностранных студентов, имея подготовленных специалистов. Анкетирование НПП показало, что многие преподаватели читают лекции на английском языке, делая обычный перевод с русского языка, не задумываясь о коммуникативной направленности и интерактивности таких занятий, не владея методическими основами ведения занятий в интернациональных группах студентов.

Как показывает опыт работы в системе дополнительного профессионального образования (далее – ДПО), чтобы занятия в интернациональных группах студентов проходили на высоком профессиональном уровне, современному НПП требуется специальная подготовка. Под готовностью НПП к работе в интернациональных группах студентов мы будем понимать интегративное свойство специалиста, проявляемое им в практической деятельности и демонстри-

рующее степень его владения и способность использовать полученные знания, умения, образцы поведения, а также личностные качества, такие как эмпатия, стремление к саморазвитию, для достижения положительных результатов в профессиональной деятельности в поликультурной, полиэтнической академической среде [9–11].

При разработке программы ДПО «Лингва» (в ЮУрГУ) для НПП, планирующих работу в интернациональных группах студентов, мы учитывали, что современному преподавателю необходимо:

- 1) владеть иностранным языком не ниже уровня B2 (по системе CERF);

- 2) знать особенности поведения иностранных студентов;

- 3) владеть методикой преподавания своей дисциплины (English Medium Instruction) на едином языке передачи знания – английском языке;

- 4) проявлять эмпатию по отношению к обучающимся;

- 5) стремиться к дальнейшему профессиональному росту.

Иными словами, НПП следует быть умелым субъектом коммуникации, способным вести теоретические и практические занятия со студентами, поддерживать академическую дискуссию, направляя ее в нужное русло, избегая конфликтов. Данные выводы были получены в результате проведенного нами исследования с использованием метода экспертных оценок, который был описан нами ранее в статье [12]. Однако следует уточнить, что пункты 4) и 5) важны для работы не только с иностранными студентами.

Результаты и обсуждения результатов

Все три образовательных модуля нашей программы: курс иностранного языка, методика преподавания в интернациональных группах студентов и курс межкультурного общения в академической среде – взаимосвязаны. Структура программы отличается свойствами целостности и динамичности. Так, например, при изучении английского языка мы предлагаем обучающимся НПП на уровне говорения обсуждать темы («Знакомство», «Семья», «Еда», «Путешествия» и т.д.) не только в тех странах, которые предлагают авторы учебника по английскому языку [13], но и дополнительно представить материал по данным темам о людях тех стран, откуда прибывают большинство иностранных студентов в ЮУрГУ. Таким образом происходит закрепление навыков говорения и одновременно НПП знакомятся с культурными особен-

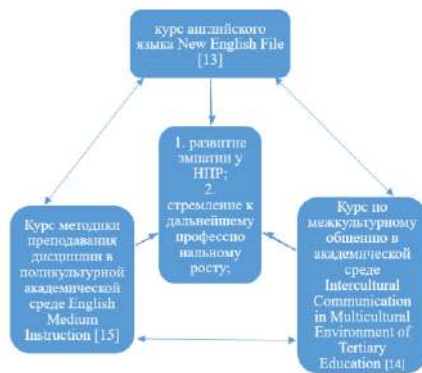

Рис. Развитие готовности НПП к работе в интернациональных группах студентов

ностями и традициями их будущих студентов интернациональных групп. Методику преподавания своих дисциплин в интернациональных группах студентов НПП изучают на английском языке, предварительно сдав экзамен на уровень B2 (по системе CERF). Во время преподавания данной дисциплины происходит повторение и закрепление навыков говорения и аудирования на английском языке. Краткий курс по особенностям межкультурного общения в академической среде (Intercultural Communication in Multicultural Environment of Tertiary Education) тоже ведется на английском языке [14]. Динамичность данной программы проявляется в том, что она может изучаться в отдельно взятом университете, а также в ней могут принимать участие сразу несколько университетов города, посылая своих сотрудников на курсы повышения квалификации.

Работая по данной программе, мы обсуждаем сложности и проблемы, с которыми сталкиваются иностранные студенты, обучаясь в другой стране: культурный шок, языковой барьер, нежелание общаться с представителями иных культур (когда в аудитории можно наблюдать представителей разных культур, сидящих отдельными группами). НПП, имеющие опыт работы с иностранными студентами, делятся своими примерами помощи иностранным студентам и способами разрешения проблем, дополняя материалы учебного пособия по межкультурному общению в академической среде; на занятиях обязательно обсуждается тема толерантности.

Вышесказанное можно кратко изобразить в виде схемы «готовности НПП к работе в интернациональных группах студентов» (см. рис.).

Необходимо также отметить роль обратной связи преподавателя ДПО и НПП, обучающихся на программе «Лингва». Обусловлено это тем, что курс по подготовке НПП к работе в интернациональных группах студентов весьма насыщенный и объемный. Ежеженедельно НПП занимаются в группе по 8 часов, имея полную нагрузку на своей кафедре. У НПП не всегда

получается присутствовать на всех занятиях. Поэтому существует постоянный контакт НПП с преподавателем ДПО с помощью социальных сетей. Кроме того, в конце каждого курса НПП просят поделиться своими впечатлениями, что понравилось, что хочется изменить, хотя курсы «Лингва» ведутся с 2006 г.

Основная причина начала занятий НПП на данной программе – академическая: преподаватели хотели бы повысить уровень владения английским языком до требуемого. С каждым годом возрастает количество иностранных студентов. Поэтому все больше требуются преподаватели, владеющие английским языком на уровне B2 (upper-intermediate). НПП, кроме образовательной деятельности, занимаются научной деятельностью, публикуют статьи в иностранных журналах, участвуя в международных конференциях, общаются с иностранными коллегами. Программа «Лингва» помогает решать и эти задачи.

После занятий в течение хотя бы одного семестра мотивация НПП возрастает. Обучаясь на данной программе, они овладевают новыми видами деятельности, выходящими за рамки повседневности – узнают много новых фактов, слов, тренируют свое внимание, мышление и восприятие, стимулируют познавательную активность, что позволяет и в профессиональной деятельности, и в личной жизни быть более интересными, эрудированными, образованными и интеллектуально развивающимися людьми. На занятиях обсуждаются интересные вопросы, о которых порой мы не задумываемся. Большинство НПП отмечают, что испытывают радость от больших и маленьких побед, открытия чего-то нового в себе и в мире.

Заключение

Мы считаем, что обучение по программе «Лингва» способствует развитию готовности НПП к работе в интернациональных группах студентов, а именно: ведет не только к профессионально-личностному росту преподавателей, выполняет требования современного общества, является одной из ступеней непрерывного образования, но и содействует повышению конкурентоспособности организации высшего образования [16]. Сегодня большинство высших учебных заведений выходят на мировой уровень и стремятся привлечь как иностранных студентов, так и академический персонал для повышения своего международного профиля. Выполнив задачи исследования, мы разработали модель программы развития готовности НПП к работе в интернациональных группах студен-

тов, которая успешно способствует повышению международного профиля вуза и его конкурентоспособности. Развитие названной готовности успешно осуществляется в системе ДПО при применении индивидуальной траектории в образовании НПР, а также постоянной обратной связи между НПР и преподавателем ДПО. Автором данной статьи уже несколько лет осуществляется работа по программе «Лингва» в рамках ДПО при ЮУрГУ. Результаты внедрения данной модели развития готовности НПР к работе в интернациональных группах студентов будут изложены в следующей статье.

Список литературы

1. Cendon E. Lifelong learning at universities: future perspectives for teaching and learning // *Journal of New Approaches in Education Research*. 2018. № 7. P. 81–87.
2. Hunter F., De Wit H. Internationalization of higher education. Dordrecht: Springer, 2018. 175 p.
3. Knight J., De Wit H. Quality and internationalization in higher education. Paris: OECD, 1999. P. 13–23.
4. Большакова З.М., Тулькибаева Н.Н. Закономерности усвоения профессиональной педагогической деятельности студентами педвуза // *Современная высшая школа: инновационный аспект*. 2018. Т. 10. № 1. С. 37–44.
5. Котлярова И.О., Сериков С.Г. Дополнительное образование через всю жизнь: развитие личных ресурсов человека: Монография. Челябинск: Изд-во «Уральская академия», 2011. 188 с.
6. Прилукова Е.Г. Логика смысла в логике диалога культур // *Взаимодействие языков и культур: Материалы Международной научной конференции*, 28–30 мая 2018 / Под ред. О.А. Турбиной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. Т. 2. С. 44–48.
7. Сериков Г.Н., Крысанова В.Н. Готовность работника к профессиональному самообразованию: научное понятие, личный энергоресурс, измерение // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2013. Т. 5. № 3. С. 34–41.
8. Соколова Е.А. Педагогическое сопровождение и педагогическая поддержка: взаимосвязь и различия [Электронный ресурс]. URL: <http://conference.osu.ru> (дата обращения: 14.08.2019).
9. Евсина Е.В. Структура готовности НПР к работе в интернациональных группах студентов // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2020. № 12. С. 79–87.
10. Костюк Н.В. Формирование готовности выпускников учреждений профессионального образования к инновационной деятельности: Дис. ... д-ра пед. наук. Великий Новгород, 2013. 425 с.
11. Сериков Г.Н. Образование: аспекты системного отражения. Курган: Изд-во «Зауралье», 1997. 464 с.
12. Евсина Е.В. The expert assessment method in training lecturers for work in international groups of students // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2020. № 12. С. 83–89.
13. Oxenden C., Latham-Koenig C., Seligson P. with Clandfield L. New English File. Pre-intermediate Teacher's Book. Oxford University Press. 240 p.
14. Евсина Е.В. Intercultural communication in multicultural environment of tertiary education: Учебное пособие. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. 45 с.
15. Волченкова К.Н., Брайан А.Ф. English for researches: English medium instruction: Учебное пособие. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. 100 с.
16. Проект повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. URL: <https://5top100.ru/> (дата обращения: 09.01.2021).

PREPARATION OF UNIVERSITY LECTURERS FOR WORK IN MULTICULTURAL ENVIRONMENT

E.V. Evsina

South-Ural State University

Globalization and internationalization of higher education leads to a change in the requirements for a modern lecturer: the ability to communicate in a multicultural environment, knowing a foreign language as a means of delivering knowledge, mastering the teaching subjects in a foreign (English) language methods. Life-long education is especially important for academic staff. The article presents the structure of training university lecturers (academic staff) for professional activities in international groups of students. The main method for identifying the structure of the given readiness is the method of expert assessments. The study also applied the document analysis method. After analyzing the data obtained in the course of the expert assessment method, we came to the conclusion that the program for preparing academic staff to work in international groups of students should include the following modules: an English language module, a module on intercultural communication in academic environment, a module on teaching methods in academic multicultural environment. The modules are interconnected and contribute to the development of empathy and motivate academic staff to further professional development. The program successfully functions in the system of additional professional education (APE), due to the active use of feedback from the APE teacher and the academic staff.

Keywords: academic staff, readiness to work in international groups of students.

УДК 372.851

DOI 10.52452/18115942_2022_1_157

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПРОГРАММ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЦИКЛА ДЛЯ ЭКОНОМИСТОВ-БАКАЛАВРОВ НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ЛИНЕЙНАЯ АЛГЕБРА»

© 2022 г.

М.В. Котельникова, А.В. Аистов

Котельникова Мария Владимировна, старший преподаватель кафедры теории
и методики обучения математике Нижегородского института развития образования
mariykotelnikova@yandex.ru

Аистов Андрей Валентинович, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры экономической теории и эконометрики
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
aaistov@hse.ru

*Статья поступила в редакцию 29.06.2021**Статья принята к публикации 20.01.2022*

Приведена методика совершенствования содержания дисциплин математического цикла (линейной алгебры), математического анализа, теории вероятностей и математической статистики) на основании содержания программы «Эконометрика» для направления подготовки 38.03.01 «Экономика» ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Описанная методика может быть применена для любой дисциплины и включает в себя семь основных пунктов. В статье приведены результаты ее использования для «Линейной алгебры»: матрицы логических связей внутри дисциплины и междисциплинарная «Линейная алгебра» – «Эконометрика»; цепочки значимости элементов содержания; результат выделения общей (инвариантной) части программ нескольких выбранных вузов; выстроенная на основании проведенного анализа иерархия тем внутри дисциплины и их рейтинг; вариант перераспределения времени, отводимого на семинарские занятия и самостоятельную работу; примеры возможных тем для исследовательской и проектной деятельности. Часы учебных занятий предлагаются перераспределить в зависимости от полученного в результате проведенного исследования рейтинга каждой темы. Для тем с большим рейтингом – выделить больше времени на семинарские занятия, с низким – на самостоятельную работу. По результатам применения методики отмечено улучшение качества освоения студентами материала математических дисциплин, необходимого для более полноценного изучения эконометрики, и, как следствие, для повышения уровня формирования профессиональной математической компетенции экономиста, что положительно влияет на их дальнейшую успешную профессиональную деятельность.

Ключевые слова: профессиональная математическая компетенция экономиста, матрица логических связей, цепочки значимости элементов содержания, инвариант, иерархия, рейтинг, эконометрика.

Введение

Современное информационное общество, в отличие от индустриального, представляет новые требования к выпускнику – будущему профессионалу. В первую очередь, это адаптивность в условиях быстро изменяющегося окружения, умение оперативно разрешать различные проблемные ситуации и находить нестандартные решения, обладание основными информационными навыками. Все это реализуется на базе знаний и умений, которыми должен обладать экономист-бакалавр [1].

В продолжение исследований, результаты которых приведены в предыдущих статьях [2–5], в данной статье на примере линейной алгебры описывается методика совершенствования содержания программ дисциплин математического цикла для экономистов-бакалавров, с учетом содержания дисциплины «Эконометрика».

Выбор этой дисциплины объясняется тем, что, по нашему мнению, она является одной из основных профессиональных дисциплин, наиболее широко использующих математические методы как в процессе ее изучения, так и в ходе реализации полученных знаний на практике после окончания вуза. Мы отдаем себе отчет в том, что и другие экономические дисциплины (не рассмотренные в рамках настоящей работы) используют математические методы. К последним в первую очередь относятся интегральное и дифференциальное исчисление, разностные и дифференциальные уравнения, поиск оптимальных решений при ограничениях, матричная алгебра, теория вероятностей. Заметим, что эти знания используются и в эконометрике, но именно эконометрика во многих университетах воспринимается студентами как более сложный предмет. Возможно, это объясняется тем, что основная масса преподавателей эконометрики

имеет математический склад ума, а преподавать ее приходится (в упомянутых выше вузах) в среде с преобладанием гуманитариев. В результате преподаватель и студенты «разговаривают на разных языках», если не прилагаются дополнительные усилия по совершенствованию преподавания дисциплин математического цикла. Также в пользу выбора в настоящей работе эконометрики как «целевой функции» говорит следующий факт. Начальный курс эконометрики обычно преподается после усвоения студентами экономической теории (микро- и макроэкономики), экономической статистики и некоторых профессиональных экономических дисциплин (поскольку построение эмпирических моделей опирается на знания экономики), но эконометрика все равно вспоминается как более сложный в изучении предмет многими выпускниками экономических вузов. Это происходит несмотря на то, что эконометрику «можно рассматривать как объединение ряда дисциплин – экономической теории (включая микро- и макроэкономику, социальную сферу), социально-экономической статистики и теории измерения общественных процессов, математической статистики и методов экономико-математического моделирования» [6]. Ориентация содержания математических дисциплин на содержание «Эконометрики» улучшит качество освоения последней, позволит решить или по крайней мере сгладить некоторые из перечисленных выше проблем, а также будет способствовать формированию общепрофессиональных и профессиональных компетенций, в их числе – профессиональной математической компетенции экономиста (ПМКЭ) [7].

Обзор литературы

Настоящая работа является продолжением исследований в области совершенствования образовательных программ, проведенных ранее В.М. Соколовым, Д.А. Лошкаревой, О.И. Вагановой, А.Ф. Ан [8–15].

Ранее в работах Д.А. Лошкаревой [13, 14] было проведено исследование совокупности методов компетентностно-ориентированного совершенствования дополнительной профессиональной образовательной программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

В работах О.И. Вагановой [9, 10, 16] предложены варианты адаптации, совершенствования и демонстрации использования методов оценки объема учебного материала, подлежащего запоминанию в курсе математики полной средней школы. Был проведен структурно-логический анализ части содержания обучения,

включающего четыре функции, зафиксированные в учебниках математики, рекомендованных Минобразования РФ, и на этом основании построены структурно-логические схемы, представляющие структуру освоенного содержания обучения.

В работе А.Ф. Ан [8] был предложен системно-технологический подход к анализу и отбору учебного материала, содержание и уровни усвоения которого ориентированы на достижение профессиональной компетентности выпускника. Было представлено количественно обоснованное выделение элементов содержания курса физики на основе построения и анализа матриц логических связей и экспертных опросов преподавателей вузов, позволяющее конкретизировать цели обучения, объективировать процедуру отбора учебного материала по физике, наиболее значимого для успешного освоения профессионально ориентированных дисциплин и фундаментальной подготовки студентов. Также автор провел количественно обоснованное выделение учебных элементов математики, наиболее существенных для успешного усвоения содержания курса физики, позволяющее согласовать программы курсов физики и математики по тематике и последовательности изучения основных разделов.

Похожие исследования в области совершенствования содержания образования, межпредметных связей и компетентностного подхода, организации самостоятельной работы в обучении математике экономистов-бакалавров представлены в работах Н.Н. Бабиковой [17], Н.А. Бурмистровой [18], Н.В. Подошва [19].

Методология

Мы предлагаем проводить анализ содержания каждой дисциплины математического цикла с целью ее дальнейшего совершенствования по следующему плану.

1. Выбираем вуз, специальность для анализа. Для построения инварианта выбираем дополнительно несколько вузов и программ дисциплин той же специальности.
2. Составляем матрицу логических связей внутри каждой дисциплины и между дисциплинами выбранной специальности в вузах.
3. Составляем цепочки значимости элементов содержания между дисциплинами выбранной специальности в вузах.
4. Определяем инвариант для содержания каждой дисциплины математического цикла и эконометрики с помощью анализа программ нескольких вузов по данной специальности.
5. Строим иерархию и рейтинг тем по каждой дисциплине математического цикла на основании полученных данных.

Таблица 1

МЛС «Линейная алгебра» – «Линейная алгебра»

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K
1		1..1	1..2	2..1	2..2	3	4..1	4..2	5..1	5..2	
2	1..1		1	1	1	0	1	1	0	0	0,625
3	1..2			1	1	0	1	1	0	0	0,571429
4	2..1				1	1	1	1	0	0	0,666667
5	2..2					0	0	0	0	0	0
6	3						1	1	1	0	0,75
7	4..1							1	1	0	0,666667
8	4..2								0	0	0
9	5..1									0	0
10	5..2										
11			1	1	1	0,25	0,8	0,833333	0,285714	0	
12											

Таблица 2

МЛС дисциплин «Линейная алгебра» – «Эконометрика».

По горизонтали – темы дисциплины «Линейная алгебра», по вертикали – «Эконометрика»

	A	B	C	D	E	F	G
1		1	2	3	4		
2	1..1	1	1	1	1	1	
3	1..2	1	1	1	1	1	
4	2..1	1	0	1	0	0,5	
5	2..2	0	0	0	0	0	
6	3	0	0	0	0	0	
7	4..1	0	0	0	0	0	
8	4..2	0	0	0	0	0	
9	5..1	0	0	0	0	0	
10	5..2	0	0	0	0	0	
11		0,333333	0,222222	0,333333	0,222222		
12							

6. Предполагаем перераспределения времени, отводимого на семинарские занятия каждой дисциплины математического цикла с учетом полученного рейтинга тем.

7. Предлагаем темы исследовательских работ.

Результаты

Авторами настоящей работы было проведено исследование для содержания каждой из программ: «Линейная алгебра», «Математический анализ», «Теория вероятностей и математическая статистика» («ТВ и МС»), учитывая содержание дисциплины «Эконометрика» по направлению 38.03.01 «Экономика» для бакалавров ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Для каждой дисциплины математического цикла нами построены матрицы логических связей (МЛС) внутри дисциплины и междисциплинарные матрицы, содержащие также связи с «Эконометрикой». Методика построения была описана в предыдущих работах [2, 5].

В рамках данной статьи мы приводим иллюстрацию использования предложенной нами методики на примере дисциплины «Линейная

алгебра». В табл. 1 приведен пример МЛС дисциплины «Линейная алгебра» [20]. Единица в клетке означает необходимость изучения темы соответствующей строки для успешного освоения темы столбца. Перечень тем дисциплины (кратко): 1.1 – матрицы и определители; 1.2 – обратная матрица, ранг матрицы; 2.1 – системы линейных уравнений, балансовый анализ; 2.2 – теорема Кронекера–Капелли, схема решения СЛУ; 3 – векторная алгебра; 4.1 – линейные пространства и линейные операторы; 4.2 – базис векторного пространства; 5.1 – элементы аналитической геометрии; 5.2 – кривые второго порядка и их канонические уравнения. Некоторые темы разбиты на подтемы [21].

Величина в каждой строке столбца К – частота использования (равная доле единиц в строке), отображающая значимость содержания темы строки в успешном восприятии тем столбцов. В строке №11 записана частота использования соответствующей темы линейной алгебры при изучении последующих тем. Эти значения далее будут занесены в табл. 3.

В табл. 2 приведен пример междисциплинарной МЛС «Линейная алгебра» – «Эконометрика». Перечень тем дисциплины «Эконометрика».

Таблица 3

Значения частот и значимостей тем, полученных в соответствующих МЛС

Темы, имеющие ненулевую частоту в собственной МЛС «Линейная алгебра»	Темы, имеющие ненулевую частоту в МЛС «Линейная алгебра» и «Математический анализ»	Темы, имеющие ненулевую частоту в МЛС «Линейная алгебра» и «ТВ и МС»	Темы, имеющие ненулевую частоту в МЛС «Линейная алгебра» и «Эконометрика»	Сумма частот	Значимость
Матрицы и определители (1.1)	Матрицы и определители (1.1)		Матрицы и определители (1.1)	3.34	1
Системы линейных уравнений. Балансовый анализ (2.1)			Системы линейных уравнений. Балансовый анализ (2.1)	1.17 (2)	1
Векторная алгебра (3)	Векторная алгебра (3)		Векторная алгебра (3)	0.89 (3)	0.25
Линейные пространства и линейные операторы (4.1)			Линейные пространства и линейные операторы (4.1)	0.67 (2)	0.8
Элементы аналитической геометрии (5.1)					0.29

рика» [22] (кратко): 1) регрессионный анализ; 2) нарушение предпосылок классической модели; 3) системы эконометрических уравнений; 4) анализ временных рядов.

Аналогично, как и в предыдущей таблице, правый столбик содержит значения частот, нижняя строка – значимости тем. Результаты заносим в таблицу 3.

На третьем этапе строим цепочки значимости элементов содержания дисциплин. Фрагмент соответствующих результатов приведен в табл. 4.

Далее для каждой дисциплины выделяем инвариантную часть. Это часть содержания дисциплины, которая совпадает у нескольких выбранных для анализа программ данной дисциплины. Методика выделения описана в работе [2]. Здесь мы ограничимся представлением инварианта дисциплины «Линейная алгебра».

Тема 1. Матрицы и определители. Понятие матрицы произвольного порядка. Действия над матрицами. Виды матриц. Определитель квадратной матрицы. Свойства определителя. Обратная матрица. Ранг матрицы. Ранг матрицы при элементарных преобразованиях матриц.

Тема 2. Системы линейных уравнений. Виды СЛУ. Решения СЛУ. Система линейных уравнений в матричной форме. Метод решения линейных систем, у которых число уравнений равно числу переменных, переходом к обратной матрице. Правило Крамера решения систем линейных уравнений. Метод Гаусса. Теорема Кронекера–Капелли. Схема решения СЛУ. Однородные системы линейных алгебраических уравнений. Фундаментальные решения.

Тема 3. Векторная алгебра. Геометрический вектор. Основные понятия. Линейные операции над векторами. Декартов базис в пространстве и

на плоскости и декартова система координат. Координаты вектора. Линейные операции в координатах.

Тема 4. Линейные пространства и линейные операторы. Понятие линейного векторного пространства. Векторы в n -мерном евклидовом пространстве. Линейная зависимость и независимость системы векторов. Размерность векторного пространства. Базис векторного пространства. Разложение вектора по базису. Переход к новому базису. Матрица перехода. Линейные операторы и их свойства. Матрица линейного оператора. Собственные значения и собственные векторы линейного оператора

Тема 5. Элементы аналитической геометрии. Уравнение прямой на плоскости и в пространстве. Полуплоскость. Уравнение плоскости. Полупространство.

Сопоставляя полученные данные, составляем таблицу 5.

Темы линейной алгебры при предыдущем анализе были разбиты дополнительно на более мелкие составляющие. В таблице же мы приводим результаты уже в целом, темы указываем в той же формулировке, что и в программе изначально.

Далее составляем рейтинг тем дисциплины «Линейная алгебра». Для этого используем показатель суммы для каждой темы из последнего столбца таблицы 5. Результаты представлены в табл. 6.

По результатам показателей рейтинга выстраивается иерархия тем. Для этого каждое значение из последнего столбца таблицы 6 делим на значение суммы (13.24) из таблицы 5.

Тема 1. Матрицы и определители. 40.3%

Тема 2. Системы линейных уравнений. Балансовый анализ. 24%

Таблица 4

Цепочки значимости элементов содержания дисциплин математического цикла (фрагмент)

Темы дисциплины «Эконометрика»	Тема дисциплины «ТВиМС»	Тема дисциплины «Математический анализ»	Тема дисциплины «Линейная алгебра»
Тема 1. Регрессионный анализ. Эконометрика и ее связь с экономической теорией. Парная линейная регрессия. Метод наименьших квадратов. Нелинейная регрессия. Множественная регрессия. Проверка гипотез и выбор наилучшей модели. Фиктивные переменные	Правила действий со случайными событиями и вероятностями их осуществления (1)	Числа, множества, функции (1). Введение в теорию пределов. Непрерывные функции. Асимптоты (2)	
	Случайные величины (2)	Числа, множества, функции (1)	
		Введение в теорию пределов. Непрерывные функции. Асимптоты (2)	
		Дифференциальное исчисление функции одного переменного (3)	
		Дифференциальное исчисление функций нескольких переменных (4)	Матрицы и определители (1.1), векторная алгебра (3)
		Интегральное исчисление (5)	
	Основы статистического описания (3)	Введение в теорию пределов. Непрерывные функции. Асимптоты (2)	
		Интегральное исчисление (5)	
		Обыкновенные дифференциальные уравнения (6)	
	Оценивание параметров распределений (4)		
Тема 2. Нарушение предпосылок классической модели. Мультиколлинеарность. Автокорреляция в остатках. Гетероскедастичность	Проверка статистических гипотез и корреляционный анализ (5)	Дифференциальное исчисление функций нескольких переменных (4)	Матрицы и определители (1.1), векторная алгебра (3)
	Правила действий со случайными событиями и вероятностями их осуществления (1)	Числа, множества, функции (1)	Матрицы и определители (1.1), векторная алгебра (3)
		Введение в теорию пределов. Непрерывные функции. Асимптоты (2)	
	Случайные величины (2)	Числа, множества, функции (1)	
		Введение в теорию пределов. Непрерывные функции. Асимптоты (2)	
		Дифференциальное исчисление функции одного переменного (3)	
		Дифференциальное исчисление функций нескольких переменных (4)	Матрицы и определители (1.1), векторная алгебра (3)
		Интегральное исчисление (5)	
	Основы статистического описания (3)	Введение в теорию пределов. Непрерывные функции. Асимптоты (2)	
		Интегральное исчисление (5)	
		Обыкновенные дифференциальные уравнения (6)	
	Оценивание параметров распределений (4)		
	Проверка статистических гипотез и корреляционный анализ (5)	Дифференциальное исчисление функций нескольких переменных (4)	

Тема 3. Векторная алгебра. 17.4%

Тема 4. Линейные пространства и линейные операторы. 16.2%

Тема 5. Элементы аналитической геометрии. 2.1%

Далее, используя полученные результаты, предлагаем перераспределение часов, отводимых на практические занятия и самостоятельную работу. Темы с большим рейтингом, по нашему мнению, требуют более детального и

Таблица 5

Показатели результатов исследования

Тема дисциплины ЛА (без дополнительного разбиения)	Вхождение темы в инвариант	Суммарная частотность	Суммарная значимость из МЛС	Значимость из цепочки значимости тем	Сумма
Тема 1. Матрицы и определители	да	3.34	1	1	5.34
Тема 2. Системы линейных уравнений. Балансовый анализ	да	1.17	2		3.17
Тема 3. Векторная алгебра	да	0.89	0.25	1	2.14
Тема 4. Линейные пространства и линейные операторы	да	0.67	1.63		2.3
Тема 5. Элементы аналитической геометрии	да		0.29		0.29
				Всего	13.24

Таблица 6

Рейтинг тем

Тема дисциплины ЛА	Рейтинг
Тема 1. Матрицы и определители	5.34
Тема 2. Системы линейных уравнений. Балансовый анализ	3.17
Тема 3. Векторная алгебра	2.14
Тема 4. Линейные пространства и линейные операторы	2.3
Тема 5. Элементы аналитической геометрии	0.29

Таблица 7

Тематическое планирование

Тема дисциплины «Линейная алгебра»	Количество часов на практические занятия		Количество часов на самостоятельную работу	
	Программа	С учетом рейтинга	Программа	С учетом рейтинга
Тема 1. Матрицы и определители. 40.3%	2	4	18	13
Тема 2. Системы линейных уравнений. Балансовый анализ. 24%	2	4	18	17
Тема 3. Векторная алгебра. 16.2%	2	3	18	17
Тема 4. Линейные пространства и линейные операторы. 17.4%	1	3	18	13
Тема 5. Элементы аналитической геометрии. 2.1%	9	2	3	15
Всего часов	16	16	75	75

подробного разбора, требуется большее время для аудиторной практики, темы же с более низким рейтингом, наоборот, требуют больше времени для самостоятельной работы, для выполнения исследовательских и проектных работ. Стоит отметить, что речь идет только о семинарских занятиях (распределение времени на лекции остается неизменным) – мы предлагаем немного сместить акцент на более подробную отработку навыков решения практических задач по темам с большим рейтингом.

В табл. 8 приведены примеры темы проектных и исследовательских работ (фрагмент оригинальной таблицы).

Аналогичным образом, по приведенному плану, проводится анализ по оставшимся дисциплинам «Математический анализ» и «Теория вероятностей и математическая статистика» по той же специальности ННГУ. Составляется рейтинг, предлагается перераспределение часов, отводимых на практические задания, и темы

проектных и исследовательских работ. По такому же плану нами проведено исследование содержания программ дисциплин и для НИУ ВШЭ.

Пока наши результаты получены в ходе исследования содержания математических дисциплин и эконометрики. В дальнейшем планируется их дополнение результатами исследования содержания других экономических дисциплин, изучаемых экономистами-бакалаврами.

Для оценки результатов применения алгоритма совершенствования преподавания дисциплин математического цикла нами было организовано преподавание в двух группах студентов в прошедшем учебном году. В одном потоке студенты обучались традиционно (это контрольная группа), в другом – с перераспределенными часами преподавания по предложенной выше методике (это группа воздействия). По завершении процесса преподавания была проведена контрольная работа (в соответствии с учебным планом), состоявшая из 10 заданий.

Таблица 8

Примеры тем самостоятельных исследовательских работ (фрагмент)

Разделы дисциплины «Линейная алгебра»	Разделы дисциплины «Эконометрика»	Темы самостоятельных исследовательских работ
Элементы аналитической геометрии. Расстояние между точками. Деление отрезка в данном отношении. Векторы. Равенство векторов. Координаты вектора. Сложение векторов. Умножение вектора на число. Разложение вектора плоскости по двум неколлинеарным векторам. Скалярное произведение векторов	Векторы и связанные с ними понятия (действия с векторами) – основной язык эконометрики	1) Вектор – «язык» эконометрики 2) Использование векторов в записи эмпирических моделей 3) Векторы в изучении свойств оценок параметров эконометрических моделей 4) Использование векторов при описании качества подгонки эконометрических моделей 5) Векторы в разработке методов оценки неизвестных параметров эконометрических моделей 6) Векторы в оценке неопределенностей, присущих оценкам параметров эмпирических моделей 7) Векторы при проверке статистических гипотез 8) Векторы в разработке методов прогнозирования с использованием эмпирических моделей 9) КМЛР и МНК в векторно-матричной форме 10) Векторные случайные величины в эконометрике 11) Векторы в теореме Гаусса–Маркова 12) Геометрический смысл МНК
Расстояние от точки до прямой	Метод главных компонент	13) Использование векторов и понятия расстояния от точки до прямой в задаче наилучшей аппроксимации конечного множества точек прямыми и плоскостями (Пирсон, 1901)
Разложение вектора по трем некопланарным векторам	Суть метода наименьших квадратов. Геометрическая интерпретация МНК. Свойства оценок параметров, полученных с помощью МНК	14) Разложение вектора по трем некопланарным векторам в МНК 15) Основные понятия аналитической геометрии – базис параметрической эконометрики

Эта контрольная работа проверяла знания математики у студентов контрольной группы (25 человек) и группы воздействия (23 человека). Задания контрольной работы были совершенно одинаковы. Процент учеников, справившихся с работой (верно выполнивших 5 и более заданий), составил 83% в экспериментальной и 60% в контрольной группе. Проверка гипотезы о равенстве вероятностей успешного написания контрольной работы в рассмотренных группах студентов (при использовании двухстороннего теста) говорит о том, что студенты, которые осваивали математику по программе с учетом элементов ее совершенствования, приступили к изучению «Эконометрики» более подготовленными. К сожалению, из-за малого объема наблюдений мы вынуждены признать, что полученный результат справедлив лишь на 10% уровне статистической значимости. Для получения более достоверных выводов эксперимент требует продолжения – увеличения количества контрольных работ и/или групп студентов. Тем не менее даже такой предварительный результат выглядит, на наш взгляд, обнадеживающим в плане подтверждения возможности совершенствования преподавания.

Заключение

В настоящей статье описан пример использования подхода, предложенного ранее В.М. Соко-

ловым, О.И. Вагановой, Д.А. Лошкаревой, А.Ф. Ан [8–15], но примененного к оптимизации преподавания учебных дисциплин математического цикла, ориентированной на дальнейшее изучение студентами предмета «Эконометрика». Выполненная экспериментальная проверка описываемой в работе методики показала более глубокое усвоение студентами необходимого учебного материала в группе воздействия по сравнению с контрольной группой. Таким образом в ходе эксперимента удалось показать, что у студентов были сформированы навыки, позволяющие усвоить эконометрику более качественно. В результате мы ожидаем, что у них в большей степени будут сформированы общепрофессиональные и профессиональные компетенции, а также и профессиональная математическая компетенция экономиста (ПМКЭ), которые необходимы для дальнейшей их успешной профессиональной деятельности. Естественным продолжением описываемого в настоящей работе эксперимента будет сравнительный анализ результатов сдачи студентами экзамена по эконометрике.

Список литературы

1. ФГОС ВО 3+. URL: <http://www.edu.ru/file/docs/2015/11/62304.pdf#page=3> (дата обращения: 23.01.2021).

2. Котельникова М.В., Аистов А.В. Совершенствование преподавания дисциплин математического цикла на основе инвариантов, необходимых для преподавания курса «Эконометрика» экономистам-бакалаврам // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 3. С. 183–189.
3. Котельникова М.В., Аистов А.В. Метод построения цепочек значимости элементов содержания математических дисциплин применительно к курсу «Эконометрики» для экономистов бакалавров // Нижегородское образование. 2019. № 1. С. 71–76.
4. Котельникова М.В. Об оптимизации содержания дисциплины «Линейная алгебра» для бакалавров-экономистов на основании анализа учебных программ ведущих российских вузов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 192–198.
5. Котельникова М.В., Соколов В.М. «Линейная алгебра» в математическом цикле подготовки бакалавров-экономистов: анализ содержания // Нижегородское образование. 2014. № 4. С. 125–131.
6. Тихомиров Н.П., Дорохина Е.Ю. Эконометрика. М., 2003. 512 с.
7. Севастьянова С.А. Математические компетенции бакалавров по направлению подготовки «Экономика», MSWorld – 2–12 October 2012. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/oct-2012> (дата обращения: 15.11.2020).
8. Ан А.Ф. Проектирование компетентностно ориентированного курса физики в техническом вузе. 13.00.02. – Теория и методика обучения и воспитания (физика). Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2016.
9. Ваганова О.И., Соколов В.М. Выборочная оценка успешности усвоения наиболее значимых элементов содержания обучения (на примере элементарных функций школьной математики) // Актуальные проблемы науки и гуманитарного образования: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4. СПб.: Мирт, 2004. С. 47–51.
10. Ваганова О.И. Методы оценки объема учебного материала, подлежащего запоминанию в курсе математики полной средней школы. 13.00.02. – Теория и методика обучения и воспитания по (математике, уровень общего образования): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2004.
11. Котельникова М.В., Соколов В.М. Связи содержания дисциплин математического блока в подготовке экономиста-бакалавра // Сборник тезисов докладов и статей методической конференции ННГУ им. Н.И. Лобачевского 6–8 февраля 2017 г. «Разработка образовательных программ в условиях повышения конкурентоспособности экономического образования». С. 49–56.
12. Котельникова М.В. О линиях логических связей тем дисциплин математического цикла и эконометрики в подготовке бакалавров-экономистов // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Технологии продуктивного обучения математике: традиции и инновации», 14 октября 2016 г. (Арзамас, Россия). Сб. ст. С. 187–192.
13. Лошкарева Д.А. Совокупность методов компетентностно-ориентированного совершенствования дополнительной профессиональной образовательной программы. 13.00.08. – Теория и методика профессионального образования: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2012.
14. Соколов В.М., Лошкарева Д.А. Структурно-логические схемы и матрицы логических связей в анализе содержания образовательной программы // Научно-методический журнал «Наука и школа». 2011. № 6. С. 15–20.
15. Соколов В.М., Кострова Н.Б., Маршевская В.А. и др. О возможном методе построения промежуточных (этапных) целей обучения по общенаучным дисциплинам // Межвуз. сб. науч. трудов «Оптимизация учебного процесса в вузе» / Под ред. В.М. Соколова. Горький: Изд-во ГГУ, 1988. С. 50–55.
16. Ваганова О.И., Соколов В.М. Методы оценки объема учебного материала, подлежащего запоминанию в курсе математики полной средней школы: Монография. Н. Новгород: Изд-во ВГИПА, 2004. 101 с.
17. Бабилова Н.Н. Реализация комплекса межпредметных связей при обучении математике студентов-экономистов: Дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2005. 152 с.
18. Бурмистрова Н.А. Методическая система обучения математике будущих бакалавров направления «Экономика» на основе компетентностного подхода: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук, Красноярск, 2011.
19. Подошва Н.В. Интенсификация самостоятельной работы студентов вузов при обучении курсу высшей математики. М., 2012.
20. Рабочая программа по линейной алгебре ННГУ им. Н.И. Лобачевского. URL: <http://www.unn.ru/sveden/education/edu-op.php> (дата обращения: 13.09.2020).
21. Рабочая программа по математическому анализу ННГУ им. Н.И. Лобачевского. URL: <http://www.unn.ru/sveden/education/edu-op.php> (дата обращения: 17.10.2020).
22. Рабочая программа по эконометрике, ННГУ им. Н.И. Лобачевского. URL: <http://www.unn.ru/sveden/education/edu-op.php> (дата обращения: 02.01.2021).

IMPROVING THE CONTENT OF MATHEMATICAL CYCLE PROGRAMS FOR UNDERGRADUATE ECONOMISTS ON THE EXAMPLE OF THE DISCIPLINE «LINEAR ALGEBRA»

M.V. Kotelnikova,¹ A.V. Aistov²

¹ Nizhny Novgorod Institute of education development

² HSE University

The article presents a method for improving the content of the disciplines of the mathematical cycle ("Linear algebra", "Mathematical analysis", "Probability theory and mathematical statistics") based on the content of the program "Economet-

rics" for the direction of training 38.03.01 Economics of N.I. Lobachevsky National Research University. The described methodology can be applied to any discipline and includes seven main points. The article presents the following results of the methodology use for "Linear algebra": matrices of logical connections (MLS) within the discipline and the interdisciplinary "Linear algebra"–"Econometrics"; chains of significance of content elements (a fragment of a table); the result of allocating a common (invariant) part of the programs of several selected universities; a hierarchy of topics within the discipline and their rating built on the basis of the analysis; a variant of redistribution of time allocation for seminars and independent work; examples of possible topics for research and project work. It is proposed to redistribute the hours of training sessions depending on the rating of each topic obtained as a result of the conducted research. For those with a high rating, it is necessary to allocate more time for seminar classes, for those with a low rating—for independent work. According to the results of the application of the methodology, there was an improvement in the quality of students 'mastering the material of mathematical disciplines necessary for a more complete study of "Econometrics", and, as a result, to increase the level of formation of "Professional mathematical competence of an economist" (PMCE), which positively affects their further successful professional activity.

Keywords: professional mathematical competence of an economist (PMCE), matrix of logical connections (MLS), chains of significance of content elements, invariant, hierarchy, rating, econometrics.

УДК 37.01(092)+37.034

DOI 10.52452/18115942_2022_1_166

«О МОСКВЕ ПОКА НИ СЛУХУ, НИ ДУХУ»: ГЛАВНАЯ МЕЧТА Н.Н. ШАМОНИНА

© 2022 г.

В.В. Митрофанов

Митрофанов Виктор Владимирович, д.и.н.; доц.; профессор кафедры теории и истории государства и права
Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЕС, Санкт-Петербург
viktor-n1962@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 12.09.2021**Статья принята к публикации 18.01.2022*

Представители рода Шамониных немало потрудились на ниве российского образования, как столичного, так и провинциального. Самым известным представителем семьи, безусловно, является Надежда Николаевна, в замужестве Платонова. Старший её брат, окончивший Московский университет, проявлял еще в студенческие годы организаторские способности и склонность к научной работе, однако всю жизнь был связан с гимназическим образованием. Он известен, прежде всего, как директор Костромской и затем Рязанской гимназий. Но он является и профессиональным переводчиком учебной литературы и научных трудов. Время распорядилось так, что его имя редко упоминается и остается малоизвестно.

С привлечением писем Николая Николаевича к сестре Н.Н. Платоновой раскрывается повседневная жизнь семьи директора провинциальной гимназии. Можно судить о большой казенной квартире, материальном достатке, возможности путешествовать, обучении детей и их стремлениях.

Самое большое желание Н.Н. Шамонина было получить директорство в Москве. Эта тема объединяет всю переписку его с Платоновыми. Приведено немало малоизвестных фактов о передвижениях директоров гимназий в Москве, открывавшихся вакансиях, что позволяет судить о системе гимназического образования России начала XX в.

Ключевые слова: Н.Н. Шамонин, Н.Н. Платонова, образование, провинциальные гимназии, повседневность, переписка.

Введение

История провинциального образования XIX – начала XX в. в последние годы привлекает заинтересованного исследователя. А география объектов изучения настолько широка, что охватывает территорию всей Российской империи. Публикуются интересные статьи и материалы о тенденциях в образовательной сфере [1; 2], истории конкретных гимназий [3–5].

Среди многочисленной, но сегодня во многом забытой плеяды деятелей гимназического образования конца XIX – начала XX в. следует назвать Николая Николаевича Шамонина. Он родился 11 июля 1858 г. в г. Купянске, умер неожиданно 11 марта 1917 г. в Рязани. Сведений о нем немного, как и вообще о дворянском роде Шамониных, по данным Е.А. Ростовцева, записанном в «тамбовское дворянство», но «в пореформенное время, семья, вероятно, уже не сохранила состояния» [6, с. 44].

У родителей Н.Н. Шамонина в Харьковской губернии Купянского уезда при деревне Ивановской имелось 240 десятин земли. Николай Иванович и Надежда Дмитриевна Шамонины и их дети Николай, Владимир, Надежда, Зинаида, Софья, Сергей переехали в Москву в начале

1870-х гг. Старший сын Н.Н. Шамонин учился в Московской 1-й гимназии начиная с 1874 г., куда был переведен из III Харьковской гимназии.

Результаты исследования

Специальных работ, посвященных Н.Н. Шамонину, нет. Его биография во многом восстанавливается по источникам личного происхождения. Талантливый ученик В.О. Ключевского П.Н. Милюков, учившийся вместе с Н.Н. Шамониным в гимназии, посвятил ему немало строк, называя его «гимназическим товарищем» на страницах своих «Воспоминаний». Он «... славился среди всех нас феноменальным даром памяти. Мы смотрели как на непонятное чудо, когда, задав ему помножить по памяти одно многозначное число на другое многозначное, получали верный результат раньше, чем проходила минута. Он запоминал целые страницы, раз прочтенные. В интересовавшей нас области он был превосходным знатоком библиографии. При этом он отличался необыкновенной скромностью и никогда не выдавался вперед. Обратной стороной этих замечательных свойств была сравнительная неспособность к тому, что я называл «дискурсивным мышлением» ... Наша

дружба продолжалась и после гимназии...» [7, с. 80].

По окончании гимназии оба товарища поступили в Московский университет на историко-филологический факультет и окончили его: Н.Н. Шамонин со степенью кандидата, П.Н. Милюков был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. О некоторых событиях их студенческой жизни читаем в упомянутых «Воспоминаниях»: «В день выборов меня не было в университете, и представителем курса был выбран мой гимназический приятель Н.Н. Шамонин. Он оказался очень хорошим председателем курсовых собраний, но мало интересовался политической стороной дела, и вся «политика» перешла в мое заведование».

И еще один важный момент выделяет П.Н. Милюков: «во главе петербургского кружка историков вполне заслуженно стоял С.Ф. Платонов, женатый на сестре моего московского друга Шамонина» [7, с. 80].

О хороших отношениях между П.Н. Милюковым и Н.Н. Шамониным повествуют письма первого на имя С.Ф. Платонова [8, с. 11, 108, 123, 132, 134].

Есть свидетельства о возможной научной карьере Н.Н. Шамонина. Его имя наряду с такими известными в будущем исследователями, как М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, М.Н. Покровский, В.Н. Сторожев, П.И. Беляев, А.Н. Филиппов, Д.М. Петрушевский, С.Ф. Фортунатов, С.П. Моравский, М.С. Корелин, И.И. Иванов, Ф.А. Смирнов, А.И. Гучков, А.А. Мануйлов, С.Н. Трубецкой, фигурирует среди членов исторического общества при Московском университете, где читались рефераты «по выдающимся вопросам и явлениям исторической литературы» [9, с. 81].

Н.Н. Платонова дважды упоминает в своем «Дневнике» о подготовке брата к магистерским экзаменам. Так, 7 апреля 1891 г. она записала: «Коля... принялся приготовляться к экзамену», и вскоре, 26 числа, другая запись: «Коля и магист[ерский] экзамен» [10, с. 55, 57]. Как закончилась эта история, пока неизвестно.

Научная деятельность имела определенные результаты. Так, Н.Н. Платонова 24 сентября 1890 г. записала: «Коля прислал несколько экземпляров своего перевода» [10, с. 40]. Речь идет о книге Р. Пельмана [11], названного В.П. Бузескулом «третьим крупным представителем новейшего направления в обработке греческой истории, самым ревностным поборником исследования её социально-экономической стороны» [12, с. 499]. Книга вызвала интерес [13], о чем и писала 29 января 1891 г. Н.Н. Платонова: «Вчера Ученый ком[ите]т, на основании отчета

Васильевского, постановил одобрить Колин перевод Пельмана для гимназических библиотек» [10, с. 48]. Это решение было опубликовано [14, с. 57]. Под совместной редакцией Н.Н. Шамонина и Д.М. Петрушевского вышел интересный сборник статей [15]. В «Дневнике» же встречаем упоминание о работе Н.Н. Шамонина над хрестоматией, которую он из-за недостатка времени «бросил» [10, с. 55]. Немало времени отдавал Н.Н. Шамонин переводу исторических сочинений в рамках сотрудничества с Комиссией по организации домашнего чтения, состоящей при учебном отделе Общества распространения технических знаний [17]. Следует заметить, что в редакции серии входил П.Н. Милюков. Во вступительной статье «От переводчика» [17, с. XIII–XX] он объясняет причины обращения к объемной книге, автора которой называет «самой крупной величиной» среди исследователей римской истории во второй половине XIX в., «талантливым автором» [17, с. XVI], обладающим «первоклассной ученостью» [17, с. XV]. В небольшом по объему вступлении Н.Н. Шамонин показал себя знатоком литературы по заявленной теме («благодаря новым исследованиям, произведенным за последние 50 лет...») [17, с. XIX], подробно изучил основные вехи биографии и научного творчества выдающегося немецкого историка, лауреата Нобелевской премии, дал характеристику приемов и манеры изложения, отметив «сильное пристрастие автора к сарказму» [17, с. XIX]. О востребованности книги свидетельствует её переиздание [18]. Указанные переводы позволяют предположить, что Н.Н. Шамонин намеривался писать магистерскую диссертацию по истории Древнего мира.

Таким образом, успехи в переводах и подготовке учебной литературы были очевидны. Это же указывает на безупречное владение немецким языком на высоком профессиональном уровне.

Но после окончания университета для Н.Н. Шамонина начинается не научная или преподавательская карьера, а работа учителя в ряде гимназий, которая подробно прослеживается по формулярному списку: в 1881 г. учитель истории и географии в Коломенской 6-классной прогимназии, с 1884 г. переименована в гимназию; в 1884 г. переведен в Жиздринскую 6-классную прогимназию; с августа 1885 г. – учитель древних языков в Московскую 2-ю; с августа 1887 г. учитель истории и географии в Рыбинской, с 1892 г. в Сергиевской Сергиево-Посадской 6-классной прогимназии учителем истории и географии...¹, в 1895 г. – учитель истории и географии Московской 6-й гимназии; с 1896 года – одновременно... преподаватель ис-

тории в Московской частной женской гимназии Пуссель [19].

Заметим, что в области образования реализовывали себя и его сестры. Зинаида Николаевна (1863–1940) – педагог, окончившая в 1883 г. женскую классическую гимназию С.Н. Фишер с золотой медалью². В этой же гимназии в 1883–1908 гг. преподавала древние языки. Затем организовала мужскую гимназию в Москве [6, с. 48]. Была известна в свое время и Софья Николаевна Шамонина (1867–1921), окончившая ту же гимназию в 1887 г. с серебряной медалью. Педагогический путь начала в родной гимназии учительницей приготовительного класса. Позже, с 15 мая 1892 г., получила место классной дамы в Покровской гимназии [8, с. 218]. В нижегородских гимназиях работала и Софья Николаевна (1865–?) – жена Владимира – младшего брата Н.Н. Шамонина. Её имя упоминал в одном из писем, адресованных С.Ф. Платонову, С.И. Архангельский – один из организаторов исторического образования в Нижнем Новгороде (Горьком) [20, с. 470].

Серьезный скачок в карьере Н.Н. Шамонина произошел 1 июля 1906 г., когда он был назначен директором Первой Костромской гимназии. Административная деятельность в этом учебном заведении восстанавливается по интересному источнику личного происхождения – «Воспоминаниям» Леонида Андреевича Колгушкина (1897–1972) – замечательного педагога, директора костромской школы для слепых, которую он возглавлял с 1933 по 1959 г., краеведа и автора автобиографических работ [21–24]. Он стал гимназистом в год приезда нового директора и видел его: «Если во время перемены проходил через зал в свою квартиру директор Николай Николаевич Шамонин, то он всегда останавливался среди зала и кричал на учеников громким голосом. Мгновенно шум и крики стихали, и ученики как бы замирали на месте и потом тихо направлялись к скамейкам» [23, с. 76].

Одним из репетиторов Л.А. Колгушкина был «Борис Николаевич Шамонин, а попросту, Борька, гимназист 6-го класса, сын директора гимназии Николая Николаевича Шамонина». Репетитор занимался каждый день по два часа «по математике и немецкому языку», плюс «просмотр домашних заданий по другим предметам» с оплатой 10 руб. в месяц [23, с. 120]. Через несколько недель с юным помощником в учебе они стали «почти друзьями», хотя «вначале, – вспоминал Л.А. Колгушкин, – я его боялся, а поняв его повадки, на его горячность только улыбался». Было заметно, что репетитор в манере общения «во всем подражал своему отцу» [23, с. 121]. Представляют интерес све-

дения о быте и семье Н.Н. Шамониной: «Директор имел при гимназии большую казенную квартиру, комнат 6–8, во втором этаже правого крыла. У Бориса была отдельная комната, являвшаяся кабинетом и спальней, с ходом из общего коридора.... Я нередко по вечерам бывал в их семье. Иногда горничная подавала нам чай с сухарями, конфетами и булочками. В отсутствие директора приглашала меня в общую столовую...» [23, с. 121].

Как часто бывает, авторы воспоминаний допускают неточности. Не исключением в этом отношении является и Л.А. Колгушкин. Например, о времени назначения Н.Н. Шамонина в Рязань (по Л.А. Колгушкину, это было в 1915–1916 гг.). О директоре гимназии – «известном историке Добрынине, оставшемся на этом посту до самой революции» [23, с. 122]. Здесь встает вопрос: какой революции? По всей видимости, Октябрьской.

Находясь в Костроме, Н.Н. Шамонин страстно захотел назад в Москву, об этом свидетельствуют и публикуемые письма. В них же прослеживается мечта получить должность директора одной из московских гимназий.хлопоты были нелегкими. Привлекались и университетские товарищи, занимавшие уже солидные должности, – Григорий Константинович Ульянов (1859–1912) – языковед, попечитель Рижского учебного округа, товарищ министра народного просвещения (1907–1911) и Сергей Иванович Анцыферов – директор департамента Министерства народного просвещения, действительный статский советник. С.Ф. Платонов, по всей видимости, со своей стороны также предпринимал шаги для перевода свояка в столицу. Об этом свидетельствует и упомянутая корреспонденция Н.Н. Шамониной на его имя.

В период активных поисков места – а вакансии периодически появлялись – Н.Н. Шамонин неожиданно 18 июня 1912 г. получает назначение в Рязань директором местной гимназии на смену Н.Я. Самойловича. Заметим, что открытие гимназии в 1804 г. связано с реформой образования Александра I.

Среди директоров гимназии были известные в свое время педагоги: И.М. Татаринов, Сергеев, С.Н. Оранский (1865–1872), С.В. Гулевич (1872–1977), Л.С. Кульчицкий (с 12 июля 1877 г. исполнял обязанности директора, в 1878 – 1887, 1896–1902 гг. – директор), Н.И. Высотский (1881–1896).

Несмотря на то, что большинство публикуемых в приложении писем написано в Костроме, их 14 (23 июня, 14, 31 июля, 14 августа, 4 ноября, 3 декабря 1910 г., 23 января, 18, 24 февраля, 5, 19 апреля, 13 июля, 11 октября 1911 г., 6 фев-

раля 1912 г.), последние же 5 уже из Рязани (3 сентября 1912 г., 17 августа 1913 г., 26 января 1914 г., 29 марта, 17 мая 1915 г.), одно небольшое письмо написано в Москве 15 февраля 1915 г., они существенно дополняют опубликованные ранее письма Н.Н. Шамонина С.Ф. Платонову [24; 25] и рисуют интересную картину гимназического образования Москвы, Костромы и Рязани, есть упоминания и о других регионах. Называются многочисленные директора, педагоги, их передвижения в административном и профессиональном поле, даются им запоминающиеся лаконичные характеристики. Эти наблюдения позволяют проиллюстрировать порядок назначения директоров гимназий, который проходил не без участия заинтересованных лиц. Сквозная тема писем касается поиска путей для разрешения главной проблемы – вернуться в Москву, получить там директорство в одном из учебных заведений.

О своем переводе в Рязань Н.Н. Шамонин писал сестре, как *«полной неожиданности, неприятном»*³, тем более что сменить должен *«слабого старика»*. Перемещение же состоялось накануне торжеств, посвященных 300-летию Романовых. Такая непредвиденная перемена в жизни, пока отодвигавшая на неопределенное время переезд в Москву, привела к такому пессимизму, что не было *«охоты делать что-либо»*. Но устраиваться было необходимо, а хлопоты по устройству квартиры директора, которая была *«громадной»*, отнимали немало сил.

Вторая тема – семья, здоровье и судьба детей. Здесь необходимо заметить, что личная жизнь Н.Н. Шамонина долгое время не складывалась, он оставался холостым и только к сорока годам женился на Елизавете Людвиговне Воронихиной (1859–1929), бывшей в разводе и имевшей 3 детей. Отношения в семье не всегда складывались. Так, в 1892 г. состоялся разговор между сестрами Надеждой и Софьей, которая сообщила, что у брата *«намечается разрыв»* ввиду того, что Елизавета *«тяготится детьми и стесненным материальным положением»*. Вспомним, что в это время Н.Н. Шамонин преподавал в Сергиево-Посадской прогимназии. При этом он *«по-прежнему привязан к ней (Елизавете) и страстно любит детей»* [10, с. 95] – так записала в своем дневнике Н.Н. Платонова. Со временем обстановка нормализовалась и Постановлением Московского Окружного Суда в 1896 г. Шамонину усыновлены дети дворян Воронихиных – Николай – 27 июля 1888 г. рождения, Зинаида и Борис – 11 мая 1891 г. Следует указать, что старший сын будет женат на дочери Платоновых, о чем имеются сведения и в публикуемых эпистолиях.

Письма из Рязани рисуют интересную картину бытовых условий, материального положения семьи директора губернской гимназии. Должность и жизнь в Рязани Н.Н. Шамонина тяготит, хотя не вызывает больших хлопот, жизнь называется *«безмятежной»*. А пятилетние хлопоты о переводе привели только к смирению: *«на перевод в Москву.... я не особенно теперь рассчитываю»*. Об этом сообщается в письме от 24 января 1914 г. Знакомств в провинциальном городке не появилось, с *«обществом»* же отношения не складывались. Поэтому рассматривается вариант, не требующий сопротивления и борьбы, – отставка. Но и в этом случае нужно было получить место в Москве для материального удовлетворения. Становится известно, что С.Ф. Платонов, используя свои возможности, предлагал несколько лет назад вариант, который в то время не удовлетворил претензии Н.Н. Шамонина. Свои амбиции и мысли об отставке он оставил с начавшейся Мировой войной, так *«показалось неудобным дезертировать до её окончания и полной ликвидации»*. В этом общественная позиция Н.Н. Шамонина очевидна – он патриот своей страны.

Постепенно руководство гимназией отвлекало от грустных настроений, а вот литературная работа в Рязани была *«крайне затруднительна, если не совсем невозможна»*. И это действительно так, отрыв от библиотек, отсутствие нужных книг, справочных изданий, специальной литературы – все это сказывалось на творческой работе самым отрицательным образом.

Н.Н. Шамонин любил путешествовать по стране, отдавал предпочтение речным поездкам, особенно по Волге. Не раз бывал на Северном Кавказе для лечения, совершал круиз до Архангельска и Соловков. Бывая в городах, подмечал их сущностные проблемы как во внешнем облике, так и в настроениях жителей. Кострому называет *«захолустьем»*, в Казани и Перми *«нужна ещё и громадная масса культурной работы, чтобы хотя несколько облагородить как эти, так и другие наши города»*.

После 15 мая 1915 г. письма, вероятно, не сохранились. Поэтому пока неизвестна его повседневная жизнь, административно-педагогическая деятельность, научная сфера до самой смерти в марте 1917 г. Выявление источников, в том числе и делопроизводственных, как в Костроме, так и Рязани, следует продолжить.

Заключение

Использование источников личного происхождения, прежде всего, воспоминаний П.Н. Милокова и Л.А. Колгушкина, дневника Н.Н. Пла-

тоновой, эпистолярного пласта, вышедшего из-под пера самого Н.Н. Шамонина, позволило существенно расширить наши представления о научной, профессиональной деятельности видного представителя семьи Шамониных, хотя и не в полной мере. Сестры Н.Н. Шамонина получили достойное образование в основном гуманитарно-педагогического профиля, что и позволило им реализовать свои стремления, обеспечить себе вполне достойное материальное положение и авторитет в педагогической среде.

Можно констатировать, что выдающиеся задатки к научной деятельности и организаторские способности Н.Н. Шамонина были реализованы далеко не в полной мере, как и административные стремления. Это же можно сказать и о его сестре Н.Н. Платоновой. Немало ценных сведений и наблюдений получаем из писем о провинциальном обществе, функционировании Костромской и Рязанской гимназий, участии Платоновых в судьбе своих родственников.

Тексты приведены к современным правилам графики и орфографии, сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Примечания

1. По этому поводу Н.Н. Платонова записала 9 января 1892 г.: «Брат Коля переведен из Рыбинска в Сергиевский Посад» [10, с. 69].
2. Заметим, что Н.Н. Платонова (Шамонина) в 1881 г. окончила эту гимназию с золотой медалью.
3. Здесь и далее курсивом выделены цитаты из публикуемых писем и специально не оговариваются.

Список литературы

1. Галкина О., Бирюков А. История гимназического образования в Коломне // Коломенский альманах. 2004. № 8. С. 437–444.
2. Романов С.П. Становление и развитие гимназического образования в российской губернии в середине XIX – начала XX в. на примере гимназий восточной части Московской губернии и города Коломны // Общество: философия, история, культура. 2019. № 1 (57). С. 71–77.
3. Помелов В.Б. Первая мужская гимназия в Вятской губернии (к 200-летию гимназического образования в России) // Вестник Вятского государственного университета. 2011. С. 155–163.
4. Ветчинова М.Н. История Курской мужской гимназии (XIX – начало XX в.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 1 (45). С. 206–215.
5. Митрофанов В.В. Нижегородская мужская гимназия по воспоминаниям А.Я. Садовского (вступ. ст., публик., коммент.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 182–192.
6. Ростовцев Е.А. Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 4. С. 44–54.
7. Милоков П.Н. Воспоминания (1859–1917): В 2-х т. / Сост. и авт. вступ. ст. М.Г. Вандалковская. М.: Современник, 1990. Т.1: (1859–1907). 445 с.
8. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Феория, 2011. Т. 2. Кн. 1: Переписка С.Ф. Платонова и П.Н. Милокова, 1886–1901. 320 с.
9. Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милоков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. 438 с.
10. Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921) / Рук. проекта А.Н. Цамутали. Рязань: Первая образцовая типография. 881 с.
11. Пельман Р. Краткий очерк греческой истории / Пер. с нем. Н. Шамонина. М.: тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1890. 135 с.
12. Бузескул В.П. Введение в историю Греции: Обзор источников и очерк разработки греческой истории в 19 и в начале XX в. Изд. 3-е, перераб. Пг.: Типография М.М. Стасюлевича, 1915. 592 с.
13. Рец. на кн: Пельман Р. Краткий очерк греческой истории / Пер. с нем. Н.Н. Шамонина. М., 1890 // ЖМНП. 1891. №3. С. 219–220. Отд. паг.
14. Определения Ученого комитета Министерства народного просвещения // ЖМНП. 1891. № 4. С. 57.
15. История Греции со времени Пелопоннесской войны: Сборник статей / Перевод под редакцией Н.Н. Шамонина и Д.М. Петрушевского. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1896. Вып. 1. XXIV. 451. IV с.; Вып. 2. XIX, 502, II, [4] с.
16. М.О. [Рец.:] История Греции со времен Пелопоннесской войны. Сборник статей. Пер. под ред. Н.Н. Шамонина и Д.М. Петрушевского. Вып. II. М. 1896. Ц. 1 р. 75 коп. // Русские Ведомости. № 235, 26 августа.
17. История Римской республики по Моммсену / пер. [и предисл.] Н.Н. Шамонина. М.: тип. т-ва И.Д. Сытина, 1900. Вып.1. Вып. 1: [Основы римской истории]: Эпоха сословной борьбы и объединения Италии; Эпоха завоеваний; Эпоха переворотов; Приложение]. 1900. XXIV, 529 с.
18. История римской истории / Пер. Н.Н. Шамонина. М.: Типогр. т-ва И.Д. Сытина, 1910. 529 с.
19. Формулярный список о службе учителя истории и географии Московской 6-й гимназии Статского советника Николая Николаевича Шамонина. URL: <http://ru.rodovid.org/wk/> (дата обращения: 19.12.2021).
20. Кузнецов А.А. Письма С.И. Архангельского С.Ф. Платонову (1923–1925) как историографический источник // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб.: Любавич, 2011. С. 470–476.
21. Колгушкин Л.А. Воспоминания // Костромская старина. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Кострома, 1992. Вып. 2. С. 20–24.
22. Колгушкин Л.А. Воспоминания // Костромская старина. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Кострома, 1998. Вып. 4. С. 45–68.
23. Колгушкин Л.А. Воспоминания // Костромская старина. Краеведческий альманах Костромского

общественного фонда культуры. Кострома, 2002. Вып. 5. С. 41–158.

24. Митрофанов В.В. «... Попрошу Вас оказать нам с Вашей стороны возможное содействие»: письма Н.Н. Шамонова С.Ф. Платонову (вступ. ст., публик., коммент.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. №1. С. 8–15.

25. Митрофанов В.В. «Мы отправляемся в Кострому...»: некоторые факты из жизни Н.Н. Шамонова (вступ. ст., публик., коммент.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 18–24.

Приложения

№ 1

Кострома 23 июня 1910.

На лето, милая Надя, мы оставались в городе, и знаешь, здесь не дурно: гимназия стоит на окраине города, на тихих улицах, и езды мало; при квартире палисадник, в просторном дворе расположен большой сад, так что обстановка почти сельская; к тому же мы не редко ездим за город. Зинино¹ здоровье неважно; припадки, правда бывают не часто, но она сильно худеет; последнее время прописали массаж и электричество, но и от этого особых результатов, что-то не замечено. К лечению вообще она относится небрежно, аппетит плохой. Вот это всё, а также нежелание оставить её совсем без высшего образования всего больше и беспокоит нас. При её здоровье пустить в Москву одну нельзя, а о переводе что-то мало слышно. Писал я по просьбе Коли² на Пасхе Анцыферову³ насчёт пособия на командировку и, кстати, просил поговорить с министром обо мне. Анц[иферов] ответил, что министр⁴ ничего не имеет против перевода; если его предложит попечитель⁵, а вакансии в Москве будут, по-видимому во II и IV гимназиях. Выйдет ли что из этого для меня – не знаю. На Рождестве и на Пасхе я говорил об этом в Округе, но по обыкновению ничего я тогда не добился. Думаю, ещё написать Исаенкову⁶ о последнем сообщении Анцыферова.

Борис⁷ кончил курс недурно (4 1/12 в среднем) и 12-го поехал держать экзамен по матем[атике] и франц[узскому] в младший специальный класс М[ихайловского] Корпуса⁸, а вчера прислал телеграмму, что принят и едет в плавание, которое продлится до августа. Лиза⁹ после операции чувствует себя хорошо, даже на лице заметно, только по обыкновению страшно суетится и оттого сильно устаёт. Я, говорят, выглядываю¹⁰ очень и чувствую себя бодро, только за три недели экзаменов сильно было устал. Завтра отправляюсь один на пароходе до Перми и обратно недели на две: нужно хорошенько проветриться, а то очень засиделся.

Зина¹¹ мне тоже писала о своей квартире. Будущий год будет для неё очень тяжёл: дорогая квартира, расходы на обзаведение (напр[имер], физич[еский] кабинет), не полное число классов; зато прошедший, кажется, впервые окупил себя. Как-то увеличится у неё число учеников? Возвращению Ниночки¹² в СПб. я несколько не удивляюсь, удивительно скорее то, что она прожила год в Москве.

Вот, кажется, и всё существенное, что можно знать о нашем житье-бытье. Поклон наш всем вашим. Твой Н. Шамонов.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 1–2.

№ 2

Кострома. 14 июля 1910.

Милая Надя! Спасибо за пожелания. Поездкой своей я доволен: была хорошая погода, удобные переходы, недурная компания; ездил я 12 дней – с 24 июня по 6-е июля. На мой взгляд, да думаю и не только на мой, Кама куда более интереснее Волги. Познакомился я немного с Казанью, Пермью – и впечатление одно – нужна ещё и громадная масса культурной работы, чтобы хотя несколько облагородить как эти, так и другие наши города. Из поездки я, говорят, вернулся загоревшим и посвежевшим. Думаю, вообще, что подобные экскурсии на лето для нас всего полезнее. Зинино здоровье после месячного лечения электричеством и массажем, много лучше прежнего, что-то скажет зима? О Москве пока ни слуху, ни духу; пожалуй, придётся остаться здесь и эту зиму. В некоторых отношениях это жаль. Борис сначала, конечно, был очень доволен, поступлением, но первые письма его звучали довольно угнетенно: и тоскливо, и трудно, и даже голодно; впрочем, теперь он, кажется, начал примиряться с новым положением. От Зины, я получил на днях письмо из Ковно: она, по-видимому, довольна своей поездкой; только едва ли масса впечатлений позволит ей отдохнуть от зимней усталости, а ей так нужно запастись силами на предстоящий год. Лиза чувствует себя очень недурно. Наш поклон всем вам. Твой Н. Шамонов.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 4–4 об.

№ 3

Кострома. 31 июля 1910 г.

Милая Надя! Спасибо за память. Коле, судя по его нечастым письмам, живётся довольно тоскливо. Борис тоже пишет минорные письма и очень старается сократить недели на две двухмесячную компанию. Нельзя сказать, чтобы я это особенно одобрял. Не знаю, как-то ему это удастся. Зинино здоровье теперь довольно сносное, хотя временами и бывают небольшие недомогания. О переводе в Москву что-то ничего не слышно, и я порядочно занят теперь окончанием ремонта в гимназии и подготовительными работами к началу экзаменов и занятий. Вопрос только в том, не отложить ли их по случаю появившейся и у нас холеры. С Ильина дня жаркая до того погода, резко изменилась, и эта перемена отозвалась уменьшением числа холерных заболеваний. Теперь у нас почти ежедневно идут дожди, иной раз и очень сильные, и стало прохладно.

Осенью Лиза с Зиной собираются на неделю-на две съездить в Москву. Я тоже думаю съездить, пока на несколько дней: дела не позволяют дальше, а освежиться от провинциальной жизни время от времени необходимо. Я тоже не думаю, чтобы Зину старшую особенно освежила её поездка, скорее утомит и так не кстати. У С.Н.¹³ в Нижнем я был проездом, всего на несколько часов, и мне показалось, что без Юры¹⁴ ей все-таки несколько спокойнее. Её по-

прежнему не покидает геройское мужество; вопрос только в том, как долго продержится её здоровье. Ещё более ненадёжна на мой взгляд Еленочка¹⁵ и здоровьем и настроением – естественный результат тяжёлого положения.

Наш общий поклон твоим. Всего хорошего. Твой Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 7–7 об.

2 8. 1910 Осташков. Тверской губ. Свапуца, имение кн. Шаховских. Её превосходительству Надежде Николаевне Платоновой. Штемпель Осташков 5 8. 10¹⁶.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 8.

№ 4

Нас очень беспокоит, что уже месяц мы ничего не получаем от Коли. В последнем письме он говорил о намерении проехать на юг, в глубь страны, ещё не затронутую западным влиянием. Не случилось бы там чего с ним. К тому же газеты говорят о сильном наводнении, при котором погибло много народу. Нет ли у вас о нём каких сведений? Н.Ш[амонин] 14 VIII.¹⁷

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 9.

№ 5

Кострома, 4 ноября [19]10.

Очень мне совестно перед вами, милая Надя, за эту историю глупца с надоедлым Борисом. Воображаю, как она вам всем наскучила. Я, как тебе известно, с самого начала был против морского, и действительно оказалось, что жизнь в интернате для Бор[иса] с его неуживчивым характером прямо-таки не возможна, да и математику постигать вовсе нелегко. Точно так же я был против кавалерии: тот же интернат, верховая езда – вещь не легкая и не без-опасная, нужны большие средства, да и вся жизнь – одно беспутство. Теперь на сцену выступило Александровское училище, о котором немного раньше сам же Борис писал, что там очень трудна строевая выучка; в авг[усте] туда поступил его товарищ, сын офицера, всё время мечтавший о военной службе, но и тот не выдержал тамошней муштры и, жертвуя при всём недостатке средств целым годом, решил в будущем году поступать в университет. Так вот я и прошу тебя убедительно объявить Бор[ису], что я не желаю (в попытках) решать очень важного вопроса, перескакивая постоянно с одного решения на другое, а требую немедленного приезда его домой; лучше потерять один год, чем поспешивши с решением каяться всю жизнь. Нужно сначала осмотреться хорошенько, а потом уже решить окончательно. Думаю, так будет всего разумнее. Еще раз извини, что утруждаю тебя всем этим, хотя у тебя и своего дела больше, чем достаточно. Бывши в Москве, мы с Лизой были у ваших молодых, и Бор[ис] Константинович¹⁸ очень понравился.

Мой поклон всем вашим. Твой Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 10–10 об.

№ 6

Кострома. 4-XI [19]10. М. Посадская, 26. Платоновой.

Согласен [на] оставление Морского корпуса сыном Борисом. Шамонин¹⁹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 11а.

№ 7

Кострома. 3 дек[абря] [19]10

Милая Надя, все старался ответить на письмо твоё от 5 ноября, но неделя 7-14 была занята, у нас историей посылкой учениками телеграммы С.А. Толстой²⁰, 15-20 я сидел в суде присяжным, затем был занят разбором накопившихся за это время дел. Третьего дня я получил от Коли письмо, познакомившее меня с новой выдумкой Бор[са] насчет принятия им присяги и тотчас послал ему ультиматум – или основаться прочно в Корпусе и приняться как следует за занятия, или немедленно ехать, домой не мечтая ни о кавалерии, ни о пехоте. Если до Рожд[ества] он не оснуётся в Корпусе, я немедленно подам просьбу об его увольнении. Мне очень известно, что он беспокоит тебя всеми этими глупыми историями и своими выдумками вводит тебя в неловкое положение, перед начальством Корпуса. Ехать ему перед Рожд[еством] в Москву к Зине не имеет смысла, так как она 12-го числа возвращается домой. Здоровье её в этом месяце, когда она начала несколько лечиться, по-видимому лучше: по крайней мере, припадков у неё давно не было. В своих письмах она все благодарит Наденьку за участие к ней в её одиночестве. Ещё раз прошу извинения за те хлопоты и беспокойство, которые доставляет тебе этот несносный Бор[ис]. Между прочим, я писал ему, что, если немедленно не уймётся, я буду убедительно просить тебя не пускать его больше к вам. Наш поклон всем вашим. Твой Н. Шамонин.

Прилагаемую записку передай пожалуйста Коле. Н.Ш.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 12–12 об.

№ 8

Кострома, 23 янв[аря] [19]11.

Милая Надя, сейчас только приехал Боря и рассказал свою глупую историю. Как ни как, а с Корпусом дело покончено и надоедать Вам своими приставаниями он больше не будет. И то хорошо. Он сам теперь говорит, что ему не было решительно никаких оснований уходить из Корпуса, но может быть выход этот и к лучшему. Что будет дальше неизвестно. Постараюсь только, чтобы он за это полугодие не избаловался совсем без дела, и чтобы у него вылетело из головы мысль о военной службе. Тебя и С[ергея] Ф[ёдоровича] ещё раз благодарю за внимание к нему и извиняюсь за причинённые им хлопоты и неприятности. Деньги, данные тобою ему, вместе с сим высылаю. Твой Н. Шамонин.

P.S. Зина чувствует себя много лучше: припадков у неё давно не было, лечится она довольно аккуратно, весела, в две последние недели прибавила в весе 5 фунт[ов]. Н.Ш.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 14.

№ 9

Кострома, 18 февр[аля] 1911 г.

Милая Надя, первый акт Борис[овой] Одиссеи с Корпусом закончен. Он писал ротному командиру насчет возвращения, но тот ответил, что это невозможно до июня и тогда всё нужно будет начинать сначала: пробное плавание и кадетство. Бор[иса] эта перспектива пока возмущает, не знаю, что будет дальше. Теперь он отсыпается, достал небольшой урок, участвует в любительских спектаклях и только. Думаю, в пост попробовать засадить его хотя бы за Энциклопедию права, но на особенный успех не рассчитываю: ужасный он шалопай. Авось хоть теперь немного поумнеет.

Зина на масляную в Москву не едет, думает лечиться здесь. Теперь наехали в виду забастовки студенты, а то ей приходилось совсем скучно: все сверстники было разъехались, и это не могло не отразиться на её настроении и здоровье. Это обстоятельство ещё больше усиливает обычное мое тяготение к Москве.

Наш общий поклон всем вашим. Твой Н. Шамолин.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 17–17 об.

№ 10

Кострома. 24 февр[аля] [19]11 г.

Милая Надя, Исаенкову я писал на днях, но ответа пока не получил; как только получу, немедленно напишу вам.

Наш поклон всем вашим. Твой Н. Шамолин.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 19.

№ 11

Москва, 5 апр[еля] [19]11 г.

Милая Надя, передай пожалуйста Серг[ею] Фёдор[овичу], что я был сегодня в Округе и по обыкновению ничего определённого от Исаенкова не услышал, а попечителя не застал: он уехал в СПб. Исаенков советовал мне побывать в мае у попечителя.

Бор[ис] в субботу приехал домой из своей бессмысленной поездки. Сегодня Серёжа передал мне присланные ему Верой и Колей письма для Бориса. У Зины я застал здесь бронхит, из-за которого она с неделю как не выходит из дому. Домой думаю выехать в пятницу, если не получу телеграммы, что через Волгу переправы нет. Поклон всем вашим. Твой Н. Шамолин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 15.

№ 12

Кострома 19 апр[еля] [19]11 г.

Милая Надя! Очень благодарен Вам и С[ергею] Ф[едоровичу] за хлопоты о моих делах. Хотелось бы думать, что они увенчаются успехом, и мне удастся, наконец перейти в Москву. Что касается Коли, так с ним действительно на нашей памяти было два мозговых припадка и вот именно когда и при каких обстоятельствах. Первый поздней осенью 1906 г. закончился во внезапном обмороке, сопровождавшемся судорогами; призванный на совет доктор объяснил его тем, что за день за два перед тем Коля испытал сильное духовное потрясение: возвращаясь вечером с урока домой, он подвергся нападению кучки масте-

ровых, от которых спасся только быстрым бегством. Второй припадок случился на Рождестве 1907 г. Местный психиатр после исследования приписал его тому, что, Коля несколько дней перед тем не отходил от стола, занимался непрерывно своей японщиной и тем вызвал усиленный, прилив крови к мозгу, и рекомендовал ему на некоторое время прервать занятия и вообще избегать вина и курения. Я тогда же убедил его по приезду в СПб. посоветоваться с тамошними психиатрами, но по-видимому, припадки потом не повторялись, и он совета моего не исполнил. Если хочешь, я еще раз напишу ему об этом прямо от себя. Вообще мы с Лизой не видим достаточных оснований считать его эпилептиком.

Как и вы с С[ергеем] Ф[едоровичем], мы тоже не сторонники браков между близкими родственниками²¹, но что делать? Cousinage – dangereux voisinage!²² Мне очень хотелось бы знать, как помотришь ты на дело теперь – после моих сообщений. Всего лучшего. Наш привет твоим. Твой Н. Шамолин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 21–21 об.

№ 13

Кострома, 13 июля 1911 г.

Только в воскресенье вернулся я, милая Надя, из поездки в Казань, куда попал вместо намеченного раньше Архангельска, а числа 20-го думаю поехать, так на неделю, на съезд в Новгород²³. Недельная поездка по Волге несколько освежила меня. Погода и у нас стоит ненастная: почти дня не проходит без дождя, но в городе этого не так заметно. Лиза и Зина временами бывают на даче у знакомых, а может быть тоже проедутся до Казани. Зинино здоровье и настроение лучше, заметна даже прибавка в весе. Борис готовится к экзамену в артиллерийское, а в случае неудачи думает поступать в Александровское в Москве. Зина в Москву в июле не собирается. Это предположение давно оставлено.

Что касается перевода, то конечно, я в нём не уверен, но думаю, что при желании Шевяков²⁴ может сделать тут очень многое. Одна по крайней мере вакансия в Москве будет, но как говорил мне Тихомиров²⁵, она по просьбе Георгиевского²⁶ уже обещана кому-то казанскому директору, а теперь вопрос, кто окажется сильнее, бывший товарищ министра, или настоящий и кому будет отдано предпочтение, казанскому директору или костромскому. Во всяком случае в течение месяца это должно выясниться. Гораздо сильнее чем это беспокоит меня повторение дурноты Коли, и я пишу ему, чтобы он обратил на это побольше внимания и избегал по возможности всякого утомления и волнения; по-видимому, очень он утомился во время экзаменов. А с местом, к которому он так стремится, мне кажется, не беда будет и несколько повременить; меня это вовсе не так уж и беспокоит. Поклон всем вашим. Твой Н. Шамолин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 23–23 об.

№ 14

Кострома, 11 окт[ября] 1911 г.

Милая Надя, не отвечал тебе до сих пор на письмо о Бор[исе], во-первых, потому, что ехали в СПб.

Лиза и Зина, которые могли рассказать всё происшедшее, а во-вторых, дело определилось только на днях, с принятием присяги; не знаю только на долго ли. Как теперь известно Бор[ис] всё время мечтал о кавалерии, и чтобы попасть в Тверское, заявил, что его не принимают в Александровское. Тогда, на основании моих слов Зина и Сережа предложили ему юриспруденцию, и он, избегая большого зла, помирился на Александров[ское]. Судя по письмам Зине мл[адшей], он в Тверь стремился, разыгрывал из себя франта, но ему назначена небольшая сумма в месяц, из которой он получает части по недельно, ропщет, но приходится покоряться. Недавно у них в училище был великий князь, которому Бор[иса] фамилия напомнила С[ергея] Ф[едоровича] и меня, как костромского директора. Зина мл[адшая] в Москве по-видимому чувствует себя оживлённее, чем дома, даже посылку лечится и заботится о своём питании. Устроилась она с подругой, кажется недурно. А моя летняя история, насколько я мог понять её месяц назад из разных разговоров в Москве разыгралась таким образом: сначала округ, действительно думал представить меня к переводу в Москву, но потом мне и было поставлено в упрёк, то, что я не позаботился, ещё весною затушить раздутый досужею молвой инцидент некоего полоумного преподавателя с калёкой учеником и моя кандидатура отпала. По-видимому, тут почему-то агитировал против меня и округной инспектор Комарницкий²⁷, известный и С[ергею] Ф[едоровичу] по изданной под его редакцией книге по устройству экскурсий²⁸. Тогда округ предложил специалиста по устройству последних, инспектора V гимназии²⁹ Тарасова, но он был отвергнут Кассо³⁰, указавшим на директора Вяземской гимназии Страхова³¹. Для Москвы это говорят было большою неожиданностью. Злые языки объясняют её дружбой кандидата с личным секретарём Кассо Муратовым бывшим делопроизводителем лицея. В разговоре об этом с Исаенковым я тут заметил, что раз идёшь у нас реставрация Бурбонов и возвращение эмигрантов 1905 г., я конечно мало могу рассчитывать на успех. Всё это разумеется очень печально и с общей и с личной точки зрения, но что поделаешь?

Force majeure!³² Во всяком случае переименовываться из-за этого, напр[имер] принимается за пропаганду потешных, я и не хочу и не могу. Подождём-увидим. А в Округе всей этой историей, по-видимому, порядочно сконфужены.

Очень сожалею, что из-за неотлаженных дел моих недовелось побывать у вас 11-го сентября. Мой поклон всем вашим. Твой Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 25–26.

№ 15

Кострома, 6 февр[аля] [19]12 г.

Милая Надя, на этих днях я послал на твоё имя деньги для Коли, так как его адрес у меня затерялся, а он мне его, по моей просьбе не сообщил вновь.

Затем из Москвы, и по-видимому из довольно осведомленного источника я получил недавно не безинтересные сведения, которыми спешу поделиться с тобою: 1) очень болен директор 7-ой (дворянской) гимназии³³, так что говорят об его отставке; 2)

директор 11-ой гимназии³⁴ недавно назначенный туда из инспекторов лицея, ждёт только новых штатов, чтобы выйти в отставку; 3) оставлен на один год директор³⁵ Медведниковской (крупно-буржуазной) гимназии³⁶. Имей это пожалуйста ввиду.

Ещё маленькая просьба: известный С[ергею] Ф[едоровичу] доктор Скворцов³⁷ о реферате которого недавно была довольно ядовитая рецензия в Ж[урнале] Мин[истерства], просил меня передать С[ергею] Ф[едоровичу] его просьбу, если из юбилейной Комиссии Булыгина³⁸ будет передан для просмотра и оценки, составленная Скворцовым История г. Костромы³⁹, отнеслись к ней возможно снисходительно как к работе «в часы досуга» простого любителя. Наконец, еще вопрос: как вы с С[ергеем] Ф[едоровичем] смотрите на назначение молодых во Владивосток? Пока прощай. Твой Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 28–28 об.

№ 16

Рязань. 3 сент[ября] [19]12 г.

Милая Надя, само собою разумеется, я и хочу, и могу участвовать в помощи С. Н.⁴⁰, на первых порах указываемую суммою (15 руб.), а там, освоившись с новыми штатами и покрыв расходы по переезду и устройству на новом месте, я постараюсь увеличить её⁴¹.

Теперь о другом. Твоё письмо из Ялты пролежало в Ессент[укской] Конторе целый месяц, хотя я и указал там свой адрес, и я получил его только по приезде в Рязань. Тут первое время я был очень занят, да и слышал, что ты вернёшься в СПб. только в конце августа, а потому не спешил с ответом. Как тебе известно, перевод в Рязань был для меня полной неожиданностью, неприятный, особенно по той возмутительной грубости, с какою он был произведён. Если бы мне его раньше предложили, я, пожалуй, не стал бы особенно возражать: все-таки Рязань, ближе к Москве. И не такое захоlustье, как Кострома, затем Кострома, порядочно надоела Лизе и Зине, были у меня там некоторые инциденты с родителями из-за учителей, но зато за шесть лет я поставил гимназию по своему, изучил местные условия и общество кое с кем из него близко сошёлся, а в Рязани всё мне ново и чуждо, в гимназии десять лет директором был слабый старик⁴², при котором всё шло само собой, приходится много труда класть на упорядочение дела, не будучи нисколько уверенным, что тебя из-за каких-ниб[удь] пустяков или мелочей, а то и просто неизвестно почему не переправят в один прекрасный день в третье место, не говоря тебе ни слова. При таком положении совсем руки опускаются. Никакой нет охоты делать что-либо кроме необходимой текущей работы, не стоит тратить сил на такое дело. Чем собственно был вызван мой перевод, я и до сего собственно не знаю, но курьёзно, что вместе со мной, по-видимому, сюда переведён из Костромы и жандармский полковник, которому в департаменте полиции будто бы сказали, что переводят его в виду торжества 1913 г. как не специалиста по охране. Я лично даже рад, что не буду в Костроме в мае этого года: хлопот и беспокойств будет много, а за наградами я не гонюсь и в церемонмейстеры не гожусь. Откуда собственно исходила инициатива перевода из

СПб, или Москвы тоже пока не знаю. Solamen miseris socios habuisse malorum⁴³: кроме меня и рязанского коллеги также неожиданно переведён нынешним летом директор смоленской гимназии⁴⁴ в Коломну, с смоленского реальн[ого] училища в Данков (Рязан[ская] губ[ерния]). Им пришлось ещё хуже моего.

Я лично после июльского воспаления поправился очень скоро и из Ессентуков вернулся, довольно свежим, только потом несколько устал из-за хлопот по переезду на новом месте. Зине Ессентуки оказались совсем не кстати, и она там не только ничего не приобрела, но даже потеряла 7 фун[тов].

Затем в течение августа она вернула эту потерю, несмотря на утомление от переезда сюда. В общем я её теперешним состоянием и настроением скорее доволен. Теперь она с Лизой в Москве у доктора и для закупки мебели для громадной, для нас троих квартиры. Лиза по обыкновению с переездом очень устала. Всего хорошего. Поклон С[ергею] Ф[едоровичу] и детям. Твой Н. Шамонов.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 30–31 об.

№ 17

Рязань, 17 авг[уста] [19]13 г.

Всю эту неделю, милая Надя, я так был занят экзаменами и началом занятий, что не имел ни времени, ни сил ответить тебе.

Прежде всего поздравляю тебя и С[ергея] Ф[едоровича] с новой внучкой⁴⁵. Уже до твоего письма я телеграфировал Коле о своем согласии быть крестным. Приехать в СПб. я могу не раньше последней недели августа, так между 27 и 29-м; нужна ещё неделя, чтобы сколько-ниб[удь] наладить занятия. Надеюсь, это будет не поздно. Точнее день определится на ближайшей неделе, и я тогда опять напишу. А пока доброго здоровья Верочке и ново-рождённой, поклон всем вашим. Твой Н. Шамонов.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 33.

№ 18

Рязань 26 ян[варя] [19]14.

Милая Надя, пишу тебе, ожидая у нас осенью крупных перемен. Я всё больше склоняюсь к мысли во что бы то ни стало осенью перейти в Москву. Основания для этого такие: мы с Лизой за отъездом Зины остаёмся в громадной квартире совсем одни; с обществом мы здесь сошлись ещё меньше, чем в Костроме; Лиза от этого очень скучает и хандрит. Я тоже чувствую себя тоскливо. Зину при состоянии её здоровья отпускать в Москву очень не хочется одну, а жить ей здесь одна тоска. Одна гимназия занять всё моё свободное время не может, использовать остаток его на какую-ниб[удь] интересную работу нет при данных условиях ни охоты, ни возможности; людей сколько-ниб[удь] подходящих по интересам я здесь не нахожу. Вывод один – уходить как можно скорее; и так я сижу в провинции уже восьмой год. На перевод в Москву после пятилетних безуспешных хлопот я не особенно теперь рассчитываю, остаётся идти в отставку и искать добавочного заработка к пенсии в 2000 – перспектива не из блестящих, но мне кажется, я ещё не настолько дряхл, чтобы не мочь прилично работать, работа подходящая должна найтись и в

крайнем случае я готов пойти и на это: но не оставаться же здесь при всех указанных условиях только из-за казённой квартиры и слишком уж безмятежной жизни. Но между переводом и отставкой есть нечто среднее; переход на подходящее место в другом ведомстве, напр[имер], мариинском – инспектора гимназии, инспектора классов института в Москве. Не могли бы в этом случае помочь мне вы с С[ергеем] Ф[едоровичем]? Помнится, несколько лет назад ты меня спрашивала об этом от имени Барскова⁴⁶, но я тогда отказался, рассчитывая на возможность скорого перевода в Москву. Теперь обстоятельства изменились, и я возвращаюсь к этой мысли. Поговори, пожалуйста, с С[ергеем] Ф[едоровичем], нельзя ли тут чего-ниб[удь] сделать и напиши мне. Очень меня обяжешь. Поклон всем вашим. Твой Н. Шамонов.

В феврале Лиза, кажется, отправится в СПб. познакомиться с внучкой. Н.Ш.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 35–36 об.

№ 19

Пишу тебе, милая Надя, по поручению Зины, у которой сегодня не действует правая рука вследствие острого приступа ревматизма. Приехать на Масляной⁴⁷ в СПб. она не может, так как на эту неделю у неё всегда остается много пансионеров. Твой Н.Ш. 15 февраля [1914].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 38.

№ 20

Рязань. 29 марта [19]15.

Милая Надя, в январе прошлого года отвечая на вопрос о переходе в Москву, ты писала, что положение дел может измениться, когда хотя только через год, теперь и я снова обращаюсь к вам с С[ергеем] Ф[едоровичем] с просьбой по возможности содействовать осуществлению этой старой моей мечты. Ну этим летом, не рассчитывая на это я совсем было решил выйти в отставку, но тут началась война, и мне показалось неудобным дезертировать до её окончания и полной ликвидации, и как знать, когда она окончится и насколько гладко пройдёт её ликвидация? Ведь из ума не идёт мысль о том, что было после Наполеона, Севастополя, Болгарской и Японской войн. Между тем здесь мы чувствуем себя ещё более одинокими, чем в Костроме, текущая работа моя еще менее удовлетворяет, литературная здесь крайне затруднительна, если не совсем невозможна, Лиза и Зина тоже порядочно скучают, а Зина собирается следующей зимой жить в Москве, пустить же её туда одну, особенно при её нездоровье очень нежелательно. Всё это вместе и заставляет меня ещё раз беспокоить вас моею просьбой. На всякий случай могу теперь же сообщить, что директор в Моск[овской] 6-ой гимназии недавно отпраздновал пятидесятилетие своей службы (фамилия его Никольский⁴⁸), а директор 11-ой гимназии Гобза (из чехов, толстовского призыва) тоже близок к этому: в 1904 г. имел свыше 15 лет сидения в 1-ой гимназии он был переведён в открывавшуюся тогда 11-ю.

Верочка писала, что вы опять едите на лето в Череповец к Чечулиным⁴⁹. Мы, вероятно, проведём лето в Солотче⁵⁰ подле Рязани, только я думаю не-

дели на две – на три съездить на С. Двину и Белое море.

Привет всем вам. Твой Н. Шамонин.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 40–40 об.

№ 21

Рязань. 17 мая [19]15 г.

Благодарю тебя милая Надя, за хлопоты о моем злосчастном деле. Очень жаль конечно, что результаты получаются такие неважные, но для меня это не представляет особенной неожиданности. Поживём – увидим. Во всяком случае – радикальное средство-отставка у меня всегда остаётся под рукой.

Летом мы будем здесь на даче в Солотче (18 вёрст отсюда, но зимою я так устал и засиделся, что на месяц уезжаю в отпуск, сначала в Москву к Зине, потом думаю проехать по Волге от Твери до Ярославля (выше Рыбинска я никогда не бывал), затем по Сухоне и Двине в Архангельск и Соловки, назад по железной дороге до Ярославля, оттуда б. м. на старое пепелище в Кострому, а дальше в Нижний и наконец по Оке в Рязань. Зинино здоровье теперь лучше прежнего, но к сожалению, в это лето её не удалось отправить в Железноводск в санаторий к одному симпатичному доктору с которым мы познакомились в прошлом году, возвращаясь из Геленджика, а ей это очень не мешало бы: там бы её заставили бы полечиться как следует и пожить более гигиенично. Лиза продолжает жаловаться на подагрические боли, но лечится крайне небрежно и режима не признаёт никакого. Борис со своим транспортом теперь, по-видимому, опять в Люблине с Ольгой. Вот, кажется, и всё, что у нас есть нового. Всего хорошего. Поклон вашим. Твой Н. Шамонин.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6076. Л. 42–42 об.

Примечания к приложениям

1. Шамонина Зинаида Николаевна – дочь автора письма, родилась 11 мая 1891 г. удочерена автором письма.

2. Шамонин Николай Николаевич (1888–1932) – усыновлен автором письма, будущий зять Н.Н. и С.Ф. Платоновых.

3. Анцыферов Сергей Иванович – директор департамента Министерства народного просвещения, действительный статский советник.

4. Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – российский филолог-классик, заслуженный профессор Московского университета, министр народного просвещения (1908–25 сентября 1910).

5. Жданов Александр Маркелович (1858–1914) – попечитель Московского учебного округа с 20 января 1907 г. по 9 января 1911 г.

6. Исаенков Владимир Дмитриевич – окружной инспектор (до 1896 г.), помощник попечителя учебного округа (1901), с сентября 1905 по 20 января 1907 г. управляющий Московским учебным округом, с 1914 г. в отставке.

7. Шамонин Борис Николаевич родился 11 мая 1891 г. – усыновлен автором письма.

8. Воронежский Великого Князя Михаила Павловича кадетский корпус – начальное военное училище, был основан в 1845 г. Основание корпуса стало возможным благодаря крупным денежным пожертвованиям в размере 2 миллионов рублей ассигнациями, сделанным в 1836 г. воронежским помещиком, отставным генерал-майором Николаем Дмитриевичем Чертковым (1794–1852).

9. Шамонина (Воронихина) Елизавета Людвиговна (1858–1929).

10. Описка, нужно выгляжу.

11. Шамонина Зинаида Николаевна (1864–1940) – сестра автора писем.

12. Платонова Нина Сергеевна (1886–1942) – старшая дочь Н.Н. и С.Ф. Платоновых.

13. Шамонина (Иванченко) Софья Николаевна (1865–?) – жена брата автора писем Владимира (1860–1906), преподаватель гимназий в Нижнем Новгороде.

14. Шамонин Георгий (Юрий) Владимирович (1894–1944).

15. Шамонина Елена Владимировна (1886–?) – монахиня – племянница автора писем.

16. Текст на конверте. Дата на почтовом штемпеле.

17. Письмо на почтовой карточке.

18. Краевич Борис Константинович (1886–1947) – физик, педагог-математик, автор учебников по физике. Муж дочери Н.Н. и С.Ф. Платоновых Надежды (1890–1965).

19. Текст телеграммы.

20. Толстая Софья Андреевна (1844–1919) – графиня, супруга, ближайшая помощница и сохранительница наследия Л.Н. Толстого.

21. Речь идет о браке Николая Шамонина и Веры Сергеевны Платоновой (1888–1944).

22. Le cousinage est un dangereux voisinage (французская поговорка) – родство двоюродных братьев и сестер опасное средство. В ркп., сокращенный вариант.

23. Речь идет об Всероссийском Археологическом съезде.

24. Шевяков Владимир Тимофеевич (1859–1930) – русский протозоолог, член-корреспондент императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1908). В 1910 г. перешёл на работу в Министерство народного просвещения; с 1911 г. – товарищ министра.

25. Тихомиров Александр Андреевич (1850–1931) – доктор зоологии, в 1911–1917 гг. состоял попечителем Московского учебного округа.

26. Георгиевский Александр Иванович (1830–1911) – писатель и государственный деятель, в 1866–1870 гг. состоял редактором «Журнала Министерства народного просвещения», председатель ученого комитета (1873–1898), член Совета министра народного просвещения (с 1871 г.).

27. Комарницкий Валериан Ипполитович (1878–?) – инспектор Московского учебного округа

28. Труды Комиссии по организации экскурсий для учащихся и учащихся средних учебных заведений Московского округа с 28-ХІІ-1910 г. по 6-І-1911 г. / Под ред. В.И. Комарницкого и др. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1911. 223 с.

29. Пятая гимназия отпочковалась от переполненной Первой, в 1870 г. переехала в отдельное здание, дом кн. Гагарина, на углу Б. Молчановки и Поварской.

30. Кассо Лев Аристович (1865–1914) – российский юрист, Министр народного просвещения Российской империи (1910–1914).

31. Страхов Иван Сергеевич (1854–?) – директор вяземской Александровской гимназии с 29.09.1908 по 1911 г. Он будет назначен директором 2-ой Московской гимназии (Страхов И. С. Латинская грамматика / Сост. И. Страхов, дир. Моск. 2 гимназии. Ч. 1. М.: Кн. маг. В.В. Думнова п/ф. «Насл. бр. Салаевых», 1912. 24 с.)

32. Форс-мажор – (*фр.*)

33. Седьмая, в память Александра III, была на площади Страстного монастыря, Страстной, ныне – Пушкинской пл.

34. Гобза Иосиф Освальдович (1848–1927) – филолог-классик, кандидат историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. В 1875–1887 гг. – директор Смоленской гимназии. В 1887–1907 гг. – директор 1-й Московской мужской гимназии. В 1907–1918 (?) годах – директор 11-й Московской гимназии. Чех по происхождению.

35. Около 1912 г. директором гимназии стал Сергей Николаевич Эверлинг (1875–1956) вместо снятого «за либеральность» В. П. Недачина (1863–1936) – директор гимназии в 1901–1912 гг., преподавал русский и латинский языки. (Недачин Василий Павлович (российский педагог; 1863 –?) // Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. / сост. П. А. Лебедев. М.: Педагогика, 1990. 608 с.)

36. Девятая или Медведниковская (по имени жертвователя иркутского купца И.Л. Медведникова и его вдовы А.К. Медведниковой), учреждена по высочайшему повелению Николая II 8 июня 1901 г. Открылась гимназия 2 октября 1901 г. (Недачин В.П. Основы учебно-воспитательной организации и первые годы жизни Московской гимназии им. И. и А. Медведниковых. 1901–1904. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1904. 348, 246 с.)

37. Скворцов Лев Петрович (1855–около 1920) – историк-краевед, член Костромской ученой архивной комиссии, земский врач уездной больницы, долгое время редактировал газету «Поволжский вестник», член Костромской губернской ученой архивной комиссии.

38. Комиссия по организации празднования 300-летия Романовых во главе с А.Г. Булыгиным. С.Ф. Платонов привлекался комиссией для пояснений императору во время пребывания его в Костроме

(Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов о месте пребывания Михаила Романова до избрания его на царство // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: Материалы XXIII Международной научной конференции (Москва, 27–29 января 2011). С. 339–342).

39. Скворцов Л.П. Материалы для истории г. Костромы. Ч. 1. Кострома, 1913. 362 с.

40. Речь идет о Софье Николаевне Шамоновой.

41. 14 сентября 1912 г. С.Н. Шамонова благодарила Надежду Николаевну: «Надюша, вижу твою заботу, чувствую, что ты всколыхнула, проездом через Москву Серёжу и Зину: оба они решили высылать мне ежемесячно – один 25, другая 15 р. для детей. Надо ли тебе говорить, как мне всё это тяжело, как страдает самолюбие – и нет сил отказать от этого» (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч.4. Д. 6116. Л. 40–41 об.)

42. Самойлович Н.Я. был директором гимназии с 25 августа 1902 по 1912 г.

43. Утешение для несчастных иметь товарищей по несчастью. Басня Эзопа «Зайцы и лягушки» заканчивается таким нравоучением. Она показывает, что бедствующие находят утешение в том, что другим приходится еще хуже.

44. Лебедев Александр Федотович был директором в 1907–1913 гг. Его сменил Эльманович Дмитрий Павлович (1853–?).

45. Шамонова Наталья Николаевна (1913–1980) – внучка автора писем и Платоновых.

46. Барсков Яков Лазаревич (1863–1937) – историк-архивист, археограф, делопроизводитель Государственного архива МИД (1908–1917).

47. Масленица – восточнославянский традиционный праздник, отмечаемый в течение недели перед Великим постом, сохранивший в своей обрядовой основе ряд элементов дохристианской славянской мифологии.

48. Никольский Петр Петрович был директором 6-й гимназии с 1904 по 1915 г., до этого времени он был директором гимназии им. Г. Шелапутина.

49. Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927) – историк России (до XIX в.), служащий Имп. Публичной библиотеки (1896–1915), попечитель Виленского учебного округа (1915–1917), член Археографической комиссии (с 1909 г.), чл.-кор. АН (1921).

50. Село Солотча выросло вокруг мужского Солотчинского Рождества Богородицы монастыря, основанного в 1390 г. рязанским великим князем Олегом Ивановичем – по преданию, на месте встречи князя и его супруги с двумя отшельниками, Василием и Евфимием.

«ABOUT MOSCOW UNTIL HEARING OR SPIRIT»: THE MAIN DREAM OF N.N. SHAMONIN

V.V. Mitrofanov

University at the Interparliamentary Assembly of the EurAsEC

Representatives of the Shamonin family have done a lot in the field of Russian education, both in the capital and in the provinces. The most famous representative of the family, of course, is Nadezhda Nikolaevna, married to Platonov. Her older brother, who graduated from Moscow University, who showed organizational skills and a penchant for scientific work

during his student years, however, was connected with gymnasium education all his life. He is known primarily as the director of the Kostroma and then Ryazan gymnasiums. But he is also a professional translator of educational literature and scientific works. However, time has decreed that his name is rarely mentioned and remains little known.

With the involvement of his epistoli to the sister of N.N. Platonova, the daily life of the family of the director of a provincial gymnasium is revealed. One can judge about a large state-owned apartment, material wealth, the ability to travel, the education of children and their aspirations.

The greatest desire of N.N. Shamonin was to receive directorship in Moscow. This theme unites all his correspondence with the Platonovs. There are a lot of little-known facts about the movements of the directors of gymnasiums in Moscow, the vacancies that were opening. Which allows us to judge the system of gymnasium education in Russia at the beginning of the twentieth century.

Keywords: N.N. Shamonin, N.N. Platonova, education, provincial gymnasiums, everyday life, correspondence.

УДК 81:372.881

DOI 10.52452/18115942_2022_1_179

БИНАРНАЯ СИСТЕМА ОТСЧЕТА В ТЕОРИИ УСВОЕНИЯ ЯЗЫКА

© 2022 г.

Е.С. Орлова

Орлова Елена Сергеевна, к.пед.н.; доц.; заведующая кафедрой английского языка
для естественно-научных специальностей
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
orlova_es50@list.ru

*Статья поступила в редакцию 21.12.2021**Статья принята к публикации 25.01.2022*

Бинарная система отсчета, лежащая в основе объединенной теории усвоения языка (ЛА), формируется эмпирическими и методологическими единицами, образующими бесконечные смысловые последовательности, которые неизменно считаются универсальными и естественными. Бинарная система отсчета предполагает систему координат, определяемую множеством точек отсчета. Эти составляющие образуют континуум значимых двойственно противопоставленных характеристик, используемых для идентификации форм языка и методов его усвоения. Понятие о согласованном действии минимальных устойчивых величин при формировании языкового смысла и разработке методов его усвоения происходит из концепции бинарной оппозиции, которая представляет главную ось структуры изучения языка. Теория усвоения языка, воссоздаваемая в бинарной системе отсчета, открывает новое направление в развитии теоретической обоснованности и прикладного обеспечения в данной области.

Ключевые слова: теория усвоения иностранного языка, общая объединенная теория, бинарная система отсчета, точка отсчета, междисциплинарный обмен, сложность (комплексность), сопряженное преобразование, предикативная единица.

Introduction

The augmentation of a separate discipline instrumentality by the terminological store of concepts and functional sets from other fields is a pronounced sign of our time. The tendency is especially inherent in disciplines pertaining to language study. The growing rapprochement of language sciences is strongly supported by the ongoing digitization of research corpora supplied with a great number of translation modules and collections of properly chosen key words which are mostly determined but not overly restrictive. When reflected in adjacent fields, the non-specificity of a significant part of language discipline terms reveals the existence of similar reciprocal counterparts or the facts of their use within a number of particular domains. Terminological ramifications across a variety of language research fields virtually attest to two things. First, the sameness of certain terms testifies to the objective entanglement of the sciences concerned with linguistic, psychological or epistemological investigation, language acquisition, AI and other associated fields. Second, the explorers have been getting more and more liable to use terminological doubles applied to different knowledge areas. Although the trend is equivocally and sometimes negatively conceived by the professional community, it reveals the researchers' striving for

the development of a theoretically grounded and empirically guided all-encompassing framework implementing the oneness of the vast communication environment. The attainment of a coalescence that global is a super-challenging task now far beyond the state-of-the-art level of scientific generalization. Moreover, not only a hypothetically unified area of language knowledge, but also its subsumed parts are still not enclosed by a holistic theory, with a variety of conjectures being put forward instead. Nevertheless, the interdisciplinary conceptual exchange makes the idea of a more embracing scheme theoretically approachable and feasible for a particular field. For an entanglement LA theory to become plausible, the very field of it is to be delineated once again because of the long-term scholarly disagreement over the term 'language acquisition'. The latter has been traditionally associated with an environmentally natural rather than instructional process in a teaching context. The notion of acquisition is thereby opposed to that of learning. In this study LA is viewed as a highly integrated area referring to Augmented Reality (AR). «AR brings together all the techniques allowing a real world to be associated with a virtual world, especially by using the integration of real images ... and virtual entities ...» [1, 7]. Due to modern digital technologies, a natural language background and a guided learning setting get tightly interconnected trans-

forming into a single unified mesh. In fact, the opposition between 'acquisition' and 'learning' stops being irreconcilable. It is actually the language acquisition area that has thus been absorbing conceptual instrumentation from nearly all coterminous language knowledge branches: linguistics, psychology, information technology, artificial intelligence and others. Second language learning (SLL) is commonly designated as second language acquisition (SLA), and vice versa, i.e. SLA is quite substitutable for SLL. The terminological fluctuation results from a few more factors of various significance, which are worth mentioning here. As a science, the subject area is assumed to have been developing and expanding for a relatively short historical period namely, since the late 1960s. Compared to the progress duration of the long-standing adjoining feeding fields, such as linguistics or psychology, the advancement time of second language study has been not long enough for some concepts and terms to be fully established. On the other hand, the conceptual and technological contributions made by the cutting-edge areas (IT, AI etc.) are not systematically ordered, either. LA thus being a field with unanswered theoretical and empirical questions, its content domain, nevertheless, comprises some observable features as to whether its overall theoretical integrity is attainable.

The Purpose of the Study

The article challenges the additive constitution of a holistic LA theory having the distinctive character of aggregate dualism. The LA domain is additively constituted by varying components, which differ in nature but are functionally subsumed under the multitasking discourse development. The strands involved in language communication appear to be only loosely connected with one another forming a flexible aggregate of alternating integrants. Ultimately it presumes a collection of factors having effect to the result, which is efficient meaningful intercourse. The fluctuation of component parts pooled in communication implies the formation of an operating whole devoid of an organic union of parts. The variegated assembly of diverse theoretical conceptions and disparate methodological implements prevent the LA domain from gaining a holistic specification, the latter being assumingly achievable in particular functional terms. The purpose of the study is to delineate the dimensions relative to an implied communicative strategy developer in a number of coordinate systems, whose reference points can nevertheless define an entanglement LA reference frame in terms of universal binary opposition units (BOUs). The unit signifies a common characteristic inherent in

all domain levels, which allows «the natural and social universe to be grasped as an organized whole» [2; 135]. This means that, although the coordinate systems' origins, orientations and scales specified do not equate across the entire LA reference frame, the latter can be completely described by BOUs representing a universal constant of any part of the multi-faceted LA domain.

A Holistic Model of LA Reconstruction: Search for the Base

The LA peculiarities mentioned routinely get framed with discourses of complexity, with the latter commonly being referred to as «the instability and, thereby, the unpredictability of the interactions of ... components and the outcomes of those interactions» [3; 292].

Complexity theory being an interdisciplinary field, it offers a set of related concepts that have arisen from several areas. The idiosyncrasy of its definitions is the variety of counterparts the notion of complexity is equated to.

According to H.A. Simon, a complex system is roughly one made up by a large number of parts that interact in a non-simple way [4; 458]). As a conjecture in process, complexity is being extended through the involvement of more and more concepts and relationships, which seemingly contradicts to the idea of coterminous field entanglement. With the enormity of traditional terms appropriated from other scientific branches and cutting-edge notions developed, complexity theory could nevertheless give some clues as to the implications it might have for an integral theory construction.

Despite some of its fuzzy contentions about 'implicit causality' or 'emergence occurring before order' complexity provides some valuable insights into the nature of LA as a complex domain with a large number of interacting parts, each with different attitudes and different purposes. At the same time, the domain functions as a single entity. The idea of the part interaction is suggestive of an invariant universal approach to a complex system since the latter can be construed as forming and maintaining its order and hierarchical organization by the exchange of information among the constituent parts. The reciprocity procedure is reducible to and reproducible by binary opposition sequences.

LA Propensities for Binary Principle Holistic Reconstruction

There has been specified a premise notifying a manifestation of two key characteristics present in a complexity entity. One of them implies the formation of non-linear natural relationships emerging

from the natural landform environment in which they operate and in which they are strongly coupled. The other distinctive feature identifies the natural patterns «that are open, driven from equilibrium by the exchange of energy, momentum, material, or information across their boundaries» [5; 89].

Considered thoroughly, the two characteristics prove to correlate with a series of oppositions determining language intercourse: real-world environment vs. individual inner mental space, language organization system vs. learning procedure, socially relevant meaningful items vs. individually created concatenations, external verbal output vs. inner mental codes, etc. Each binary opposition is a pair of defined opposites, or diametrically opposed characteristics, set off against one another in a reciprocal determination and taken as a basis for the conceptualization of a particular area with its coherent issues. The elucidation of the theory concept in ways of thought belonging to the conception of the binary opposition seems to be most rational as it corresponds to the idiosyncrasies of the language learning notional domain structure considered further. The basic idea behind a binary opposition framework in language activity is greatly similar to the general duality line of approaching the LA subject, namely the everlasting antithesis of language organization system and language acquisition.

A key common feature of a flexible conceptual framework composed by opposite but correlated constituents is conjugate transformation. The idea of conjugate transformation involves fluctuation and interchange between the opposed binary components of theory in accordance with an established invariant pattern “closer to vs. farther from one of the opposed element”. The property is defined by the two elements of an opposition bearing to each other a relation characterized by having certain features in common but being opposite or inverse in some particulars. «Conjugate transformation involves a relation characterized by the opposite elements having certain features in common due to their belonging to the same field but being inverse in some characteristics. Conjugate transformation is thereby the mechanism implementing the alternate dominance of the one opposite over the other and constituting a flexible relationship between the opposing elements» [6; 12].

Certain phenomena in the field appear to be able to be explained through arranging a series or order of conjugate transformations driving a learning type closer to its opposite and thus forming a concession-making model with a dominating though not all-embracing element set against the other. Thus, within the mechanism of a conjugate transformation in a binary unit either of the opposites might change the yielding part of their impact

maintaining the dominant role nonetheless. The proportions of the mutual interdependence of the opposed binary elements vary, due to which a new approach option can be created. Transformations like this are quite common in learning and teaching practice. For example, a teacher practicing the task-based approach might try to apply some error-correction techniques borrowed from the old grammar-translation methodology which definitely contradicts the major idea of the TBA. Moreover, in the currently developing post-method era combining principles, models, techniques and other inventory from various approaches to and methods of language learning is provided with theoretical substantiation and reinforcement on the part of Principled Eclecticism. The trend is supposed to combine principles, models or techniques borrowed from various approaches and methods developed before. The proponents of Principled Eclecticism are most positive of the broad parallel usage of different methodologies available now in language learning practice. Thus free uncontrolled transformation of language learning methodology is encouraged which is subordinated to the preferences of the learner or teacher and is performed within the entire range of language acquisition, language- or communication-based, “naturalistic, instructed, or both” [7; 1]. The simultaneous arbitrary use of various methodical constituents produces countless transformation patterns which function in a non-specified haphazard ways often aimed at performing particular communicative tasks whose role in the mainstream goal is not always convincingly determined. It is the two-pole exchange and convergence that take the edges off the extremes of each as well as explicate hidden counter-positions unidentified before.

Predication as an Entire Functional Medium of Language Activity

A holistic binary language acquisition domain is an obvious engine of language learning technology. The crucial factor in the development of a holistic language activity framework is the observance of the unitary scale of the system's construction and assessment. The problem is that any specifically accented part of language comprehension within a particular approach to LA, be that language items or the learner's intellectual resources, is typically considered and modeled as separate isolated issues whose reciprocal links are not taken into account. The conceptual framework built on the premises given is capable of providing a template for successive integration of communicative stages, inner and outward speech, and language modules into a single functional space. Defining this space means

understanding the nature of the universal comprehensive code summoned in the attainment of a balanced interaction of the acquirer's thought – speech operations. The binary LA platform is to rely on integrants which form the strong points of a theoretical model and correlate empirically and methodologically with language acquisition. The question arises as to whether there exists a medium with a standard quantity capable of bringing together and measuring language, social intercourse and the learner's intellectual dynamics. The three interactive realms share a singular property underlying a coherent and plausible explanation of their transactions. This is the pervading functional environment of predication. The phenomenon is known as the act of joining initially independent objects of thought expressed by self-determining words – predicate and argument – in order to establish a predicative relationship. Predication is a most important function of language cognition due to which the real and individualized worlds converge in the learner's mind. The range of predicative acts occurring continually is assumed to be described and measured by the universal invariant predicative unit which is the minimal binary meaningful segment $f(x)$ epitomizing the oneness of the thought – speech and language – thought realms. The invariant binary predicative unit is to provide the necessary functional reconciliation between the three modules of communication mega-domain mentioned.

Conclusion

Language acquisition has been historically the centre of contradictory conception and conflicting definitions by virtue of its subject matter specificity, which stipulates a most comprehensive sphere of scientific study. The fact that the LA subject matter is of general relevance of a number of co-terminous fields makes its area multifaceted and relatively unrestricted. The traditional interpretation of LA as an arrangement of tightly intertwined interventions from adjacent or associated sciences causes its theoretical background vacuity and cast doubt on its self-sufficiency. The manifold of phenomena involved is the prime reason for cross-sectional research predominating over longitudinal exploration. A view of an LA holistic interpretation might not seem to favor commensurable standards of scientificity across its adjacent sciences. Nevertheless, the set of guiding principles applied to the uni-

fying exploration in language acquisition is the same that can be found across the full range of scientific inquiry. A binary opposition approach provides workable instrumentation for structuring LA reference frames from the most abstract theoretical premises to the most concrete learning building blocks.

For centuries the binary representation structure has been considered as a dominating formation of discourse simultaneously framing “grammar of thought”. The idea of binarism is naturally implemented in the process of predication, which is the epitome of opposed entities. At first sight, the phenomenon being elucidated predominantly in abstract terms explicates few connections between its theoretical exploration and practical application in the language study domain. The domain's integrity might become achievable due to the installation of invariant binary predicative units that function as sense building blocks and act conjointly expanding into meaningful chains. The new frame of reference presented would have far reaching implications for language acquisition providing a solid theoretical underpinning for language curricula.

Список литературы

1. Arvanitis P., Krystalli P. Digital storytelling and augmented reality-based scenarios for foreign language teaching // In: Montebello M. (Ed.). *Digital Pedagogies and the Transformation of Language Education*. Hershey PA: IGI-Global, 2021. P. 1–22.
2. Levi-Strauss C. *The Savage Mind*. London: Weidefeld & Nicolson LTD, 1966. 289 p.
3. Barnett R. Researching supercomplexity: planes, possibilities, poetry // In: Ling L. & Ling P. (Eds.). *Methods and Paradigms in Educational Research*. Hershey PA: IGI-Global, 2017. P. 291–308.
4. Simon H.A. The architecture of complexity // In: *Facets of Systems Science*. International Federation for Systems Research: International Series on Systems Science and Engineering. 1991. Vol. 7. P. 457–476.
5. Werner B.T. Complexity in natural landform patterns // *Science*. 1999. 284 (5411). P. 87–89.
6. Orlova E.S. *Textbook Theory and Invariant Approaches to Language Learning: Emerging Research and Opportunities*. Hershey PA: IGI-Global, 2020. 157 p. doi: 10.4018/978-1-7998-2672-9.
7. Doughty C.J. & Long M.H. The scope of inquiry and goals of SLA // In: *Handbook of Second Language Acquisition*. Blackwell Publishing, 2005. URL: http://www.blackwellreference.com/subscriber/tocnode?id=g9781405132817_chunk_g9781405132872

A BINARY REFERENCE FRAME OF LANGUAGE ACQUISITION THEORY***E.S. Orlova***

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The binary reference frame underlying an entanglement theory of LA is woven by empirical and methodological units extending into infinite meaningful chains invariably perceived as universal and natural. The binary reference frame implies a coordinate system specified by a set of reference points. These integrants build up a continuum of meaningful dually opposed characteristics used to identify languages patterns and its acquisition methods. The idea of the concerted function of minimal standard quantities of language sense generation and acquisition method development has been derived from the concept of binary opposition being the central axis of language learning structure. An LA theory presented in the binary frame of reference provides an upward trend in the development of the theoretical underpinning and applied instrumentation of the field.

Keywords: language acquisition/LA, entanglement theory, binary reference frame, reference point, interdisciplinary exchange, complexity, predication, conjugate transformation, binary opposition unit, predicative unit.

УДК 371

DOI 10.52452/18115942_2022_1_184

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МАРШРУТЫ КАК СРЕДСТВО ПЕРСОНИФИЦИРОВАННОГО ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ ШКОЛ С НИЗКИМИ РЕЗУЛЬТАТАМИ ОБУЧЕНИЯ В 2020 ГОДУ

© 2022 г.

И.В. Осокин

Осокин Игорь Владимирович, начальник отдела мониторинговых исследований,
статистики и прогнозирования Вологодского института развития образования
osokiniv@viro.edu.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2021

Статья принята к публикации 28.01.2022

Рассмотрены теоретические основы разработки индивидуальных образовательных маршрутов профессионального развития учителей как формы персонализированного повышения квалификации педагогических работников. Обоснована актуальность данного направления работы в рамках реализации проекта, направленного на повышение качества образования в школах с низкими результатами обучения и в школах, функционирующих в неблагоприятных условиях. Перечислены составные части индивидуального образовательного маршрута, основные источники для его составления. Представлены особенности и основные результаты реализации индивидуальных образовательных маршрутов учителей русского языка и математики школ с низкими образовательными результатами Вологодской области в 2020 году. Результаты реализации индивидуальных образовательных маршрутов выявлены в рамках сравнения данных входной и итоговой самооценки профессиональных компетенций учителей – предметной, методической, психолого-педагогической, коммуникативной, цифровой и владения «гибкими навыками». Также проанализированы факторы, которые оказывают влияние на формирование предметной компетенции учителей русского языка и математики школ с низкими образовательными результатами Вологодской области, такие как преподаваемый предмет, тип местности, количество обучающихся в школе. Выявлена прямая взаимосвязь степени развития различных компетенций.

Ключевые слова: персонализированное повышение квалификации учителей, индивидуальный образовательный маршрут, предметная компетентность, методическая компетентность, психолого-педагогическая компетентность, коммуникативная компетентность, цифровая компетентность, владение «гибкими навыками», факторы, оказывающие влияние на уровень профессиональных компетенций.

Введение

Одной из приоритетных целей национально-го проекта «Образование» является обеспечение глобальной конкурентоспособности российской системы образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования. Важным направлением в достижении данной задачи является реализация с 2020 года ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования» проекта оказания адресной методической помощи общеобразовательным организациям, имеющим низкие образовательные результаты обучающихся.

В 2020 году в соответствии с пояснениями специалистов ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования» – авторов методики отнесения общеобразовательных организаций в категорию школ, показывающих низкие образовательные результаты, в перечень школ, имеющих низкие результаты, включены школы по итогам анализа результатов ВПР обучающихся

в 5-, 6-, 9- и 11-х классах в ВПР, ОГЭ, ЕГЭ по русскому языку и математике в 2018 и 2019 годах.

Критерием включения школы в перечень выступало наличие не менее 30% обучающихся, не преодолевших минимальный порог, по результатам оценочных процедур. Причем данный результат должен быть показан в один год минимум в двух различных оценочных процедурах или минимум по одному разу в течение двух лет подряд в одной процедуре.

Исходные данные исследования

В 111 школах с низкими образовательными результатами (НОР) Вологодской области в 2020 году обучались 36725 детей и работали 2789 педагогических работников.

Большинство учителей данных школ (83.8%) имели высшее педагогическое образование. При этом в 27 (24.3%) школах доля учителей с высшим педагогическим образованием находилась в пределах от 36.4 до 70%.

Таблица 1

Переменные, оказывающие статистически значимое влияние на образовательные результаты обучающихся школ Вологодской области в 2018–2020 годах

№ п/п	Наименование переменной	2018 год	2019 год	2020 год
1	Доля учителей, не имеющих квалификационную категорию			+
2	Доля учителей с высшей квалификационной категорией	+	+	+
3	Отсутствие у школы статуса лицея, гимназии, школы с углубленным изучением отдельных предметов	+	+	+
4	Наличие у школы статуса вечерней или школы-интерната	+		
5	Наличие у школы статуса малокомплектной	+		+
6	Наличие у школы статуса городской		+	+
7	Отношение средней стоимости питания на 1 обучающегося в день к максимальному значению средней стоимости питания на 1 обучающегося в день	+		
8	Доля обучающихся, принимавших участие в региональных и всероссийских олимпиадах за последние 3 года		+	+
9	Доля обучающихся, продолжающих обучение на старшей ступени образования	+		
10	Доля обучающихся, состоящих на учете в подразделениях УМВД (по делам несовершеннолетних)	+	+	+
11	Доля обучающихся, воспитывающихся в семьях, где оба родителя имеют высшее образование		+	+
12	Доля обучающихся, воспитывающихся в неполных семьях	+	+	
13	Доля обучающихся, воспитывающихся в семьях, где оба родителя являются безработными	+		

Доля педагогических работников, имеющих высшую и первую квалификационную категорию, составляла 79.9%. При этом в 22 (19.8%) школах работали от 37.5 до 70% учителей такой квалификации.

В ходе исследования ежегодно проводился регрессионный анализ факторов, которые могут оказывать влияние на образовательные результаты обучающихся. Статистическая обработка проводилась на 37 переменных, так или иначе характеризующих образовательный процесс в школе. В период с 2018 по 2020 год выявлено 13 факторов, статистически значимо влияющих на уровень образовательных результатов обучающихся школы (таблица 1).

Не менее двух раз за 3 года встречаются 8 переменных. При этом непосредственное влияние со стороны школы можно оказывать только на две переменные, связанные с квалификацией учителя и участием обучающихся в олимпиадах. Остальные 6 факторов (статус школы, характеристики семейного воспитания) являются опосредованными, их выраженность необходимо учитывать при построении образовательного процесса, на что тоже должны быть направлены мероприятия, связанные с повышением квалификации педагогических работников (учителей).

Теоретические основания исследования

Спецификой реализации адресных проектов является децентрализация управления, что под-

разумевает разработку на уровне школы образовательных и рабочих программ по предметам, программы формирования и оценки универсальных учебных действий, прочих концептуальных и процессуальных документов. Такие продукты требуют применения новых технологий и методов обучения с учетом индивидуальных особенностей и потребностей обучающихся, специфики образовательной организации, особенностей внешней среды, изменения государственной (региональной) политики [1, 2].

Поэтому одним из основных требований к современному учителю является умение выявлять собственные профессиональные дефициты и выстраивать индивидуальную траекторию профессионального роста [3].

Вышеперечисленные требования учитываются при реализации персонифицированного подхода к повышению квалификации педагогических работников, одним из направлений которого является разработка и применение индивидуальных образовательных маршрутов учителей [4].

Целью нашей работы была разработка методики формирования индивидуальных образовательных маршрутов учителей ШНОР Вологодской области и определение эффективности её реализации.

Методологической основой современного персонифицированного образования является системно-деятельностный подход [2], который положен и в основу нашей методики составле-

ния индивидуальных образовательных маршрутов (ИОМ).

Данный вопрос рассматривается также в рамках изучения актуального в последнее время понятия резильентности. В зарубежных исследованиях резильентные школы называют «школами, успешно функционирующими в неблагоприятных условиях», «школами, выходящими за рамки ожиданий» [5, 6]. Данный феномен на уровне школы рассматривается с точки зрения желаемой эффективности обучения (или школьной эффективности), а также школьного импрувмента, или школьных улучшений [7]. Эти исследования направлены на стимулирование позитивных школьных процессов, характерных именно для школ, работающих в сложных социальных условиях.

Методика исследования

В соответствии с принципами компетентностного подхода в июне 2020 года в рамках реализации проекта была проведена самодиагностика профессиональных компетенций 553 учителей русского языка (311 человек) и математики (242 человека) всех 111 школ – участниц работы.

Учителям предлагалось оценить себя по уровню сформированности наиболее значимых профессиональных компетенций: предметной, методической, психолого-педагогической, коммуникативной, цифровой и владение «гибкими навыками».

Методика состояла из 26 вопросов, раскрывающих содержание и понимание в данном исследовании вышеперечисленных профессиональных компетенций. Учителя при ответах на вопросы оценивали сформированность тех или иных сторон своей профессиональной деятельности от 0 до 5 баллов, где 0 – отсутствие признака, 5 – максимальное его проявление. После этого вычислялся процент набранных баллов от максимально возможного по каждой компетенции.

В рамках самоанализа предметной компетенции учителя оценивали знание предмета в пределах требований федерального государственного образовательного стандарта и основной образовательной программы (далее – ООП), его истории и места в мировой культуре и науке; знание требований к содержанию и результатам обучения по преподаваемому предмету; умения использовать возможности преподаваемого предмета при организации учебно-исследовательской, культурно-досуговой и иной внеурочной деятельности; регулярность изучения литературы и иных источников с целью совершенствования своих знаний в данной предметной области.

Методическая компетентность оценивалась с позиций планирования и осуществления учебного процесса в соответствии с ООП; разработки и реализации рабочей программы по предмету, курсу на основе примерных ООП; использования разнообразных форм, приемов, методов и средств обучения, в том числе по индивидуальным учебным планам; разработки и применения технологий проблемного обучения, самостоятельной деятельности обучающихся, в том числе исследовательской; осуществления контрольно-оценочной деятельности с использованием разнообразных способов оценивания.

Блок вопросов по коммуникативной компетентности состоял из таких аспектов, как управление учебными группами с целью вовлечения обучающихся в процесс обучения и воспитания, мотивируя их учебно-познавательную деятельность; наличие потребности и стремления к общению с детьми, к созданию в учебных группах разновозрастных детско-взрослых общностей обучающихся, их родителей и педагогических работников; сотрудничество с другими педагогическими работниками и другими специалистами в решении воспитательных задач; установление контактов с обучающимися разного возраста и их родителями, другими педагогическими и иными работниками.

Психолого-педагогическая компетентность оценивалась с точки зрения владения профессиональной установкой на оказание помощи любому ребенку вне зависимости от его реальных учебных возможностей, особенностей в поведении, состояния психического и физического здоровья; разработки и реализации индивидуальных программ развития с учетом личностных и возрастных особенностей обучающихся; владения технологиями диагностики причин конфликтных ситуаций, их профилактики и разрешения.

«Гибкие навыки» в методике подразумевали постоянный анализ реального состояния дел в учебной группе; поддержку в детском коллективе деловой, дружелюбной атмосферы; умение находить ценностный аспект учебного знания и информации, обеспечивать его понимание и переживание обучающимися; осуществление поиска, критического анализа и синтеза информации; применение системного подхода для решения поставленных задач; владение методами убеждения, аргументации, умение донести свою позицию через вербальные и невербальные техники.

Цифровая компетентность включала в себя активное применение информационных технологий и цифровых образовательных ресурсов в учебном процессе; использование современных

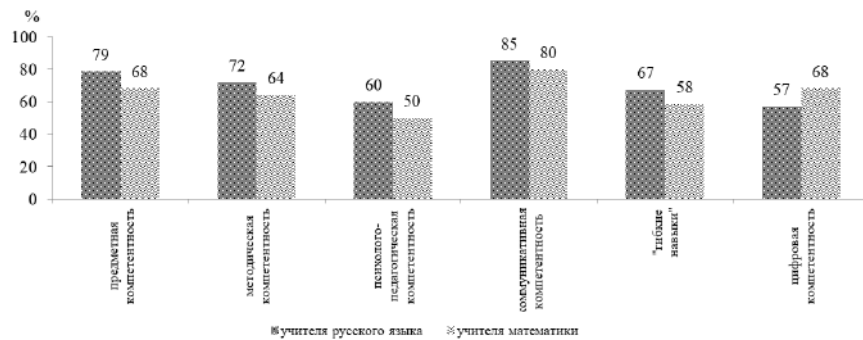

Рис. 1. Результаты входной самооценки учителей русского языка и математики, которые участвовали в итоговой самодиагностике, собственных профессиональных компетенций

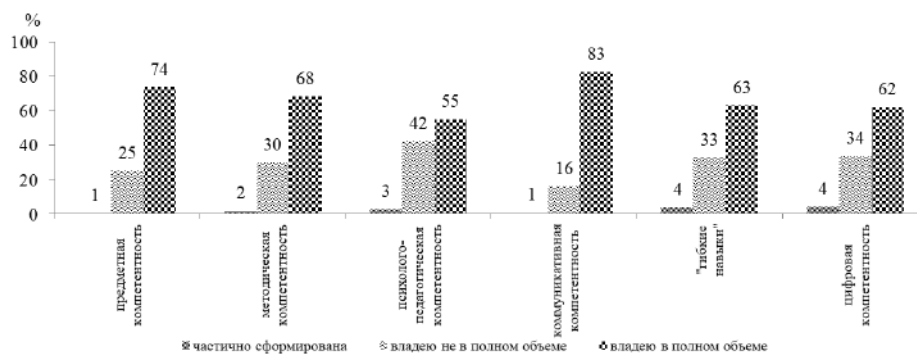

Рис. 2. Самооценка учителями русского языка и математики собственных профессиональных компетенций (по позициям оценивания)

способов оценивания с применением информационно-коммуникационных технологий; использование цифровых технологий в профессионально-педагогическом взаимодействии (с учениками, с родителями, с коллегами); умение работать с текстовыми редакторами, электронными таблицами, электронной почтой, браузерами и мультимедийным оборудованием.

Результаты и обсуждение

Сравнение результатов входной самодиагностики учителями русского языка и математики показывает, что учителя русского языка все свои компетентности (за исключением цифровой) оценили выше, чем учителя математики (рис. 1).

По результатам исследования установлено, что выше всего учителя как русского языка, так и математики оценивали свою коммуникативную компетентность (соответственно 85% и 80% считали, что компетенция сформирована в полном объеме), далее шла предметная (79% и 68%) компетентность. На третьем месте наблюдались различия в оценке. Так, если учителя русского языка отмечали у себя сформированность методической компетентности (72%), то учителя математики – цифровой (68%). При этом, напротив, наименее сформирована у учителей русского языка, по их мнению, цифровая компетентность (57%), у учителей ма-

тематики – психолого-педагогическая компетентность (50%).

Несмотря на достаточно высокий уровень самооценки педагогических работников в области профессиональных компетенций, в 15% случаев учителя отметили, что компетенции сформированы лишь частично (см. рис. 2).

Если добавить к этим результатам данные по варианту «владею не в полном объеме», то потребность в повышении квалификации по психолого-педагогической компетентности составит 45%, по цифровой компетентности – 38%, по «гибким навыкам» – 37%, по методической компетентности – 32%, по предметной компетентности – 26%, по коммуникативной компетентности – 16%.

Технология составления ИОМ

Полученные данные легли в основу технологии составления индивидуальных образовательных маршрутов (далее – ИОМ) для каждого учителя русского языка и математики, работающего в ШНОР.

ИОМ является инструментом, обеспечивающим индивидуальную траекторию непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников. Он определяет основные направления деятельности по повышению уровня профессионального мастерства пе-

Таблица 2

Раздел 2 индивидуального образовательного маршрута учителя (типичный пример)

Компетентность	Уровень (%)	Направления деятельности/ Формы работы*	Сроки	Планируемый результат/ форма представления выполненной работы
Предметная	50	Пройти КПК...		Пройдены
				Прослушан
				Выполнено
Методическая	30	Посещение открытых уроков в рамках МО		Материал урока на тему: ... размещен в методическом сообществе
		Участие в сетевых проф. сообществах		
Психолого-педагогическая	70	Пройти диагностику...		
Коммуникативная	95	Провести мастер-класс...		Проведен
		Участие в конференции...		Представлен опыт работы, получен сертификат
Цифровая	30	Пройти КПК...		Пройдены
		Изучение цифровых технологий в рамках темы по самообразованию		
«Гибкие» навыки	40	Участие в мастер-классе по формированию...		

дагога, устанавливает сроки исполнения конкретных форм работы и предполагаемые результаты. Образовательный маршрут, разработанный в рамках ИОМ, представляет собой ежегодный перечень мероприятий по профессиональному развитию, форм курсовой подготовки, рекомендации для участия в проектах, конкурсах на основе выявленных дефицитов. Соотношение формального и неформального образования в ИОМ составляет 50% на 50%.

Основными источниками данных для составления ИОМ являются:

- результаты самооценки;
- результаты участия обучающихся у учителя в массовых оценочных процедурах (ЕГЭ, ОГЭ, итоговое сочинение/собеседование по русскому языку, ВПР, НИКО, PISA for schools);
- оценка компетенций учителей (федеральные оценочные процедуры) (при наличии);
- ведомственная статистика (контекстные данные).

Основная часть ИОМ, включающая перечень предлагаемых мероприятий, представлена в таблице 2.

Результаты повторной диагностики и обсуждение

В декабре 2020 года проведена итоговая самодиагностика учителей русского языка и математики, реализовывавших в этом году ИОМ. В опросе приняли участие 334 педагога. Оценка проводилась по тем же вопросам, что и входная самодиагностика (рис. 3).

По результатам итоговой диагностики, по мнению учителей, освоение ИОМ повысило их навыки по 5 компетентностям: предметной, методической, психолого-педагогической, цифровой и «гибким навыкам». Достоверность сдвига между результатами входной и итоговой диагностики по каждому из упомянутых аспектов профессиональной деятельности статистически значима на уровне не менее 0.05 по F-критерию Фишера. Наибольшая значимость различий наблюдается по психолого-педагогической компетентности, остальные 4 компетенции изменились в одинаковой степени.

Анализируя результаты отдельно по предметам, отметим, что наиболее сформированной у учителей русского языка является предметная

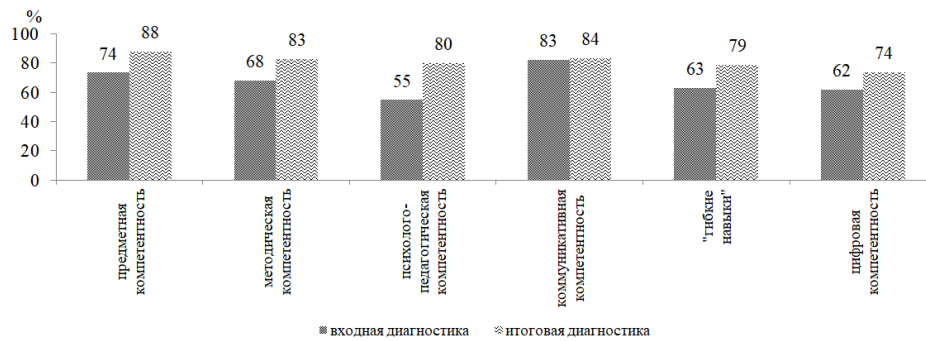

Рис. 3. Результаты входной и итоговой самодиагностики учителей

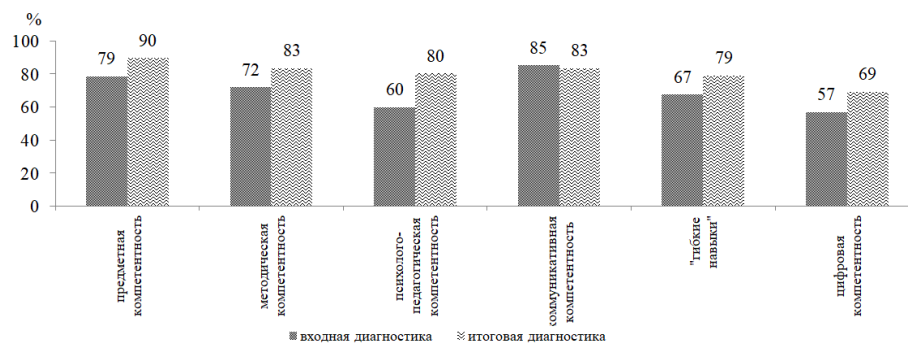

Рис. 4. Результаты входной и итоговой самодиагностики учителей русского языка

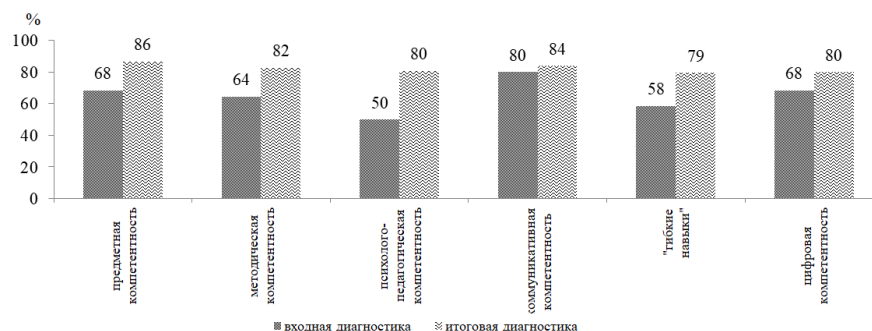

Рис. 5. Результаты входной и итоговой самодиагностики учителей математики

компетентность (90%), далее идут методическая и коммуникативная компетентности (по 83%). Наименьшее значение имеет цифровая компетентность (69%) (рис. 4).

Наибольшая динамика у учителей русского языка наблюдается по психолого-педагогической компетентности (+20%), по предметной, методической, цифровой компетентностям и «гибким навыкам» изменения составили более 10%. Все они носят не случайный характер, достоверность сдвига не менее 0.05 по F-критерию Фишера. Не обнаружена статистическая значимость изменений только по коммуникативной компетентности.

Наиболее сформированной компетентностью у учителей математики по результатам итоговой самодиагностики является также предметная компетентность (86%). Далее идут коммуникативная (84%) и методическая (82%)

компетентности. Менее всего выражены «гибкие навыки» (79%) и цифровая компетентность (80%) (рис. 5).

Однако, несмотря на самую низкую сформированность среди всех компетентностей учителей математики, динамика изменений по «гибким навыкам» составила 21%. Выше только по психолого-педагогической компетентности (30%). Динамика изменений предметной, методической и цифровой компетентностям находится в пределах от 10 до 20%. При этом изменения по всем вышеперечисленным компетентностям являются статистически значимыми. Исключение составляет коммуникативная компетентность, динамика по которой носит случайный характер.

Из сравнения результатов итоговой диагностики между учителями русского языка и математики видно, что традиционные компетенции

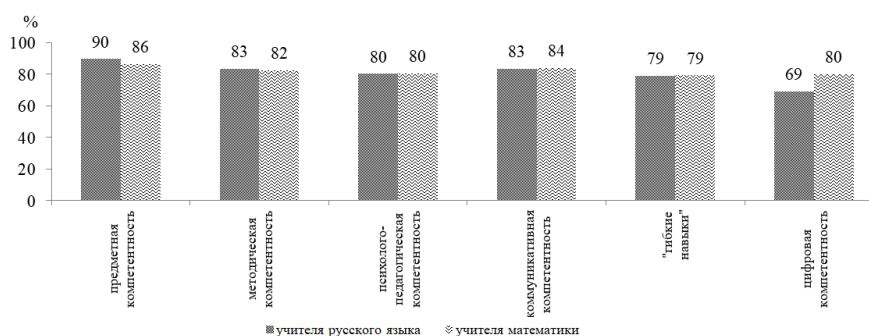

Рис. 6. Результаты итоговой самодиагностики учителей русского языка и математики

Таблица 3

Факторы, оказывающие влияние на уровень предметной компетентности

Наименование фактора	Учитель русского языка	Учитель математики
Преподаваемый предмет	-	-
Тип местности (город/село)	-	-
Численность обучающихся в школе (>100 / <=100)	-	+
Уровень развития методической компетентности	+	+
Уровень развития психолого-педагогической компетентности	+	+
Уровень развития коммуникативной компетентности	+	+
Уровень развития «гибких навыков»	+	+
Уровень развития цифровой компетентности	+	+

+ – наличие статистической связи фактора и предметной компетентности, – отсутствие связи.

(предметная, методическая, психолого-педагогическая и коммуникативная) и «гибкие навыки» по результатам прохождения ИОМ сформированы у 79% и более педагогов. Низкое значение показателя наблюдается по цифровой компетентности, причем только у учителей русского языка (рис. 6).

При этом статистически значимые различия между итоговыми результатами учителей русского языка и математики наблюдаются именно по цифровой компетентности, остальные показатели статистически не различаются.

Также следует отметить, что различий между предметной подготовкой у учителей русского языка и математики, зафиксированных по результатам входной самодиагностики, по итогам прохождения педагогами мероприятий ИОМ не осталось.

В результате исследования было установлено, что в Вологодской области на уровень предметной компетентности учителей школ с низкими результатами обучения не влияют факторы расположения школы (городская она или сельская), а также предмет, преподаваемый педагогом (русский язык или математика). Однако с предметной компетентностью учителей математики статистически достоверно взаимосвязана численность обучающихся в школе. Для преподавателей русского языка количественная наполняемость школы не имеет значения (таблица 3).

Также установлена корреляция между предметной компетентностью и остальными компе-

тентностями. Т.е. чем больше сформированы методическая, психолого-педагогическая, коммуникативная, цифровая компетентности или «гибкие навыки», тем больше выражена и предметная компетентность (и наоборот).

При этом следует отметить, что наибольшая связь предметной компетентности у обеих групп респондентов наблюдается с методической компетентностью, у учителей математики – еще и с психолого-педагогической компетентностью.

Заключение

По итогам прохождения ИОМ в 2020 году 75% учителей считают реализацию ИОМ успешной и эффективной, 22% – не вполне успешной и эффективной и только 3% негативно оценили результаты данного мероприятия.

Результаты исследования показали эффективность реализации разработанных ИОМ в профессиональном развитии учителей русского языка и математики ШНОР Вологодской области. Уровень сформированности практически каждой из изучаемых компетенций увеличился в сравнении с данными входной самодиагностики. При этом по психолого-педагогической компетенции у всех педагогов, а также по «гибким навыкам» у учителей математики процент опрошенных с высоким уровнем развития данных характеристик увеличился на 20% и более.

Результаты самодиагностики показали статистически значимую прямую положитель-

ную взаимосвязь различных профессиональных компетенций учителей русского языка и математики ШНОР Вологодской области. Другими словами, развитие одной компетенции обуславливает качественные изменения другой.

Данные закономерности необходимо учитывать в дальнейшей организации методической поддержки школ с низкими образовательными результатами Вологодской области.

Список литературы

1. Баталова Ю.А. Анализ результатов оценочных процедур как способ совершенствования профессиональных компетенций педагогов // Наука и школа. 2019. № 2. С. 73–79.
2. Гришина И.В. Теоретико-методологические подходы к проектированию модульной программы в персонифицированной системе повышения квалификации руководителей школ // Управление образованием: теория и практика. 2016. № 3 (23). С. 22–37.
3. Каргина З.А. Индивидуализация, персонализация, персонификация – ведущие тренды развития образования в XXI веке: обзор современных научных исследований // Наука и образование: современные тренды. 2015. № 2 (8). С. 172–187.
4. Клевцова М.С. Технология персонифицированного повышения квалификации педагогических работников системы профессионального образования: Дис. ... кандидата педагогических наук. Н. Новгород, 2014. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22347328>.
5. Hargreaves A., Harris A. Performance beyond Expectations. Nottingham: National College for School Leadership. 2011. Режим доступа: <http://www.ai.sri.com/~quam/Public/papers/ILC2005/20050529-Lisp-performance.pdf%5Cn>; <http://dera.ioe.ac.uk/10022/1/download?id=151888&filename=performance-beyond-expectations-full-report.pdf>.
6. Masten A., Herbers J., Cutuli J., Lafavor T. Promoting Competence and Resilience in the School Context // Professional School Counseling. 2008. Vol. 12. № 2. P. 76–84.
7. Agasisti T., Avvisati F., Borgonovi F., Longobardi S. Academic Resilience. OECD Education Working Papers. 2018. № 167. Paris: OECD.

INDIVIDUAL EDUCATIONAL ROUTES AS A MEANS OF PERSONALIZED PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF TEACHERS OF SCHOOLS WITH LOW LEARNING OUTCOMES IN 2020

I.V. Osokin

Vologda Institute of Education Development

The theoretical foundations of the development of individual educational routes of professional development of teachers as a form of personalized professional development of teaching staff are considered. The relevance of this area of work within the framework of the project aimed at improving the quality of education in schools with low learning outcomes and in schools operating in unfavorable conditions is justified. The components of an individual educational route, the main sources for its compilation are listed. The article presents the features and main results of the implementation of individual educational routes for teachers of the Russian language and mathematics of schools with low educational results in the Vologda region in 2020. The results of the implementation of individual educational routes are revealed in the framework of comparing the data of the input and final self-assessment of teachers' professional competencies – subject, methodological, psychological and pedagogical, communicative, digital and possession of "flexible skills". The factors that influence the formation of the subject competencies of teachers of the Russian language and mathematics of schools with low educational results in the Vologda region are also analyzed. The direct correlation of the degree of development of various competencies among themselves is revealed.

Keywords: personalized professional development of teachers, individual educational route, subject competence, methodological competence, psychological and pedagogical competence, communicative competence, digital competence, possession of "flexible skills", factors influencing the level of professional competencies.

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 4 (64)

2021

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 25,6. Усл. печ. л. 22,2. Тираж 100 экз. Заказ № 691.
Дата выхода в свет: 31.03.2022
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет